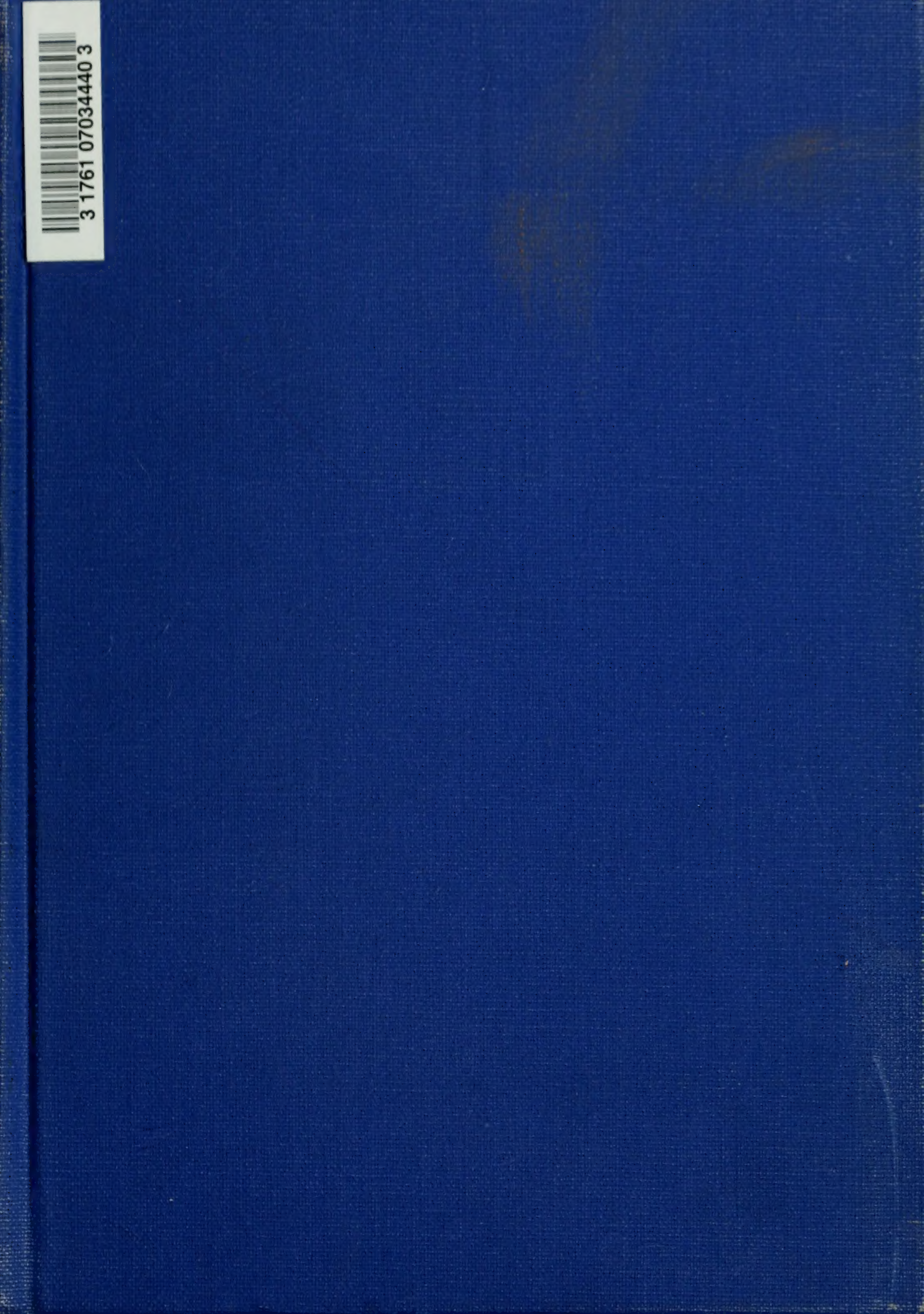
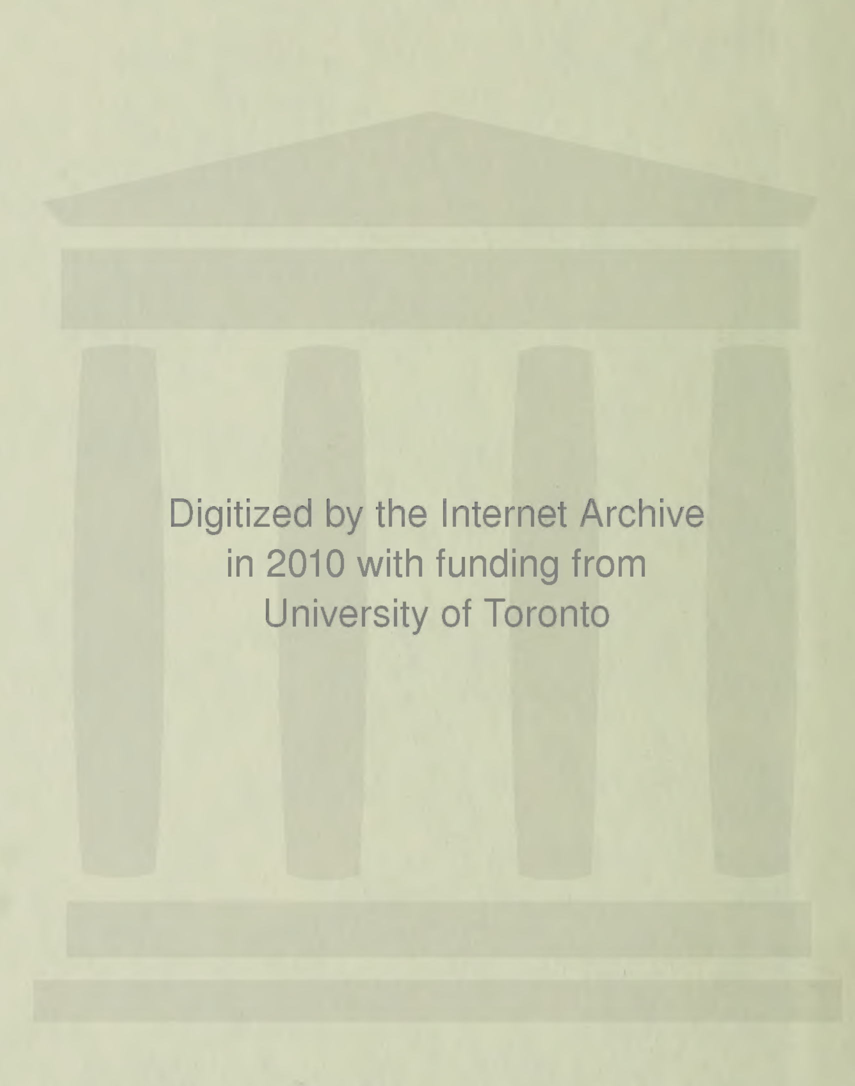
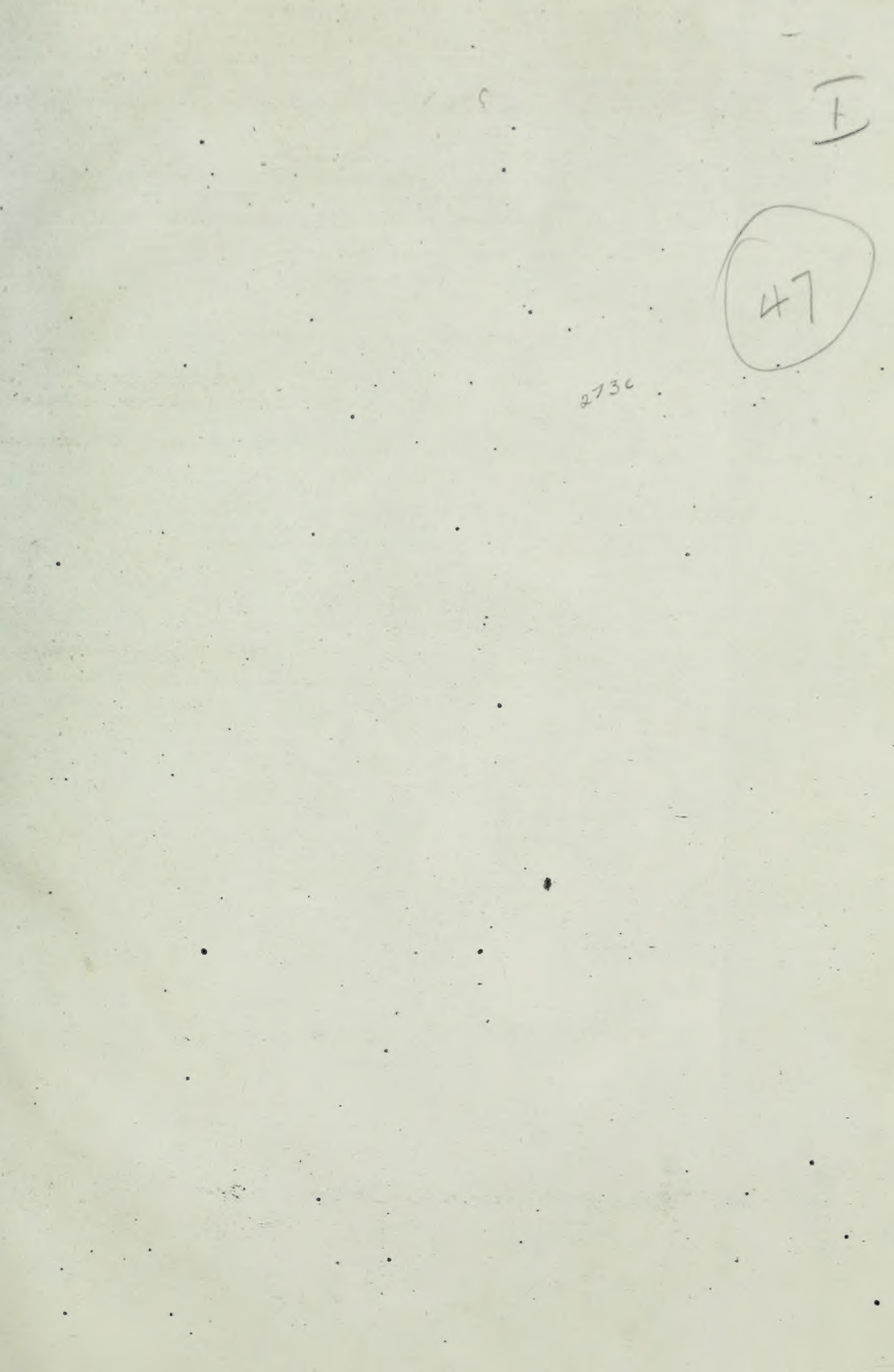

47
273c

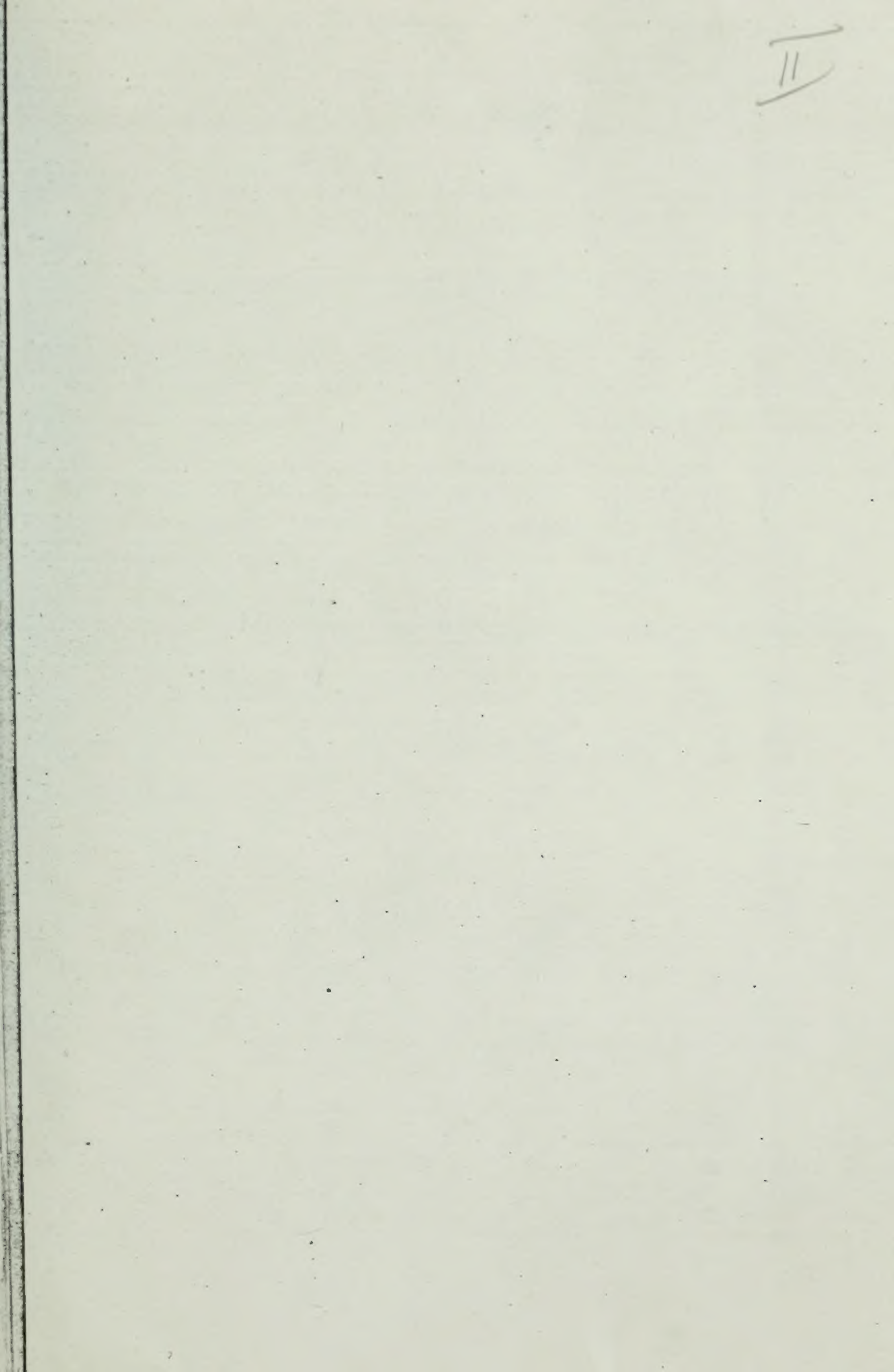
Великій Князь Николай Михаиловичъ

ГРАФЪ
ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
СТРОГАНОВЪ
(1774—1817)

Историческое изслѣдованіе эпохи
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

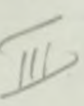
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1903

Графъ

Павелъ Александровичъ

Строгановъ

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ въ эпоху реформъ,
съ портрета Lebrun.
(Изъ коллекціи князя П. П. Голицына въ Марьинѣ).

Графъ

Павелъ Александровичъ

Строгановъ

1859-1919

Великій Князь Николай Михаиловичъ

ГРАФЪ

ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТРОГАНОВЪ

(1774—1817)

Историческое изслѣдованіе эпохи
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1903

Nec timeo, nec spero

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При разработкѣ славной эпохи императора Александра I, личность графа Павла Александровича Строганова, среди разнохарактерныхъ сотрудниковъ государя, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Рядъ счастливыхъ случайностей далъ мнѣ возможность ознакомиться съ нетронутыми еще рукописями частныхъ архивовъ, которыя не только выяснили благородную фигуру графа П. А. Строганова и его отношенія къ другимъ дѣятелямъ того времени, но и ярко оттѣнили особу Благословеннаго Монарха.

Архивы графа С. А. Строганова въ его знаменитомъ домѣ у Полицейскаго моста, въ Петербургѣ, а также бумаги, хранящіяся въ селѣ Марьинѣ, у князя П. П. Голицына, служили мнѣ главнымъ источникомъ

къ ознакомленію съ личностью графа Павла Александровича. Въ этихъ семейныхъ архивахъ сохранился, къ счастію для потомства, рядъ цѣннѣйшихъ писемъ и бумагъ, живо рисующихъ симпатичный образъ интересной личности гр. П. А. Строганова.

Сверхъ того, цѣннымъ матеріаломъ оказались пріобрѣтенныя мною во Франціи бумаги Жильбера Ромма. Часть этихъ бумагъ находилась въ рукахъ наслѣдниковъ покойнаго И. Ир. Куриса и въ Лобановскомъ отдѣлѣ библіотеки Зимняго дворца; тѣ и другія были любезно предоставлены въ мое распоряженіе. Наконецъ, нѣсколько офиціальныхъ документовъ, находящихся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, и въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба были тщательно мною изучены.

Издаваемая мною нынѣ біографія графа П. А. Строганова раздѣлена на пять главъ, заключающихъ въ себѣ отдѣльные періоды жизни и дѣятельности графа:

первая глава посвящена родителямъ графа Строганова и особенно его отцу, графу Александру Сергѣевичу;

вторая -- воспитанію графа и его наставнику Жильберу Ромму;

третья — эпохѣ реформъ;

четвертая — Лондонской миссіи, и

пятая — военной дѣятельности гр. П. А. Строганова.

Обильныя приложенія дадутъ читателю возможность ознакомиться съ цѣлой серіей еще неизданныхъ документовъ.

Я придерживался строго хронологическаго порядка, дающаго полную картину жизни графа, его мнѣній и его сношеній съ современниками. Всѣ записки, бумаги и письма, относящіяся до эпохи реформъ, издаются мною впервые полностью въ приложеніяхъ; онѣ взяты цѣликомъ изъ Строгановскаго архива. Отчетъ о засѣданіяхъ Секретнаго Комитета, изданный съ значительными пропусками въ «Исторіи царствованія Императора Александра I» Богдановичемъ, на русскомъ языкѣ, печатается нынѣ на французскомъ, согласно подлиннику. Къ сожалѣнію, не представлялось возможнымъ издать всѣ письма графа Павла Александровича къ своей супругѣ Софьѣ Владиміровнѣ (всего 490 писемъ, съ 1793 по 1816 гг.); изъ нихъ выбраны только наиболѣе интересныя. То же сдѣлано относительно писемъ князя Адама Чарторыжскаго, Новосильцова, графа Кочубея, графа С. Р. Воронцова и другихъ.

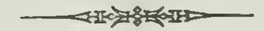
Считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить живѣйшую благодарность графу Сергѣю Александровичу Строганову и князю Павлу Павловичу Голицыну за любезное разрѣшеніе пользоваться ихъ богатыми архивами и за присылку матеріаловъ въ Боржомъ, гдѣ, во

время досуга, я могъ свободно разобраться въ этой массѣ драгоцѣнныхъ бумагъ.

Сердечно благодарю также графа Григорія Сергѣевича Строганова, графиню Наталью Ивановну Ферзенъ, графа Владиміра Николаевича Ламздорфа и Василія Алексѣевича Бильбасова за оказанное ими мнѣ всестороннее содѣйствіе въ этомъ историческомъ изслѣдованіи.

Н. М.

Боржомъ.
5 сентября 1902 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Изъ всѣхъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи родъ Строгановыхъ значительно выдѣляется своими государственными заслугами. Эти славныя ихъ дѣянія отмѣчены въ жалованныхъ грамотахъ, милостивыхъ рескриптахъ, и не должны быть забыты исторіей.

7 іюля 1446 года великій князь Василій Васильевичъ Темный былъ взятъ въ плѣнъ татарами подъ г. Суздалемъ; татары требовали 200.000 руб. выкупа и, въ случаѣ отказа, грозили убить великаго князя; государственная казна была пуста — Строгановы внесли выкупъ, и 1 октября того же года Василій Васильевичъ Темный былъ освобожденъ изъ плѣна.

Въ 1572 году царь Іоаннъ Васильевичъ предоставилъ Строгановымъ выбрать изъ собственнаго ихъ войска «голову добру (предводителя) и съ нимъ казаковъ со всякимъ оружіемъ и ходить войною и воевать измѣнниковъ: черемисъ, остяковъ, вотяковъ, и нагайцевъ» — Строгановы исполнили эту государеву волю и «привели означенные народы подъ высокую Государскую руку».

Въ 1579 году враждебныя племена нападали на русскія земли и грабили селенія и слободы Строгановыхъ; царь Іоаннъ Васильевичъ не могъ оказать имъ защиты — Строгановы призвали съ Волги Ермака Тимоѳеевича съ 80-ю казаками, присоединили къ этой небольшой дружинѣ 2047 человѣкъ изъ собственнаго войска, и Ермакъ, нападая, какъ сказано въ грамотѣ, «не взначь» (нечаянно) и «по одинаку» (порознь на каждое племя), привелъ русскую границу въ совершенную безопасность.

Вслѣдъ затѣмъ Строгановы «умыслили взять Сибирь и привесть ее подъ высокую Государскую руку»: они усилили отрядъ Ермака еще 5000 «ратныхъ людей», снабдили ихъ «деньгами, платьемъ, обувью, оружіемъ, порохомъ, свинцемъ и всякими припасами», отправили водою «на великомъ множествѣ плоскодонныхъ судовъ» и, какъ сказано въ грамотѣ, «тою службою и радѣньемъ и высылкою людей Сибирское государство они взяли, татаръ, остяковъ и вогуличъ подъ высокую Царскую руку привели».

Въ 1616 году Строгановы, «употребивъ къ тому много людей, денегъ и оружія», усмирили казанскихъ татаръ и черемисъ и освободили отъ ихъ осады города Осу и Сарапулъ.

Въ смутное время Строгановы «поморскіе и казанскіе города отъ шатости укрѣпляли, въ Казань и во многія другія мѣста посылали вѣрныхъ своихъ людей, съ увѣщаніемъ стоять за Царя и не вѣрить измѣнникамъ».

Въ Московское разоренье Строгановы пожертвовали въ царскую казну 423.706 руб., да въ смоленскую

службу дали на жалованье ратнымъ людямъ 418.056 руб. 9 алтынъ серебромъ, «и сихъ денегъ обратно изъ казны не взяли, въ томъ прибыли не искали, а служили Государю и Государству вѣрою и правдою».

Въ 1663 году, когда уфимскіе башкиры измѣнили царю, Строгановы съ пермскихъ своихъ вотчинъ поставили и вооружили съ каждыхъ пяти дворовъ по одному человѣку, и рать эта стояла въ Кунгурѣ и на Степановѣ-Городищѣ, защищая край отъ башкиръ многіе годы «безъ всякой отъ Царской казны подмоги».

Въ 1790 году, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, «подражая ревностной любви къ отечеству своихъ предковъ», какъ сказано въ прошеніи, поданномъ имъ императрицѣ Екатеринѣ II, отказывается отъ 10.000.000 десятинъ пожалованной предкамъ его земли— «по собственной и доброй волѣ оставляетъ тѣ мѣста за казенными заводами и государственными селеніями».

Наконецъ, въ наши дни, при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, Строгановы по уставнымъ грамотамъ пожертвовали въ пользу своихъ бывшихъ крѣпостныхъ болѣе 2.300.000 руб. выкупныхъ платежей.

Н. М.

РОДИТЕЛИ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ

(1733—1811)

и

графиня Екатерина Петровна Строганова,

рожденная княжна Трубецкая

(1744—1815).

I.

Жизнь и дѣятельность графа Павла Александровича Строганова во многомъ отражала на себѣ слѣды вліянія его родителей, особенно же отца, который былъ главнымъ руководителемъ воспитанія и образованія своего единственнаго сына.

Баронъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ былъ внукомъ именитаго человѣка, Григорія Димитріевича Строганова, котораго отличалъ Петръ I, пожаловавшій баронскій титулъ, послѣ его кончины въ 1716 г., тремъ сыновьямъ: Александру, Николаю и Сергѣю Григорьевичамъ *). Произошло это въ Казани по случаю празднованія Петромъ Великимъ пятидесятилѣтія своего рожденія, 30 мая 1722 года.

Младшій баронъ, Сергѣй Строгановъ (1707—1756), былъ отцомъ Александра Сергѣевича, отъ брака съ Софьей Кирилловной Нарышкиной († 1737). По до-

---

*) Графскій титулъ Римской имперіи былъ полученъ барономъ Александромъ Сергѣевичемъ въ 1761 году; русскимъ графомъ онъ сталъ при императорѣ Павлѣ I, въ 1798 году.

шедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Сергѣй Григорьевичъ былъ, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Анны первой степени; въ день рожденія великаго князя Павла Петровича, 20 сентября 1754 г., онъ былъ пожалованъ генералъ-лейтенантомъ.

3 января 1733 года у него родился сынъ Александръ, и такъ какъ супруга барона Сергѣя, Софья Кирилловна, скончалась въ 1737 году, то одинъ Сергѣй Григорьевичъ почти исключительно посвятилъ себя своему единственному ребенку.

Имѣя большія связи при дворѣ императрицы Елизаветы, будучи дядей Маріи Николаевны Строгановой, вышедшей замужъ за Мартына Карловича Скавронскаго, баронъ Сергѣй Григорьевичъ состоялъ въ родствѣ съ государыней, которая вовсе не скрывала этого родства. Кромѣ того, Сергѣй Строгановъ состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ семейству Воронцовыхъ, а Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ былъ въ то время вице-канцлеромъ.

Когда сыну его, Александру, минуло 19 лѣтъ, въ 1752 году, баронъ Сергѣй Григорьевичъ рѣшилъ отправить сына за границу, считая, что домашнее воспитаніе не достаточно. Снабженный рекомендательными письмами, при содѣйствіи М. И. Воронцова, Александръ Сергѣевичъ отправился, 24 мая 1752 года, въ чужіе края съ своимъ гувернеромъ, Антуанъ (Antoine), и двумя служителями, Мурахинымъ и Пегеневымъ.

Путешественники отправились черезъ Нарву, Ригу, Данцигъ, и прибыли 5 іюля въ Берлинъ. Здѣсь ихъ

весьма радушно принялъ прусскій генералъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) Кейтъ, губернаторъ Берлина, бывшій хорошій знакомый барона Сергѣя Григорьевича Строганова, когда Кейтъ находился на русской службѣ *). Осмотрѣвъ, при любезномъ посредничествѣ старика Кейта, всѣ достопримѣчательности города — дворецъ, картинную галлерею, кунсткамеру, библіотеку, 26 Іюля путешественники покинули столицу Пруссіи.

Они посѣтили Ганноверъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ **), другъ отца Александра Сергѣевича. Августъ прошелъ въ поѣздкахъ въ Ганау и Франкфуртъ на Майнѣ; 19 сентября они прибыли въ Страсбургъ. Всюду молодой Строгановъ подробно осматривалъ всѣ произведенія искусства того времени, особенно библіотеки, которыми славились Ганноверъ и Страсбургъ.

Наконецъ, къ исходу 1752 года, путешественники достигли Женевы, гдѣ тогда сосредоточивались лучшія силы науки: Неккеръ читалъ физику, Роминъ — естественное право, Жилиберъ — математику и логику и Вернетъ — исторію и географію. Пребываніе въ Женевѣ особенно понравилось А. С. Строганову и несомнѣнно принесло ему большую пользу. Строгановъ ревностно принялся за науки, посѣщая лекціи швейцарскихъ знаменитостей. Особенно заинтересовалъ Александра Сер-

*) Keith, James, 1696—1758, состоялъ въ русской службѣ съ 1720 г. по 1748 годъ. Онъ былъ пожалованъ въ 1730 г. первымъ подполковникомъ л.-гв. Измайловскаго полка; въ 1732 г.—первый военный инспекторъ русской арміи; въ 1737 г. тяжело раненъ подъ Очаковомъ; въ 1740 г. назначенъ гетманомъ Малороссіи.

**) Русскій посланникъ при прусскомъ дворѣ.

гѣевича историкъ Вернетъ, съ которымъ и впослѣдствіи онъ былъ въ сношеніяхъ самыхъ дружественныхъ, и, сорокъ лѣтъ спустя, Вернету суждено было увидѣть сына своего ученика. Женевская жизнь пришлась настолько по вкусу Строганова, что онъ просилъ разрѣшенія у отца своего, Сергѣя Григорьевича, послѣ двухлѣтняго тамъ ученія, продолжить срокъ пребыванія въ этомъ городѣ. Но получивъ въ отвѣтъ категорическій отказъ, Александръ Сергѣевичъ отправился, въ сентябрѣ 1754 г., въ Италію.

Снабженный графомъ М. И. Воронцовымъ рекомендаціями ко всѣмъ многочисленнымъ итальянскимъ владѣтельнымъ особамъ, а равно академикомъ Миллеромъ къ ученымъ лицамъ, Александръ Сергѣевичъ могъ подробно осмотрѣть всѣ сокровища Италіи. Туринъ, Миланъ, Верона, Болонья, Венеція и Римъ были посѣщены въ теченіе зимы 1754 и почти всего 1755 г. Ни одной картинной галлереи, ни одного музея или интереснаго хранилища не было пропущено; на все обращено должное вниманіе и даже сдѣланы многія цѣнныя пріобрѣтенія, какъ, напримѣръ, картина Корреджіо, находящаяся до сихъ поръ въ Строгановской галлереѣ. Такимъ образомъ, основаніе будущихъ драгоцѣнныхъ коллекцій было положено еще въ ту пору, когда Александру Сергѣевичу было всего 22 года отъ роду. Кромѣ того, Строганову представилась возможность завести знакомства съ выдающимися личностями, которыя впослѣдствіи сохранили съ нимъ связи, и многія сдѣлались его пріятелями и гостями при посѣщеніи ими Россіи въ вѣкъ Екатерины — съ графомъ Сегюромъ,

маркизомъ Сакромозо, съ нѣкоторыми кардиналами и даже съ папой Бенедиктомъ XIV *).

Изъ Италіи А. С. Строгановъ направился въ Парижъ, гдѣ провелъ два года, изучая химію, физику, металлургію и посѣщая фабрики и заводы, что ему весьма пригодилось въ будущемъ при управленіи своими обширными пермскими владѣніями.

Между тѣмъ, отецъ его, баронъ Сергѣй Григорьевичъ, окончивъ постройку своего знаменитаго дворца въ Петербургѣ, торопилъ сына возвращеніемъ на родину. Хотя по архивамъ невозможно точно установить года окончанія постройки Строгановскаго дворца, но постройка его должна была происходить въ періодъ 1752—56 гг., одновременно съ сооруженіемъ Шуваловскаго дворца, что̀ нынѣ Пажескій корпусъ, такъ какъ строителемъ обоихъ дворцовъ былъ тотъ же знаменитый архитекторъ графъ Растрелли.

Сергѣй Григорьевичъ, кромѣ нетерпѣнія увидѣть сына послѣ четырехъ лѣтъ разлуки, намѣревался женить его. Выборъ отца остановился на Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой, дочери вице-канцлера, главнымъ образомъ потому, что это было желаніе императрицы Елизаветы Петровны и всего семейства Воронцовыхъ. Нетерпѣніе отца было такъ велико, что онъ прекратилъ высылку денегъ сыну въ Парижъ, надѣясь этой мѣрой ускорить его возвращеніе на родину.

Судьба рѣшила иначе: 30 сентября 1756 года баронъ Сергѣй Григорьевичъ внезапно скончался, вѣ-

*) Папа Бенедиктъ XIV, 1740—1758 (Prosper Lambertini).

роятно, отъ удара. По сохранившимся свѣдѣніямъ и отзывамъ современниковъ, баронъ С. Г. Строгановъ былъ человѣкъ добрый и благонамѣренный, разумно любившій сына, что уже видно изъ его желанія дать ему солидное образованіе. Сергѣй Григорьевичъ любилъ пышность, много принималъ, построилъ знаменитый Строгановскій домъ, положилъ основаніе извѣстной галлереи. Онъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, разсказывая о дѣтствѣ, проведенномъ при дворѣ, говоритъ, что «c'est de cette époque que datent les liaisons que j'ai eues avec le comte A. de Stroganoff».

Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ *) писалъ барону С. Г. Строганову, отъ 2 августа 1752 г., изъ Ганновера: «Въ бытность здѣсь вашего сына, я его какъ королю, такъ и знатнѣйшимъ персонамъ обоего пола представилъ. Мы ежедневно были вмѣстѣ. Вамъ съ особымъ удовольствіемъ сказать могу, что воспитанію его, учтивости и персональнымъ качествамъ всѣ должную похвалу воздали,— сіе вамъ достойную честь дѣлаетъ, что вы своимъ отческимъ попеченіемъ и стараніемъ такъ его возростили. Право, я не нарадовался, слыша отъ него о имѣющихся у него уже въ наукахъ добрыхъ принципіяхъ и здравыхъ разсужденіяхъ. Я о вышеописанномъ вамъ для того такъ распространяюсь, ибо разсуждаю по себѣ и мню, что вамъ, яко доброму

*) Графъ П. Г. Чернышевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, посланникъ при дворѣ датскомъ, прусскомъ, великобританскомъ и французскомъ; р. 25 марта 1712 г., † 20 августа 1773 г.

отцу, индиферентно быть не можетъ, и симъ прошу васъ токмо содержать меня въ старой дружбѣ своей и вѣрить мнѣ, что я всегда съ подобными сентиментами и почтеніемъ имѣю честь быть несомнѣнно».

Тотчасъ по возвращеніи А. С. Строганова въ Петербургъ, императрица Елизавета Петровна и Воронцовы возбудили вопросъ о его женитьбѣ на Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой. Александръ Сергѣевичъ вовсе не противился этому браку. Онъ писалъ, 7 августа 1757 года, дядѣ своему, Николаю Григорьевичу *), жившему въ Москвѣ: «По многомъ разобраніи нынѣшнихъ моихъ обстоятельствъ, я, наконецъ, принялъ намѣреніе сыскать себѣ сходствующую партію и опредѣлить себя закону супружества, въ чемъ и преуспѣлъ. На сихъ дняхъ я помолвился на дочери его сіятельства графа Михаила Иларіоновича, на что и высочайшее Ея Величества соизволеніе послѣдовало; все это и Ея Величеству было угодно. По моему мнѣнію, партія такъ хороша, что лучше и желать нельзя. При томъ я ласкаю себя тѣмъ, что мое избраніе и вамъ можетъ быть угодно».

Извѣстіе о кончинѣ отца Александръ Сергѣевичъ получилъ на обратномъ пути, въ Голландіи, и, находя, что возвращеніе потеряло уже значеніе, ходатайствовалъ, черезъ графа Ивана Ивановича Шувалова, у императрицы Елизаветы о разрѣшеніи остаться еще за границей для окончанія наукъ, но получилъ въ отвѣтъ

*) Баронъ Н. Г. Строгановъ, второй сынъ именитаго человѣка, Григорія Димитріевича Строганова, род. 1706 г., † 1758 г., отецъ Маріи Николаевны, вышедшей замужъ за графа Мартына Карловича Скавронскаго.

приказаніе немедленно вернуться въ Россію и 23 іюля 1757 г. прибылъ въ Петербургъ.

Если я подробно остановился на путешествіяхъ Александра Сергѣевича, то исключительно для того, чтобы будущій вельможа и другъ Екатерины II сталъ понятенъ для читателя. Съ тѣмъ же намѣреніемъ сообщаю нѣкоторые отзывы современниковъ объ А. С. Строгановѣ за этотъ періодъ его жизни:

Баронъ Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ *) писалъ отцу его, Сергѣю Григорьевичу, изъ Венеціи: «При семъ свидѣтельствую, что сынъ вашъ искуснымъ учинилъ себя въ языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ, на которыхъ онъ для меня и толмочитъ. Черезъ него я познакомился со всѣми здѣшними учеными, и нельзя не замѣтить того, что онъ всѣми любимъ, и подлинно онъ того своими поступками довольно заслуживаетъ. Вы не повѣрите, какое для меня удовольствіе доставило свиданіе съ вашимъ сыномъ».

Повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ Ѳ. Д. Бехтѣевъ **) выражается, что «желательно было бы, чтобы всѣ россіяне въ чужихъ краяхъ пріобрѣли столько славы, сколько онъ». Тотъ же Бехтѣевъ, поздравляетъ графа М. И. Воронцова съ замужествомъ его дочери съ графомъ А. С. Строгановымъ, «котораго не можно не любить, какъ скоро кто его знаетъ».

---

*) Оберъ-гофмаршалъ, генералъ-лейтенантъ; род. 1710 г., † 30 декабря 1774 г.

**) Ѳедоръ Димитріевичъ, 1707 — 1761 г., церемоніймейстеръ, учитель великаго князя Павла Петровича.

Обрядъ обрученія состоялся 20 сентября 1757 г., свадьба—18 февраля 1758 г. съ большой торжественностью, въ присутствіи государыни. Женихъ получилъ въ день вѣнчанія званіе дѣйствительнаго камеръ-юнкера. Въ октябрѣ 1760 года Александръ Сергѣевичъ былъ командированъ въ Вѣну, для привѣтствованія австрійскаго двора по случаю бракосочетанія эрцгерцога Іосифа, причемъ Строгановъ получилъ отъ императрицы Маріи Терезіи титулъ графа Римской имперіи *).

Скоро, однако, политическія событія рѣзко повліяли на судьбу молодой четы: 25 декабря 1761 года скончалась императрица Елизавета; на престолъ вступилъ императоръ Петръ III, а шесть мѣсяцевъ спустя онъ уже былъ низвергнутъ, и 28 іюня 1762 года началось царствованіе императрицы Екатерины II. Графъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ всегда пользовался полнымъ довѣріемъ Петра III, и на него, въ качествѣ канцлера, падало все бремя правленія. Новый императоръ былъ влюбленъ въ племянницу графа Елизавету Романовну Воронцову **), двоюродную сестру Анны Михайловны Строгановой. Извѣстно, что Елизавета Романовна стала фавориткой Петра III, и, когда совершался переворотъ, вся семья Воронцовыхъ находилась на сторонѣ императора. Графъ А. С. Строгановъ принадлежалъ, напротивъ того, къ ярымъ приверженцамъ Екатерины. Съ ея воцареніемъ роль графа Михаила Иларіоновича окончилась, несмотря на то, что импе-

---

*) См. Приложенія, № 1.

**) Графиня Е. Р. Воронцова род. 1745 г., впослѣдствіи замужемъ за камергеромъ Полянскимъ, † 2 февраля 1792 г.

ратрица воздавала ему должное и оказывала извѣстное уваженіе.

Съ этого времени начинается рознь въ супружеской жизни А. С. Строганова, скоро перешедшая въ открытую вражду и кончившаяся возвращеніемъ графини Анны Михайловны въ родительскій домъ. Супруги разъѣхались въ ноябрѣ 1764 года. Пять лѣтъ тянулось дѣло о разводѣ. Екатерина II отклонила отъ себя рѣшеніе этого вопроса, предоставляя Строганову обратиться къ суду духовному. Упоминая о намѣреніи Александра Сергѣевича развестись съ своей женой, Семенъ Романовичъ Воронцовъ писалъ своему отцу, графу Роману Illаріоновичу: «Я крайне опасался, зная его легкомысліе, чтобы не перемѣнилъ своего мнѣнія о разводѣ, чѣмъ бы Анна Михайловна на вѣкъ опять несчастной сдѣлалась».

Въ письмахъ канцлера графа Михаила Илларіоновича Воронцова къ его племяннику, графу Александру Романовичу Воронцову за 1764 и 1765 гг. часто упоминается о разводномъ дѣлѣ. Къ одному изъ нихъ приложена копія съ письма императрицы Екатерины II къ графу Михаилу Илларіоновичу и отвѣтное письмо графа*). Въ отвѣтъ на просьбу Воронцова о разводѣ его дочери, императрица Екатерина писала 2 декабря 1765 г. изъ Царскаго Села, что съ подобной же просьбой къ ней обращался и графъ А. С. Строгановъ, но получилъ отказъ. Упоминая о А. С. Строгановѣ, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ въ своей

*) Архивъ князя Воронцова, XXXI, 111—361.

Графиня Анна Михайловна Строганова,
рожденная гр. Воронцова.
(Изъ Строгановской коллекціи).

автобіографіи пишетъ: «Le comte Stroganoff, revenu après ses voyages, épousa ma cousine, fille unique du chancelier; cette union ne fut pas heureuse et ne dura que peu d'années».

Разводное дѣло могло бы надолго еще затянуться, если бы внезапно, 21 февраля 1769 г., не умерла несчастная Анна Михайловна. Жизнь ея была весьма печальна. Политика разстроила ея семейное счастіе. По отзывамъ современниковъ, она была красавица и была любима всѣми ближними за ея кроткій нравъ. Что она была несчастна, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и въ одномъ изъ ея писемъ къ родному дядѣ, графу Роману Иларіоновичу, встрѣчается такая фраза: «Воронцова, бывшая по несчастію Строганова».

На могилѣ ея, въ Александро-Невской лаврѣ, читается слѣдующая надпись: «Въ нѣдрахъ Авраамскихъ почившей графини Анны Михайловны Строгановой, урожденной графини Воронцовой, благонравія, любви и почтенія къ родителямъ наполненной, скончавшейся въ цвѣтущей молодости на 27 году возраста своего скоропостижно, не оставя по себѣ потомства, несчастная мать, вдова графиня Анна Воронцова, неутѣшно оплакивая такую кончину, положила. Лѣта отъ Р. Х. 1769 февраля 21». Памятникъ былъ поставленъ матерью Анны Михайловны, графиней Анной Карловной Воронцовой *), рожденной Скавронской, пережившей свою дочь на шесть лѣтъ. Отецъ графъ Михаилъ Иларіо-

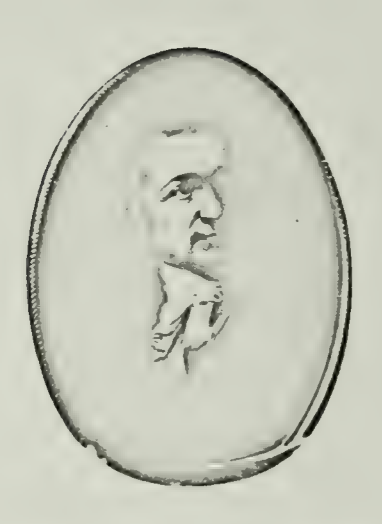
*) А. К. Воронцова, племянница императрицы Екатерины I, оберъ-гофмейстерина, р. 7 декабря 1722 г., † 31 декабря 1775 г.

новичъ Воронцовъ, бывшій канцлеръ, скончался въ Москвѣ двумя годами раньше, 13 февраля 1767 года.

Такимъ образомъ, первый бракъ графа Александра Сергѣевича Строганова окончился весьма скоро и довольно плачевно, но не по винѣ супруга: что Александръ Сергѣевичъ велъ себя въ этомъ случаѣ вполнѣ прилично и достойно, видно изъ того, что онъ сохранилъ впослѣдствіи самыя лучшія отношенія къ Александру и Семену Романовичамъ Воронцовымъ, двоюроднымъ братьямъ его первой супруги, которую оба графа обожали.

Не долго А. С. Строгановъ оставался вдовцемъ. Еще во время дѣла о разводѣ онъ влюбился въ красивую, жизнерадостную княжну Екатерину Петровну Трубецкую. Она была дочь Петра Никитовича Трубецкого и Анастасіи Васильевны, рожденной княжны Хованской. Странно, что въ семейной хроникѣ не сохранилось точнаго года бракосочетанія А. С. Строганова съ кн. Трубецкой. Во всякомъ случаѣ, обрядъ вѣнчанія произошелъ гораздо тише и скромнѣе, чѣмъ первый бракъ при императрицѣ Елизаветѣ. Вполнѣ вѣроятно, что свадьба совершилась въ 1770 или 1771 г., такъ какъ упоминается о рожденіи сына 7 іюня 1772 г., въ Парижѣ, и извѣстно, что была еще дочь Наталья, умершая въ юныхъ годахъ.

Супруги тотчасъ послѣ вѣнчанія отправились за границу, гдѣ пребывали, главнымъ образомъ, въ Парижѣ, до 1779 года. Путешествуя по Европѣ, молодая чета заѣзжала въ Женеву, которую Строгановъ покинулъ въ 1754 году, и въ Швейцаріи провела

Графъ Александръ Сергѣевичъ
Строгановъ.
(Съ миніатюры Строгановской коллекціи).

довольно продолжительное время. Въ Фернеѣ они посѣтили старика Вольтера, который обошелся весьма привѣтливо съ молодыми русскими. Это посѣщеніе произвело настолько глубокое впечатлѣніе на Екатерину Петровну Строганову, что старушкой, живя въ Москвѣ, она любила разсказывать о своемъ знакомствѣ съ Вольтеромъ и о тѣхъ комплиментахъ, которыхъ удостоилъ ее престарѣлый мудрецъ. Дряхлый, больной Вольтеръ рѣдко уже выходилъ на воздухъ, и однажды, послѣ прогулки въ солнечный день, онъ, встрѣтя у порога своего дома графиню Строганову, дышавшую юностью и красотой, привѣтствовалъ ее словами: «Ah, Madame, quel beau jour pour moi — j'ai vu le soleil et Vous».

Главнымъ мѣстомъ своего жительства Строгановы избрали Парижъ, гдѣ въ то время доживалъ свой вѣкъ Людовикъ XV, и начиналось царствованіе его внука Людовика XVI, при полномъ блескѣ Версальскаго двора. Парижъ очень понравился Строгановымъ; тамъ же, въ Парижѣ, родились ихъ дѣти — сынъ и дочь.

Въ Парижѣ жилъ въ то время одинъ изъ сыновей вельможи Петровскаго времени, графа Александра Гавриловича Головкина, Александръ Александровичъ Головкинъ *), который поселился въ Парижѣ, не желая

*) Графъ А. А. Головкинъ, сынъ графа А. Г. Головкина, посланника въ Берлинѣ (1711—27), въ Парижѣ (1727—31), и графини Екатерины, рожденной Дона (Dohna). Онъ жилъ въ Парижѣ и умеръ около 1782 г. въ Пасси; былъ женатъ на баронессѣ Мосгеймъ († 1824), которая вышла послѣ замужъ за герцога Ноайль. Ихъ сынъ былъ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, посланникъ въ Вѣнѣ (1819—22), оберъ-церемоніймейстеръ, оберъ-камергеръ, кавалеръ св. Андрея Первозваннаго (р. 1762, † 1846), женатый на Екатеринѣ Львовнѣ Нарышкиной († 1820). Юрій Александровичъ былъ послѣдній графъ Головкинъ.

возвращаться въ Россію послѣ того, какъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича. Когда французы спрашивали его, отчего онъ не возвращается на родину, этотъ старый чудакъ отвѣчалъ, что онъ только тогда вернется, когда отмѣнятъ слѣдующія двѣ поговорки на Руси: «безъ вины виноватъ», «все Божіе и государево» *).

У этого-то графа Головкина Строгановы часто бывали и встрѣчались у него со всей французской знатью. Воспитателемъ графскаго сына былъ нѣкій французъ Роммъ, который настолько понравился А. С. Строганову, что онъ его пригласилъ позже быть воспитателемъ своего сына.

Въ концѣ 1778 года Строгановы тронулись изъ Парижа въ обратный путь. Казалось, все предвѣщало дальнѣйшее счастіе для молодыхъ; но жизнь въ Петербургѣ готовила новыя разочарованія Александру Сергѣевичу.

Въ 1779 году, при дворѣ Екатерины II пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы нѣкій Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, красивый молодой человѣкъ, любившій музыку, пѣніе и обладавшій хорошимъ голосомъ. Ему было 24 года. Екатерина прозвала Корсакова Пирромъ, царемъ Эпирскимъ, и какъ-то, говоря съ Орловымъ о фаворитѣ, сказала, что онъ поетъ, какъ соловей.—«Это правда», замѣтилъ Орловъ, «но вѣдь соловьи поютъ только до Петрова дня». Тонкое замѣчаніе Орлова оказалось пророческимъ, и величіе Корсакова было лишь мимолетное.

---

*) Je suis coupable, sans avoir péché. Tout est à Dieu et au Souverain.

Графиня Екатерина Петровна Строганова,
рожденн. кн. Трубецкая,
съ оригинала Ламии.
(Изъ Строгановской коллекціи).

Еще въ сентябрѣ 1779 года Корсаковъ *) былъ въ полной силѣ, и Екатерина имъ страшно увлекалась. Но случилась бѣда. Неосторожный фаворитъ влюбился въ только-что вернувшуюся изъ Парижа графиню Екатерину Петровну Строганову. Влюбленные были обнаружены. Императрица сильно изволила прогнѣваться, и Корсакову было повелѣно немедленно удалиться въ Москву. Къ общему удивленію, графиня Екатерина Петровна Строганова послѣдовала въ октябрѣ 1779 г. за Корсаковымъ въ Москву.

Быстро и непріятно лишился графъ Александръ Сергѣевичъ второй жены и 46-ти лѣтъ остался снова одинокимъ, съ малолѣтнимъ сыномъ Павломъ на рукахъ. Къ чести графа Александра Сергѣевича нужно сказать, что онъ велъ себя въ этомъ случаѣ вполнѣ по-рыцарски. Графъ предоставилъ домъ свой въ Москвѣ и подмосковное имѣніе Братцово для жительства покинувшей его супругѣ и всю свою жизнь выдавалъ ей крупное денежное содержаніе.

Графиня Екатерина Петровна провела всю свою жизнь, до самой кончины, въ Москвѣ. Она жила роскошно и въ Москвѣ, и въ Братцовѣ; принимала у себя все высшее московское общество; Корсакова продолжала любить, и когда, при императорѣ Павлѣ, ему велѣно было удалиться въ Саратовъ (въ 1799 г.), послѣдовала за нимъ и туда.

Въ преклонныхъ уже годахъ И. Н. Корсаковъ имѣлъ привычку ѣздить въ Братцово въ каретѣ цугомъ,

*) И. Н. Римскій-Корсаковъ род. 1754 г., † 16 февраля 1831 г., генералъ-маіоръ съ 21 іюня 1778 г.

съ лакеями, съ большой помпою. Онъ пережилъ графиню Екатерину Петровну на много лѣтъ и скончался въ 1831 году. Погребенъ онъ въ Братцовѣ. Надгробная надпись гласитъ: «Господи, упокой душу раба Твоего Іоанна. Здѣсь погребено тѣло генерала маіора, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера, Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова, скончавшагося 1831 г. февраля 16 дня, на 76 году своей жизни. Благодѣтелю незабвенному». Памятникъ былъ воздвигнутъ сыномъ Корсакова и Е. П. Строгановой, Василіемъ Ивановичемъ, который получилъ фамилію Ладомирскаго и къ которому перешло имѣніе Братцово *).

Графиня Екатерина Петровна Строганова скончалась 71 года, 20 ноября 1815 г., и погребена въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ **). До глубокой старости,

---

*) Этотъ Ладомирскій былъ записанъ дворяниномъ Московской губ., послѣ былъ Черниговскимъ предводителемъ дворянства (1838—1847 гг.). Онъ имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей: Зинаиду—за княземъ Д. М. Голицынымъ и Софью—за графомъ А. А. Апраксинымъ. Въ настоящее время Братцово принадлежитъ княгинѣ Софьѣ Александровнѣ Щербатовой, рожденной Апраксиной, внучкѣ Василія Ивановича Ладомирскаго.

**) Н. М. Колмаковъ разсказываетъ, что «въ сороковыхъ годахъ въ Братцовѣ жилъ лѣтомъ съ своей семьей графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, попечитель Московскаго университета; жена его, Наталья Павловна, приходилась внучкой графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ. Въ то время на стѣнѣ одной изъ комнатъ Братцовскаго дома висѣлъ портретъ графа Александра Сергѣевича Строганова, работы Лампи, какъ будто, говоря этимъ, что и онъ когда то былъ здѣсь не чужимъ человѣкомъ; другая стѣна той же комнаты украшена была портретомъ Екатерины II, представленной верхомъ на лошади, помужски, въ бѣлыхъ лосиновыхъ панталонахъ и въ ботфортахъ. Изображеніе ея какъ бы указывало, что и она семейной драмѣ Строгановской фамиліи была также не чужда; а въ сосѣдней комнатѣ стояла и была въ совершенной цѣлости кровать, на которой, 30 лѣтъ назадъ, больная графиня Екатерина Петровна принимала гостей, подъ именемъ графини Строгановой, не принадлежа уже ни душою, ни жизнью къ этой фамиліи. Графъ Сергѣй Гри-

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ съ супругой Екатериной Петровной и дѣтьми, Павломъ и Наталіей.
(Изъ Строгановской коллекціи).

несмотря на параличъ ногъ, сохранила она полную память и любила вспоминать о временахъ Екатерины II.

Вотъ какъ описываетъ ее князь И. М. Долгоруковъ въ «Капищѣ моего сердца»: «Женщина характера высокаго и отмѣнно любезная. Бесѣда ея имѣла что-то особо заманчивое, одарена многими прелестями природы, умна, мила, пріятна. Любила театръ, искусство, поэзію, художество, съ такимъ же огнемъ въ 70 лѣтъ, какъ и въ молодости. Была очень живого характера» *).

Несмотря на жизнь въ Москвѣ, Екатерина Петровна не теряла связи съ Петербургомъ, интересовалась воспитаніемъ сына и была въ перепискѣ съ его воспитателемъ Роммомъ **). Родители тщательно скрывали отъ сына свои порванныя отношенія, о которыхъ онъ узналъ лишь значительно позже.

Перенося семейныя невзгоды съ полнымъ достоинствомъ и самообладаніемъ, графъ А. С. Строгановъ посвятилъ себя воспитанію своего единственнаго сына Павла, котораго обожалъ. Въ это-то время, въ концѣ 1779 г., пріѣхалъ въ Петербургъ Роммъ, который съумѣлъ себя такъ поставить на чужбинѣ, что сталъ другомъ графа Александра Сергѣевича и пріобрѣлъ громадное вліяніе на своего воспитанника.

горьевичъ, живя въ Братцовѣ и смотря на нѣмые памятники прежнихъ событій, припоминалъ всю драму, постигшую его семью. Впрочемъ, намъ извѣстно, что онъ старался выручить портретъ дѣда своей жены покупкой отъ Ладомирскихъ, но, кажется, не успѣлъ». (*Русск. Стар.*, LIII, 600). Интересно было бы знать, гдѣ находится теперь этотъ портретъ графа Александра Сергѣевича, писанный Лампи.

*) *Долгоруковъ*, Капище, изд. 1890, стр. 329.

**) См. Приложенія, III.

Графъ Александръ Сергѣевичъ не переставалъ ѣздить ко двору и съумѣлъ скоро не только выдѣлиться изъ среды своихъ современниковъ, но сдѣлаться однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ Великой Екатерины. Уже въ 1780 году, Герцъ, прусскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, писалъ: «Графъ Строгановъ одинъ изъ тѣхъ, которые, хотя не имѣютъ большого вѣса, но вращаются въ обществѣ императрицы. Онъ теперь говоритъ только о Парижѣ, откуда вернулся прошлою осенью, пробывши тамъ восемь лѣтъ». А. М. Грибовскій упоминаетъ графа А. С. Строганова «въ числѣ всегдашнихъ собесѣдниковъ Екатерины II, и вообще видно, что Строгановъ былъ однимъ изъ приближенныхъ лицъ къ государынѣ». Строгановъ неоднократно сопровождалъ Екатерину II въ ея путешествіяхъ. Онъ былъ съ ней въ Финляндіи и Бѣлоруссіи, ѣздилъ въ Ригу и Крымъ, плавалъ по Волгѣ, участвовалъ и въ другихъ вояжахъ. Имя его постоянно встрѣчается въ дневникѣ Порошина и въ запискахъ княгини Дашковой. Александръ Сергѣевичъ плѣнялъ императрицу разнообразіемъ своего разговора, природной остротой ума и тѣмъ, что никогда не гнулся передъ царедворцами и не любилъ вмѣшиваться въ политику. Екатерина почти постоянно избирала его однимъ изъ своихъ партнеровъ въ модную тогда игру бостонъ. Но Строгановъ, несмотря на такую милость со стороны императрицы, скажу больше, на такую интимность, никогда не участвовалъ въ придворныхъ интригахъ, и главной его заботой всегда было служеніе отечеству на почвѣ благодѣяній и особенно покровительства искусству.

Въ собственноручномъ подлинникѣ, хранящемся въ Строгановскомъ архивѣ, приводится замѣтка Екатерины II «о видахъ добра», написанная ею для графа Александра Сергѣевича, и его возраженіе, въ которомъ разбирается вопросъ о способахъ и видахъ благотворительности. Рѣчь объ этомъ между Екатериной и ея почти ежедневнымъ собесѣдникомъ зашла, вѣроятно, по поводу мартинистовъ и массонскихъ собраній, въ которыхъ участвовалъ графъ Строгановъ. Вотъ мнѣніе, выраженное графомъ: «Какіе бы ни были поводы къ дѣйствіямъ, полезнымъ обществу—хвастливость, личныя выгоды, изувѣрство, слабодушіе или прямая благонамѣренность и чистое чувство добродѣтели, во всякомъ случаѣ добро сдѣлано и остается существеннымъ для того, кому оно сдѣлано».

Согласно съ этимъ, Строгановъ относился къ положенію крестьянъ въ его обширныхъ земляхъ и заводахъ. Въ письмахъ къ управляющему своими пермскими владѣніями Александръ Сергѣевичъ неоднократно напоминалъ, что онъ желаетъ «быть болѣе отцомъ, нежели господиномъ» своихъ крѣпостныхъ. Крестьяне, работавшіе на соляныхъ варницахъ и заводахъ, распускались лѣтомъ по домамъ для посѣва и уборки хлѣба и сѣна; только 500 человѣкъ постоянно находились на варницахъ. Самымъ богатымъ крестьянами въ то время въ Пермской провинціи былъ графъ Александръ Сергѣевичъ, владѣвшій болѣе 18/т. душъ. Въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія, когда была составлена особая комиссія изъ духовныхъ лицъ для приведенія въ извѣстность всѣхъ незаписанныхъ раскольниковъ, заводскіе расколь-

ники нашли себѣ защиту отъ дѣйствій этой комиссіи въ лицѣ своихъ сильныхъ владѣльцевъ графовъ А. С. Строганова и Р. И. Воронцова.

Когда императрица Екатерина II задумала постройку Воспитательнаго дома, однимъ изъ ея главныхъ сотрудниковъ былъ А. С. Строгановъ.

Гостепріимство Строганова было извѣстно всѣмъ и каждому. Его пріемы въ хоромахъ его дома или на Каменно-островской дачѣ остались памятны современникамъ; Екатерина II, Павелъ I и Александръ I неоднократно посѣщали этого вельможу, обѣдая у него или присутствуя на балахъ. Одинъ изъ иностранцевъ, Ипполитъ Оже, говоритъ въ своихъ запискахъ, что «въ нѣкоторыхъ домахъ, напримѣръ, у графа А. С. Строганова, являться въ гостиную не было обязательно; такимъ образомъ, къ нему являлись люди, которыхъ никто не зналъ, и которые приходили только обѣдать» *).

Главною страстью графа Александра Сергѣевича была безспорно его любовь къ искусству и наукамъ. На этомъ поприщѣ графъ явился дѣйствительно покровителемъ всѣхъ русскихъ талантовъ въ области живописи, ваянія и литературы, и никогда не жалѣлъ ни средствъ, ни труда, чтобы прійти имъ на помощь. Его собственная картинная галлерея дошла до полнѣйшаго совершенства; только графъ Безбородко могъ конкурировать съ нимъ со своей коллекціей, хотя она во многомъ уступала Строгановской. И въ наши дни

*) Выдержки изъ «Замѣтокъ» Оже помѣщены въ *Русск. Арх.*, 1877, I и II.

галлерея у Полицейскаго моста, въ Строгановскомъ домѣ, не утратила своей цѣны: школы итальянская, испанская, голландская представлены рядомъ chefs d'œuvre.

Съ 1768 года, т.-е. тотчасъ же по основанiи Академiи Художествъ, графъ А. С. Строгановъ былъ избранъ почетнымъ членомъ ея. Когда, въ 1800 году, онъ былъ назначенъ президентомъ Академiи Художествъ, радость русскихъ художниковъ была безпредѣльна, и дѣйствительно никогда Академiя не была въ такомъ блескѣ, какъ за это время и не заключала столько замѣчательныхъ дарованiй. Всякiй зналъ, что графъ Александръ Сергѣевичъ не только справедливый цѣнитель талантовъ, но другъ и покровитель ихъ. Въ числѣ живописцевъ того времени надо отмѣтить Варнека, Егорова, Иванова, Шебуева, Левицкаго, Боровиковскаго, Кипренскаго, Щукина; изъ скульпторовъ — Мартоса, Гальберга и графа Ѳ. П. Толстого; какъ архитекторъ, выдѣлился бывшiй дворовый человѣкъ графа, Воронихинъ; изъ литераторовъ Державинъ, Гнѣдичъ, Богдановичъ, Крыловъ были своими людьми у графа Строганова, равно какъ и композиторъ Бортнянскiй.

Строгановъ стоялъ во главѣ лицъ, занимавшихся составленiемъ обширнаго и любопытнаго проекта устройства Публичной библiотеки и общества для печатанiя книгъ и переводовъ. Александръ Сергѣевичъ издалъ для сына Павла собранiе рисунковъ, плановъ и картъ областей, городовъ и другихъ интересныхъ памятниковъ, подъ заглавiемъ: «Voyage pittoresque de la Russie».

Державинъ, который долгое время былъ пріятелемъ Строганова, но впослѣдствіи, при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, на почвѣ личнаго самолюбія и введенія реформъ, разошелся съ графомъ, написалъ оду, въ 1791 г., посвященную графу Александру Сергѣевичу и озаглавленную: «Любителю художествъ» *), гдѣ поэтъ восхваляетъ просвѣщенное отношеніе графа Александра Сергѣевича къ наукамъ и искусствамъ. Вотъ строфа изъ этой оды:

«Боги взоръ свой отвращаютъ
Отъ нелюбящаго музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце черство грубый вкусъ,
Жажду злата и сребра;
Врагъ онъ общаго добра!
Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ—
Пусть въ крови вселенна тонетъ,
Былъ бы счастливъ только онъ,

*) Державинъ, изд. Грота, т. I, стр. 362—373. Изъ оды Державина, какъ изъ всякой оды, нельзя, конечно, сдѣлать вывода о лицѣ, которому она посвящена. Въ текстѣ приведены строки, обратившія на себя вниманіе Бѣлинскаго; въ одѣ, сверхъ того, встрѣчаются еще восемь строкъ, намекающихъ на гр. Строганова:

Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ
И къ вѣчной славѣ ихъ ведутъ.
Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ стократно,
Кто покровительствуетъ имъ!
Вознаградятъ его обратно
Онѣ безсмертіемъ своимъ.

Больше бъ собралъ серебра,
Врагъ онъ общаго добра!
Напротивъ того взираютъ
Боги на любимца музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный нѣжный вкусъ.
Всѣмъ душа его щедра:
Другъ онъ общаго добра».

Это стихотвореніе, которое Гротъ упоминаетъ въ числѣ «наиболѣе извѣстныхъ» произведеній Державина, сначала напечатано было въ Московскомъ журналѣ подъ заглавіемъ: «Новый годъ — пѣснь дому, любящему ученіе».

Есть и другая, гдѣ тоже говорится о Строгановѣ:

«Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя;
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,
Хвалю тебя: ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ».

Слава А. С. Строганова, какъ покровителя и знатока искусствъ, распространилась и за предѣлами Россіи. Его имя знали французы, нѣмцы, итальянцы. Да оно и понятно: сколько сокровищъ было скуплено графомъ для своей галлереи въ различныя его стран-

ствованія по Европѣ, когда онъ неутомимо посѣщалъ всѣ заграничныя хранилища художественныхъ произведеній и лично зналъ почти всѣхъ современныхъ ему знаменитостей! И Грёзъ, и Лагренэ, и Канова были ему хорошо извѣстны, а ихъ картины и бюсты украшали его дворецъ въ Петербургѣ. На почвѣ литературы Александръ Сергѣевичъ, какъ мы уже видѣли, тоже дѣятельно слѣдилъ за всѣми дарованіями, поддерживая ихъ, сколько могъ. Есть прямыя указанія, что онъ принималъ также участіе въ массонскихъ ложахъ. Д. Ѳ. Кобеко, указывая на участіе графа А. П. Шувалова въ массонскихъ ложахъ, говоритъ, что «въ Петербургѣ въ началѣ 80-хъ годовъ существовало нѣсколько ложъ, изъ которыхъ одна была подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Строганова». Авторъ высказываетъ предположеніе, что графъ Шуваловъ обратился въ массоны подъ вліяніемъ Строганова, бывшаго дѣятельнымъ участникомъ во французскихъ ложахъ. Въ 1778 г. ложа эта имѣла торжественное собраніе въ память Вольтера подъ вице-предсѣдательствомъ графа А. С. Строганова.

Насколько А. С. Строгановъ былъ цѣнимъ, какъ человѣкъ, не только простыми смертными, но и царствующими особами, видно уже изъ того, что, несмотря на дружбу съ Екатериной II, продолжавшуюся до ея кончины, Александръ Сергѣевичъ сохранилъ расположеніе императора Павла. Изъ всѣхъ довѣренныхъ лицъ своей родительницы, Павелъ I допустилъ одного Строганова въ число приближенныхъ къ себѣ людей. Хотя въ началѣ царствованія онъ и смотрѣлъ на него не-

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.
(Съ миніатюры Строгановской коллекціи).

много недовѣрчиво, но это было лишь мимолетно, и Павелъ сталъ запросто ѣздить къ Александру Сергѣевичу и часто звалъ его къ себѣ обѣдать, что можно видѣть изъ камеръ-фурьерскаго журнала того времени. Павелъ Петровичъ пожаловалъ Строганова кавалеромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго и 21 апрѣля 1798 г. къ титулу графа Римской имперіи прибавилъ титулъ графа Россійской имперіи. Императрица Марія Ѳеодоровна питала къ графу искреннюю дружбу. Она называла его въ своихъ письмахъ mon bon ami или mon bon vieillard и часто прибѣгала къ его совѣтамъ по дѣламъ благотворительности. Племянникъ императрицы, принцъ Евгеній Вюртембергскій, разсказывая о вечернихъ собраніяхъ въ Михайловскомъ дворцѣ, говоритъ, что А. С. Строгановъ (старикъ, сенаторъ), «казалось, былъ любимцемъ монарха — онъ слылъ за остряка и очень умнаго человѣка, а низенькая, сухопарая и скорченная фигура придавала ему видъ настоящаго дипломата».

Ѳ. Я. Мирковичъ, повѣствуя о придворной жизни при императорѣ Павлѣ, упоминаетъ А. С. Строганова «въ числѣ замѣчательныхъ разскащиковъ».

Когда вступилъ, 12 марта 1801 г., на престолъ императоръ Александръ I, графу А. С. Строганову было уже 68 лѣтъ отъ роду; но онъ былъ вполнѣ бодрый и живой старикъ, который не переставалъ интересоваться вопросами дня.

Милость Александра Павловича не покидала старца, и Строганову пріятно было видѣть, что его единственный сынъ, графъ Павелъ, былъ въ числѣ немногихъ лицъ, которымъ юный государь оказывалъ полнѣйшее

довѣріе. Въ это самое время его невѣстка, Софья Владиміровна, рожденная княжна Голицына, пользовалась большимъ расположеніемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, которое она сохранила до конца жизни. Государь и государыня неоднократно посѣщали Строгановскій домъ, и старикъ Александръ Сергѣевичъ съ сыномъ и невѣсткой постоянно приглашались къ обѣденному столу ихъ величествъ *).

Въ 1803 году Александръ Сергѣевичъ участвовалъ въ депутаціи къ государю для объясненія сенатскаго дѣла о срокѣ службы дворянъ. Избраніе его въ депутаты объясняется тѣмъ, что графъ А. С. Строгановъ съ 1784 года былъ петербургскимъ предводителемъ дворянства, должность, которую онъ сохранилъ до своей кончины, неся эту обязанность въ теченіе 27 лѣтъ.

Въ 1806 году онъ былъ въ числѣ депутатовъ, которые торжественно поднесли отъ Сената благодареніе государю по случаю изданнаго манифеста 30 августа **); въ 1807 году Александръ Сергѣевичъ былъ однимъ изъ самыхъ щедрыхъ жертвователей на составленіе милиціи для войны съ Наполеономъ, на что имъ было пожертвовано сорокъ тысячъ рублей. При учрежденіи Государственнаго Совѣта, въ 1810 г., Александръ Сергѣевичъ былъ въ числѣ первыхъ 27 членовъ (считая и министровъ) этого высшаго учрежденія. Все это свидѣтельствуетъ, насколько и въ преклонные годы графъ Строгановъ проявлялъ энергію и живой инте-

*) См. Камеръ-фурьерскій журналъ 1801—1807 гг.

**) 30 августа 1806 года былъ обнародованъ манифестъ о предстоявшей войнѣ съ Франціею (П. С. З., № 22256).

ресъ ко всему, сохраняя при этомъ свои личные, твердые взгляды.

Всего яснѣе это выразилось въ его отношеніяхъ къ Наполеону, дѣятельности котораго Александръ Сергѣевичъ никогда не сочувствовалъ. Онъ долгое время не хотѣлъ даже познакомиться съ французскимъ посланникомъ Коленкуромъ, удалялся отъ всякихъ сношеній съ нимъ и только по приказанію государя Александра Павловича долженъ былъ пригласить Коленкура къ себѣ на балъ. Въ своихъ секретныхъ донесеніяхъ *) Наполеону, Коленкуръ неоднократно упоминаетъ графа Строганова, иногда не безъ досады и не безъ нѣкотораго искаженія даже истины. Такъ, отъ 3/15 февраля 1809 г. Коленкуръ пишетъ: «Depuis son bal et ses excuses à l'Ambassadeur de France, le Comte de Stroganoff a été invité à la Cour d'où il était exilé depuis un an, pour ne pas avoir engagé l'Ambassadeur de France à une soirée où il avait invité celui d'Autriche». Далѣе, отъ 22 апрѣля: «On a beaucoup remarqué que le Comte Stroganoff, l'homme marquant de l'opposition, est venu pour la première fois au dîner donné par l'Ambassadeur de France au comte de Romianzoff». И, наконецъ, отъ 19 августа: «La conversion de l'Empereur d'Autriche a, dit-on, opéré celle du vieux Comte Stroganoff. C'est lui, comme le plus ancien, qui a porté, par ordre de l'Empereur Alexandre, la santé de l'Empereur Napoléon au dîner de l'Ambassadeur de France, et de très bonne

---

*) Nouvelles et on-dit de St-Pétersbourg, 1808—1809. *Archives* Nationales, Paris.

grâce et d'une manière convenable». Все это показываетъ лишь подчиненіе приказаніямъ государя, что вовсе не мѣшало графу оставаться при своихъ убѣжденіяхъ.

Павелъ I поручилъ Александру Сергѣевичу постройку Казанскаго собора въ 1801 году, которой Строгановъ посвятилъ съ полнѣйшимъ рвеніемъ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни, и это сооруженіе было послѣднимъ памятникомъ его художественной дѣятельности *). Въ этой работѣ вполнѣ выразилась русская душа Александра Сергѣевича и его любовь ко всему русскому. Онъ не щадилъ ни силъ, ни здоровья для успѣшнаго веденія этого дѣла, несмотря на старческій возрастъ и физическіе недуги. Только одни русскіе художники были допущены къ постройкѣ Казанскаго собора; мы не встрѣчаемъ здѣсь ни одного иностранца. Главнымъ руководителемъ былъ архитекторъ Воронихинъ, почти самоучка, изъ дворовыхъ людей графа, который впослѣдствіи былъ возведенъ имъ до высшихъ чиновъ и почета; художники Шебуевъ, Боровиковскій, Щукинъ писали образа; барельефы работали Гордѣевъ, Мартосъ и Шубинъ. Графъ Строгановъ не страшился взбираться на лѣса неоконченнаго собора и всюду самъ наблюдалъ за работой, невзирая ни на возрастъ свой, ни на больныя ноги. Въ теченіе десяти лѣтъ соборъ былъ оконченъ и 15 сентября 1811 года освященъ.

Въ этотъ день графу былъ пожалованъ титулъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса. Не-

*) Высочайшія повелѣнія и указы с.-петербургскимъ военнымъ губернаторамъ: «Для постройки Казанскаго собора учредить комиссію, подъ предсѣдательствомъ графа Александра Сергѣевича Строганова».

смотря на дурную погоду, онъ присутствовалъ на освященіи воздвигнутаго его стараніями храма. Александръ Сергѣевичъ подошелъ подъ благословеніе къ митрополиту, сказавъ: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ». Вечеромъ многочисленные друзья графа собрались въ его домѣ, чтобы поздравить его съ окончаніемъ возложенной на него работы и съ монаршей милостью. Весь домъ былъ богато убранъ и иллюминованъ. Александръ Сергѣевичъ привѣтствовалъ гостей, сіяя радостью и счастіемъ, забывъ о всѣхъ своихъ недугахъ. Но на другой день съ нимъ сдѣлался продолжительный обморокъ; простуда оказалась серіозной, особенно въ его лѣта, и 27 сентября, черезъ двѣнадцать дней, онъ скончался.

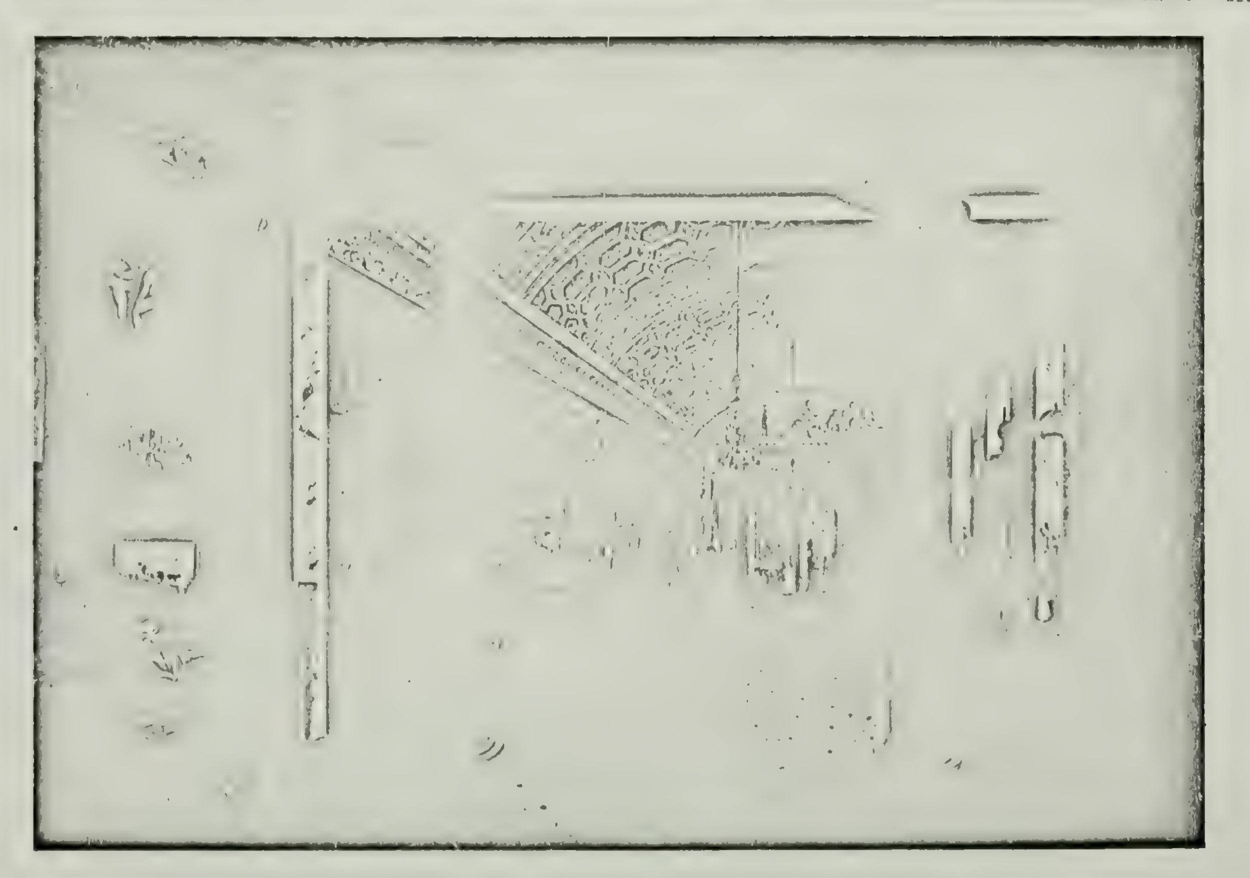
Согласно предсмертному желанію графа, отпѣваніе состоялось въ Казанскомъ же соборѣ, его дѣтищѣ, надъ которымъ онъ столько потрудился. Императоръ Александръ, цесаревичъ Константинъ, императрица Марія Ѳеодоровна присутствовали на похоронахъ его и сопровождали гробъ до Александро-Невской лавры, гдѣ тѣло было предано землѣ.

Всѣ оплакивали его кончину, а особенно тѣ многочисленные художники, литераторы и графскіе крестьяне, для которыхъ Александръ Сергѣевичъ былъ всегда роднымъ отцомъ.

К. Н. Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу (октября 1811 г.), говоря о смерти А. С. Строганова, такъ о немъ выражается: «Былъ русскій вельможа, острякъ, чудакъ, но все это приправлено было рѣдкою вещью: добрымъ сердцемъ; и я объ немъ жалѣю и жалѣю

о тебѣ, ибо ты въ немъ много потерялъ». Графиня В. И. Головкина такъ характеризуетъ Александра Сергѣевича: «Графъ Строгановъ былъ очень любезный человѣкъ и добръ до слабости; онъ страстно любилъ искусство. Весь его характеръ былъ построенъ на энтузіазмѣ и порывахъ; онъ поступалъ иногда дурно, увлекаясь, но никогда не по собственному желанію; всегда ровнымъ настроеніемъ духа и веселостью онъ оживлялъ наше общество. Императоръ Павелъ сдѣлалъ его президентомъ Академіи Художествъ и онъ способствовалъ ея улучшенію. Онъ глубоко любилъ свою родину, не обладая, однако, добродѣтелями, способными сдѣлать его ея опорой». Даже скупой на похвалы Ф. Ф. Вигель въ своихъ запискахъ отзывался объ А. С. Строгановѣ: «Онъ былъ старикъ просвѣщенный, умный и благородный, однако же, вмѣстѣ съ тѣмъ искусный царедворецъ, чтобы ладить со всѣми любимцами царей и пользоваться благосклонностью четырехъ вѣнценосцевъ». Не приводимъ другихъ сужденій современниковъ: всѣ они въ одинъ голосъ отдаютъ должное графу.

Графъ А. С. Строгановъ съ честью послужилъ своей родинѣ, двумъ императрицамъ, Елизаветѣ и Екатеринѣ II, и двумъ императорамъ, Павлу и Александру I. Онъ былъ русскій меценатъ въ полномъ смыслѣ слова, и въ теченіе своей долголѣтней жизни съ великою пользой примѣнилъ въ Россіи всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣлъ въ молодости, неоднократно путешествуя и подолгу живя въ чужихъ краяхъ. Заграничныя его пребыванія настолько принесли графу пользы, а не вреда, что, вернувшись въ Россію, онъ могъ свободно при-

Картинная галлерея графа Александра Сергѣевича Строганова,
съ акварели Воронихина.
(Изъ коллекціи князя П. П. Голицына въ Марьинѣ).

мѣнять свои познанія на русской почвѣ, согласно духу и требованіямъ родного народа.

Весьма замѣчательны тѣ правила и наставленія, которыя графъ преподавалъ своимъ управляющимъ обширными имѣніями Пермской губерніи; сколько было вложено сердца и души въ его отношенія къ писателямъ и особенно художникамъ! Онъ любилъ Россію и всѣми силами старался передать и внушить эту любовь сыну своему Павлу Александровичу. Когда Александръ Сергѣевичъ задумалъ издать книгу, въ назиданіе своего сына, подъ названіемъ «Путешествующій живописецъ», онъ не разъ сказывалъ сыну, что «отечество въ немъ и онъ въ отечествѣ для него равно любезны». Эта любовь къ отечеству проявлялась всюду.

Какъ семьянинъ, графъ А. С. Строгановъ испыталъ большія невзгоды, но всегда оставался благороднымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что особенно ярко сказалось въ его отношеніяхъ ко второй женѣ, графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ; къ сыну же Павлу нѣжныя чувства графа не имѣли предѣловъ и были всегда взаимны *).

Если иные видѣли въ графѣ Александрѣ ловкаго царедворца, то это объясняется свойствомъ его характера, всегда веселаго и привѣтливаго, его умѣньемъ вести интересныя бесѣды, съ природнымъ юморомъ и остротой, причемъ онъ мало обращалъ вниманія на окружавшую среду. Понятно, что такія качества не могли не привлечь къ графу Строганову и Екатерину II, и Александра I, и даже Павла I. А что многіе

*) Эта черта сохранилась и въ другихъ представителяхъ Строгановской семьи, о которыхъ я не имѣю нужды распространяться.

современники завидовали его успѣхамъ, это столь естественно и понятно, что не требуетъ объясненій.

Закончу этотъ краткій очеркъ словами наставленія, оставленнаго графомъ А. С. Строгановымъ сыну Павлу, собственноручный текстъ котораго понынѣ виситъ въ рамкѣ, какъ святыня, въ одной изъ комнатъ Строгановскаго дворца:

*) «Paul, mon cher fils, je te l'ai dit cent fois, le jour, la nuit, en tout temps, en tout lieu, il faut la foi en un seul et vrai Dieu. Il est au ciel, Il est partout, il n'y a rien sans Lui et tout est plein de Lui. Il est grand, Il est bon, je crois en Lui et toi, mon fils, crois-y. De plus sois bon Russe, suis la loi du lieu où tous les tiens sont nés. Que tu sois chef, que tu sois sous un chef, que tu sois à la Cour, que tu n'y sois pas, aie au fond de ton cœur ces mots que j'ai dits tant de fois: sois bon, sois franc et sois bien sûr, mon fils, que quand on ne veut que ce qu'on peut, on peut tout ce qu'on veut. Mon plus grand vœu, mon fils, est que ton but soit le vrai, le grand, le beau».

---

*) Павелъ, сынъ мой милый, я тебѣ повторялъ сто разъ — и днемъ, и ночью, во всякое время и всюду нужна вѣра въ единаго и истиннаго Бога. Онъ на небесахъ, Онъ вездѣ, безъ Него все ничто и все исполнено Имъ. Онъ великъ, Онъ добръ, я вѣрю въ Него, и ты, сынъ мой, вѣрь въ Него. Сверхъ того, будь добрымъ русскимъ, подчиняйся требованіямъ страны, гдѣ родились всѣ твои. Будешь ли ты начальникомъ или подчиненнымъ, будешь ли ты при Дворѣ или не будешь, имѣй въ глубинѣ твоего сердца слѣдующія, многократно тебѣ мною говоренныя, слова: будь добръ, будь прямъ и будь увѣренъ, сынъ мой, что, когда желаешь только того, что достижимо, достигнешь всего, чего пожелаешь. Мое самое большое желаніе, сынъ мой, чтобы цѣль твоей жизни заключалась въ любви къ правдѣ, ко всему возвышенному, ко всему прекрасному.

Письмо графа Александра Сергѣевича Строганова сыну Павлу съ отцовскимъ наставленіемъ, хранящееся донынѣ въ родѣ Строгановыхъ.

Воспитаніе графа Павла Александровича Строганова.

Жильберъ Роммъ

(1750—1795).

II.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ родился въ Парижѣ 7/18 іюня 1774 года*). Онъ былъ ребенкомъ, когда родители его возвратились, въ 1779 году, въ Россію. Пріѣздъ въ Петербургъ француза-воспитателя Ромма совпалъ почти съ отъѣздомъ его матери, графини Екатерины Петровны, въ Москву, куда она послѣдовала за И. Н. Корсаковымъ. Незадолго до того, 1/12 мая того же года, состоялся слѣдующій договоръ, подписанный графомъ А. С. Строгановымъ и врученный Ромму:

«1) Воспитаніе ведено будетъ по плану, напередъ строго обдуманному, составленному и условленному между родителями и г-мъ Роммомъ. Опредѣлятся спо-

*) Надгробная надпись опредѣляетъ 1774 годомъ рожденіе графа П. А. Строганова. Мое личное мнѣніе — что годъ этотъ ошибочный, и что графъ родился въ 1772 году. Заключеніе свое я вывожу изъ писемъ графа къ отцу, Ромму и супругѣ своей Софьѣ Владиміровнѣ, гдѣ ясно указывается, что самъ графъ Павелъ Александровичъ признавалъ 1772 г. годомъ своего рожденія. (См. Приложенія).

собы обученія и преподаванія. При распредѣленіи часовъ занятій, обращено будетъ особенное вниманіе на все то, что способствуетъ образованію характера. Разъ обсудивъ этотъ предметъ, обѣ договаривающіяся стороны не измѣнятъ своего рѣшенія иначе, какъ по взаимному согласію.

«2) Первые три года г-нъ Роммъ будетъ получать по сту французскихъ луидоровъ ежегодно и потомъ по тысячѣ экю до окончанія воспитанія, т.-е. до тѣхъ поръ, когда воспитаннику исполнится 18 лѣтъ.

«3) Вмѣсто пожизненной пенсіи, графъ Строгановъ за себя и за наслѣдниковъ обязуется выплачивать г-ну Ромму черезъ каждые три года по 8 тысячъ французскихъ ливровъ; если же въ этотъ промежутокъ г-нъ Роммъ долженъ будетъ отойти, онъ получитъ изъ этихъ 8 тысячъ соотвѣтствующую прожитому времени сумму.

«4) По окончаніи воспитанія, если г-нъ Роммъ продолжитъ свои заботы и отправится путешествовать со своимъ воспитанникомъ, то обѣ стороны войдутъ между собою въ новое соглашеніе.

«5) Кромѣ одежды, г-нъ Роммъ будетъ жить на полномъ содержаніи графа Строганова. Слуга его воспитанника будетъ ходить и за нимъ.

«6) Г-ну Ромму заплатятъ издержки для возвращенія въ Парижъ, откуда бы ни было и по какому бы ни было поводу».

Педагогу-французу было отведено нѣсколько комнатъ съ библіотекой, съ физическимъ и минералогическимъ кабинетами, и семилѣтній ребенокъ, подъ

прозваніемъ Попо, всецѣло врученъ въ его полное распоряженіе.

Кто же этотъ французъ Роммъ?

Во французской литературѣ имѣется весьма мало свѣдѣній объ этомъ человѣкѣ. Въ 1883 году появилась книга «Un conventionnel du Puy de Dôme-Romme le Montagnard», par Marc de Vissac *), и въ слѣдующемъ, 1884 году, графъ д'Идевилль (Henri d'Ideville) издалъ критическую брошюру на эту книгу подъ тѣмъ же оглавленіемъ: «Romme le Montagnard». Книга есть полнѣйшая и пристрастная апологія члена Конвента; брошюра — столь же пристрастна въ противоположномъ смыслѣ. Истину, вѣроятно, должно искать между этими противоположными сужденіями. Мнѣ удалось пріобрѣсти всѣ бумаги, по которымъ писалъ свою книгу де-Виссакъ, а также документы, купленные у нѣкоего Франсуа Бойе (François Boyer), въ Овернѣ, департамента Пюи-де-Домъ (Puy de Dôme), которые оказались у него, какъ у собирателя всѣхъ документовъ, касающихся великой революціи этого департамента. До меня, покойный князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій купилъ у парижскаго продавца автографовъ Шаравея (Etienne Charavay) 58 писемъ **) Ромма и Строгановыхъ, и, вѣроятно, у того же продавца сдѣлалъ свои пріобрѣтенія, относящіяся до Ромма, Иванъ Ираклієвичъ Курисъ,

---

*) Въ 1887 г. П. И. Бартеневъ помѣстилъ въ январской книжкѣ «Русскаго Архива» довольно подробную выдержку, въ переводѣ, изъ книги Марка-де-Виссака.

**) Эти письма составляютъ нынѣ собственность Лобановскаго отдѣла библіотеки Его Величества въ Зимнемъ дворцѣ.

бывшій херсонскій губернскій предводитель дворянства.

При разборѣ этого вороха бумагъ, при чтеніи различныхъ произведеній и писемъ Ромма, вырисовывается своеобразный обликъ этого скромнаго педагога и яраго анархиста. Нарисовать его личность возможно рельефнѣе—задача не легкая уже и потому, что весьма трудно отнестись къ нему вполнѣ объективно.

Жильберъ Роммъ родился въ 1750 г. въ маленькомъ французскомъ городкѣ Оверни (Auvergne)—Ріомѣ (Riom). Потерявъ рано отца, бывшаго прокуроромъ въ этомъ городѣ, Жильберъ былъ воспитанъ матерью, на рукахъ которой осталось пять дѣтей, и онъ былъ младшій. Изъ этой семьи, старшій братъ, Шарль Роммъ *), былъ довольно извѣстнымъ впослѣдствіи математикомъ и остался преданнымъ наукѣ всю свою жизнь. Объ остальныхъ намъ ничего неизвѣстно. Младшій, Жильберъ, былъ отданъ въ обученіе монахамъ (les oratoriens) въ Ріомѣ. Какъ видно, они съумѣли дать солидное образованіе Жильберу, который, по примѣру старшаго брата, особенно увлекся положительными науками и математикой. 24-лѣтнимъ юношей, онъ, снабженный разными рекомендаціями къ ученому люду, отправился искать счастія въ Парижѣ. Здѣсь ему сразу повезло: онъ нашелъ себѣ уроки у различныхъ иностранцевъ, а математикъ Дюпонъ (Dupont) ввелъ его сперва къ графинѣ Дарвиль (d'Harville), а потомъ

---

*) Charles Romme, 1744—1805; въ 1778 г. онъ былъ избранъ, какъ математикъ, корреспондентомъ Академіи Наукъ.

Gilbert Romme.
(Съ миніатюры князя П. П. Голицына въ Марьинѣ).

къ графу Александру Головкину, которому Роммъ понравился, и онъ сталъ давать уроки ариѳметики графскому сыну. Въ это время Жильберъ Роммъ поражалъ всѣхъ строгостью своихъ нравовъ, большой выдержкой характера и своей страстью къ наукѣ. Все, что ему удавалось заработать, Роммъ посылалъ на поддержку матери и семьи, хлопоталъ объ устройствѣ математической каѳедры въ родномъ городѣ Ріомѣ, надѣясь со временемъ самъ получить ее. Въ концѣ 70-хъ годовъ, у графа Головкина Роммъ познакомился съ графомъ А. С. Строгановымъ и его женой, проживавшими въ то время въ Парижѣ. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ искалъ гувернера для сына, и Роммъ съумѣлъ сразу понравиться русскому барину и обратить на себя его вниманіе. Вѣроятно, они часто видѣлись, и дѣло наладилось быстро, такъ какъ 1 мая 1779 года были уже заключены приведенныя выше условія между Строгановымъ и Роммомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы попасть на каѳедру математики въ Ріомѣ, Жильберъ отправился въ Россію со Строгановыми.

Рѣшиться на такой шагъ, въ тѣ времена, стоило извѣстнаго самоотверженія, и для Ромма въ особенности, такъ какъ, повидимому, все ему улыбалось въ его родной Франціи. Но Роммъ сообразилъ, что пребываніе въ Россіи, у богатыхъ людей, дастъ ему возможность заработать порядочныя деньги, и что знакомство съ дотолѣ почти неизвѣстной страной — Россіею — только можетъ принести пользу его научнымъ задачамъ.

Де-Виссакъ такъ рисуетъ портретъ его: «Ничего особеннаго нельзя было замѣтить во внѣшнемъ обликѣ этого человѣка, который скрывалъ могучую натуру подъ такой скромной оболочкой. Черты лица его не имѣли ничего привлекательнаго. Онъ былъ малъ ростомъ, неуклюжъ, при большой худобѣ рукъ и ногъ; вся его фигура не носила въ себѣ и тѣни изящества. Голосъ былъ глухой, монотонный, безъ всякихъ оттѣнковъ рѣчи. Зато лобъ очень выдавался, какъ бы для того, чтобы мысль глубже въ немъ засѣла. Глаза, прищуренные, помѣщались въ углубленныхъ орбитахъ. Онъ былъ близорукъ; его взглядъ былъ блуждающій, неопредѣленный. Цвѣтъ лица болѣзненно-желтоватый, какъ у человѣка, погруженнаго въ постоянную мозговую работу. Тѣмъ не менѣе, во всемъ обликѣ можно было отмѣтить извѣстное застѣнчивое добродушіе».

Нельзя сказать, чтобы восторженный панегиристъ Ромма далъ привлекательное описаніе его наружности. Тѣмъ не менѣе, внѣшность Ромма нравилась и графинѣ Дарвиль, и графу А. С. Строганову. Съ первой онъ сохранилъ самыя дружественныя отношенія до своей трагической кончины, а съ А. С. Строгановымъ былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ непрерывно въ теченіе 11 лѣтъ. Надо полагать, что нравственныя качества этого человѣка были въ то время столь уравновѣшаны, его бесѣда была настолько пріятна и поучительна, что все остальное Ромму не только прощалось, но, можетъ-быть, признавалось оригинальнымъ пріютить у себя строгихъ правилъ

ученаго, какъ бы онъ былъ и неуклюжъ, и непривѣтливъ.

Роммъ, при своей наблюдательности, хорошо сознавалъ это и съумѣлъ весьма умно и практично воспользоваться своимъ положеніемъ. Можно думать, что, дѣйствительно, въ 1779 году Ж. Роммъ былъ исключительно преданъ наукѣ. Вотъ что онъ писалъ роднымъ о своемъ рѣшеніи уѣхать въ Россію:

«Avant de prononcer le oui définitif», пишетъ онъ, «qui devait m'arracher à la société où j'ai trouvé de vrais amis, qui devait m'interdire tout commerce avec les savants que ma liberté et mon goût me mettaient dans le cas de rechercher, qui devait ajouter une distance immense à la distance où je suis déjà de vous, mes chers parents et amis, qui devait m'ouvrir une carrière longue et laborieuse, semée d'épines, qui devait me faire sacrifier mes vues, mon existence pour celles d'un enfant dont je dois répondre jusqu' au tombeau, j'ai été effrayé et j'ai hésité.

«L'amitié du comte de Golowkin et de M-me d'Harville ont fait cesser mes hésitations.

«C'est en voyageant qu'on apprécie les hommes, et j'ai maintenant un double intérêt à les connaître, puisque j'ai entrepris d'en former un.

«Nous verrons Pétersbourg, la Hollande, la Prusse, l'Angleterre, puis je présenterai à mes bons amis de Riom *un élève digne d'eux, car j'en veux faire un homme. Il sortira tel de mes mains.* Il sera toujours assez tôt grand seigneur, et on aura gagné sur sa vie le temps de son éducation et celui où l'habitude de son enfance aura encore quelque influence sur sa conduite. Si j'étais assez malheureux pour

que mes soins ne me promissent aucun succès, j'y renoncerais de bonne heure, et tous mes engagements seraient rompus. L'infortune est encore préférable au désagrément d'avoir fait un ouvrage mauvais et d'avoir donné à la société un cœur dur, un ignorant farouche ou un seigneur despote et prodigue».

На это посланіе мать Ромма, женщина весьма религіозная и добрая, отвѣчала сыну:

«Je prie le Seigneur pour ta conservation; mets ta confiance en Lui; qu'Il te donne la santé du corps et de l'âme, qu'Il t'accompagne dans tes voyages, et que ton bon ange ne t'abandonne pas. Je Lui demande de te revoir avant que je meure».

Въ письмѣ Ромма замѣчательна его самоувѣренность, доходящая до похвальбы «сдѣлать изъ своего воспитанника (графа Строганова) человѣка, достойнаго его Ріомскихъ друзей», котораго онъ, Роммъ, надѣется имъ со временемъ представить.

«Я хочу изъ него сдѣлать человѣка, и онъ будетъ таковымъ, когда я его выпущу изъ своихъ рукъ». Изъ этой одной фразы, полной самонадѣянности, можно уже заключить, что Роммъ, дѣйствительно, всей душой рѣшился серіозно заняться воспитаніемъ столь довѣрчиво порученнаго ему ребенка.

1 декабря 1779 года Роммъ прибылъ съ своимъ воспитанникомъ въ Петербургъ.

Семилѣтній ребенокъ, родившійся и жившій въ Парижѣ, почти ни слова не говорилъ по-русски. Роммъ рѣшилъ немедленно заняться изученіемъ русскаго языка, одновременно съ своимъ воспитанникомъ, и въ много-

численныхъ рукописяхъ, мною пріобрѣтенныхъ, исписаны цѣлыя страницы переводовъ словъ и цѣлыхъ фразъ съ французскаго на русскій языкъ.

Пріѣздъ Ромма въ Петербургъ совпалъ съ размолвкой Строгановской четы. Мать уѣхала въ Москву, отецъ остался въ Петербургѣ. Надо было, по возможности, скрыть отъ мальчика это положеніе. Тогда Александръ Сергѣевичъ рѣшается на слѣдующее средство:

Съ согласія Ромма и даже, главнымъ образомъ, по его настоянію, признано желательнымъ и полезнымъ для ребенка путешествіе по Россіи. Ребенокъ мало-помалу будетъ знакомиться съ различными бытовыми сторонами жизни; онъ волей-неволей станетъ на практикѣ изучать родной языкъ, а французъ-воспитатель будетъ пріятно путешествовать по незнакомымъ мѣстностямъ Россіи.

Надо отдать справедливость Ромму, — онъ отнесся къ этому дѣлу вполнѣ добросовѣстно. Онъ не только ведетъ подробные дневники своихъ странствованій, но всюду дѣлаетъ помѣтки на русскомъ языкѣ и явно старается превозмочь эту трудность для любого иностранца. У меня находятся такіе дневники *) путешествія изъ Москвы въ Нижній, изъ Нижняго-Новгорода въ Казань, изъ Петербурга въ Выборгъ и на Иматру. Это были первые опыты, видимо, увѣнчавшіеся успѣ-

*) Я владѣю дневниками путешествій Ромма по Россіи, за 1781, 1783 и 1784 гг., также тетрадями съ переводами словъ и фразъ съ французскаго на русскій языкъ, учебными тетрадями графа П. А. Строганова по разбору Библіи и Новаго Завѣта.

хомъ, потому что такихъ путешествій, но уже болѣе отдаленныхъ, было сдѣлано много *).

Первые два года въ Петербургѣ тоже не прошли даромъ для Ромма. Графъ А. С. Строгановъ, какъ извѣстно, много принималъ у себя. Въ пестрой компаніи, обѣдавшей почти ежедневно у графа, Роммъ имѣлъ случай не только видѣть весь цвѣтъ петербургскаго высшаго общества, но и ученый людъ нашей столицы. Говорятъ, онъ особенно оживлялся и терялъ свою обычную угрюмость, когда знакомился съ такими личностями, какъ Палласъ **), Эпинусъ, Фуссъ, графы Григорій и Алексѣй Кирилловичи Разумовскіе, поэтъ Богдановичъ, Эйлеръ, Державинъ и другіе, имъ подобные.

Ромму выпало въ 1781 году великое счастіе быть представленнымъ императрицѣ Екатеринѣ II, которую онъ описалъ слѣдующимъ образомъ въ своихъ замѣткахъ ***): «Je ne puis m'empêcher de dire quelque chose

---

*) Болотовъ разсказываетъ о посѣщеніи его въ Богородицкѣ П. А. Строгановымъ и его гувернеромъ: «П. А. Строганову было тогда 15 лѣтъ», говоритъ Болотовъ и прибавляетъ, что это Строгановъ, «прославившійся послѣ, во время французской войны, военными дѣйствіями и славящійся еще и понынѣ» (IV, 55).

**) Сохранилась переписка Ромма съ Палласомъ, Фуссомъ, Эйлеромъ и съ графами Григоріемъ и Алексѣемъ Кирилловичами Разумовскими.

***) Не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколькихъ словъ о характерѣ и образѣ жизни императрицы. Благоговѣніе и глубокое уваженіе, внушаемое ею лицамъ, имѣющимъ возможность знать ее, ставятъ эту женщину на чреду необыкновенныхъ существъ, которыя, просвѣщая людей, дѣлаютъ ихъ счастливыми и которыя въ своихъ слабостяхъ, этой общей людской принадлежности, стоятъ выше себѣ подобныхъ. Она провела молодость въ отдаленіи отъ свѣта и за это время обучилась всему, чѣмъ развивается и возвышается человѣческій разумъ. Она прекрасно говоритъ и пишетъ по-французски и по-

du caractère et de la manière de vivre de l'Impératrice. La vénération et l'estime profondes qu'elle inspire à ceux qui sont à portée de la connaître, mettent cette femme au rang des êtres extraordinaires et privilégiés qui éclairent les hommes en les rendant heureux et qui sont au-dessus de leurs semblables même par leurs faiblesses, dont aucun n'est exempt. Elle a passé sa jeunesse dans la retraite où elle s'est instruite de tout ce qui peut étendre et agrandir la raison humaine. Elle parle et écrit fort bien le Français et l'Allemand. Elle se sert volontiers d'une de ces langues lorsqu'elle ne peut rendre sa pensée comme elle le voudrait en Russe. Montée sur un trône tant de fois agité par de terribles secousses, elle a su l'affermir par sa douceur, par le tendre intérêt qu'elle montre pour ses sujets. Constante dans ses affections, elle n'abandonne ni un principe d'administration, ni un projet, ni un ami. Chacun garde avec sécurité ses charges et ses emplois, ce qui enlève tout but à l'intrigue. Quoique déjà âgée, elle se lève de très-grand matin, allume son feu elle-même et travaille six heures par jour. Le bonheur de son peuple l'occupe tout

---

нѣмецки, и прибѣгаетъ къ одному изъ этихъ языковъ, когда ей трудно передать свою мысль по-русски. Вступивъ на престолъ, столько разъ испытанный жестокими потрясеніями, она съумѣла утвердить его кротостью и сердечнымъ интересомъ ко всѣмъ нуждамъ своихъ подданныхъ. Она постоянна въ своихъ привязанностяхъ: она не броситъ ни разъ установленнаго порядка въ управленіи, ни задуманнаго проекта, ни друга. Всякій сохраняетъ съ увѣренностью свое мѣсто и свои должности, что дѣлаетъ всякую интригу безцѣльною. Хотя она уже не молода, но встаетъ рано, сама разводитъ огонь и работаетъ по шести часовъ въ сутки. Она всецѣло посвятила себя благу своего народа. Оттого—общее къ ней довѣріе, а вокругъ нея царствуетъ политическій покой, простирающійся до всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ окраинъ обширнаго ея государства. Имя ея наперерывъ благословляется вездѣ.

entière. Aussi a-t-elle inspiré une confiance générale, et le calme politique qui règne autour d'elle s'étend jusqu'aux limites reculées de son vaste empire où l'on bénit son nom à l'envi».

Можно только удивляться такому смѣлому портрету Екатерины и такой безпристрастно могучей характеристикѣ, которую Роммъ писалъ для себя только, въ записной книжкѣ. Де-Виссакъ помѣстилъ ее въ біографіи Ромма, изданной въ 1883 г. въ Клермонъ-Ферранѣ; но эта характеристика Екатерины II заслуживаетъ быть извѣстною всѣмъ тѣмъ, которымъ дорога исторія нашей родины.

Впослѣдствіи, черезъ графа А. С. Строганова, Роммъ поднесъ императрицѣ Екатеринѣ II оригинальную чернильницу *) своего издѣлія, желая этимъ подношеніемъ выразить свое благоговѣніе передъ государыней.

Однимъ изъ любимыхъ пріемовъ Ромма при обученіи своего воспитанника были письма, которыя онъ ему писалъ съ различными замѣчаніями, относительно характера Попо, его поведенія, ошибокъ, увлеченій. Мальчикъ долженъ былъ отвѣчать на эти записки тоже письменно; этимъ Роммъ хотѣлъ достичь бóльшаго вниманія со стороны ребенка къ своимъ требованіямъ. Этотъ пріемъ продолжался почти за все время пребыванія Ромма и, читая эти письма того и другого, можно сдѣ-

*) Крышка чернильницы заводилась. По ней двигались солнце, луна и планеты, обозначались мѣсяцы, дни и часы. Фигурки, искусно сдѣланныя, выдвигались и подавали бумагу, чернила, перья, сургучъ и т. д. Очевидно, Роммъ приложилъ не мало старанія надъ этой работой. Сохранилась ли эта чернильница въ одномъ изъ дворцовъ и понынѣ, мнѣ неизвѣстно.

лать довольно вѣрную картину ихъ отношеній. Писемъ сохранилось много; нѣкоторыя привожу цѣликомъ:

*) «Il importe», писалъ Роммъ ученику своему, «pour votre constitution de faire plus d'exercice à cheval et à pied, de nager, courir, sauter, porter, vous exposer aux intempéries des saisons, continuer la sobriété et la tempérance que vous avez pratiquées jusqu'à présent, et y ajouter dans l'occasion; moins vous couvrir le jour et la nuit, contracter la simplicité de votre coucher et de vos habillements, être moins lent à vous vêtir, résister en un mot à l'inertie qui vous efféмine et dont vous ne triomphez parfois que pour aller tourmenter les domestiques ou tyranniser un chien».

И далѣе: **) «Voilà quinze jours que vous rejetez mes soins, et que vous méprisez assez mon amitié pour

---

*) Вамъ необходимо для вашего организма больше ѣздить верхомъ и ходить пѣшкомъ, плавать, бѣгать, прыгать, носить тяжести, переносить всякія перемѣны погоды, быть воздержаннымъ во всѣхъ вашихъ требованіяхъ и показывать выдержку во всемъ. Не слѣдуетъ вамъ чрезмѣрно кутаться ни днемъ, ни ночью, ложиться спать и вставать съ кровати просто, безъ посторонней помощи, одѣваться быстро и вообще побороть вашу лѣность, которая васъ балуетъ, а когда вы ее и бросаете, то для того только, чтобы надоѣдать вашей прислугѣ или мучить собаку.

**) Вотъ двѣ недѣли, что вы отвергаете мои заботы и что вы настолько презираете мою дружбу, что не спрашиваете моего совѣта на счетъ вашихъ уроковъ и вашего поведенія. На васъ наводятъ скуку, заставляютъ васъ зѣвать и усыпляютъ интересныя и поучительныя занятія, необходимыя каждому человѣку, желающему имѣть положеніе въ обществѣ, а въ особенности тому, кто хочетъ быть военнымъ. Чтенію классиковъ, естественной исторіи, геометріи, изученію вашего родного языка вы предпочитаете хорошій столъ и покой, которые вы покидаете только для того, чтобы безпокоить прислугу или мучить собаку. Вы встаете только въ девять часовъ утра, забывая, неблагодарный сынъ, исполнить вашъ долгъ передъ вашимъ отцомъ; вы стали равнодушны къ тому, что должно было бы быть для васъ самымъ священнымъ,

ne plus me demander conseil sur vos études et votre conduite. Les occupations intéressantes, instructives et nécessaires à tout homme qui veut tenir un rang dans la société, et surtout à celui qui veut courir la carrière des armes, vous ennuient, vous font bâiller et vous endorment. A la lecture des anciens, à l'histoire naturelle, à l'étude de votre propre langue, à la géométrie vous préférez une bonne table, un bon feu que vous ne quittez que pour aller tourmenter les domestiques ou tyranniser un chien. Vous ne quittez plus le lit qu'à neuf heures du matin, oubliant, fils ingrat, les devoirs que vous avez à remplir auprès de monsieur votre père; ce qui devrait être la chose la plus sacrée pour vous devient la plus indifférente, ce qui devrait vous occuper tous les instants du jour, ne vous occupe pas un seul.

Ainsi en perdant mes soins, pour vous livrer à vous-même, vous voilà tombé dans l'ignorance, la gourmandise,

---

и то, что должно было бы васъ занимать весь день не занимаеть васъ ни одной минуты. Итакъ, отказываясь отъ моихъ заботъ, чтобы стать самостоятельнымъ, вы впали въ невѣжество, обжорство, лѣность, неучтивость и въ самую возмутительную неблагодарность. Несчастный! если это будетъ продолжаться, вы сдѣлаетесь самымъ презрѣннымъ и противнымъ существомъ. Мое присутствіе васъ оскорбляетъ; весьма часто вы не можете выдерживать взгляда честнаго человѣка, который, однако же, страдаетъ изъ-за вашихъ проступковъ, а въ особенности изъ-за вашего равнодушія ко всему хорошему и честному. Я постоянно жду момента, когда вы сознаете ваше заблужденіе. Я жду момента раскаянія; но, сердце черствое и холодное, когда же оно образумится? Что изъ васъ будетъ? Когда же вы серіозно начнете заниматься? Предоставляю вамъ выборъ между хорошимъ столомъ, мягкою постелью и презрѣніемъ общества и всѣхъ честныхъ людей. Ведите себя воздержаннѣе, и вы получите расположеніе уважаемыхъ людей.

Больше ничего не имѣю сказать вамъ. Моя дружба будетъ въ зависимости отъ вашего отвѣта, который я васъ прошу сдѣлать письменно, дабы вы имѣли время подумать объ немъ.

la paresse, la malhonnêteté et l'ingratitude la plus révoltante. Eh, malheureux, si vous continuez, vous allez devenir l'être le plus méprisable, le plus dégoûtant. Ma présence vous offense souvent, vous ne pouvez plus soutenir le regard d'un homme de bien qui souffre cependant de vos fautes et surtout de votre insouciance pour tout ce qui est bon et honnête. J'attends constamment auprès de vous l'instant où vous reconnaîtrez votre erreur. J'attends l'instant du repentir, mais, cœur froid et dur, quels sont donc vos projets? Que prétendez-vous faire, que prétendez-vous devenir? Choisissez entre une bonne table et un bon lit, avec le mépris de la société et de tous les honnêtes gens, ou une conduite plus réglée et l'accueil de tous les gens estimables.

Je ne vous en dis pas davantage, mon amitié se décidera sur votre réponse que je vous prie de me faire par écrit, afin que vous ayez le temps d'y réfléchir».

Наконецъ, вотъ еще одно посланіе: «C'est aujourd'hui que la journée devait commencer et finir par le plaisir, c'est aujourd'hui qu'après avoir reçu un morceau d'histoire naturelle, j'aurais eu la satisfaction de vous traiter en homme sensé, en ami vrai et empressé. J'aurais prévenu en tout vos désirs: pêche, promenade, jeux, expériences, conversations agréables et intéressantes, accueil des honnêtes gens, tout vous aurait annoncé la joie et le contentement de tous ceux qui vous entourent et qui n'ont d'autres désirs que de vous voir dans la classe des hommes estimables et marchant sur les traces de votre bon papa; avec quelle joie n'aurait-il pas appris qu'il avait un fils digne de ses bontés, quelle satisfaction pour ce père tendre et quel soulagement dans son voyage que d'apprendre tout

cela, mais ce père respectable est trompé, votre humeur et votre emportement d'hier vous ont fait perdre tout le fruit des travaux de la semaine, ce jour-ci est pour vous un jour de mépris, de tristesse et d'ennui, je ne suis plus votre ami, monsieur, vivez seul et n'attendez de moi ni conversation, ni jeux, ni plaisirs. Et si votre étourderie vous laisse encore quelques instants de raison, pleurez sur vos fautes, et ne paraissez pas devant moi. J'ai besoin d'être éloigné de vous pour dissiper la douleur que j'ai de ne pas trouver en vous l'ami que je cherche et duquel je faisais dépendre le bonheur de ma vie.

Vous avez la liberté de vous occuper, mais n'espérez pas que je vous avertisse aujourd'hui de ce que vous devez faire. A deux heures vous me rendrez compte de votre conduite du matin. Je verrai alors ce que je dois vous prescrire pour le reste de la journée» *).

---

*) Сей день долженъ бы былъ начаться и кончиться удовольствіемъ— сегодня, получивъ отрывокъ вашей работы по естественной исторіи, я могъ бы имѣть удовлетвореніе обращаться съ вами, какъ съ человѣкомъ разумнымъ, какъ съ истиннымъ и услужливымъ другомъ. Я во всемъ предупреждалъ бы ваши желанія: рыбная ловля, прогулки, игры, опыты, интересные и пріятные разговоры, пріемъ честныхъ людей, все это дало бы вамъ знать о радости и удовольствіи всѣхъ окружающихъ, у которыхъ нѣтъ другихъ желаній, какъ видѣть васъ въ числѣ почитаемыхъ людей и идущимъ по стопамъ вашего добраго отца. Съ какою бы радостью узналъ онъ, что его сынъ достоинъ его доброты, какое удовольствіе для этого нѣжнаго отца и какое облегченіе въ его путешествіи узнать обо всемъ этомъ. Но этотъ уважаемый отецъ обманутъ; ваше вчерашнее настроеніе и ваша вспыльчивость уничтожили всю пользу вашей работы за недѣлю; день этотъ для васъ — день презрѣнія, печали и скуки. Я больше не вашъ другъ, милостивый государь, живите одинъ и не ждите отъ меня ни разговоровъ, ни игръ, ни удовольствій. И если ваша вѣтренность оставляетъ вамъ еще разумъ на нѣсколько минутъ, то плачьте надъ вашими проступками и не показывайтесь мнѣ на глаза. Мнѣ нужно быть вдали отъ васъ, дабы разсѣять грусть, что я не нашелъ въ васъ друга,

Въ то время, какъ отношенія Ромма къ отцу графу Строганову только улучшались, съ графиней Екатериной Петровной, жившей въ Москвѣ, французъ вступалъ въ частыя столкновенія. Графиня относилась къ Ромму не столь дружелюбно и часто имѣла довольно естественное желаніе тоже видѣть своего ребенка, предъявляя свои требованія, на которыя Роммъ не соглашался и писалъ ей на эту тему подчасъ даже рѣзко. Привожу одно изъ этихъ писемъ:

*) « Si j'étais chez vous, simple particulier, libre de toutes fonctions, les contestations qui s'élèveraient entre nous seraient pour moi autant de ridicules, autant de torts qui me rendraient indigne de vos bontés... Mais oublierez-vous que vous m'avez confié le dépôt le plus sacré que vous ayez au monde... Je dévorerai les distractions, les injustices, les caprices, mais jamais les bassesses et les humiliations... Mon devoir seul me fera accompagner votre fils dans la société.

котораго я ищу и отъ котораго я ставилъ въ зависимость счастье моей жизни. Вы свободны заниматься, но не надѣйтесь, что я вамъ скажу сегодня что̀ вы должны дѣлать. Въ два часа вы мнѣ дадите отчетъ въ вашемъ утреннемъ поведеніи. Я тогда увижу, какъ вамъ располагать остальнымъ временемъ.

*) Если бы я былъ у васъ въ домѣ частнымъ человѣкомъ, свободнымъ отъ какихъ-либо обязанностей, недоразумѣнія, возникающія между нами, были бы смѣшны для меня, и я не могъ бы болѣе разсчитывать на ваше снисхожденіе... Но вы забываете, что вы мнѣ ввѣрили самое дорогое, что у васъ есть на свѣтѣ. Я снесу невнимательность, причуды, несправедливость, но униженіе и низость — никогда. Только по долгу я сопутствую вашему сыну, когда онъ появляется въ обществѣ. Мнѣ слишкомъ чувствительны недовѣріе и полупрезрѣніе, которыя оказываются въ здѣшней странѣ гувернерамъ, и я всячески стараюсь, какъ можно рѣже безпокоить своимъ присутствіемъ тѣхъ особъ у васъ въ домѣ, которымъ претитъ дышать однимъ воздухомъ съ *учителемъ*. По собственному опыту, я сердечно сожалѣю добрыхъ людей, принужденныхъ находиться здѣсь въ одинаковомъ со мною положеніи.

Le discrédit et l'espèce de déshonneur dont sont couverts les gouverneurs dans ce pays-ci, alarment trop ma délicatesse pour que je n'aie pas la plus grande attention de n'inquiéter que le moins possible, par ma présence, ceux de votre société qui auraient de la répugnance à respirer le même air qu'un *outchitel*. C'est déjà d'après ma propre expérience que je plains de tout mon cœur les êtres sensibles qui sont réduits à courir ici la même carrière que moi».

Эти строки дышатъ гнѣвомъ и оскорбленнымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Роммъ умѣлъ поставить на своемъ, имѣя неограниченную поддержку отца, и графиня оставалась всегда побѣжденной.

Путешествія по Россіи съ 1781 по 1786 годъ, а затѣмъ пребываніе Ромма съ воспитанникомъ въ Швейцаріи и Франціи (1787—1790 гг.) служили явнымъ доказательствомъ успѣховъ гувернера, и ему не приходилось вращаться въ нелюбимой имъ сферѣ, гдѣ такъ непочтительно относились къ французу-учителю.

Иногда Ромму случалось и поскучать на чужбинѣ; его брала тоска по родинѣ, по роднымъ. Его стоицизмъ не устоялъ при встрѣчѣ съ нѣкой M-lle Daudet (demoiselle de compagnie графини Строгановой), которую онъ видалъ въ Братцовѣ и въ Москвѣ, при посѣщеніяхъ графини Екатерины Петровны. Роммъ скоро поборолъ, однако, эту нарождавшуюся любовь и еще съ бо́льшимъ рвеніемъ предался научнымъ изслѣдованіямъ.

Ему удалось устроить судьбу одного изъ своихъ ровернскихъ друзей, де-Мишеля, котораго А. С. Строгановъ взялъ въ библіотекари, а позднѣе опредѣлилъ гувернеромъ къ племяннику барону Григорію Алексан-

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ мальчикомъ.

(Съ миніатюры, принадлежавшей Ромму, нынѣ составляющей собственность великаго князя Николая Михаиловича).

дровичу Строганову. Де-Мишель прямо боготворилъ Ромма и былъ ему искренно преданъ и благодаренъ впослѣдствіи. Жильберъ ему писалъ: «Venez vivre avec moi, venez partager mon bien-être, venez charmer ma solitude où la mélancolie et des perplexités toujours renaissantes empoisonnent le cours de ma vie. Votre présence me soulagera. Confiez-vous à moi. J'attache votre sort au mien. M. le Comte m'autorise à vous dire que votre avenir est assuré». Де-Мишель прибылъ въ Строгановскій домъ и былъ принятъ прекрасно.

Съ 1784 года мать Ромма усиленно начинаетъ просить сына пріѣхать ее повидать; она жаловалась на свои недуги и умоляла Жильбера доставить ей удовольствіе еще разъ обнять его. Роммъ долго крѣпился, но въ слѣдующемъ 1785 году просилъ разрѣшенія у графа Александра Сергѣевича поѣхать съ Попо за границу. Графъ отказалъ, подъ предлогомъ, что императрица противится дать свое согласіе на эту поѣздку. Роммъ обидѣлся. Произошла размолвка, тѣмъ болѣе, что барону Григорію Александровичу Строганову и де-Мишелю были выданы заграничные паспорты. Тогда Роммъ, въ своей досадѣ, переѣхалъ къ графу де-Сегюру *), гдѣ находился при посольствѣ его пріятель де-ла-Колиньеръ (chevalier de la Colinière). Размолвка угрожала затя-

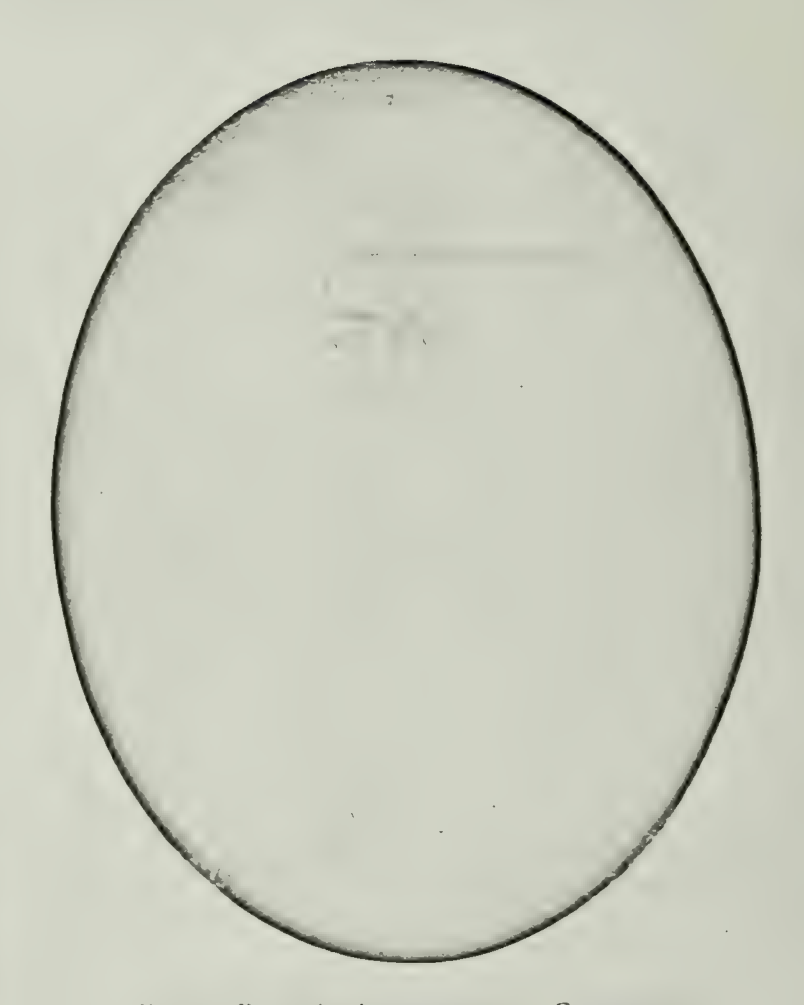
*) Графъ Луи Филиппъ де-Сегюръ, род. 1753 г., † 1830 г., былъ французскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины II съ 1783 г. по 1789 г.; не разъ сопровождалъ государыню въ путешествіяхъ; состоялъ членомъ французской академіи; авторъ «Mémoires ou souvenirs et anecdotes», 3 v. Paris, 1825. Его сынъ тоже оставилъ интересные мемуары о наполеоновской эпохѣ и исторію кампаніи 1812 года.

нуться, но А. С. Строгановъ обратился къ содѣйствію Сегюра и де-ла-Колиньера, и имъ удалось уговорить упрямаго француза остаться еще на годъ, съ тѣмъ, чтобы совершить большое путешествіе по Малороссіи и въ Крыму. Роммъ согласился.

Въ мартѣ 1786 г. Роммъ отправился съ своимъ питомцемъ въ послѣднее путешествіе по Россіи. Они посѣтили Кіевъ, который подробно осмотрѣли; оттуда поѣхали въ Малороссію, останавливались въ Херсонѣ, Азовѣ, Перекопѣ, и въ Крыму заѣзжали въ Ѳеодосію, Балаклаву и Севастополь. Изъ Крыма направились на Очаковъ до самаго Дуная. Хотѣли проѣхать на Кавказъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Ромма полковнику Тамарѣ, жившему въ Моздокѣ, но за неимѣніемъ времени оставили это намѣреніе. Роммъ давно мечталъ увидѣть чудную Тавриду, такъ какъ давно работалъ надъ переводомъ книжки de Hablits «Description de la Tauride ou petite Tartarie». Къ сожалѣнію, этотъ переводъ, гдѣ Роммъ многое добавилъ и исправилъ, никогда не былъ напечатанъ, несмотря на лестные отзывы гр. Сегюра и графа А. С. Строганова *). Знаменитый Палласъ тоже участвовалъ въ этой работѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, молодой графъ Павелъ Александровичъ, съ рожденія числившійся въ спискахъ Конной Гвардіи корнетомъ, былъ переведенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ, съ зачисленіемъ адъютантомъ къ князю Потемкину. Это дало ему воз-

*) См. Приложенія.

Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ
17 лѣтъ.
(Изъ Строгановской коллекціи).

можность получить разрѣшеніе уѣхать за границу для окончанія своего образованія *).

Роммъ торжествовалъ. Еще до этого, на сбереженія отъ крупнаго содержанія, ему удалось купить небольшой клочекъ земли въ Оверни, который онъ передалъ своей матери. Онъ ей писалъ:

«Je prie ma bonne mère d'en prendre possession et d'en jouir comme de son bien propre. Je souhaite qu'elle retrouve dans la maison de ses pères le repos que je désire y trouver un jour pour moi-même. Et si elle s'y plait, c'est à vous, mes amis, que j'en serai redevable, car c'est à vos soins que je la remets. Mon vœu est qu'autour de ma mère respire l'aisance, le contentement et la sérénité de l'innocence. Que je sois instruit de son bonheur et que j'aie la permission d'y contribuer.

«Pour moi, mère chérie, je vous porte dans mon cœur et j'aime tous ceux qui vous aiment. Vous savez que vous pouvez disposer de tout ce qui m'appartient, excepté de mon temps dont je ne suis plus le maître».

Поѣздка на родину, о которой мечталъ Роммъ, должна была совершиться одновременно съ де-Мишелемъ, который былъ гувернеромъ у барона Григорія Александровича Строганова.

Оба юноши, графъ Павелъ и баронъ Григорій **), изъ которыхъ второй на нѣсколько лѣтъ былъ старше, ихъ гувернеры, Роммъ и де-Мишель, шевалье де-ла-Ко-

---

*) См. Приложенія.

**) Баронъ, позже графъ Г. А. Строгановъ, р. 1769 г., † 1857 г.; посланникъ въ Испаніи и Константинополѣ, оберъ-камергеръ; съ 1827 г. членъ Государственнаго Совѣта, Андреевскій кавалеръ.

линьеръ и Воронихинъ (постоянный ихъ спутникъ и въ путешествіяхъ по Россіи) отправились въ 1787 году во Францію.

Они прибыли въ Ріомъ (въ Овернѣ) въ первыхъ числахъ сентября. Попо было 15 лѣтъ; онъ былъ весьма красивой наружности, очень живой, отзывчивый, словомъ, имъ можно было похвастать, несмотря на строгія письма воспитателя, и Роммъ, конечно, былъ въ восторгѣ, послѣ восьми лѣтъ отсутствія, представить своимъ овернскимъ друзьямъ сына своего богатаго благодѣтеля. Насладившись всѣми прелестями Оверни, гдѣ Роммъ могъ, наконецъ, обнять свою старушку-мать (портретъ которой написалъ Воронихинъ *) въ Ріомѣ), вся странствующая компанія направилась въ Швейцарію.

Они прибыли въ Женеву въ ноябрѣ того же года. Здѣсь ихъ встрѣтилъ натуралистъ Соссюръ, который былъ хорошо знакомъ съ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ въ бытность его въ Парижѣ и принялъ сына съ распростертыми объятіями. Старикъ пасторъ Вернетъ, знавшій еще отца въ бытность его въ Швейцаріи, весьма обрадовался пріѣзду сына и племянника графа Александра Сергѣевича Строганова. Словомъ, весь тогдашній ученый міръ Женевы встрѣтилъ путешественниковъ очень радушно. Посѣщать лекціи такихъ ученыхъ, какъ химикъ Тенгри (Tingry), физикъ Пикте, и видѣть самого Лафатера должно было благо-

---

*) Воронихинъ род. 1760 г., † 1814 г., самоучка-строитель, изъ дворовыхъ людей графа А. С. Строганова, профессоръ архитектуры въ Академіи Художествъ, строитель Казанскаго собора. Воронихинъ сдѣлалъ еще нѣсколько портретовъ въ Ріомѣ, которые существуютъ тамъ до сихъ поръ.

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ.
(Съ портрета, находящагося въ Академіи Наукъ,
имъ самимъ писаннаго).

творно подѣйствовать на юные умы. Лѣтомъ, въ каникулярное время, совершались поѣздки по горамъ и ледникамъ Швейцаріи, осматривались заводы и фабрики, что было важно для Павла Александровича, какъ будущаго владѣтеля уральскихъ заводовъ. Казалось, Роммъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы успѣшно довести до конца возложенную на него обязанность и оправдать довѣріе графа А. С. Строганова. Такимъ образомъ, молодые люди съ ихъ воспитателями провели цѣлыхъ двадцать мѣсяцевъ въ Швейцаріи.

Интересны характеристики графа Павла и барона Григорія Строгановыхъ, сдѣланныя за этотъ періодъ Роммомъ. Въ одномъ изъ сохранившихся писемъ къ графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Строгановой Роммъ пишетъ слѣдующее *):

---

*) Попо по природѣ дикъ; братъ его общительнѣе. У перваго много природнаго ума, быстро схватывающаго, но онъ невнимателенъ и не сосредоточивается ни на чемъ; второй схватываетъ тише, но за то куда прилежнѣе и внимательнѣе. Одинъ человѣколюбивъ, но болѣе по инстинкту и чувствительности; другой поступаетъ по разсудку, понимая, что хорошо дѣлать добро. Чувствительность Павла помѣшаетъ ему сдѣлать проступокъ и служитъ уздой его страстямъ; Григорій въ моментъ горячности не останавливается ни передъ чѣмъ, дѣлается жестокъ и несправедливъ, но коль скоро уляжется волненіе крови, умъ снова вступаетъ въ свои права, и сердце дѣлается отзывчивымъ. Гриша долго проработалъ бы, не заботясь о совершенствѣ своего труда; у Попо часто наступаютъ минуты нетерпѣнія, въ которыя онъ забываетъ о своемъ долгѣ и самъ собой недоволенъ; ему всегда хочется сдѣлать лучше, и онъ ищетъ вдохновенія. Онъ цѣлые часы останется въ недоумѣніи, но, убѣдившись въ невозможности поступить разумнѣе, согласится на среднее рѣшеніе. На одного больше имѣетъ дѣйствіе разумный доводъ, на другого примѣръ. Одинъ посовѣтуется, выслушаетъ и послушается; другой болѣе гордъ и независимъ—онъ совѣтуется и выслушиваетъ, когда ему захочется; самъ обсуживаетъ и разбираетъ поданный ему совѣтъ, безъ всякаго уваженія къ совѣтнику и безъ довѣрія къ его здравымъ доводамъ; онъ принимаетъ

«Popo est d'une nature sauvage, son cousin est plus sociable; le premier a beaucoup d'intelligence, une conception prompte, mais une attention légère et difficile à fixer; le second a une conception plus lente, mais beaucoup de zèle et une attention constante et ferme. L'un est humain, bienfaisant par instinct, par sensibilité, l'autre l'est par raison, son jugement lui fait sentir qu'il est bon de faire du bien. La sensibilité de l'un l'empêchera de faire une faute, elle sera un frein à sa passion; l'autre n'a aucun frein dans ses moments d'ivresse, il déraisonne, il est dur et injuste, mais dès que l'ébulition du sang se calme, sa raison reprend ses droits, et il retrouve son cœur. Grégoire travaillerait longtemps, sans être fort scrupuleux sur la perfection de son travail; Popo a souvent des moments d'impatience qui l'éloignent de son devoir et dans lesquels il est mécontent de lui-même; il voudrait mieux faire, avoir de meilleures inspirations; il cherchera des heures entières et ne se résout à adopter une idée médiocre qu'après avoir senti son impuissance à trouver mieux. La raison a plus d'empire sur l'un et l'exemple sur l'autre. Celui-là consulte, écoute et se soumet; celui-ci, plus fier, plus indépendant, ne consulte, n'écoute qu'autant que cela lui plait, il ne connait ni les condescendances qu'impose le respect, ni la confiance qu'inspire un bon raisonnement, il veut

---

или отвергаетъ совѣты, какъ ему вздумается. По физическому сложенію эти молодые люди вовсе не похожи одинъ на другого, и въ этомъ я вижу источникъ ихъ нравственнаго развитія и темперамента. Я болѣе не желаю, сударыня, распространять эту параллель, которая и безъ того вышла длинна. Я боюсь, что увлекся желаніемъ, чтобы Вы сами могли быть свидѣтельницей, судьей и поддержкой.

juger lui-même ce que vaut un conseil et l'adopte ou le rejette selon la disposition de son esprit. Le physique diffère beaucoup dans ces deux jeunes gens, et l'on ne peut se refuser à regarder les différences de leur être moral comme ayant leur source dans la différence des tempéraments.

«Je me garderai bien, Madame, d'étendre davantage un parallèle déjà trop long. Je crains de m'être un peu trop livré au désir que j'aurais de vous avoir pour témoin, pour juge, pour appui».

Роммъ былъ доволенъ, что для Попо есть товарищъ и собесѣдникъ въ лицѣ Григорія, и онъ постоянно въ письмахъ къ отцу высказывалъ это довольство, видя большой успѣхъ въ поведеніи и совмѣстныхъ занятіяхъ Попо. Но Павелъ Александровичъ подчасъ тяготился предпочтеніемъ, которое Роммъ оказывалъ старшему своему воспитаннику и не разъ выражалъ это въ письмахъ *).

Тѣмъ не менѣе, совмѣстныя занятія принесли юному графу несомнѣнную пользу.

Въ первыхъ мѣсяцахъ 1789 года Жильберъ Роммъ нашелъ возможнымъ перебраться со своими питомцами въ Парижъ, чтобы тамъ завершить свою задачу.

Они отправились черезъ Ліонъ, сначала снова въ Ріомъ, осматривая на пути шелковыя фабрики, угольныя копи, оружейные заводы, и вскорѣ прибыли въ Парижъ. Роммъ счелъ болѣе осторожнымъ для Павла Александровича перемѣнить его фамилію, которую онъ

*) См. Приложенія.

временно промѣнялъ на Павла Очера (Paul Otcher), взявъ названіе одного изъ пермскихъ заводовъ Строгановскихъ владѣній. Эта осторожность со стороны Ромма показываетъ, что онъ хорошо сознавалъ положеніе дѣлъ въ Парижѣ того времени.

Въ апрѣлѣ пришло извѣстіе о кончинѣ барона Александра Николаевича Строганова *), и Григорію Александровичу надо было немедленно выѣхать въ Россію, съ де-Мишелемъ, который, впрочемъ, скоро вернулся обратно въ Парижъ, получивъ вознагражденіе въ десять тысячъ рублей. Де-Мишель также понялъ, что въ его отечествѣ подготовляются важныя событія, и его тянуло къ себѣ на родину.

Роммъ и Павелъ Очеръ остались вдвоемъ въ Парижѣ.

Франція переживала тяжелое время. Всеобщее недовольство, расшатанность нравовъ, броженіе умовъ, безотрадное финансовое положеніе указывали на скорое паденіе монархіи Бурбоновъ. Дни тревоги быстро наступали. Режимъ Людовика XIV и Людовика XV принесъ свои плоды скорѣе, чѣмъ могли ожидать Ж. Ж. Руссо и его послѣдователи. Насталъ канунъ великой революціи. Уже шли выборы въ Національное Собраніе, засѣданія котораго совпали съ возвращеніемъ Ромма. Третье сословіе (le tiers état), имѣя во главѣ писателей и законовѣдовъ, заручилось двойнымъ числомъ голосовъ противъ двухъ первыхъ сословій —

*) Баронъ А. Н. Строгановъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, † 13 марта 1789 г.

Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ
въ молодыхъ годахъ.
(Съ миніатюры Строгановской коллекціи).

духовенства и дворянства. Все вдругъ оживилось. Никто не могъ удержаться отъ чтенія газетъ и участія къ тому, что происходило въ Версали. Всѣ умы были возбуждены въ ожиданіи событій...

Роммъ едва ли былъ чистосердеченъ, когда писалъ своей матери, что «мы люди не политическіе, и намъ нѣтъ никакого дѣла до народныхъ сборищъ». Напротивъ, никто такъ не увлекся окружающимъ, такъ рѣзко не отказался отъ своихъ любимыхъ занятій наукой и такъ сразу не вошелъ въ сферу огня, съ увлеченіемъ и страстью, какъ Жильберъ Роммъ. Все прошлое было имъ забыто въ одно мгновеніе. И какъ бы его ни извиняли панегирики, въ родѣ біографа его де-Виссака, какъ бы ни заслуживалъ снисхожденія для всякаго другого такой внезапный переходъ мысли и дѣйствія, но для Ромма, которому была столь довѣрчиво поручена молодая жизнь, можно считать преступнымъ такое отношеніе къ своему нравственному долгу. Говорю преступнымъ потому, что, покинувъ Швейцарію и вернувшись въ Ріомъ, Роммъ не могъ не знать, что творится въ Парижѣ. Если его самого влекло въ Парижъ, что отчасти понятно, то неужели нельзя было покончить съ воспитательской дѣятельностью? Къ тому представлялся и удобный случай — отъѣздъ двоюроднаго брата и де-Мишеля, къ которымъ могъ присоединиться и Попо. Можно было все откровенно написать отцу, графу Александру Сергѣевичу, который такъ неограниченно довѣрилъ Попо Ромму и называлъ его въ своихъ письмахъ любовно «нашъ сынъ» (notre fils), подчеркивая этимъ

выраженіемъ свое полное довѣріе къ воспитателю. Кажется, Роммъ настолько привыкъ къ богатому окладу жалованья и къ довольству, что, хотя, вѣроятно, обязанности гувернера ему надоѣли и больше не удовлетворяли его честолюбія, но у него не хватило мужества отказаться отъ всего пріятнаго раньше, чѣмъ съ такимъ пыломъ броситься на политическую арену. Поэтому, я провожу строгую грань между занятіями Ромма и его исполненіемъ своихъ обязанностей: до выѣзда изъ Швейцаріи видна опредѣленная система и добросовѣстное отношеніе къ долгу воспитателя — послѣ, все разомъ было забыто. Вся воздержанность Ромма, его стоицизмъ, любовь къ естественнымъ наукамъ и математикѣ — все это исчезло, и передъ нами обнаружился новый Роммъ, въ особенной оболочкѣ, дотолѣ неизвѣстной.

Послѣ пересмотра многочисленныхъ писемъ Ромма за этотъ періодъ его жизни, для насъ остается непонятною та внутренняя комедія, которую онъ разыгрывалъ самъ съ собой. Если онъ, въѣзжая въ Парижъ, нашелъ болѣе осторожнымъ перемѣнить фамилію графа Строганова на Очеръ, то ясно, что Роммъ сознавалъ необходимость этой мѣры, и еще въ горахъ Оверни, въ началѣ 1789 года, мысль его опредѣленно работала въ извѣстномъ направленіи, весьма отдаленномъ отъ воспитательской дѣятельности. Зачѣмъ же было писать матери своей и графу А. С. Строганову, что «меня не интересуютъ политическія событія», а желательно ознакомить юношу съ Парижемъ, что Попо, молъ, совсѣмъ созрѣлъ и подготовленъ въ 17 лѣтъ, чтобы

вкусить разнообразныя прелести парижской жизни? Я склоненъ предполагать, что въ этой метаморфозѣ, происшедшей такъ внезапно съ Роммомъ, ничего случайнаго не было; все было обдумано и расчитано.

Что же сдѣлалъ Роммъ на первыхъ же шагахъ своего вступленія въ столицу Франціи? Онъ сталъ посѣщать съ Павломъ Александровичемъ народныя сходки и сборища и чуть ли не ежедневно ѣздилъ въ Версаль на засѣданія Національнаго Собранія (l'Assemblée Nationale). Роммъ пишетъ своимъ друзьямъ въ Ріомѣ: «Мы не пропускаемъ ни одного засѣданія въ Версали. Мнѣ кажется, что для Очера (но не для графа Строганова, замѣчу я) это превосходная школа публичнаго права. Онъ принимаетъ живое участіе въ ходѣ преній. Мы безпрестанно бесѣдуемъ о томъ. Великіе предметы государственной жизни до того поглощаютъ наше вниманіе и все наше время, что намъ становится почти невозможнымъ заниматься чѣмъ-либо другимъ». Даже прославляющій доблести Ромма его біографъ де-Виссакъ наивно замѣчаетъ, что, «конечно, не для того препоручили иностранцу душу и будущность молодого человѣка; и не будь Роммъ такъ ослѣпленъ и увлеченъ событіями, онъ долженъ былъ бы понять, что самымъ отвратительнымъ образомъ злоупотребляетъ оказаннымъ ему довѣріемъ, посягая на сердце и разумъ своего питомца».

Одинъ изъ французскихъ писателей, де-Барантъ, знававшій Жильбера Ромма въ тѣ времена, весьма непривлекательно рисуетъ нашего преобразившагося гувернера: «Мрачный фанатизмъ, циничное желаніе заявлять

свою нечистоплотность, чрезмѣрная гордость, поведеніе безупречное и безкорыстное, но омрачаемое завистью ко всякой знати, будь это знать денежная или знать дарованія; постоянная открытая проповѣдь невѣрія и удивительная нетерпимость — вотъ что я замѣчалъ въ немъ, когда мнѣ случалось входить съ нимъ въ сношенія. Ему очень легко удалось внушить многимъ патріотамъ въ городѣ Ріомѣ самое высокое мнѣніе о своихъ дарованіяхъ и добродѣтеляхъ. Онъ имѣлъ познанія, но всегда затруднялся и писать, и говорить. Искусство его, какъ у многихъ вожаковъ партій, состояло почти исключительно въ умѣніи устроить такъ, чтобы дѣйствія его оцѣнивались людьми малосвѣдущими». Можетъ-быть, этотъ портретъ не вполнѣ безпристрастенъ, но, надо сознаться, мало привлекателенъ.

10 января 1790 года Роммъ основалъ клубъ «друзей закона» (Amis de la loi), и въ числѣ первыхъ членовъ этого клуба мы видимъ фамилію Павла Очера, племянника Ромма Тельанъ (Tailhand), Болье (Beaulieu) и другихъ.

«Друзья закона» должны были обсуждать разносторонніе вопросы политики; у нихъ происходили предварительные дебаты по разнымъ дѣламъ, разбиравшимся въ Національномъ Собраніи. Этимъ клубъ «друзей закона», какъ и многочисленные другіе клубы, желалъ повліять на голосованіе въ версальскомъ собраніи и какъ бы подготовить пренія въ желаемую сторону. Роммъ особенно настаивалъ въ засѣданіяхъ своего клуба на «свободѣ печати» (liberté de la presse) и на «деклараціи правъ» (déclaration des droits), гдѣ

онъ вполнѣ свободно проводилъ свои философскія теоріи.

Молодой Строгановъ былъ всюду его постояннымъ спутникомъ. Такъ, они провели цѣлыя сутки на Марсовомъ полѣ (Champ de Mars) въ день праздника Федераціи (Fédération). Роммъ знакомилъ Павла со всѣми знаменитостями революціоннаго движенія. Юный иностранецъ сдѣлался быстро извѣстнымъ на всѣхъ сходкахъ, гдѣ поражалъ своей красивой наружностью. Роммъ торжественно внесъ отъ себя 800 франковъ патріотической контрибуціи въ Національное Собраніе, а Строгановъ поднесъ какую-то драгоцѣнность (boucles d'argent).

На бѣду для неопытнаго русскаго юноши, засѣданія «друзей закона» происходили въ помѣщеніи уже извѣстной тогда женщины Теруань де-Мерикуръ *).

*) Théroigne de Méricourt (Anne-Josèphe Terwagne, dite), née au village de Marcourt (village situé dans le Luxembourg, sur la rive droite de l'Ourthe) le 13 août 1762, morte à Paris le 9 juin 1817; fille de «Pierre Terwagne ou Théroigne, cultivateur et commerçant, et d'Elisabeth Lahaye». Elevée dans le couvent de l'abbaye de Robermont dont l'abbesse était une de ses parentes, elle revint au foyer paternel, à l'âge de dix-sept ans, ne put s'entendre avec sa bellemère et s'enfuit en Angleterre. Elle revint à Paris au moment de la Révolution, à laquelle elle se donna tout entière. Aux journées des 5 et 6 octobre, elle accompagna, en costume d'amazone, les femmes de Paris qui se rendaient à Versailles, et, à partir de ce moment, elle jouit d'une telle notoriété, que son appartement de la rue de Tournon devint un centre politique. Un de ses plus brillants succès fut en février 1790, au club des Cordeliers, lorsqu'elle proposa une souscription nationale pour élever un palais à l'Assemblée Constituante, sur les ruines-mêmes de la Bastille. Peu de temps après, inquiétée pour son attitude pendant les journées des 5 et 6 octobre 1789, elle se réfugia à Liège et parcourut les Pays-Bas; en présence de son énergie, les émigrés cherchèrent à la rallier à leur cause; repoussés, ils la dénoncèrent aux autorités autrichiennes, comme ayant voulu attenter à la vie de Marie-Antoinette. Arrêtée immédiatement, elle fut empri-

Она обратила на себя вниманіе толпы во время взятія Бастиліи своими пламенными патріотическими рѣчами и оригинальностью своего костюма, а также, когда водила парижскихъ женщинъ въ Версаль *). Революціонная хроника рисуетъ ее намъ въ красной

---

sonnée dans la forteresse de Kufstein (Tyrol). Transférée à Vienne, l'empereur Léopold voulut la voir et la fit aussitôt mettre en liberté. De retour à Paris, en février 1792, elle se rendit au club des Jacobins, où elle exposa les motifs des persécutions dont elle avait été l'objet. Au mois d'avril suivant, avec Louis David, elle présida la fête donnée aux Suisses du régiment de Chateauvieux; au 20 juin, elle marcha à la tête de la foule des faubourgs qui envahit les Tuileries, et elle assista également à la journée du 10 août; c'est là que, rencontrant le journaliste Suleau, arrêté au milieu d'un groupe de royalistes, elle se souvint que cet homme l'avait insultée comme la dernière des prostituées dans les *Actes des Apôtres*, et que, dans le *Tocsin des rois*, il avait précipité la révolution de Liège; saisie d'une fureur héroïque, elle l'empoigna au collet, l'apostropha à son tour, et l'infortuné journaliste succomba sous les coups de sabre des assaillants du Château. Accusée à tort d'avoir pris part aux massacres de septembre, elle en conçut du ressentiment, ce qui la porta à se rallier aux Girondins; c'est ainsi que, le 31 mai 1793, elle prit la défense de Brissot dans les groupes qui environnaient la Convention. Un moment après, comme elle se promenait sur la terrasse des Tuileries, elle fut assaillie par une bande de femmes révolutionnaires qui lui levèrent les jupes et la fouettèrent publiquement, malgré ses cris; lorsqu'on la délivra de ces mégères, la «belle Liégeoise» avait perdu la raison! On dut la conduire dans une maison de santé du faubourg Saint-Marceau, quelque temps après, en 1800, à la Salpêtrière, et enfin aux Petites-Maisons, dont elle sortit en 1807, pour rentrer de nouveau à la Salpêtrière, où elle ne retrouva pas sa raison malgré les soins affectueux du célèbre Esquirol (*Robinet*, II, 778).

*) *Taine*, Les origines de la France contemporaine, III, 217: D'autres sont des femmes de la rue commandées par Théroigne de Méricourt, une virago courtisane, qui distribue les places et donne le signal des huées ou des battements de mains. Publiquement et en pleine séance, dans la délibération sur le véto les députés sont applaudis ou insultés par les galeries, selon qu'ils prononcent le mot «suspensif» ou le mot «indéfini». Les menaces circulaient, dit l'un deux, j'en ai entendu retentir autour de moi... En tout cas le premier peloton qui se met en marche est de cette espèce avec le linge et la gaité de l'emploi: «la plupart vêtues de blanc, coiffées et poudrées, ayant l'air enjoué, «plusieurs» riant, chantant et dansant», comme elles font au début d'une partie de campagne. Trois

амазонкѣ, съ большой шляпой, украшенной перьями съ мужскимъ поясомъ, на которомъ виднѣется сабля и два пистолета. По всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Теруань отличалась какой-то дикой красотой, обладая яснымъ и громкимъ голосомъ, который пріятно звучалъ въ сборищахъ парижской толпы. Роммъ былъ увлеченъ ея патріотизмомъ; Павелъ Строгановъ— болѣе ея внѣшними прелестями, привлекавшими въ то время не одного мужчину.

Теруань завѣдывала архивомъ «друзей закона», а Строгановъ былъ библіотекаремъ. Съ вѣроятностью можно допустить, что юноша былъ въ связи съ ней. Связь была непродолжительна, и увлеченіе только со стороны Павла Александровича: Теруань всегда была холодна въ любви, какъ бы въ противоположность ея политическому пылу. Не мудрено, что, вращаясь въ такомъ новомъ и своеобразномъ обществѣ, Павелъ Очеръ поступилъ вскорѣ и въ клубъ якобинцевъ. Ему былъ выданъ дипломъ 7 августа 1790 года, за подписью предсѣдателя Барнава (Barnave) и трехъ секретарей (Populus, Millieu et Moreton). На дипломѣ красовалась большая печать съ лиліей и надписью: «Vivre libre ou mourir». Лилія была замѣнена впослѣдствіи фригійской шапкой.

Это невѣроятное поведеніе молодого русскаго должно было обратить на себя вниманіе королевской полиціи

---

ou quatre sont connues par leurs noms, l'une qui brandit une épée, l'autre qui est la fameuse Théroigne de Méricourt... Théroigne, en veste rouge d'amazone, distribue de l'argent. Quelques-unes disent aux soldats: «Mettez-vous avec nous; tout à l'heure nous battrons les gardes du roi, nous aurons leurs beaux habits et nous les vendrons».

и нашего представителя въ Парижѣ. Хотя Роммъ регулярно отправлялъ графу А. С. Строганову въ Петербургъ свои донесенія и цѣлую массу брошюръ, чтобы узаконить передъ своей собственной совѣстью такой рѣзкій переходъ въ воспитаніи юноши, но едва ли старый графъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ о томъ, что продѣлывалъ безупречный гувернеръ съ его сынкомъ въ Парижѣ. Брошюры и книги *), числомъ около 150, направлялись графу моремъ, для большей безопасности, и, вѣроятно, очутились въ его рукахъ уже послѣ тѣхъ донесеній, которыя были сухимъ путемъ получены императрицей Екатериной II.

Екатерина въ своей прозорливости не даромъ долго не соглашалась дать Павлу Строганову разрѣшеніе путешествовать по Европѣ. Въ данномъ случаѣ, резолюція императрицы на донесеніе Симолина, посланника нашего, изъ Парижа отъ 16/27 іюля 1790 года, была крайне категорична: «Читая вчерашнія реляціи Симолина изъ Парижа, полученныя черезъ Вѣну, о россійскихъ подданныхъ, за нужное нахожу сказать, чтобы оныя непремѣнно читаны были въ Совѣтѣ сего дня, и чтобы генералу Брюсу поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына, Ромъ, сего человѣка молодаго, ему порученнаго, вводитъ въ клубъ *Жакобеновъ* и *Пропаганда,* учрежденный для

*) Списокъ нѣкоторыхъ брошюръ, посланныхъ Роммомъ графу А. С. Строганову: «Les Considérations sur les gouvernements», «Les Opinions sur la Constitution», «La Sanction royale», «Le Véto», «La Déclaration des droits de l'homme», «Les Procès-verbaux de l'Assemblée», «Les Rapports, Mémoires, Décrets et Proclamations».

взбунтованія вездѣ народовъ противу власти и властей, и чтобъ онъ, Строгановъ, сына своего изъ таковыхъ зловредныхъ рукъ высвободилъ, ибо онъ, графъ Брюсъ, того Рома въ Петербургъ не впуститъ. Положите сей листъ къ реляціи Симолина, чтобы вѣдали въ Совѣтѣ мое мнѣніе» *).

Мнѣніе государыни, очевидно, было настолько ясно, что довѣрчивому графу Александру Сергѣевичу пришлось призадуматься. Но изъ писемъ его къ Ромму мы видимъ, что нѣкоторое безпокойство уже ранѣе овладѣло графомъ А. С. Строгановымъ. Еще въ мартѣ онъ писалъ Ромму: «Скоро настанетъ хорошее время (т.-е. весна), и я надѣюсь, что вы воспользуетесь онымъ для поѣздокъ. Видимо, головы у васъ сильно возбуждены; вся Европа внимательно слѣдитъ за тѣмъ, что у васъ происходитъ, и, откровенно говоря, я мало ожидаю хорошаго».

10 іюня посылается графомъ новое письмо **): «Никогда, любезный Роммъ, мое довѣріе къ вамъ не ослабѣвало и не ослабѣетъ. Я слишкомъ хорошо знаю, чѣмъ я вамъ обязанъ, и живѣйшая признательность запечатлѣна въ моемъ сердцѣ. Приглашая васъ покинуть Парижъ, я руковожусь соображеніями, которымъ я долженъ подчиниться. Въ силу ихъ я возобновляю о томъ мою настоятельную просьбу. Отчего вамъ не поѣхать въ Вѣну? Тамъ вы найдете тысячу рессурсовъ для воспитанія моего сына. Дворъ тамошній въ дружбѣ съ нашимъ

*) *Архивъ* Госуд. Совѣта, I, 2, 729.

**) См. Приложенія.

дворомъ. Посолъ нашъ, князь Голицынъ *), почтенный старикъ; онъ сочтетъ для себя за удовольствіе быть вамъ полезнымъ. Его помощникъ, графъ Андрей Разумовскій **), человѣкъ отмѣнныхъ достоинствъ, много про васъ наслышался и весьма желаетъ познакомиться съ вами. Ради Бога, любезный другъ, взвѣсьте хорошенько все, что я вамъ говорю. Повторяю, что не безъ самыхъ важныхъ причинъ долженъ я умолять васъ, чтобы вы покинули страну, гдѣ вы теперь живете. Прощайте, милый другъ».

Роммъ не замедлилъ отвѣтить, но отвѣтъ его звучитъ несправедливой горечью ***): «Графъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что я имѣю честь состоять при вашемъ сынѣ, даете вы мнѣ чувствовать разницу между отцомъ и воспитателемъ. Вашимъ письмомъ отъ 10 іюня вы мнѣ сообщаете ваше рѣшеніе, столь противоположное плану занятій, которому я слѣдовалъ по сіе время, и которое было одобрено вами самимъ, что всѣ мои надежды должны рухнуть.... Ваше довѣріе укрѣпляло мои силы и служило мнѣ утѣшеніемъ. Теперь вы меня лишаете его, уступая какимъ-то вѣсъ имѣющимъ соображеніямъ, о которыхъ вы, однако, умалчиваете. Такимъ образомъ, не выслушавъ и не посовѣтовавшись съ тѣмъ, коего вы считали достойнымъ почти двѣнад-

---

*) Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, р. 1721 г., † 1793 г., былъ 30 лѣтъ посломъ въ Вѣнѣ (съ 28 мая 1761 г. по 9 апрѣля 1792 г.); кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго; учредитель Голицынской больницы въ Москвѣ.

**) Свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій, р. 1752 г., † 1836 г., извѣстный посолъ въ Вѣнѣ.

***) См. Приложенія.

цать лѣтъ ввѣреннаго ему священнаго залога, не обращая вниманія на личныя чувства и уморасположеніе вашего сына, не оцѣнивъ доводовъ моего поведенія, вы осуждаете мои дѣйствія и предлагаете что-то другое, не мотивируя, въ чемъ должна собственно произойти перемѣна.... Въ воспитаніи, мною предпринятомъ, я ни разу не покинулъ мысли о томъ, чтобъ оно велось подъ вліяніемъ любви ко благу, къ человѣчеству и на основѣ принциповъ здравой философіи. Если мои желанія не вполнѣ осуществились, въ томъ виновны вовсе не мои намѣренія, а несчастныя обстоятельства, которыя насъ преслѣдуютъ, и надъ которыми я не властенъ; развѣ считать виною то, что я люблю простоту нравовъ, справедливость, свободу, порядокъ и миръ, столь необходимые при обмѣнѣ мыслей, самолюбіяхъ и выгодахъ..... Мы переѣдемъ въ деревню, гдѣ живетъ моя матушка. Тамъ мы будемъ ожидать вашего окончательнаго рѣшенія. Я же съ своей стороны сообщу вамъ оттуда, что могу и что не въ силахъ буду сдѣлать по отношенію къ плану дѣйствій касательно вашего сына».

Итакъ, Роммъ, скрѣпя сердце, подчинился желанію графа А. С. Строганова и выѣхалъ изъ Парижа, направляясь въ родную ему Овернь. Гувернеръ и воспитанникъ поселились въ деревушкѣ Жимо (Gimeaux), близь Ріома, мѣстѣ рожденія Жильбера. Тутъ ихъ постигло большое горе. Преданный слуга молодого графа, Клеманъ (Clément), серіозно заболѣлъ и, несмотря на внимательный уходъ и леченіе, умеръ. Вѣрнаго спутника многихъ лѣтъ не стало. Роммъ не до-

пустилъ къ ложу умирающаго священника, и Клеманъ скончался безъ утѣшенія религіи. Даже похороны были гражданскія. Слугу похоронили въ саду Ромmовскаго домика и въ гробъ вложили бутылку со слѣдующей надписью *): «François-Joseph Clément, du pays de Vaud en Suisse, attaché depuis quinze ans au service de Paul Otcher, comte de Stroganoff, est décédé le 28 septembre 1790, dans la maison voisine appartenant à Gilbert Romme, après une maladie de 21 jours, dans la 36-me année de son âge.

«L'Evangile et la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen déposés ici attestent de ses opinions religieuses et civiles.

«Le procès-verbal de son inhumation a été consigné dans les régistres de la municipalité de Gimeaux.

«Que ceux qui parviendront jusqu'à cet écrit respectent les cendres d'un homme qui servit sans bassesse et aima par-dessus tout la liberté et la vertu. C'est ce que leur demandent des compagnons de voyage et des amis.

«Signé: Paul Otcher, Gilbert Romme, I. B. Tailhand, I. Bathiat».

---

*) Францъ-Іосифъ Клеманъ, швейцарецъ изъ кантона Во, 15 лѣтъ служившій Павлу Очеру, графу Строганову, скончался 28 сентября 1790 г. въ сосѣднемъ домѣ, принадлежащемъ Жильберу Ромму, на 36 году отъ рожденія. Онъ былъ боленъ 21 день. Положенные здѣсь Евангеліе и катехизисъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ свидѣтельствуютъ объ его религіозныхъ и общежитейскихъ убѣжденіяхъ. Записка о погребеніи его внесена въ реэстры управленія по деревнѣ Жимо. Пусть тѣ, которымъ попадутся эти строки, почтятъ прахъ человѣка, бывшаго слугой безъ уничиженія и любившаго выше всего свободу и добродѣтель. Объ этомъ ихъ просятъ его спутники и друзья.

Подписали: *Павелъ Очеръ, Жильберъ Роммъ, Тельанъ, Батіа.*

Этотъ деревенскій церемоніалъ прошелъ бы незамѣченнымъ, если бы провинціальные журналы Оверни не протрубили объ этомъ событіи, прославляя доблести одного изъ своихъ сыновъ, Жильбера Ромма. Вѣсть объ этихъ похоронахъ проникла въ Парижъ, а оттуда дошла и до Россіи. Конечно, это овернское «событіе» вызвало въ Петербургѣ больше удивленія, чѣмъ негодованія. Подпись русскаго графа, вмѣстѣ съ его псевдонимомъ, была обнаружена, а довѣріе графа А. С. Строганова къ гувернеру его сына окончательно поколеблено. Но одновременно почти съ только что описаннымъ событіемъ, Александръ Сергѣевичъ писалъ Ромму, отъ 21 сентября 1790 года, слѣдующее:

*) «J'ai longtemps résisté, mon cher Romme, à l'orage qui vient enfin d'éclater. Combien de fois, depuis qu'il

---

*) Любезный Роммъ, я давно противился той грозѣ, которая на дняхъ разразилась. Сколько разъ, боясь взрыва этой грозы, я васъ просилъ уѣхать изъ Парижа и еще недавно совсѣмъ выѣхать изъ предѣловъ Франціи. Право, я не могъ яснѣе выразиться. Васъ не довольно знаютъ, милый Роммъ, и не отдаютъ полной справедливости чистотѣ вашихъ намѣреній. Признано крайне опаснымъ оставлять за границей и, главное, въ странѣ, обуреваемой безначаліемъ, молодого человѣка, въ сердце котораго могутъ пустить корни начала, несогласныя съ уваженіемъ къ правительству его родины. Полагаютъ, что и вы, по увлеченію, не станете его оберегать отъ этихъ началъ. Говорятъ, что вы оба состоите членами *Якобинскаю клуба,* именуемаго *клубомъ Пропаганды* или *Бѣшеныхъ.*

Распространеннымъ слухамъ и общему негодованію я противополагалъ мое довѣріе къ вашей честности. Но какъ уже выше я говорилъ, буря, наконецъ, разыгралась, и я обязанъ отозвать моего сына и лишить его почтеннаго наставника въ то самое время, когда сынъ мой наиболѣе нуждается въ его совѣтахъ. Съ этой цѣлью я посылаю моего племянника Новосильцова. Онъ еще молодъ, но проявилъ уже свою разсудительность и благоразуміе. Прошу вѣрить моему сожалѣнію, живѣйшей моей признательности и нѣжной привязанности.

me menace, ne vous ai-je point écrit de quitter Paris et en dernier lieu même la France. Je ne pouvais point m'expliquer plus clairement.

«On ne vous connait point assez, mon cher Romme, on ne rend point assez justice à la pureté de vos intentions. On a cru voir un danger imminent de laisser plus longtemps dehors, et surtout dans un pays agité par un esprit d'anarchie, un jeune homme dans le cœur duquel des principes contraires au respect du gouvernement de sa patrie pouvaient germer. On a cru que vous-même, par enthousiasme, n'opposeriez pas une digue convenable. On a dit que vous vous étiez inscrits tous les deux dans le *Club des Jacobins,* qu'on qualifie de *Club de la Propagande* ou *des Enragés.*

«J'ai opposé aux bruits qui ont couru, au mécontentement général, ma confiance en votre honnêteté. J'ai tout dit, tout fait ce qui était en mon pouvoir. Mais comme je vous l'ai dit, l'orage a enfin éclaté, et je suis obligé de rappeler mon fils, de le priver d'un gouverneur respectable dans le moment où ses conseils lui sont le plus nécessaires. J'envoie à cet effet mon neveu, M. de Novossilzoff *), qui, quoique jeune encore, a donné des preuves de sa sagesse et de sa prudence. Recevez les assurances de mes regrets, de ma plus vive reconnaissance et de mon tendre attachement.

P. S. Новосильцовъ снабженъ деньгами, нужными для возвращенія сына моего. Я не знаю, сколько Вами истрачено по послѣднему векселю, который я вамъ переслалъ. Прошу васъ удержать за собой остатокъ, пока я не доставлю вамъ болѣе крупнаго доказательства моей привязанности.

*) Николай Николаевичъ, 1761—1838; его мать, Марья Сергѣевна, рожд. гр. Строганова, родная сестра гр. А. С. Строганова.

«P. S. M. de Novossilzoff est fourni de tout l'argent nécessaire pour le retour de mon fils. Je ne sais, combien vous avez déjà touché sur la dernière lettre de crédit que je vous ai fait passer. Je vous supplie de garder le reste en attendant que je vous fasse passer une plus forte marque de ma reconnaissance».

Благородный тонъ этого письма могъ утѣшить увлекшагося преподавателя; но Роммъ легко понялъ, что его воспитательская карьера близилась къ концу. Старый графъ, щадя самолюбіе Ромма, не сообщилъ ему, что императрица Екатерина II запретила въѣздъ въ предѣлы Россіи французу-якобинцу. Но въ то же время отецъ написалъ письмо сыну, которое гласило такъ:

*) «Votre retour dans votre patrie étant dans ce moment-ci absolument nécessaire, mon cher fils, j'ai expédié pour cet effet votre cousin Novossilzoff qui vous remettra la présente. Vous partirez sans tarder avec lui, il vous accompagnera, et comme c'est un homme honnête, sage et prudent, je lui ai accordé toute ma confiance et je vous conjure, mon cher fils, de lui accorder toute la vôtre, de suivre ses conseils, il est mon ami, il sera assurément le vôtre. J'ai informé Mr Romme des raisons qui me portent

---

*) Милый сынъ мой, ваше возвращеніе на родину безусловно необходимо въ настоящее время. Письмо мое вамъ передастъ вашъ двоюродный братъ Новосильцовъ, котораго я посылаю, какъ спутника, и съ которымъ вы должны не медля вернуться. Я вполнѣ ему довѣряю, такъ какъ онъ человѣкъ осторожный, умный и честныхъ правилъ. Умоляю васъ, милый сынъ мой, оказать ему довѣріе и слѣдовать его совѣтамъ. Я считаю его своимъ другомъ, онъ будетъ и вашимъ. Роммъ предупрежденъ мною и знаетъ причины, которыя меня побуждаютъ такъ дѣйствовать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю момента, когда могу обнять васъ. До свиданія. Въ Вѣнѣ вы получите дальнѣйшія мои указанія.

à faire la démarche que je fais, j'attends le moment de vous embrasser avec la plus vive impatience. Adieu. A Vienne vous aurez de mes nouvelles ultérieures».

Трудно сказать, на что надѣялся Роммъ. Чувства собственнаго достоинства заставили его рѣшиться не ждать Новосильцова у себя въ Оверни и встрѣтить посланнаго въ Парижѣ. Но каковы бы ни были увлеченія Павла Александровича за этотъ бурный періодъ его жизни, сыновнія чувства пересилили скрытыя надежды Ромма. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также его письма, которыя читатель найдетъ въ приложеніяхъ. Сынъ вполнѣ подчинился волѣ отца.

Безпристрастная оцѣнка должна отдать должное и Ромму, какъ наставнику, съумѣвшему вселить въ своемъ воспитанникѣ такія чувства долга къ своему родителю и любовь къ родинѣ, которыя оказались сильнѣе мимолетныхъ увлеченій, созданныхъ революціонной обстановкой жизни въ Парижѣ. Тѣмъ не менѣе, Роммъ былъ пораженъ разыгравшимися, столь неожиданно для него, событіями и всецѣло предался новымъ своимъ влеченіямъ.

Насталъ часъ разлуки. Новосильцовъ явился 1 декабря 1790 г. въ Парижъ. Нужно было разстаться съ дорогимъ Попо. Прощаніе было трогательное и искреннее съ обѣихъ сторонъ. Въ письмѣ къ пріятелю своему Дюбрейль (Dubreuil) Роммъ пишетъ *): «Il est parti

*) Онъ уѣхалъ, вчера вечеромъ, послѣ обѣда съ Воронихинымъ и со мной. Не требуйте отъ меня подробностей этой тягостной разлуки. Я слишкомъ еще убитъ горемъ. Но когда я успокоюсь, я вамъ сообщу все, что я узналъ о тѣхъ возмутительныхъ интригахъ, которыя увѣнчались такимъ концомъ.—Для меня начинается новая жизнь. Будетъ ли она менѣе тревожна,

hier soir après avoir dîné avec Voronikin et moi chez Richier où nous étions absolument seuls. N'exigez pas de moi, mon bon Dubreuil, que je vous donne des détails sur cette douloureuse séparation. Dans ce moment je suis trop étourdi par le chagrin. Mais je vous communiquerai tout ce que j'ai recueilli sur cette trame odieuse lorsque je serai à portée de recevoir vos consolations...

«Une autre existence commence pour moi; sera-t-elle moins agitée? Je me résigne à ma destinée; mais un de mes vœux c'est que les occupations publiques ou privées soient assez actives pour qu'elles m'absorbent tout entier et qu'elles me garantissent des souvenirs amers du passé».

Императрица Екатерина приказала послать Павла Александровича на жительство въ Братцово, подмосковное имѣніе его матери, гдѣ онъ оставался довольно долго *).

Графъ А. С. Строгановъ прислалъ Ромму десять тысячъ ливровъ. Роммъ вернулъ ихъ обратно. Тогда Строгановъ послалъ ему вексель на тридцать тысячъ ливровъ, и эту сумму Роммъ не возвратилъ. Здѣсь опять мы наталкиваемся на какое-то противорѣчіе между принципами неподкупнаго республиканца, и человѣка, не гнушающагося принять такой щедрый подарокъ. Правда, и нынѣшніе представители соціализма во Франціи, какъ только они у власти, ни въ чемъ

чѣмъ бывшая? Я подчиняюсь моей судьбѣ. Но мое желаніе, чтобы мои публичныя или частныя занятія были настолько дѣятельны и настолько поглотили мое вниманіе, чтобы забыть всю горечь моего прошлаго.

*) До 1796 года.

себѣ не отказываютъ. Логика эта сохранила свои права, какъ видно, сто лѣтъ спустя.

Роммъ, какъ онъ и писалъ Дюбрейлю, окончательно рѣшилъ работать на революціонномъ поприщѣ. Вскорѣ онъ сдѣлался членомъ Законодательнаго Собранія, куда его съ восторгомъ избрали Овернскіе друзья-избиратели. Особенно Роммъ занимался народнымъ просвѣщеніемъ въ комитетѣ, созданномъ для этой цѣли; къ этому времени онъ составилъ революціонный календарь, который доставилъ ему извѣстность, былъ одобренъ и дѣйствовалъ въ дни революціи до появленія Бонапарта. Мы видимъ Ромма членомъ Конвента, котораго онъ былъ предсѣдателемъ, но короткое время. Какъ членъ «Montagne», онъ подписалъ, между прочимъ, смертный приговоръ королю Людовику XVI.

Роммъ не пропустилъ ни одного засѣданія въ январскіе дни 1793 года (съ 16 по 22). Мы встрѣчаемся въ его замѣткахъ со всѣми мельчайшими подробностями этой бурной эпохи, но написаны эти строки безъ таланта, и всюду сквозитъ перо изслѣдователя-ученаго, попавшаго не въ свою сферу.

Приближалось роковое для него время. «Гора» (Montagne) была побѣждена. Роммъ и пятеро его товарищей были арестованы и отправлены на мысъ Финистеръ (Finistère). Ослѣпленіе Ромма дошло до того, что, вмѣстѣ съ другимъ членомъ Конвента, онъ самъ оправдывалъ свое арестованіе: «Citoyens nos collègues, cette arrestation peut prendre un grand caractère», писали гражданамъ города Канъ (Caen), Пріеръ (Prieur) и Роммъ, «servir la cause de la liberté, maintenir l'unité

de la république et rappeler la confiance, si comme nous nous empressons de vous le demander, vous la confirmez par un décret qui nous déclare otages... Nous avons remarqué dans le peuple de Caen de l'amour pour la liberté, pour la justice et la docilité». Но воззванія эти не помогли: арестованные были возвращены въ Парижъ на судъ военной комиссіи. Мало надѣясь получить пощаду отъ судей, они дали другъ другу клятву не отдаваться живыми въ руки палача и для этой цѣли достали себѣ черезъ сторожей тюрьмы два кинжала. 17 іюня 1795 г. былъ прочитанъ смертный приговоръ ихъ. Осужденные сдержали свою клятву. Первымъ вонзилъ себѣ въ сердце ножъ Жильберъ Роммъ и палъ мертвымъ. Молодой Субрани (Soubrany) выхватилъ кинжалъ изъ раны друга и прокололъ себѣ грудь. Такъ поступили Goujon, Duquesnoy, Bourbotte и Bourgeois. Трехъ изъ нихъ, еще дышавшихъ, неумолимые судьи все-таки послали на гильотину: одинъ умеръ на повозкѣ, двухъ другихъ успѣли доставить до эшафота живыми. — Такъ погибъ Роммъ въ цвѣтѣ силъ, 45 лѣтъ отъ роду.

Конечно, эпоха, въ которую жилъ Роммъ, многое можетъ объяснить и, до извѣстной степени, оправдать тѣ черты его личности, которыя намъ кажутся непонятными. Роммъ былъ безусловно человѣкъ съ твердымъ характеромъ, желѣзной волей, имѣвшій вполнѣ опредѣленныя понятія о чувствѣ долга и глубоко преданный наукѣ. Въ теченіе своей недолгой жизни Роммъ два раза измѣнилъ своему призванію и дважды попалъ не въ свою колею. Едва ли

онъ годился въ воспитатели, а еще менѣе въ политическіе дѣятели.

Остался бы Роммъ вѣрнымъ наукѣ, изъ него вышелъ бы порядочный ученый. Политика далась ему еще труднѣе, чѣмъ педагогика. Онъ былъ теоретикомъ, не имѣя ни вдохновенія Камиля Демулена, ни таланта Сенъ-Жюста, ни выдержки Робеспьера.

Какъ воспитателю, Ромму удалось сдѣлать изъ ввѣреннаго ему ребенка человѣка и патріота *). Это мы увидимъ изъ послѣдующаго. Не будь печальной аберраціи конца его дѣятельности, какъ наставника, въ Парижѣ, мнѣ кажется, что Роммъ исполнилъ свою задачу скорѣе успѣшно.

Въ заключеніе остается упомянуть о женитьбѣ Ромма, совершившейся за нѣсколько мѣсяцевъ (8 марта 1795 г.) до его кончины. Избранная имъ особа была молодая вдова, Marie Madelaine Chaulin, съ которой онъ сошелся въ дни Конвента. Она оказалась въ интересномъ положеніи, и Жильберъ сталъ ея мужемъ. Роммъ успѣлъ полюбить эту женщину. Вотъ что онъ ей писалъ въ моментъ ареста, 21 марта 1795 года (2 Prairial an III) **): «Ma chère amie, un décret d'arres-

---

*) Его педагогическій идеалъ прекрасно изображенъ въ письмѣ къ гр. Строганову отъ 1787 г. (см. въ Приложеніяхъ).

**) Милѣйшая подруга, Конвентъ только-что подписалъ декретъ о моемъ арестованіи. Умоляю тебя, во имя родины, которую ты любишь, во имя свободы и равенства, кои были дороги намъ обоимъ, и во имя ребенка, котораго ты носишь въ себѣ, не предавать себя безпокойству. Помни, что ты всецѣло принадлежишь своему ребенку, и что бы ни случилось съ тѣмъ, съ коимъ ты связала свою судьбу, отдай ему въ завѣтъ принципы чистой нравственности и самаго откровеннаго чувства любви къ республикѣ. Прощай. Кланяйся племяннику. Напиши моей матушкѣ.

tation vient d'être rendu contre moi par la Convention nationale.

«Je te conjure, au nom de la patrie que tu aimes, au nom de l'égalité que j'ai appris à chérir avec toi, au nom de l'enfant que tu portes dans ton sein, de ne pas te livrer à l'inquiétude.

«Souviens-toi dans tous les instants que tu te dois à ton enfant, et — quoi qu'il arrive à celui qui avait attaché ses destinées aux tiennes—qu'il reçoive de toi les principes de la plus pure morale et du républicanisme le plus franc».

«Adieu. Je salue mon neveu. Je te prie d'écrire à ma mère».

Также трогательны отдѣльныя записки, писанныя имъ изъ тюрьмы женѣ, за нѣсколько дней до смерти. Сердце заговорило, но слишкомъ поздно.

Эпоха реформъ

(1801—1805).

III.

Живя въ Братцовѣ, графъ Павелъ Александровичъ часто посѣщалъ домъ княгини Натальи Петровны Голицыной (Princesse Moustache) и вскорѣ женился на ея дочери, княжнѣ Софьѣ Владиміровнѣ *). Княгиня Наталья Петровна Голицына, рожденная графиня Чернышева **), была женщина большого ума и характера; она дала прекрасное образованіе своимъ дѣтямъ. Ея сыновья, Борисъ и Димитрій ***) Владиміровичи, воспитывались сначала дома, потомъ слушали лекціи въ Страсбургскомъ университетѣ, который въ тѣ времена очень сла-

*) 1774—1845 гг.; учредительница знаменитой «Марьинской школы практическаго земледѣлія и ремеслъ».

**) Княгиня Н. П. Голицына, дочь графа Петра Григорьевича Чернышева, р. въ 1741 г., † въ 1837 г.; съ 30 октября 1766 г. замужемъ за княземъ Владиміромъ Борисовичемъ Голицынымъ; въ 1806 г. статсъ-дама, кавалеръ ордена св. Екатерины большого креста, 1826 г.

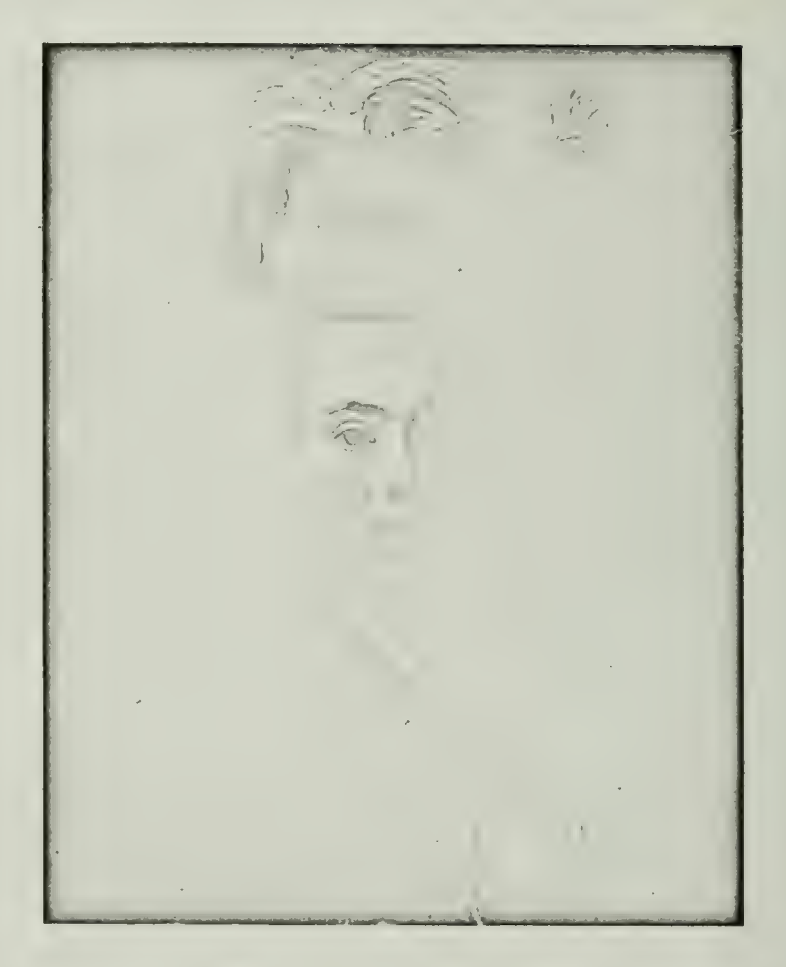
***) Князь Б. В. Голицынъ, р. въ 1769 г., † въ 1813 г.; генералъ-лейтенантъ, писатель; скончался отъ раны въ Вильнѣ, полученной въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Князь Д. В. Голицынъ, р. 1771, † 1844 г.; московскій генералъ-губернаторъ (1820—44); женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ Васильчиковой, 1782 г., † 1841 г.

вился. Младшій, князь Димитрій Владиміровичъ, былъ впослѣдствіи московскимъ генералъ-губернаторомъ. Его сестра, княжна Софья Владиміровна, была не только женщина высокихъ духовныхъ качествъ, но безупречная супруга и отличная мать. Въ 1795 г. у нихъ родился первый ребенокъ, сынъ Александръ; впослѣдствіи были еще четыре дочери: Наталья, Аделаида, Елизавета и Ольга.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II (1796 г.) молодые Строгановы переѣхали на жительство въ Петербургъ. Въ письмѣ наслѣдника великаго князя Александра Павловича, отъ 27 сентября 1797 г., къ Лагарпу *), упоминается о П. А. Строгановѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, въ короткій періодъ царствованія Павла, Строгановъ часто видѣлся съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, что онъ безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ и что именно въ это время его супруга, графиня Софья Владиміровна, весьма сблизилась съ великой княгиней Елизаветой Алексѣевной.

---

*) Вотъ любопытный отрывокъ изъ этого письма: «Мнѣ думалось, что, если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустивъ ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкой въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація избрала бы своихъ представителей. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль. Я подѣлился ею съ людьми просвѣщенными, съ своей стороны много думавшими объ этомъ. Всего на всего насъ только четверо, а именно: Новосильцовъ, графъ Строгановъ и молодой князь Чарторыжскій, мой адъютантъ, выдающійся молодой человѣкъ».

Княгиня Наталія Петровна Голицына,
рожденная Чернышева,
мать графини Софіи Владиміровны Строгановой
(Roslin 1777).
(Изъ коллекціи князя П. П. Голицына въ Марьинѣ).

Въ моментъ воцаренія императора Александра I, изъ всѣхъ друзей его, только графъ П. А. Строгановъ находился въ Петербургѣ. Всѣ прочіе отсутствовали, впавъ въ опалу по недовѣрію къ нимъ императора Павла: Н. Н. Новосильцовъ жилъ въ Англіи, гдѣ изучалъ тамошніе порядки; князь Адамъ Чарторыжскій находился въ Неаполѣ, въ качествѣ русскаго представителя; В. П. Кочубей пребывалъ въ Дрезденѣ, а Лагарпъ выжидалъ событій въ Парижѣ. Счастливая случайность дала возможность графу П. А. Строганову «быть первымъ изъ друзей Александра, который удостоился слышать мысли его о предстоящихъ преобразованіяхъ» *). Это имѣло большое значеніе для графа Строганова и особенно для той роли, которая выпала на его долю съ первыхъ же дней новаго царствованія.

Императоръ Александръ лично вызвалъ Чарторыжскаго письмомъ изъ Неаполя; Лагарпъ получилъ милостивое разрѣшеніе пріѣхать и прибылъ въ Петербургъ въ августѣ. Графъ Кочубей писалъ отъ 27 марта 1801 г. графу С. Р. Воронцову: «Je pars parce que je crois devoir quelque chose à l'empereur Alexandre; je pars, parce que je crois que tous les honnêtes gens doivent se réunir autour de lui et faire tous leurs efforts pour cicatriser les plaies infinies portées par son père à sa patrie; et aprés cela voudra-t-il m'employer, je le servirai de mon mieux, et de préférence dans quelque branche de l'administration interne». Новосильцова извѣстилъ графъ

*) Шильдеръ, II, 24.

П. А. Строгановъ о воцареніи Александра: «Mon bon ami, le courrier part, je n'ai le temps que de vous dire deux mots: l'empereur Alexandre 1-er règne». Но до пріѣзда въ Петербургъ этихъ лицъ императоръ Александръ имѣлъ уже цѣлый рядъ откровенныхъ бесѣдъ со Строгановымъ.

Ученику Лагарпа и ученику Ромма сама судьба давала возможность показать себя не только людьми, но и государственными дѣятелями. Оба были молоды, полны силъ и здоровья; оба увлекались, одинъ—своими прекрасными мечтами, другой—пережитыми образами, но оба увлекались вполнѣ чистосердечно, всей душой, съ самыми лучшими намѣреніями.

23 апрѣля 1801 года произошелъ между ними первый продолжительный обмѣнъ мыслей, довольно подробно записанный графомъ П. А. Строгановымъ *). Сущность его уже издана **). Графъ Строгановъ высказалъ мнѣніе, qu'il fallait commencer par s'occuper de l'administration avant que de faire une constitution proprement dite. Императоръ съ этимъ вполнѣ согласился, прибавивъ, qu'une des bases les plus essentielles du travail devait être la fixation des trop fameux droits du citoyen. Графъ Строгановъ на это замѣтилъ, что, по его мнѣнію, всѣ эти права заключались въ обезпеченіи имущества и въ неограниченной свободѣ каждаго дѣлать все, что не можетъ быть вредно для другого. «Императоръ одобрилъ мою мысль, но сказалъ, qu'il fallait encore

---

*) См. Приложенія.

**) Résultat d'une conversation avec l'Empereur. Шильдеръ, II, 330.

Графъ Павелъ Александровичъ и графиня Софія Владиміровна Строгановы въ молодости.

(Съ миніатюры, принадлежащей великому князю Николаю Михаиловичу).

ajouter qu'aucune entrave ne peut empêcher le mérite de parvenir».

Изъ этого перваго разговора, графъ Строгановъ вынесъ впечатлѣніе нѣкоторой туманности или неопредѣленности мнѣній государя относительно исполненія предстоящаго государственнаго преобразованія. Подобное же мнѣніе высказалъ, нѣсколько позже, графъ Кочубей. По этому поводу графъ Строгановъ писалъ: «M. de Kotchoubey fut frappé du peu d'ordre qui régnait encore dans tous les projets de l'Empereur. Il ne s'était fait aucun plan, il frappait pour ainsi dire à toutes les portes, n'étant pas trop sûr de son fait».

Желая скорѣе выйти изъ сферы неопредѣленныхъ разговоровъ и создать почву для обсужденія государственнаго преобразованія, къ которому стремился государь, графъ Строгановъ въ запискѣ, доложенной императору Александру 9 мая 1801 г., предложилъ учредить негласный комитетъ. Работы этого комитета должны были оставаться втайнѣ, чтобы не возбуждать преждевременнаго любопытства и толковъ среди общества.

Текстъ этой записки написанъ графомъ Строгановымъ по-французски *), какъ и большинство его работъ. Я нахожу эту записку настолько интересной и характерной для пониманія личности графа Павла Александровича, что привожу ее цѣликомъ, какъ первое его самостоятельное произведеніе, имѣвшее такія серіозныя послѣдствія:

---

*) См. Приложенія.

*Записка *) по поводу основныхъ началъ для государственныхъ преобразованій.*

«Представлено 9 мая 1801 г.

«Въ послѣднемъ разговорѣ, который я имѣлъ съ Вашимъ Величествомъ, я старался уяснить себѣ нѣкоторыя изъ высказанныхъ Вами мыслей по поводу важнаго вопроса о государственныхъ преобразованіяхъ; а такъ какъ раньше, чѣмъ приступить къ постройкѣ такого сооруженія, необходимо привести въ порядокъ накопившіяся соображенія и собрать ихъ въ одно цѣлое, я полагалъ, если только я вѣрно понялъ Ваши намѣренія, что не будетъ излишнимъ представить Вашему Величеству общій выводъ переданныхъ мнѣ Вашихъ желаній относительно этого великаго дѣла, для котораго нужно составить опредѣленный планъ дѣйствій прежде, чѣмъ начинать работу. Подвигаясь постепенно въ этомъ направленіи, безъ скачковъ, можно надѣяться начать дѣло въ строгомъ порядкѣ и вложить въ него опредѣленную систему.

«Когда я въ прошлый разъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ терять драгоцѣннаго времени, Ваше Величество изволили мнѣ отвѣтить, что нужно обождать возвра-

*) Покойный Н. К. Шильдеръ высказалъ по этому поводу слѣдующее пожеланіе: «Для исторіи царствованія императора Александра было бы весьма важно *ознакомиться съ французскимъ подлинникомъ записокъ графа П. А. Строганова о негласномъ комитетѣ въ полномъ ихъ объемѣ* (т. II, стр. 273, № 86). В. А. Тимирязевъ въ книгѣ своей «Александръ I и его эпоха» говоритъ: «всѣ разсужденія по этому поводу записаны графомъ Строгановымъ на французскомъ языкѣ и представляютъ драгоцѣнный историческій матеріалъ, имѣющій важное значеніе для характеристики перваго періода Александровской эпохи». Я заполняю этотъ пробѣлъ и издаю полностью рукописи, оставшіяся по этому вопросу въ Строгановскомъ архивѣ.

Графиня Софія Владиміровна Строганова съ сыномъ Александромъ (Lebrun).

(Изъ коллекціи князя Н. Н. Голицына въ Марьинѣ).

щенія Новосильцова. Я совершенно съ этимъ согласенъ, находя, что не требуется сразу переходить къ окончательной работѣ, а раньше привести въ извѣстность все высказанное въ такомъ сложномъ и запутанномъ дѣлѣ, или, выражаясь по военному, сдѣлать общую рекогносцировку, намѣтить общій планъ дѣйствій, а это всегда своевременно.

«Говоря о способѣ работы съ Вашими министрами, Ваше Величество мнѣ сообщили мнѣніе Завадовскаго по поводу этой реформы. Мнѣ кажется, что, бесѣдуя съ княземъ Зубовымъ, Завадовскій не могъ высказаться вполнѣ откровенно, такъ какъ онъ предполагалъ, что инціатива такого рода реформы должна исходить отъ Васъ лично, и что никто не могъ бы, кромѣ тѣхъ, которые облечены Вашимъ довѣріемъ, даже имѣть надежду принять въ ней участіе безъ Вашего личнаго выбора сотрудниковъ въ такого рода предпріятіи. Мнѣ кажется, что мнѣніе Вашего Величества, высказанное Завадовскимъ, вполнѣ основательно. Съ своей же стороны, я особенно буду настаивать быть возможно осмотрительнѣе въ задуманномъ Вами предпріятіи, чтобы не вселять въ обществѣ несбыточныхъ надеждъ, не давать повода къ излишнимъ разговорамъ, съ которыми впослѣдствіи трудно будетъ совладать и придется считаться, тогда какъ необходимы лишь осторожность и должный тактъ, чтобы предотвратить несчастныя послѣдствія. Хотя Ваше Величество мнѣ передавали свои опасенія, что реформа будетъ нѣкоторыми встрѣчена съ неудовольствіемъ, но, съ другой стороны, найдется много охотниковъ принять участіе въ заня-

тіяхъ, и это обстоятельство только затруднило бы работу, и многіе, узнавъ о Вашихъ намѣреніяхъ, могли бы воспламениться совсѣмъ понапрасну. Графъ Кочубей, съ которымъ я объ этомъ говорилъ, держится того же воззрѣнія.

«Итакъ, если я вѣрно понялъ мысль Вашего Величества, можно установить слѣдующее: реформа должна быть созданіемъ государя и тѣхъ, которыхъ онъ выберетъ своими сотрудниками, и никому постороннему не должно быть извѣстно, что Ваше Величество взяли на себя починъ такого дѣла. За симъ мы установили, что реформа должна коснуться всѣхъ отраслей администраціи и что возможное созданіе конституціи могло бы быть лишь послѣдствіемъ этой предварительной работы.

«Ваше Величество высказали мнѣ по этому поводу, что установка здраваго управленія, пріобрѣтя всеобщее довѣріе, сдѣлалась бы залогомъ чего-то необходимаго, возвышеннаго, но при условіи, чтобъ, при трудности исполненія, она бы была искренняя въ способѣ ея введенія. Выражаясь такъ, Ваше Величество, надо полагать, желаете дать свободу, при неприкосновенности имущества, ввести управленіе справедливое, на почвѣ нуждъ родной страны, и этимъ подготовить умы принять даруемое, безъ опасеній и съ радостью, какъ законъ, оберегающій всѣхъ и каждаго отъ произвола, на общее благо.

«Вотъ, въ краткихъ словахъ, какъ я понялъ предначертанія Вашего Величества по поводу двухъ основныхъ принциповъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Несмотря на это, такъ какъ мое разсужденіе основано лишь

Графъ Александръ Павловичъ Строгановъ ребенкомъ.
(Изъ Строгановской коллекціи).

на разговорѣ съ Вами, въ общемъ немного неопредѣленномъ, я бы желалъ получить болѣе положительныя указанія и увѣренность, что я правильно понялъ мысли Вашего Величества.

«Что же касается всего остальнаго, о чемъ между нами было говорено, то лучше оное включить въ надлежащее мѣсто, когда основной планъ работы будетъ выработанъ, иначе, торопясь, мы только запутали бы раньше времени все дѣло».

Общій выводъ основныхъ положеній объ организаціи комитета для взаимной работы по преобразовательной реформѣ.

«Представлено 9 мая 1801 г.

«Для полноты труда, первоначальное назначеніе котораго переработать *порочное* управленіе, затѣмъ замѣнить его законами, долженствующими остановить дѣйствіе существующаго произвола, дать рядъ мудрыхъ мѣръ, съ тѣми измѣненіями, которыхъ потребуютъ обстоятельства, все это имѣетъ первенствующее значеніе и можетъ быть разрѣшено съ успѣхомъ особымъ комитетомъ, спеціально созданнымъ для этой цѣли.

«Предстоитъ двойная задача: съ одной стороны, щадить умы отъ нежелательнаго предубѣжденія противъ реформъ, съ другой—понять настолько настроеніе общества, чтобы не возбуждать неудовольствія напрасно. Это требуетъ засѣданій секретныхъ, причемъ надо принять за основу занятій полную негласность обсуждаемаго; этимъ чувствомъ должны быть проник-

нуты всѣ тѣ, которые войдутъ въ составъ этого комитета. Кромѣ того, въ пользу принципа негласности говоритъ извѣстная способность человѣка менѣе роптать на то, что является безусловной необходимостью, что представляетъ ему законъ, накладывающій на него ярмо, безъ всякихъ предварительныхъ безпокойствъ.

«Сложность предстоящихъ занятій и необходимость войти во всѣ подробности мелочей потребуетъ усидчиваго и послѣдовательнаго труда со стороны Вашего Величества.

«Занятія должны вестись такъ (при принципѣ негласности), чтобы не возбуждать ни удивленія, ни любопытства.

«Обративъ вниманіе на опасность увлеченія теоріей, идущей часто въ разрѣзъ съ практикой, надо отдать предпочтеніе опытности, которая скорѣе разберется въ злоупотребленіяхъ. А потому слѣдуетъ пригласить людей свѣдущихъ и хорошо знающихъ различныя отрасли управленія.

«Поэтому, представляя еще въ болѣе сжатомъ видѣ сущность всего высказаннаго, думаю, держаться слѣдующихъ началъ:

«Необходимо создать комитетъ.

«Въ основѣ своей организаціи и по способу работы онъ долженъ быть негласнымъ.

«Для единодушной связи при занятіяхъ необходимо руководство Вашего Величества.

«Изученіе всеобщаго положенія государства требуетъ полнѣйшаго пониманія дѣлъ управленія».

Итакъ, идея учрежденія негласнаго комитета всецѣло принадлежала графу П. А. Строганову. Императоръ Александръ одобрилъ почти все, выраженное графомъ въ его запискахъ отъ 9 мая 1801 г., и комитетъ собрался въ первый разъ 24 іюня того же года. Членами его были назначены графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, Николай Николаевичъ Новосильцовъ, князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій *) и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Предсѣдательствовалъ лично самъ государь. Графъ П. А. Строгановъ, имѣя привычку все записывать по возвращеніи домой, сохранилъ для потомства подробные отчеты всѣхъ засѣданій, вопросовъ, въ нихъ возбужденныхъ, и происходившихъ между членами преній.

Изъ молодыхъ людей, вошедшихъ въ составъ комитета, старшему, Новосильцову, было 39 лѣтъ, графу Кочубею — 33, князю Чарторыжскому — 31, Строганову — 29. Тѣсная дружба соединяла четырехъ молодыхъ людей, причемъ графъ Кочубей держалъ себя немного въ сторонѣ, занимая самостоятельную должность **); три остальные составляли извѣстный тріумвиратъ. Императоръ Александръ часто въ шутку называлъ новорожденный комитетъ «le comité du salut

*) Графъ В. П. Кочубей, р. 1768 г., † 1834 г., впослѣдствіи князь, министръ внутреннихъ дѣлъ дважды, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Н. Н. Новосильцовъ, р. 1762 г., † 1838 г., впослѣдствіи графъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Князь А. А. Чарторыжскій, р. 1770 г., † 1861 г., товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта 1805—32 гг. Исключенъ изъ членовъ приговоромъ верховнаго уголовнаго суда.

**) Онъ въ это время былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

public». Графъ Строгановъ былъ особенно близокъ съ Новосильцовымъ, съ которымъ состоялъ въ родствѣ и съ которымъ совершилъ, десять лѣтъ назадъ, путешествіе изъ Парижа въ Россію. Всѣ они были проникнуты самыми чистыми желаніями, и даже князь Адамъ, какъ говоритъ Гречъ, «служилъ Россіи въ первые годы царствованія Александра честно, усердно и благородно» *).

Князь Чарторыжскій въ своихъ воспоминаніяхъ, говоря объ этой эпохѣ, высказывается такъ: «Свойства характера Новосильцова выгодно отражались, словно въ зеркалѣ, на молодомъ графѣ Строгановѣ. Мнѣнія ихъ и чувства носили на себѣ отпечатокъ справедливости, искренности, европейскаго просвѣщенія, небывалыхъ въ то время въ Россіи, противъ которыхъ я не могъ устоять». Далѣе Чарторыжскій подробно повѣствуетъ о своемъ сближеніи съ императоромъ Александромъ, съ Кочубеемъ, Новосильцовымъ и Строгановымъ. Послѣдняго онъ называетъ «самымъ пылкимъ».

---

*) «L'Empereur eut des joies d'enfant, mais le parti des jeunes Russes ne cacha pas son émoi et sa colère. L'Impératrice même crut voir dans mon acceptation des intentions mauvaises ou, pour le moins, de l'indélicatesse vis-à-vis de l'Empereur, indélicatesse qui, selon elle, consistait à accepter un poste d'une si haute confiance malgré l'opinion générale (à ce qu'elle croyait du moins) et malgré la conviction que je devais avoir d'enlever à l'Empereur l'affection de son peuple. L'Impératrice cessa alors de me parler, de me saluer, de me regarder». (*Mémoires* du prince Adam Czartoryski, t. I, p. 363).

«Les Russes s'imaginaient que je favorisais secrètement la France, que je voulais entraîner Alexandre vers Bonaparte et le retenir dans sa dépendance, pour ainsi dire, sous la fascination de son génie. L'Impératrice-mère partageait cette opinion et propageait ces inquiétudes parmi les jeunes officiers». (*Ibid.*, I, p. 351).

Изъ новѣйшихъ писателей Н. Ѳ. Дубровинъ, упоминая о графѣ Павлѣ Александровичѣ, выражается о немъ, какъ объ одномъ изъ «благороднѣйшихъ, честнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей, бывшихъ при дворѣ Александра I. Государь называлъ его своимъ другомъ, и этотъ другъ всегда говорилъ ему правду».

Б. Б. Глинскій, въ статьѣ «Республиканецъ при русскомъ дворѣ», дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Все это были люди, полные силъ, образованные, преисполненные самыхъ лучшихъ намѣреній и носившіе на себѣ характеръ идеалистическаго либерализма. Старое поколѣніе не называло ихъ иначе, какъ вольтеріянцами и якобинцами. Изъ этого кружка исходили всѣ реформы перваго времени (до Тильзитскаго мира); среди нихъ обдумывался планъ систематической реформы безобразнаго зданія государственной администраціи» *).

Какъ же относились къ реформамъ люди стараго времени, дѣятели прошлыхъ царствованій?

Конечно, большинство смотрѣло враждебно на новшества, и четыремъ юнымъ сотрудникамъ Александра I приходилось вступать въ открытую борьбу со стариками. Но нужно отдать справедливость всѣмъ четыремъ, что они довольно ловко справлялись съ трудностью обстоятельствъ и однихъ съумѣли пере-

---

*) Одинъ только злоязычный и всегда пристрастный Ф. Ф. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ бичуетъ графа П. А. Строганова: «Пріятное лицо и любезный умъ жены его сблизили съ нимъ императора Александра, а его добродѣтель не могла послѣ разлучить съ нимъ. Ума самаго посредственнаго, онъ могъ только именемъ и фортуной усилить свою партію». (*Вигель*, ч. 2, стр. 6).

манить на свою сторону, другихъ удачно отстранили отъ всякихъ дѣлъ. Къ тому же, и противники ихъ сами далеко не ладили между собой.

Трощинскій и Беклешовъ перессорились съ Державинымъ; графа Завадовскаго мало кто любилъ; графъ Ростопчинъ сидѣлъ въ Москвѣ, занимаясь писаніемъ ѣдкихъ писемъ и все критикуя; А. А. Аракчеевъ пріютился въ Грузинѣ, выжидая терпѣливо событій; наконецъ, братья Воронцовы явно покровительствовали молодымъ дѣятелямъ, причемъ графъ Семенъ Романовичъ, изъ Лондона, сдерживалъ ихъ по мѣрѣ силъ, рекомендуя во всемъ англійскіе рецепты *), а престарѣлый графъ Александръ Романовичъ вскорѣ совсѣмъ перешелъ на ихъ сторону; онъ настолько былъ увлеченъ молодежью, усердно помогая имъ въ работѣ, что навлекъ даже на себя строгое порицаніе брата Семена.

Къ сожалѣнію, государь, который не любилъ графа Н. С. Мордвинова, не желалъ привлечь его въ засѣданія комитета, несмотря на то, что изъ всѣхъ лицъ вѣка Екатерины II онъ былъ самымъ подходящимъ, чтобы заправлять сложными дѣлами комитета и сдерживать порывы молодости. Хотя вскорѣ Мордвиновъ и былъ сдѣланъ морскимъ министромъ, но не долго оставался на этой должности, которую онъ уступилъ адмиралу Чичагову, пользовавшемуся въ то время довѣріемъ молодой партіи и графовъ Воронцовыхъ **).

---

*) См. Приложенія. Conférence avec le comte Simon Worontzoff.

**) Впрочемъ, это согласіе съ Чичаговымъ продолжалось не долго. Уже въ 1804 г. придворный врачъ Роджерсонъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «M. Novossilzoff et le jeune Stroganoff qui (avec vous et votre frère) ont le plus

Графъ Александръ Романовичъ
Воронцовъ, канцлеръ.
(Съ миніатюры великаго князя
Николая Михаиловича).

Въ своихъ бесѣдахъ съ графомъ П. А. Строгановымъ императоръ Александръ часто распространялся о тѣхъ личностяхъ прежняго времени, которыхъ можно было бы привлечь къ дѣлу реформъ. Такъ, Строгановъ особенно рекомендовалъ государю графа А. Р. Воронцова *) и Трощинскаго. Перваго Александръ заподозрѣвалъ въ отсталости, дряхлости, и нехотя соглашался на его сотрудничество; Трощинскаго цѣнилъ больше, а особенно надѣялся на помощь графа Петра Завадовскаго, лѣность котораго и любовь къ вину были извѣстны всѣмъ и каждому.

П. А. Строгановъ неоднократно напоминалъ императору о запискѣ покойнаго графа Безбородки, переданной Александру Павловичу, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ; но государь видимо отдавалъ предпочтеніе общимъ наброскамъ Новосильцова, сдѣланнымъ для него за то же время. Между тѣмъ, взгляды, выраженные въ запискѣ графа Безбородки, были замѣчательны во всѣхъ отношеніяхъ, и П. А. Строгановъ

---

contribué de faire sa fortune, sont changés envers lui totalement et le voient avec la même sensation que vous regarderez une prise d'ipécacuanha». (*Архивъ* кн. Воронц., т. XXV, стр. 210).

*) Строгановъ пишетъ: «Видно, что неблаговоленіе государя къ проэкту графа А. Р. Воронцова распространялось и на самого его составителя; по крайней мѣрѣ Чарторыжскій, замѣтивъ это, сказалъ въ заключеніе засѣданія: «Желательно было бы, чтобы государь почаще видался съ Воронцовымъ и совѣщался съ нимъ почаще; хотя Воронцовъ старъ, но идеи его молоды, и притомъ онъ не держится старыхъ предразсудковъ». Императоръ возразилъ, что онъ съ нимъ видится; но что, хотя Воронцовъ кажется свободнымъ отъ старыхъ предразсудковъ, однако, упорно держится своихъ идей, однимъ словомъ, что онъ не имѣетъ о графѣ Воронцовѣ того понятія, какого отъ него желаютъ. Чарторыжскій не соглашался съ государемъ и замѣтилъ, какъ опасно оскорблять такого человѣка, какъ Воронцовъ».

былъ вполнѣ правъ, когда высказывалъ свое мнѣніе, что «это лучшее произведеніе, могущее служить основой всему тому, что задумано совершить».

При тогдашнемъ настроеніи императора, конечно, взгляды графа Безбородки не могли его удовлетворить. Записка начиналась слѣдующими словами: «Россія должна быть государствомъ самодержавнымъ. Малѣйшее ослабленіе самодержавія повлекло бы за собой отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія. Но государь самодержавный, если онъ одаренъ качествами, сана его достойными, чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобъ держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтитъ и ему повинуется, дабы другіе и помыслить не смѣли, что отъ того уклониться или избѣжать могутъ».

Эти прекрасныя слова приводили въ восторгъ графа Строганова, но не Александра Павловича: онъ отнесся равнодушно къ запискѣ графа Безбородко.

Вскорѣ, въ августѣ 1801 года, появился въ Петербургъ и Лагарпъ. Конечно, пріѣздъ его не мало обезпокоилъ правительственныя сферы, и общество не ожидало ничего хорошаго отъ бывшаго наставника вѣнценосца. Но самъ Лагарпъ былъ уже не тотъ. Побывавъ у власти, въ управленіи Гельветической республикой, Лагарпъ успѣлъ познать всю прелесть свободы народныхъ собраній. Поэтому-то онъ явился элементомъ

сдерживающимъ въ либеральныхъ стремленіяхъ того времени, и отчасти этимъ можно объяснить, что молодая партія четырехъ друзей царскихъ воспротивилась единодушно появленію Лагарпа въ засѣданіяхъ комитета. Но императоръ Александръ частенько передавалъ на обсужденіе комитета записки швейцарца *), изъ которыхъ иныя были приняты во вниманіе, особенно все то, что касалось народнаго просвѣщенія. Въ бесѣдахъ своихъ съ государемъ, Лагарпъ всячески предостерегалъ своего бывшаго воспитанника отъ чрезмѣрныхъ увлеченій, и совѣты его, какъ вѣрно выражается Н. Шильдеръ, «сводились къ одному основному началу — твердой и непоколебимой власти, но, конечно, отнюдь не въ смыслѣ реакціи». По этому поводу Лагарпъ писалъ императору Александру:

«Вамъ, государь, подобаетъ даровать народу своему великое благо — спасти его отъ произвола вашихъ преемниковъ и дать странѣ такія учрежденія, которыя, сохраняя правительству его силу, ограждали бы народъ отъ самовластія тирановъ. Вы такъ думали и чувствовали, когда еще не испытали обаянія власти. Будучи въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ облеченъ властью, которую обстоятельства дѣлали неограниченной, я могу

---

*) Графъ Строгановъ писалъ Новосильцову: «Если вы станете разбирать письма Лагарпа, вы не найдете въ нихъ ничего; онъ не можетъ убѣдиться, что есть систематическій планъ, что не дѣлаютъ риска безъ вѣроятности успѣха. Онъ судитъ только по нѣсколькимъ отдѣльнымъ и безсвязнымъ фактамъ и не воображаетъ, что они связаны звеньями, которыхъ онъ не можетъ видѣть, и о которыхъ слѣдовало бы справиться прежде, чѣмъ произносить сужденіе; но онъ, не принявъ на себя этого труда, рѣшаетъ все и осуждаетъ».

засвидѣтельствовать, что требуются большія усилія и надо быть постоянно насторожѣ, чтобы не поддаться заманчивому призыву самовластія. Первая потребность вашего народа — миръ, вторая — просвѣщеніе, третья — судопроизводство, которое доставило бы жителямъ имперіи существенныя блага гражданской свободы... Заключу своимъ старымъ припѣвомъ: единственный вѣрный другъ монарха — его собственное здравое разсужденіе» *). Замѣчательно, что покойный графъ Безбородко и Лагарпъ въ этомъ случаѣ сошлись почти совсѣмъ въ своихъ сужденіяхъ относительно самодержавія и направленія власти монарха.

Когда былъ возбужденъ вопросъ о роли Сената, Лагарпъ усиленно ратовалъ противъ расширенія его правъ, усматривая въ этомъ западню, поставленную государю немедленно по его вступленіи на престолъ. Вопросу о предоставленіи власти Сенату посвящено было нѣсколько засѣданій, въ которыхъ читались, между прочимъ, проекты графа П. А. Строганова **).

---

*) Шильдеръ, II, 48.

**) Прекраснымъ результатомъ этихъ совѣщаній о сенатской реформѣ явился знаменитый указъ Александра I Сенату, отъ 5-го Іюня 1801 года: «Уважая всегда Правительствующій Сенатъ, яко верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ, и зная, сколь много права и преимущества, отъ государей предковъ моихъ ему присвоенныя, по времени и по различнымъ обстоятельствамъ подверглися перемѣнѣ, къ ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго, я желаю возставить оный на прежнюю степень, ему приличную и для управленія мѣстъ, ему подвластныхъ, толико нужную, и на сей конецъ требую отъ Сената, чтобъ онъ, собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанности его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества Правительствующаго

Императоръ Александръ I
въ молодости.
(Съ миніатюры великаго князя Николая Михаиловича).

Такимъ образомъ, хотя и безъ Лагарпа, новые члены комитета стали собираться регулярно подъ предсѣдательствомъ государя. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1801 и 1802 гг. фамиліи лицъ, приглашенныхъ къ высочайшему столу, всегда обозначались, и имена князя Чарторыжскаго, графа Строганова, Новосильцова и графа Кочубея встрѣчаются чуть ли не ежедневно. Между прочимъ, графъ Павелъ Александровичъ былъ званъ разъ навсегда, безъ особаго приглашенія. Н. К. Шильдеръ, говоря объ этихъ обѣдахъ, разсказываетъ, что «послѣ кофе, поговоривъ нѣсколько минутъ съ прочими приглашенными, императоръ удалялся; но, пока остальные гости разъѣзжались, четыре избранника вводились черезъ особый ходъ въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями ихъ величествъ. Туда приходилъ государь, и тамъ, въ его присутствіи и при его участіи, происходили оживленныя и продолжительныя пренія по вопросамъ о реформѣ безобразнаго зданія».

Какъ это хорошо рисуетъ извѣстную черту характера Александра I, которая уже проявилась съ первыхъ же лѣтъ его восшествія на престолъ, а со временемъ стала развиваться еще болѣе—наружная обворожительная любезность, за которой никто не могъ уловить настоящихъ чувствъ его, и какая-то кокетливая скрытность чуть ли не передъ самимъ собой. Графъ П. Строгановъ замѣчалъ не разъ, что, «вступивъ въ споръ съ императоромъ,

---

Сената я намѣренъ поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, и силою данной мнѣ отъ Бога власти потщуся подкрѣплять, сохранять и содѣлать его навѣки непоколебимымъ». (П. С. З., № 19908).

слѣдовало опасаться, чтобы не заупрямился, и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого случая».

Засѣданія комитета происходили довольно правильно и часто въ теченіе двухъ лѣтъ, до конца 1803 года. Коронація императора Александра была назначена на сентябрь 1801 г., и большинство указовъ и льготъ, обнародованныхъ тогда, были ранѣе подробно разсмотрѣны въ негласномъ комитетѣ. Здѣсь же вырабатывался проэктъ «всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой» *), который не былъ обнародованъ въ дни коронаціи, но которому было посвящено нѣсколько засѣданій. Графъ Строгановъ называетъ этотъ проэктъ Воронцовскимъ, принадлежащимъ перу графа Александра Романовича, но по поправкамъ видно, что и Сперанскій привлекался къ участію. По этому поводу Тимирязевъ высказываетъ, что «это было чѣмъ-то въ родѣ компромисса между молодой и старой партіей, къ которой принадлежалъ графъ А. Р. Воронцовъ».

Въ манифестѣ 15 сентября 1801 г., объявленномъ въ день коронаціи, упоминалось о всемъ томъ, что правительство сдѣлало за 6 мѣсяцевъ, съ 12 марта того же года **).

Намъ особенно интересно прослѣдить дѣятельность графа Павла Александровича Строганова по разнымъ

---

*) Засѣданія негласнаго комитета отъ 15 и 23 іюля 1801 года.

**) Въ негласномъ комитетѣ, въ засѣданіи 21 іюля 1801 г., императоръ Александръ, упоминая о наградахъ, которыя онъ былъ намѣренъ раздать въ Москвѣ, замѣтилъ, что никому не дастъ крестьянъ, и въ этомъ отношеніи не отступитъ отъ принятаго имъ намѣренія.

вопросамъ, возбужденнымъ въ лонѣ комитета, а именно: народнаго просвѣщенія, дѣлъ крестьянскихъ, по роли дворянства, по учрежденію министерствъ, а также по роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

По этому поводу Н. К. Шильдеръ вообще замѣчаетъ: «Въ засѣданіи неофиціальнаго комитета 18 ноября 1801 г. графъ П. А. Строгановъ въ замѣчательной рѣчи своей обнаружилъ такое вѣрное пониманіе положенія дѣлъ въ Россіи, что, вникая ближе въ ея содержаніе, легко убѣдиться, насколько неосновательны мнѣнія противниковъ александровскихъ реформъ, обвиняющихъ и по настоящее время молодыхъ совѣтниковъ государя въ незнаніи Россіи» *).

Переходя къ частностямъ, необходимо обратить вниманіе на сотрудничество графа Строганова въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Нашъ маститый историкъ литературы, А. Н. Пыпинъ, находя, «что со временъ Петра I не было столько заботъ объ установленіи школъ» **), пишетъ: «Съ Завадовскимъ работали искренніе и лучшіе друзья просвѣщенія изъ высшей аристократіи и немногочисленнаго тогда ученаго сословія, люди, какъ Муравьевъ, Новосильцовъ, Строгановъ». Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи Строгановъ весьма здраво предлагалъ образецъ французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведеній для общаго образованія, къ которымъ должна примыкать дальнѣйшая ступень заведеній для образованія спеціальнаго.

*) Т. II, стр. 280.

**) Общественное движеніе, изд. 1900 г., стр. 105.

Въ комитетѣ было рѣшено создать «учрежденіе комиссіи училищъ» (впослѣдствіи главное управленіе училищъ). Графъ Строгановъ также засѣдалъ въ этой комиссіи и «П. В. Завадовскій», какъ замѣчаетъ Гречъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «не успѣлъ бы ничего сдѣлать, если бы ему въ помощь не придано было бы главное управленіе училищъ». Біографъ графа П. В. Завадовскаго, Листовскій, не соглашается съ этимъ воззрѣніемъ, указывая, «что краснобаи болѣе успѣвали въ своихъ проэктахъ, щеголявшихъ новизной, хотя бы они вовсе были неприкладны для Россіи. Князь Чарторыжскій, графъ Строгановъ, Новосильцовъ Россію мало знали. Получивъ французское образованіе и проведя молодые годы за границей, они порицали все родное. Стоило указать на какое-нибудь неудобство, чтобы готово было немедленно нововведеніе. «Удостовѣрившись въ этомъ, я сталъ нѣмъ», писалъ Завадовскій, «и удаляюсь отъ всякаго причастія къ новотворцамъ». Самъ графъ П. А. Строгановъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ дѣятельность Завадовскаго въ письмѣ къ Новосильцову: «Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавъ вселенную въ шесть дней, отдыхалъ седьмой, но нашъ министръ поступаетъ лучше, онъ ровно ничего не дѣлаетъ шесть дней и тѣмъ не менѣе отдыхаетъ и седьмой».

Кажется, вообще понятія объ образованіи, воспитаніи, просвѣщеніи у всѣхъ были еще сбивчивы и неясны; даже самое названіе министерства было подвержено продолжительному обсужденію и только послѣ долгихъ споровъ утвердили названіе министерства

народнаго просвѣщенія. При этомъ графъ Строгановъ возставалъ «противъ *общественнаго воспитанія* и находилъ, что его не слѣдуетъ смѣшивать съ *народнымъ воспитаніемъ,* невозможнымъ въ дѣйствительности».

Особенный интересъ графъ Строгановъ выказалъ къ дѣламъ крестьянскимъ, гдѣ его сужденія часто сходились съ мыслями императора Александра. Въ своихъ взглядахъ графъ Павелъ Александровичъ шелъ безусловно впереди всѣхъ своихъ современниковъ, особенно нападая на крѣпостное право и доказывая, что «дворянъ нечего бояться».

Пыпинъ пишетъ: «Строгановъ представилъ цѣлую аргументацію противъ мнѣнія Лагарпа, графа Мордвинова и Новосильцова, что правительству при рѣшеніи крестьянскаго вопроса нечего опасаться никакихъ волненій, что ихъ никакъ нельзя ожидать ни со стороны дворянства, не способнаго ни къ какой оппозиціи, ни со стороны крестьянъ, въ пользу которыхъ совершилось бы это событіе... Въ запискѣ Строганова есть много вѣрнаго пониманія вещей, и тѣмъ, кто обвиняетъ молодыхъ совѣтниковъ «въ незнаніи Россіи», можно было бы именно указать на эту записку, гдѣ изображеніе политическаго и умственнаго ничтожества массы тогдашняго дворянства и изображеніе народныхъ понятій представляютъ достаточное знаніе отношеній и замѣчательны отсутствіемъ реторики и простымъ пониманіемъ вещей, какъ онѣ есть» *). Н. К. Шильдеръ выражается еще опредѣленнѣе: «Изъ всѣхъ совѣтни-

*) *Ibid.*, 96.

ковъ Александра графъ П. А. Строгановъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу этого великаго дѣла (улучшенія быта крестьянъ) и пришелъ къ заключенію, что, если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія». Графъ Строгановъ заходилъ настолько далеко въ своихъ сужденіяхъ о необходимости отмѣнить крѣпостное право, что въ засѣданіи 18 ноября 1801 г. выразился даже весьма рѣзко о дворянствѣ: «Это сословіе», сказалъ онъ, «самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу — наиболѣе тупое».

Но въ лонѣ комитета Строгановъ пользовался въ то время по этому вопросу поддержкой только императора Александра и то скорѣе негласной *). Самому принципу преобразованія государь безусловно вѣрилъ, но практическое осуществленіе пугало его; онъ впадалъ въ нерѣшительность, и въ результатѣ получалось нѣчто «вялое и трусливое», какъ выразился Строгановъ въ одномъ изъ писемъ къ Новосильцову **).

*) По поводу крестьянскаго дѣла графъ Кочубей писалъ графу С. Р. Воронцову, отъ 9 ноября 1801 г.: «Nos réformes intérieures vont bien lentement. Il y a en vérité peu de gens propres pour s'en occuper, et quelques-uns de ceux qui pourraient y être employés tiennent peut-être trop къ старинѣ. Cependant l'empereur semble vouloir y mettre de la suite. Il tient beaucoup à l'idée de défendre la vente individuelle des hommes et de permettre au tiers-état, s'entend aux marchands, aux bourgeois et paysans de la couronne, l'achat des terres, sans serfs, bien compris. Il me semble que ces opérations sont aussi utiles qu'elles peuvent être exécutées sans difficulté; mais l'empereur est un peu irrésolu». (*Архивъ* кн. Воронц., т. 18, стр. 254).

**) Богдановичъ приводитъ такой отзывъ о дѣятельности графа П. А. Строганова: «Графъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасной, благородной душой,

Когда въ неофиціальномъ комитетѣ разсматривалось вновь вводимое учрежденіе министерствъ, въ замѣну бывшихъ коллегій, графъ Строгановъ особенно ратовалъ за то, что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть обсуждаемы въ совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ министровъ. Другими словами, Строгановъ какъ будто предугадалъ ту выдающуюся роль, которая выпала вскорѣ на Комитетъ Министровъ, послѣ обнародованія манифеста 8 сентября 1802 г. Въ самомъ опубликованномъ проэктѣ учрежденій министерствъ вовсе не предполагалось дать такое исключительное значеніе Комитету Министровъ, и едва ли составители имѣли это въ виду.

Въ 15 пунктѣ манифеста сказано, что всѣ министры суть члены Совѣта и присутствуютъ въ Сенатѣ. Дѣла обыкновенныя разсматриваются въ Комитетѣ, составленномъ только изъ министровъ; для другихъ же дѣлъ, имѣющихъ особую важность, прочіе члены Совѣта

принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и гласно заявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей. Само собой разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ поддѣлаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества» (I, 82). На это Пыпинъ замѣчаетъ: «Отчего *разумѣется,* не видно и, напротивъ, непонятно, какимъ образомъ человѣкъ «съ прекрасной, благородной душой» упадалъ до того, чтобы «поддѣлаться подъ тонъ общества», и если господствующій тонъ общества былъ таковъ, то ему нечего было и поддѣлываться, когда онъ по своему «исключительно французскому воспитанію» былъ уже готовымъ почитателемъ Мирабо». Пыпинъ же высказывается о всѣхъ четырехъ реформаторахъ, Кочубеѣ, Строгановѣ, Новосильцовѣ и Чарторыжскомъ, «что всѣ они воспитывались подъ непосредственнымъ вліяніемъ времени и всѣ болѣе или менѣе ревностно преданы были новымъ общественнымъ идеямъ, какія распространялись тогда изъ Франціи и преобразовали европейскую жизнь» (Общ. движ., 78).

должны собираться разъ въ недѣлю. Между тѣмъ, на практикѣ вышло не такъ. Вслѣдствіе неопредѣленности полномочій Совѣта и Комитета, не разъ дававшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ, на дѣлѣ случилось слѣдующее: рѣшено было Совѣту собираться по понедѣльникамъ, а Комитету по вторникамъ, что практикуется и до нашихъ дней, но такъ какъ государь всегда удостоивалъ своимъ присутствіемъ засѣданія Комитета Министровъ, то это учрежденіе пріобрѣло особенную важность *). Императоръ Александръ посѣщалъ эти засѣданія очень аккуратно съ 1802 по 1805 г., когда его отвлекла война съ Наполеономъ; впослѣдствіи же графъ Аракчеевъ съумѣлъ придать Комитету еще бо́льшую цѣну, будучи много лѣтъ докладчикомъ по дѣламъ его у государя **).

Мысль учрежденія министерствъ, осуществленная знаменитымъ манифестомъ 8 Сентября 1802 г. ***),

---

*) Журналы комитета сначала составляли Н. Н. Новосильцовъ и графъ П. А. Строгановъ, затѣмъ М. И. Муравьевъ и графъ А. И. Салтыковъ.

**) Изъ «Историческаго обзора дѣятельности Комитета Министровъ» Середонина видно, что императоръ Александръ I присутствовалъ въ 1802 г. на 20 засѣданіяхъ, въ 1803 г.—на 42, въ 1804 г.—на 26, а въ 1805 г.—только на 4, въ 1806 г.—на 10, въ 1807 г. вовсе не присутствовалъ.

***) 8 сентября были назначены министрами: военнымъ—генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ, военныхъ морскихъ силъ — адмиралъ Мордвиновъ; иностранныхъ дѣлъ, со званіемъ государственнаго канцлера — графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, товарищемъ его — тайный совѣтникъ князь Адамъ Чарторыжскій; юстиціи или генералъ-прокуроромъ — Державинъ; внутреннихъ дѣлъ — графъ Кочубей, товарищемъ его — графъ П. А. Строгановъ; финансовъ — графъ Васильевъ, товарищемъ его — гофмейстеръ Гурьевъ; коммерціи—графъ Н. П. Румянцевъ; народнаго просвѣщенія—графъ Завадовскій, товарищемъ его — тайный совѣтникъ М. Н. Муравьевъ; государственнымъ казначеемъ — тайный совѣтникъ Голубцовъ. Въ указѣ было упомянуто, что государь предоставляетъ себѣ впредь назначить министру юстиціи товарища. Это мѣсто при Лопухинѣ занялъ Н. Н. Новосильцовъ.

всецѣло принадлежитъ четыремъ любимцамъ государя. Лонгиновъ выражался такъ о нихъ: «Духъ времени уже леталъ надъ этими молодыми и пылкими умами и коснулся ихъ своимъ крыломъ. Они вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее, которое имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ ихъ воспріимчивыхъ душахъ, и пламеннымъ ихъ желаніемъ было примѣнить къ Россіи новыя формы жизни, только-что выработавшіяся въ Европѣ» *).

**) Изъ членовъ негласнаго комитета только Викторъ Павловичъ Кочубей былъ назначенъ министромъ вну-

---

*) *Корфъ*, I, 93.

**) Въ письмѣ д'Антрега (d'Antraigues) къ князю Чарторыжскому, отъ 13 іюля 1805 года, анализирующаго перехваченное письмо Лессепса (Lesseps) къ Талейрану (Talleyrand), мы читаемъ слѣдующее: «...ce que disait Lesseps à Talleyrand en parlant des adjoints, il dit textuellement: «l'Empereur a placé en eux toutes ses espérances pour l'avenir, car il méprise les ministres parce qu'il les connait et espère tout des adjoints parce qu'il ne les connait pas». Il ne fait le portrait que de deux adjoints disant que le reste est si méprisable qu'il ne vaut pas la peine d'être nommé. Ces deux sont Stroganoff dont il fait l'éloge des vues, quelques moyens, mais dévoués à la France, dans l'enthousiasme de Bonaparte qu'il peut certifier qu'il lui a dit à lui-même et qu'il sait qu'il a répété souvent qu'il préférerait d'être aide de camp de Bonaparte à être premier ministre en Russie. Puis vient Czartoryski et sur lui c'est la vieille chanson qu'il est Polonais, qu'il déteste la Russie, qu'il devrait être roi de Pologne, qu'il ne l'oubliera jamais et qu'il le leur fera sentir. Cette lettre est remarquable en ceci, c'est que je vois sous la signature de Lesseps, cette note de Bourienne, alors secrétaire de Bonaparte: «M-r de Talleyrand témoigne à Lesseps ma satisfaction de cette lettre et l'assurera de ma bienveillance et de ma confiance. Signé Bonaparte»... (*Архивъ* министерства иностранныхъ дѣлъ). Д'Антрегъ былъ эмигрантъ, тайный агентъ Бурбоновъ; онъ жилъ попеременно въ Вѣнѣ и Петербургѣ, гдѣ принялъ русское подданство и даже православіе. Впослѣдствіи онъ былъ загадочно убитъ около Лондона, въ 1812 году. Въ вышеприведенномъ письмѣ, которое ему удалось перехватить, д'Антрегъ распространяется о донесеніи Лессепса къ Талейрану, посланному изъ Петербурга съ подробностями о русскомъ правительствѣ.

тренних дѣлъ; всѣ остальные товарищами: къ Кочубею — графъ Строгановъ; къ канцлеру графу А. Р. Воронцову — князь Адамъ Чарторыжскій, а Новосильцовъ первое время былъ безъ мѣста, получивъ постъ товарища, когда ушелъ Державинъ и былъ назначенъ министромъ юстиціи кн. П. В. Лопухинъ. Новосильцовъ*) былъ нуженъ государю первые года для работы въ негласномъ комитетѣ, и этимъ только объясняется его позднѣйшее назначеніе. Своимъ быстрымъ возвышеніемъ онъ, конечно, былъ обязанъ графу П. А. Строганову, своему другу и родственнику **). Многіе изъ современниковъ особенно выдѣляли способности Новосильцова, и Жозефъ де Местръ (Joseph de Maistre) ставитъ его «головой выше своихъ товарищей».

Намъ представляется, что онъ былъ въ то время прекраснымъ работникомъ, отличнымъ исполнителемъ возлагаемыхъ на него письменныхъ задачъ, но скорѣе труженикомъ тріумвирата, чѣмъ руководителемъ, которымъ безспорно оставался самъ государь.

Графъ П. А. Строгановъ со свойственными емў рвеніемъ и увлеченіемъ предался своимъ новымъ обязанностямъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ дѣйствительно, а не по званію только, оказался помощникомъ графа Кочубея, который всегда имѣлъ талантъ добросо-

*) Ланжеронъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Новосильцова: «Novossilzoff était un employé subalterne que l'amitié du comte Paul Stroganoff avait élevé jusqu'à celle de l'empereur; c'est un homme de cabinet, excellent travailleur, froid, prudent et connaissant bien les affaires. Je ne parle pas de sa moralité».

**) См. выше, стр. 76.

вѣстно исполнять все ему порученное, и съумѣлъ оцѣнить труды графа Строганова, съ которымъ всю жизнь оставался пріятелемъ. Въ бумагахъ П. П. Бекетова нашлось стихотвореніе неизвѣстнаго автора «Бостонъ», которое гласитъ:

«Съ нимъ, правда, Строгановъ играетъ,
Но козырей сей графъ не знаетъ,
Съ чего не смыслитъ подходить».

Насколько дѣйствія новаго министерства внутреннихъ дѣлъ распространялись и на другія вѣдомства, видно изъ переписки П. В. Чичагова съ С. Р. Воронцовымъ *). Адмиралъ Чичаговъ, желая «сломать шею» графу Мордвинову, что ему, впрочемъ, и удалось, очень заискивалъ у тріумвирата. Такъ, 12 мая 1801 г. онъ писалъ Семену Романовичу: «J'ai tâché de faire parvenir jusqu'à Sa Majesté par la voix du comte Stroganoff, que je ne voulais quitter le service que parce que je ne pouvais point concilier l'humiliation et les injustices criantes exercées contre moi dans le règne passé, avec mes principes». Затѣмъ, позже, тонъ перемѣняется и въ 1804 г. перо Чичагова дѣлается насмѣшливымъ: «Le jeune Stroganoff a demandé à Klokatchow (c'est un capitaine qui commande les yachts de l'Empereur): «Qui est-ce que l'on pourrait nommer à ma place»? замѣчая при этомъ: «Voilà à quoi tiennent les chutes des ministres et les élections au ministère dans ce pays». Далѣе слѣдующая замѣтка: «Je suis persuadé que si l'on mettait un Stro-

---

*) *Арх.* кн. Воронцова, т. XIX, 39, 122, 125, 129.

ganoff, par exemple, à ma place, tout irait rondement, et le service même gagnerait par là, car enfin on sera obligé d'en venir là». Въ письмѣ 8 марта 1805 года, говоря о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Чичаговъ выливаетъ всю свою горечь: «Но если допустить министерству внутреннихъ дѣлъ распространить власть свою и на самыя границы, порты, крѣпости, корабли и проч., то оно сдѣлается уже не одно министерство, но министерство всѣхъ министерствъ, и тогда другіе министры обратятся только въ его орудія, что, къ сожалѣнію, и утверждалъ въ мнѣніи графъ Строгановъ». Въ томъже письмѣ Чичаговъ подробно разсказываетъ объ исторіи, вышедшей у него съ графомъ Строгановымъ: «De l'histoire des quarantaines qui m'est arrivée dernièrement avec le ministre de l'intérieur, au sujet des mesures que l'Empereur a voulu faire prendre pour empêcher que la fièvre jaune ne pénètre dans l'Empire». Онъ излагаетъ здѣсь свои замѣчанія относительно проэкта «указа Сенату» (министра внутреннихъ дѣлъ), который, какъ пишетъ Чичаговъ, произвелъ «une grande inflammation dans l'intérieur; toute la trinité se consulta, car le quatrième était chez vous, et on chargea un des intestins, le plus propre à cet effet, pour vomir la bile que cela avait produit. Ce véhicule fut le jeune Stroganoff; on le persuada qu'il devait se mettre en avant, et comme il est la bonhomie même, il se mit à prêcher et fit un mémoire», извлеченіе изъ котораго и дѣлаетъ Чичаговъ. Говоря о своихъ возраженіяхъ графу Строганову, которыя читалъ государь, адмиралъ пишетъ: «Il m'a engagé à ne pas m'en servir, disant que comme l'affaire pouvait être terminée

sans cela (car il a d'abord désapprouvé la dissertation de Stroganoff) il voulait mieux ne pas donner lieu à de plus longues disputes. Je joins aussi la nouvelle organisation du département de la marine». Словомъ, все недовольство Чичагова *) сводилось къ тому, что онъ не признавалъ права за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ принимать мѣры предосторожности въ подвѣдомственныхъ ему портахъ противъ занесенія заразы. Но и въ наше время, то же министерство принимаетъ мѣры для борьбы съ чумой или холерой, и едва-ли Чичаговъ былъ правъ, думая, что, благодаря этому вмѣшательству, дѣло можетъ пострадать. Характеръ же адмирала былъ настолько своевластный и задорный, что онъ не могъ допустить никакого посягательства на свои права. Какъ видно, графъ Строгановъ съумѣлъ не уступать и поставить на своемъ.

Дѣло въ томъ, что третья экспедиція департамента внутреннихъ дѣлъ и медицинскій совѣтъ, а также все медицинское вѣдомство, состояли въ завѣдываніи и непосредственномъ управленіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника графа Строганова. Въ 1807 году графъ Кочубей представилъ государю отчетъ за пять лѣтъ дѣятельности своего министерства со времени его учрежденія, и въ этомъ отчетѣ читаемъ по части медицинской: «По непрерывнымъ замѣшательствамъ въ распредѣленіи медицинскихъ чиновъ по арміи и флоту, бывшимъ товарищемъ министра

*) Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, р. 1762 г., † 1849 г.; морской министръ 1802—1809 г., авторъ мемуаровъ на французскомъ языкѣ, гдѣ онъ оправдываетъ свой неуспѣхъ въ предводительствѣ дунайской арміей въ 1812 году.

внутреннихъ дѣлъ, графомъ Строгановымъ, сдѣлано соображеніе объ отдѣленіи сихъ частей и о составѣ особенныхъ для сего экспедицій при министерствахъ военныхъ».

Въ отчетѣ графа Кочубея сказано, что «если по арміи оно и встрѣтило нѣкоторыя нареканія, то по флоту совершенно одобряется». Такъ, напримѣръ, для улучшенія аптекарской части, по порученію товарища министра, графа Строганова, сдѣлано лейбъ-медикомъ Крейтономъ соображеніе «о правилахъ, долженствующихъ входить въ аптекарскій уставъ». Несомнѣнно, что и на этомъ спеціальномъ поприщѣ графъ Строгановъ оказалъ въ тѣ времена большія услуги, о чемъ свидѣтельствуютъ единогласно всѣ медицинскіе отчеты.

Гораздо бо́льшую оппозицію тріумвирату оказывалъ министръ юстиціи Державинъ *). Будучи многимъ обязанъ старику графу Александру Сергѣевичу Строганову, Державинъ съ нимъ разошелся, засѣдая вмѣстѣ въ Сенатѣ, а графскаго сына, Павла Александровича, онъ совсѣмъ не выносилъ. Въ его запискахъ порицаніе молодымъ совѣтникамъ императора читается на каждомъ шагу. Такъ, упоминая о сенатскомъ дѣлѣ 1803 г., Державинъ пишетъ: «Тогда всѣ окружающіе государя были набиты конституціоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ, какъ-то: князь Чарторыжскій, Новосильцовъ, графъ Кочубей, Строгановъ, а паче всѣхъ и какъ атаманъ ихъ — графъ А. Р. Воронцовъ» **). Онъ называетъ

*) Гавріилъ Романовичъ Державинъ, р. 1743 г., † 1816 г., сенаторъ, министръ юстиціи (1802—1803), поэтъ.

**) Соч. Державина, VI, 787.

ихъ «коварными и корыстными», «якобинской шайкой», «людьми, ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ основательно не знающими», и осмѣиваетъ ихъ всѣхъ въ своей баснѣ «Жмурки». Разсказывая о депутаціи Сената по дѣлу о службѣ дворянъ, Державинъ скорбитъ о томъ, что государь не говоритъ ни одного слова съ генералъ-прокуроромъ, а только совѣтуется съ молодыми, ближайшими совѣтниками, и дѣлаетъ справедливое заключеніе, что «противная сторона взяла перевѣсъ».

Въ свою очередь, тріумвиры строго осуждали поведеніе Державина, что можно заключить изъ записокъ графа Строганова. Объ участіи Державина въ проэктѣ преобразованія Сената графъ выражается такъ: «Послѣ мнѣнія Державина, представленнаго письменно въ Сенатъ имъ самимъ, нельзя ничего ожидать отъ его ложныхъ идей; Новосильцовъ былъ принужденъ распространиться объ истинныхъ началахъ раздѣла властей, который Державинъ думалъ соединить въ Сенатѣ». И Державину на дѣлѣ пришлось уступить и оставить постъ министра, который онъ занималъ не болѣе года. На его мѣсто былъ назначенъ кн. П. В. Лопухинъ, а товарищемъ—Новосильцовъ.

За то вліяніе Сперанскаго начало сказываться уже съ учрежденія министерствъ. Графъ Кочубей весьма удачно привлекъ Сперанскаго къ себѣ въ сотрудники, почти съ самаго основанія министерства внутреннихъ дѣлъ. Потому-то это министерство и пріобрѣло, раньше другихъ, стройную организацію. Всѣ проэкты новыхъ постановленій были писаны Сперанскимъ. Извѣстно, насколько перо его было талантливо и отличалось отъ

стариннаго языка, употреблявшагося въ дѣловой переепискѣ. Конечно, слѣдя зорко за тѣмъ, что происходило въ негласномъ комитетѣ, Сперанскій уже тогда могъ начать подготовлять тѣ планы, которые ему пришлось осуществить, хоть отчасти, въ ближайшемъ будущемъ. Кочубей же и Строгановъ относились къ нему вполнѣ дружественно и довѣрчиво.

Въ маѣ 1803 года вернулся въ Петербургъ изъ Грузина, по личному приглашенію государя, Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, вступивъ попрежнему на должность инспектора всей артиллеріи. Это событіе, какъ будто прошло незамѣченнымъ, но въ дѣйствительности вскорѣ дало себя почувствовать. Засѣданія негласнаго комитета прекратились въ концѣ того же 1803 года.

Хотя императоръ Александръ продолжалъ аккуратно посѣщать Комитетъ Министровъ, но стало замѣтно нѣкоторое охлажденіе его къ дѣламъ внутренней политики. 27 ноября 1804 г. графъ Строгановъ писалъ къ Н. Н. Новосильцову: «Vous savez que nous (*nous* относится къ государю) sommes sujets quelquefois par des regrets déplacés et un manque de résolution à rétrograder dans les mesures qu'on avait résolues, à ne pas oser faire les choses au moment où elles devaient l'être, et comme les circonstances n'attendent pas le bon plaisir des souverains, il en résulte quelque chose de lâche et de mal dans les opérations» *). Дѣйствительно, мысли госу-

*) Вы знаете, что мы иногда страдаемъ неумѣстными сожалѣніями и нерѣшительностью въ моментъ, когда все должно быть исполнено, а такъ какъ событія не ждутъ прихотей монарховъ, въ результатѣ выходитъ что-то трусливое и плохое.

даря перемѣняли направленіе, и въ немъ уже стало зарождаться новое увлеченіе—борьбой съ Наполеономъ, причемъ императоръ желалъ взять на себя главенство въ готовившейся коалиціи противъ Франціи.

Слѣдствіемъ такого настроенія была кампанія 1805 г., закончившаяся Аустерлицкой катастрофой. Но зачатки окончательнаго разрыва съ Наполеономъ надо искать раньше. Еще въ 1802 году, въ засѣданіяхъ негласнаго комитета, не разъ высказывалась явная враждебность къ Бонапарту. Въ то время графъ Строгановъ и князь Чарторыжскій доказывали, «что надлежало положить преграду властолюбивымъ видамъ Франціи», и «что мы можемъ сдѣлать имъ болѣе вреда, чѣмъ они намъ» (засѣданіе 22 января 1802 г.). 10 марта того же года, графъ Строгановъ въ комитетѣ горячо оправдывалъ дѣйствія нашего посла въ Парижѣ Моркова и доказывалъ, что статья въ «Лондонскомъ Курьерѣ» «оскорбительна для Россіи», и что «государь не можетъ умолчать о томъ безъ нарушенія народной чести». Но императоръ Александръ не согласился съ этими доводами и въ засѣданіи 17 марта рѣшилъ послать въ Парижъ, на просмотръ, планъ русскаго кодекса, вопреки комитету, который доказывалъ, что тамъ «не преминутъ интриговать въ семъ дѣлѣ». 24 марта, государь уже прямо высказался за тройственный союзъ, который послужилъ бы средствомъ къ «обузданію» Бонапарта и доставилъ бы намъ «полезное вліяніе на дѣла Европы». Комитетъ поголовно возсталъ противъ этого сужденія, и Строгановъ усиленно настаивалъ на томъ, что союзъ такого рода уронилъ бы Россію въ общемъ мнѣніи,

такъ какъ мы не могли бы ничего сдѣлать, если бы Франція соединилась съ Пруссіей. Непріязненныя чувства государя поддерживались донесеніями графа Моркова, котораго пришлось отозвать изъ Парижа (26 ноября 1803 г.), но съ награжденіемъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Старшій изъ чиновниковъ посольства, Убри, остался завѣдывать дѣлами. Разрывъ подготовлялся быстрыми шагами. Въ началѣ 1804 года заболѣлъ канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ и удалился отъ дѣлъ. Государь настоялъ, чтобы товарищъ его, князь Чарторыжскій, замѣнилъ его немедленно, и князь, послѣ недолгаго колебанія, принялъ эту отвѣтственную должность.

Вотъ какъ онъ разсказываетъ это событіе въ своихъ мемуарахъ*): «То было однимъ изъ тѣхъ капризовъ, какими часто задавался Александръ, и онъ не зналъ покоя, пока не удовлетворялъ ихъ. Когда подобная фантазія приходила ему въ голову, онъ постоянно возвращался къ ней, всѣми путями стремился къ ея достиженію. Умъ его не пытался разобрать, насколько она хороша или дурна, полезна или вредна. Его занимала одна мысль объ устраненіи всѣхъ препятствій. Достигнувъ же успѣха, онъ успокаивался, становился часто равнодушнымъ, иногда даже враждебнымъ тому, чего самъ страшно добивался».

Н. К. Шильдеръ замѣчаетъ, не безъ основанія, что «рѣшеніе государя назначить поляка-патріота на одну изъ важнѣйшихъ должностей въ имперіи возбу-

---

*) *Mémoires*, I, 360.

дило въ современномъ обществѣ и въ придворныхъ сферахъ сильнѣйшее неудовольствіе». И дѣйствительно, готовясь къ борьбѣ съ Наполеономъ, князь Чарторыжскій*) хотѣлъ принять за основаніе возстановленіе Польскаго королевства. Россія взяла бы на себя иниціативу этого великаго дѣла и не дала бы возможности Наполеону предупредить ее. Но этотъ фантастическій планъ встрѣтилъ большую оппозицію, во главѣ которой стоялъ другой любимецъ государя — князь Петръ Петровичъ Долгорукій. Онъ убѣждалъ государя привлечь Пруссію на свою сторону и съ этой цѣлью онъ былъ посланъ къ королю Фридриху-Вильгельму III въ Берлинъ. Чарторыжскій же признавалъ войну съ Пруссіей залогомъ успѣха при борьбѣ съ Наполеономъ. Расходясь во взглядахъ на отношенія Россіи къ Пруссіи, оба князя сходились въ необходимости дѣйствовать оружіемъ противъ Франціи. На дѣлѣ же, однако, государь открыто перешелъ на сторону князя Долгорукаго.

*) Ланжеронъ такъ выражается въ своихъ запискахъ о князѣ Чарторыжскомъ: «Le prince Adam Czartoryski qui jouait alors le premier rôle dans la diplomatie russe était à peine âgé de 30 ans, c'est un homme sage, froid, prudent et honnête. Je ne sais s'il était de force à lutter contre le cabinet et le génie de Napoléon, il avait de plus la méfiance de ses propres forces qui pouvait encore nuire au développement de ses moyens. Il était alors ami de l'empereur; il lui était entièrement dévoué; on ne pouvait soupçonner d'ambition, ni d'avidité un homme à qui une immense richesse était destinée et dont l'existence était assurée par sa naissance, mais quand même ces deux raisons ne le mettaient pas à l'abri du soupçon, sa probité et sa loyauté seules l'en défendaient suffisamment. L'amitié de l'empereur et sa qualité d'étranger et surtout de Polonais le rendaient l'objet de la haine des Russes, ce qui est assez naturel, mais il était aussi l'objet de calomnies que rien ne pouvait excuser. Pierre Dolgorouky disait publiquement qu'il aspirait au trône de Pologne et que pour y parvenir il trahirait la Russie et son souverain; cette *assertion* était absurde; Dolgorouky ne l'ignorait pas, mais il parvenait à la faire croire à quelques personnes; son but était rempli».

Остальные члены тріумвирата открыто не вмѣшивались въ этотъ споръ, но, конечно, сочувствовали князю Чарторыжскому.

Всѣ они сопровождали государя въ кампаніи 1805 г. (кромѣ Кочубея) и были свидѣтелями Аустерлицкаго погрома. Графъ П. А. Строгановъ впервые попалъ въ огонь и очень увлекся военными событіями, гдѣ случайно ему пришлось быть свидѣтелемъ геройства нашихъ войскъ, при неумѣломъ дѣйствіи союзныхъ штабовъ. Вѣроятно, съ этого времени уже запала у него тайная мысль предаться всецѣло военному поприщу, на которое черезъ два года онъ и перешелъ окончательно.

Вскорѣ послѣ Аустерлицкаго сраженія, императоръ Александръ приказалъ графу Строганову ѣхать въ Лондонъ съ дипломатическимъ порученіемъ*).

Счастливые дни тріумвирата близились къ концу. Первымъ удалился отъ дѣлъ князь Чарторыжскій, замѣтя перемѣну въ обращеніи съ нимъ государя: 17 Іюня 1806 г. онъ сдалъ свою должность барону Андрею Яковлевичу Будбергу и остался попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Вскорѣ послѣ него ушелъ графъ Кочубей, въ іюнѣ 1807 г., оставаясь членомъ Государственнаго Совѣта. Графъ Строгановъ перешелъ на военную службу. Новосильцовъ, хотя еще и оставался попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ теченіе двухъ лѣтъ, совсѣмъ вышелъ въ отставку, пребывая въ Вѣнѣ до 1812 года.

*) Въ письмѣ отъ 10 января 1806 г. графъ Ростопчинъ писалъ князю Циціанову, что «для новыхъ негоціацій графъ Строгановъ отправленъ имѣть дѣло съ Питтомъ».

Замѣчательно, что, когда 16 Марта 1807 г. императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ дѣйствующую армію, то Новосильцовъ, графъ Строгановъ и князь Чарторыжскій снова, какъ въ 1805 году, сопутствовали ему, несмотря на то, что новый министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Будбергъ, тоже находился въ свитѣ государя. Едва-ли это было особенно пріятно польскому магнату; двое-же остальныхъ, хотя еще были у дѣлъ, но уже предполагали скоро удалиться. Кочубей же въ оба раза не сопровождалъ государя.

Останавливаясь на роли каждаго изъ нихъ въ дни могущества и царскаго довѣрія, интересно прослѣдить, какъ они держали себя.

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, хотя и занималъ самое видное мѣсто, имѣя въ своемъ вѣдѣніи министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ талантъ оставаться всегда немного въ отдаленіи, не отступая отъ крайней осторожности въ словахъ своихъ и дѣйствіяхъ и держа себя скромно, но величаво. Новосильцовъ, зная, что безъ него не обойдутся, болѣе всѣхъ другихъ велъ черную работу въ занятіяхъ съ государемъ и отличался замѣчательнымъ прилежаніемъ и усидчивостью въ занятіяхъ. Онъ взялъ на себя роль скромнаго ментора, регулирующаго страсти и увлеченія, хотя на практикѣ такъ же увлекался, какъ и его товарищи. Князь Адамъ Чарторыжскій, особенно въ началѣ этого періода и въ разгарѣ дѣятельности негласнаго комитета, съ откровеннымъ рвеніемъ и юношескимъ увлеченіемъ предался реформамъ, видимо безъ всякихъ заднихъ мыслей, пока не былъ облеченъ завѣдываніемъ иностранной полити-

кой Россіи, гдѣ онъ уже не могъ сдержать своихъ патріотическихъ польскихъ чувствъ и пристрастій. Одинъ Строгановъ съ начала до конца этой преобразовательной горячки оставался вѣренъ себѣ, увлекаясь болѣе всѣхъ другихъ, говоря безусловно откровеннѣе товарищей и вовсе не стѣсняясь той обстановкой, среди которой ему приходилось произносить пламенныя рѣчи. Ему пришлось часто быть въ положеніи застрѣльщика, иногда неосторожнаго, мало опытнаго, но всегда чистосердечнаго, благороднаго и не страшившагося правды *).

Когда переносишься мысленно въ ту эпоху, особенно бросается въ глаза лихорадочное увлеченіе, охватившее молодыхъ сотрудниковъ монарха.

Но увлекался ли самъ монархъ одинаково со своими сверстниками? Едва ли. Внимательно прослѣдя различныя фазы той многосложной работы, которая была такъ быстро затѣяна, постоянно замѣчаешь въ дѣйствіяхъ государя сперва смѣлый шагъ впередъ и тотчасъ же нѣсколько шаговъ назадъ, именно тогда, когда, казалось, уже все приходило къ желанному рѣшенію. Онъ замѣчательно умѣлъ вдохновить своихъ избранниковъ, смѣло намѣтить, хотя всегда въ общихъ чертахъ, извѣстную программу и цѣль, но какъ только машина приходила въ полную силу своего напряженія,

---

*) Графиня В. Н. Головкина говоритъ, что «благосклонность великаго князя Александра къ тѣмъ или другимъ лицамъ ничего не значитъ въ глазахъ императора, и что это особенно видно на примѣрѣ молодого графа Строганова, къ которому Александръ благоволилъ болѣе, чѣмъ къ другимъ придворнымъ, а, будучи императоромъ, вскорѣ осыпалъ непріятностями и униженіями».

Императоръ Александръ I.
(Съ миніатюры Строгановской коллекціи).

давался непредвидѣнно задній ходъ. Затѣянное останавливалось и такъ же быстро все обращалось къ чему-либо новому, конецъ котораго ожидала та-же участь. Вотъ отчего такъ поражаетъ незаконченность всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя государь хотѣлъ положить въ основу своего царствованія, и которыя получили образъ какого-то пестраго, неопредѣленнаго конгломерата, освѣтившаго на короткое время Россію въ формѣ спустившагося съ небесъ метеора.

Лондонская миссія
(1806).

IV.

Если колебанія и неопредѣленность были замѣтны въ дѣлахъ внутренняго управленія, то они были еще болѣе ощутительны во внѣшней политикѣ. Особенная нервность проявилась послѣ Аустерлицкаго погрома. Не довольствуясь трудами русскихъ представителей за границей — графа Семена Романовича Воронцова въ Лондонѣ, графа Андрея Кирилловича Разумовскаго *) въ Вѣнѣ, Максима Максимовича Алопеуса **) въ Берлинѣ — императоръ Александръ началъ ввѣрять различныя дипломатическія порученія своимъ избранникамъ, къ которымъ питалъ довѣріе, и посылать ихъ попеременно въ столицы иностранныхъ государствъ. Иногда его выборъ оказывался удачнымъ, но чаще

*) Свѣтлѣйшій князь А. К. Разумовскій, р. 1752 г., † 1836 г., посолъ въ Вѣнѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

**) М. М. Алопеусъ, р. 1748 г., † 1822 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ; дипломатъ, чрезвычайный посланникъ въ Берлинѣ 1802—1807 гг., временно въ Лондонѣ 1807 г.; трижды выходилъ въ отставку, окончательно въ 1815 г.

происходили, вслѣдствіе этого оригинальнаго опыта, нежелательныя недоразумѣнія. Нечего и говорить, что сами представители государя при европейскихъ дворахъ были вовсе не рады такимъ непрошеннымъ гостямъ. Алопеусъ ворчалъ, когда явился въ Берлинъ и довольно долго тамъ пребывалъ князь Петръ Петровичъ Долгорукій (1806 г.); графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ былъ непріятно пораженъ пріѣздомъ, въ 1804 г., Н. Н. Новосильцова, которому удалось, несмотря на это, достичь русско-англійскаго соглашенія. Въ февралѣ 1806 г. пріѣхалъ въ Лондонъ графъ П. А. Строгановъ.

Несмотря на полнѣйшее личное расположеніе престарѣлаго графа Семена Романовича къ Новосильцову и Строганову, ихъ пріѣзды явно показывали старику недовѣріе къ его особѣ со стороны императора, и графъ Воронцовъ, конечно, въ концѣ концовъ, счелъ себя вынужденнымъ просить объ увольненіи, и просьба его была принята. Въ донесеніяхъ графа Строганова это настроеніе Воронцова передано довольно рельефно.

Приблизительно къ тому же времени, императоръ Александръ и князь Чарторыжскій, желая снова завязать сношенія съ Наполеономъ и заключить временное перемиріе, выбрали для этой цѣли статскаго совѣтника Петра Убри *). Ему были даны особыя полномочія, довольно ясныя, выраженныя въ слѣдующихъ словахъ, отъ 30 апрѣля (12 мая) 1806 г.:

---

*) Петръ Яковлевичъ Убри, † 1847 г., дѣйствительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный полномочный министръ въ Мадридѣ и Франкфуртѣ.

*) Quoique mon intention en vous envoyant à Paris ne soit pour le moment que d'établir une discussion franche et confidentielle sur tous les intérêts de la Russie et de la France, afin de préparer par là les voies à une négociation formelle pour la paix générale, néanmoins, comme il est probable qu'il s'établira également à cette fin des pourparlers entre la France et la Grande-Bretagne et que vous serez invité à y prendre part, j'ai résolu de vous autoriser à intervenir en mon nom, en attendant que je puisse désigner à cet objet un plénipotentiaire particulier, dans toute négociation qui s'établira entre l'Angleterre et la France et de signer sub spe rati, avec les plénipotentiaires respectifs, tout acte que vous jugeriez conforme à l'honneur et aux intérêts de la Russie.

Два мѣсяца ранѣе, графъ П. А. Строгановъ былъ отправленъ въ Лондонъ, тоже съ особыми инструкціями, гдѣ вскорѣ замѣстилъ графа С. Р. Воронцова. Убри было предписано сообразовать свой образъ дѣйствій съ заявленіями графа Строганова.

Прибывъ въ Парижъ 24 іюня (6 іюля) 1806 года, Убри уже 8/20 іюля подписалъ на свой страхъ окончательный мирный договоръ съ Наполеономъ и повезъ этотъ

*) Собственно я не имѣю другого намѣренія теперь, посылая васъ въ Парижъ, какъ завязать прямое и довѣрительное обсужденіе всѣхъ выгодъ Россіи и Франціи, съ цѣлью подготовить путь къ формальнымъ переговорамъ о всеобщемъ мирѣ; тѣмъ не менѣе, такъ какъ, вѣроятно, начнутся съ тою же цѣлью переговоры между Франціей и Великобританіей, и васъ пригласятъ принять въ нихъ участіе, то я рѣшился, въ ожиданіи, пока можно будетъ назначить для этого особаго уполномоченнаго, поручить вамъ вступать во всякіе переговоры между Англіей и Франціей и подписывать sub spe rati, вмѣстѣ съ ихъ уполномоченными, всякую бумагу, которая покажется вамъ соотвѣтствующею чести и выгодамъ Россіи.

документъ въ Петербургъ. За это время князь Адамъ Чарторыжскій передалъ веденіе министерства иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу *), а князь П. П. Долгорукій обмѣнялся съ Пруссіей тайными деклараціями. Обстановка измѣнилась. Императоръ Александръ не призналъ возможнымъ скрѣпить своей подписью мирный договоръ, привезенный Убри, и передалъ этотъ договоръ на обсужденіе Совѣта, который не нашелъ возможнымъ ратификовать «актъ сего мнимаго умиротворенія» **).

Убри былъ объявленъ выговоръ, съ повелѣніемъ удалиться въ свои земли. Онъ уѣхалъ въ Ригу. Считаю небезъинтереснымъ привести текстъ «заявленія, вызваннаго неутвержденіемъ договора, подписаннаго Убри и Кларкомъ въ Парижѣ 8/20 іюля 1806 г.»:

***) Le conseiller d'état P. d'Oubril, qui fut envoyé à Paris au commencement du mois de mai dernier pour porter des secours aux soldats russes prisonniers de guerre, avait été muni en même temps d'instructions pour le cas, où il trouverait occasion d'opérér un rapprochement entre la Russie et la France. Il en est revenu en toute diligence

---

*) Баронъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ, р. 1750 г., † 1812 г., министръ иностранныхъ дѣлъ съ 1806 по 1807 г.

**) Текстъ самаго договора смотри въ Приложеніяхъ.

***) Статскій совѣтникъ П. Убри, посланный въ Парижъ въ началѣ прошлаго мая, для вспомоществованія русскимъ военноплѣннымъ солдатамъ, былъ въ то же время снабженъ инструкціями на тотъ случай, еслибъ представилась возможность устроить сближеніе между Россіей и Франціей. Онъ очень поспѣшно возвратился оттуда и привезъ мирный договоръ, подписанный 8/20 іюля имъ и генераломъ Кларкомъ, уполномоченнымъ для этого французскимъ правительствомъ.

portant avec lui un traité de paix, signé le 8/20 juillet par lui et le général Clarke autorisé à cet effet par le gouvernement français.

Cet événement, qui eût comblé les vœux de S. M. I. pour peu que l'acte en question eût été compatible avec sa dignité, avec ses engagements envers ses alliés, avec la sûreté de ses peuples et la tranquillité de l'Europe, a dû produire un effet tout opposé, parce qu'aucune de ses intentions magnanimes ne s'est trouvée remplie comme on le verra par la traduction ci-dessous. Dans une séance extraordinaire du conseil d'état, le monarque a daigné communiquer l'acte de cette prétendue pacification, et après l'avoir comparé avec les instructions données à M. d'Oubril, ainsi qu'avec les ordres précis à lui envoyés avant son départ de Vienne pour Paris, S. M. I. s'est vue dans l'impossibilité de ratifier ce traité que M. d'Oubril a pris absolument sur lui de signer, non seulement en dépassant les bornes de ses pouvoirs, mais encore en agissant évidemment contre la lettre et l'esprit de sa commission.

Это событіе было бы верхомъ исполненія желаній е. и. в-ва, если бы упомянутая бумага согласовалась съ его достоинствомъ, съ его обязательствами относительно союзниковъ, съ безопасностью его народовъ и спокойствіемъ Европы. Но оно произвело противоположное впечатлѣніе, потому что не исполнило ни одного изъ его великодушныхъ намѣреній, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующаго перевода. Монархъ соблаговолилъ сообщить это мнимое умиротвореніе совѣту въ чрезвычайномъ засѣданіи, и, сличивъ его съ данными г-ну Убри инструкціями, а также съ точными приказаніями, посланными ему передъ его отъѣздомъ изъ Вѣны въ Парижъ, е. и. в-во нашелъ невозможнымъ утвердить этотъ договоръ, который г. Убри подписалъ совершенно на свой страхъ, не только преступая предѣлы своихъ полномочій, но и дѣйствуя, очевидно, противъ буквы и духа своего порученія.

Le conseil d'état, guidé par le sentiment unanime de la gloire nationale et de la loyauté connue de l'Empereur, a applaudi à ce refus indispensable de toute ratification, et S. M. I. s'est bornée à le faire annoncer en France en y joignant un aperçu des bases sur lesquelles uniquement des négociations de paix pourraient être renouées.

Le ministre des affaires étrangères a fait part officiellement de ces résolutions aux ministres étrangers résidant près de la cour impériale. M. d'Oubril qui, par une combinaison inconcevable de circonstances a si mal répondu à la confiance dont il était investi et qu'il avait justifiée tout récemment dans de commissions importantes remplies avec un succès distingué à Londres, à Berlin et à Vienne, a été renvoyé sur ses terres pour y rester jusqu'à nouvel ordre.

Мнѣ пришлось довольно подробно остановиться на инцидентѣ съ П. Убри потому, что, во-первыхъ, случай этотъ даетъ нить ко многимъ приложеннымъ донесеніямъ графа Строганова, и, во-вторыхъ, очевидно, показываетъ, насколько роль графа Павла Александровича въ Лондонѣ была трудна. Графу Стро-

---

Государственный Совѣтъ, руководимый единодушнымъ чувствомъ народной славы и извѣстной честности императора, пришелъ въ восторгъ отъ этого неизбѣжнаго отказа во всякой ратификаціи, и е. и. в-во ограничился тѣмъ, что извѣстилъ объ этомъ Францію, прибавивъ перечень единственныхъ основаній, на которыхъ могли бы возобновиться мирные переговоры.

Министръ иностранныхъ дѣлъ офиціально сообщилъ объ этомъ рѣшеніи иностраннымъ министрамъ при императорскомъ дворѣ. Г. Убри, въ силу непостижимыхъ обстоятельствъ, такъ мало оправдавшій то довѣріе, которое еще такъ недавно онъ оправдывалъ отличнымъ исполненіемъ важныхъ порученій въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, былъ отосланъ въ свои имѣнія, чтобы оставаться тамъ до новыхъ приказаній.

ганову предстояло теперь, исполняя приказаніе государя, разрѣшить щекотливую задачу. Ближайшими его сотрудниками въ Лондонѣ явились баронъ Павелъ Андреевичъ Николаи (повѣренный въ дѣлахъ) и Н. М. Лонгиновъ *), оба бывшіе въ прекрасныхъ отношеніяхъ и съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, и съ семействомъ Строгановыхъ. Николаи **) помогалъ ему въ Лондонѣ ***), а Лонгиновъ подробно сообщалъ изъ Петербурга о всѣхъ личныхъ перемѣнахъ и о настроеніи при дворѣ.

Надо отдать справедливость старику графу С. Р. Воронцову. Несмотря на тѣ чувства, которыя его волновали при пріѣздѣ графа П. А. Строганова въ Лондонъ, онъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы облегчить положеніе своего молодого замѣстителя. Представленіе Строганова первому министру Фоксу произошло еще въ февралѣ, въ присутствіи графа Воронцова. Зная о недовѣріи Фокса, графъ Семенъ Романовичъ воспользовался случаемъ, чтобы ему сказать ****), « que l'Empereur, en envoyant ici le comte Stroganoff, me marqua son désir pour qu'il fût mis au courant

---

*) Николай Михайловичъ Лонгиновъ, р. 1775 г., † 1853 г., статсъ-секретарь по учрежденіямъ императрицы Маріи, впослѣдствіи сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта.

**) П. А. Николаи, р. 1777 г., † 1847 г., дипломатъ, 1806-1807 г. повѣренный въ дѣлахъ въ Англіи, потомъ въ Швеціи, съ 1818 г. полномочный министръ въ Даніи.

***) См. Приложенія.

****) что государь, посылая сюда графа Строганова, выражаетъ мнѣ свое желаніе, чтобы графъ былъ посвященъ въ дѣла между обоими государствами, и что государь желаетъ, чтобы Строгановъ присутствовалъ при моихъ переговорахъ съ британскимъ кабинетомъ. Потому онъ всегда и присутствовалъ

des affaires entre les deux pays et qu'il désirait qu'il fût présent à mes conférences avec le ministère britannique. C'est pourquoi il a assisté toujours à mes entrevues avec lord Mulgrave, ainsi qu'à celles que j'ai eues avec lui-même. En conséquence de cela le comte Stroganoff sera toujours avec le baron de Nicolay aux entrevues que lui, Mr Fox, sera dans le cas avec notre chargé d'affaires sur les rapports de nos pays respectifs» *).

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, уже рѣшивъ удалиться, постепенно вводилъ въ курсъ дѣлъ царскаго посланца; съ своей стороны, князь Чарторыжскій писалъ графу Воронцову, излагая свои соображенія относительно послѣдствій Аустерлицкой битвы, и увѣрялъ посла нашего въ полномъ съ нимъ единомысліи графа Строганова **). Послѣ своей отставки, графъ С. Воронцовъ продолжалъ жить въ Англіи частнымъ человѣкомъ, слѣдя съ интересомъ за ходомъ дѣлъ. Отношенія между нимъ и Строгановымъ были наилучшія, почему послѣдній и сообщалъ ему подробно о своихъ дѣйствіяхъ. Оказывается, что старикъ вполнѣ одобрялъ своего молодого преемника, что, напримѣръ, видно изъ письма его къ сыну Михаилу Семеновичу отъ

при свиданіяхъ моихъ съ лордомъ Мульгрэвомъ, а также при тѣхъ, которыя я имѣлъ съ нимъ самимъ. Въ силу этого графъ Строгановъ будетъ всегда съ барономъ Николаи на свиданіяхъ, которыя Фоксу представится имѣть случай съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ по поводу взаимныхъ сношеній нашихъ государствъ.

*) *Арх.* кн. Воронцова, XV, 402.

**) Въ письмѣ изъ Москвы отъ 28 іюня 1806 г. Я. И. Булгаковъ писалъ сыну своему, А. Я. Булгакову въ Неаполь: «Графъ Воронцовъ въ Лондонѣ отставленъ; вѣроятно, его мѣсто займетъ находящійся тамъ графъ Строгановъ».

6 августа 1806 г. *): «Je suis enchanté de ses dépêches (П. А. Строганова) à Budberg et des coups d'éperons qu'il lui donne pour exciter en lui du patriotisme et de l'élévation d'âme» **). Позже, въ письмѣ къ тому же сыну, Михаилу Семеновичу, Воронцовъ проситъ сказать графу П. А. Строганову, что онъ ***) «vraiment un digne et respectable homme, qu'il a fait parfaitement bien, qu'il a été en règle et qu'il a agi dans mon sens en ouvrant le paquet de Tatischteff parce que non seulement j'ai quitté mon ambassade, et tout ce qui est adressé à l'ambassadeur par ceux qui ignorent encore sa retraite de sa place, ne lui appartient plus, mais à celui qui fait les affaires de sa cour»... Графъ Строгановъ внушилъ ему «une telle amitié, estime et confiance que je ne pourrai avoir rien de caché pour lui et qu'il n'y a aucune lettre particulière et confidentielle que je voudrais ne pas lui montrer...» и еще «que la franchise avec laquelle il a

---

*) Я въ восторгѣ отъ его депешъ (графа Строганова) барону Будбергу и отъ тѣхъ ударовъ шпорами, которыми онъ подбодряетъ барона, чтобы возбудить въ немъ патріотизмъ и возвышенность души.

**) *Арх.* кн. Воронцова, XVII, 136.

***) что Строгановъ дѣйствительно достойный и уважаемый человѣкъ, что онъ отлично вошелъ въ свою роль, былъ корректенъ и дѣйствовалъ совсѣмъ въ моемъ духѣ, вскрывъ пакетъ Татищева, потому что я оставилъ свое мѣсто, и все то, что адресовано на имя посла тѣми, которые не знаютъ объ его уходѣ, должно быть вскрыто лицомъ, на котораго возложено веденіе дѣлъ посольства». Дальше онъ пишетъ, что «графъ Строгановъ внушилъ ему такую симпатію, такое уваженіе и довѣріе, что я не буду въ состояніи чего-либо отъ него скрыть, и нѣтъ такого частнаго, конфиденціальнаго письма, которое я не пожелалъ бы ему показать», и «что прямота, съ которой онъ отнесся къ лорду Грэнвиллю и князю Кастельчикала, вполнѣ его достойна, такъ какъ она дышетъ благородствомъ и осторожностью и должна вселить къ нему полнѣйшее уваженіе и довѣріе».

agi envers lord Granville et le prince Castelcicala est digne de lui, car elle est noble et prudente, et doit inspirer pour lui la plus grande estime et confiance».

Когда разыгрался парижскій инцидентъ, Строгановъ понялъ оплошность Убри. П. А. Николаи сообщаетъ С. Р. Воронцову отъ 25 іюля: «Le comte Stroganoff s'est déterminé à présenter aujourd'hui toute l'affaire à lord Granville de manière qu'ils voient clairement que c'est l'ouvrage de M. d'Oubril seul, sans qu'il ait été autorisé à le terminer, et le comte Stroganoff m'a assuré être persuadé que l'Empereur ne l'approuvera pas». Между тѣмъ, Убри спѣшилъ сообщить графу Строганову скрѣпленный имъ договоръ, наивно прибавляя, что, хотя онъ, можетъ быть, и превысилъ свои полномочія, но по здравому разумѣнію не могъ поступить иначе *).

Съ большимъ вниманіемъ и съ неменьшимъ удивленіемъ читалъ и перечитывалъ графъ П. А. Строгановъ бумаги, полученныя имъ отъ г. Убри изъ Парижа, не только его объяснительное письмо, но особенно договоръ 8/20 іюля. Чѣмъ болѣе вдумывался онъ въ смыслъ и значеніе словъ, тѣмъ яснѣе представлялись ему и непригодность этого договора сама по себѣ, и противность его всѣмъ дипломатическимъ стараніямъ послѣдняго времени. Свои взгляды на этотъ договоръ и мысли свои, имъ вызванныя, графъ Строгановъ краснорѣчиво излилъ въ подробномъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ, писанномъ 15/27 іюля, ровно черезъ недѣлю послѣ заключенія пресловутаго парижскаго

*) См. въ Приложеніяхъ.

договора. Въ виду важности этого рапорта, помѣщаемаго въ Приложеніяхъ, привожу его въ дословномъ переводѣ:

«Государь!

«Вашему Императорскому Величеству извѣстны уже, изъ отправленія моего нá-скоро сдѣланнаго 13/25 іюля, причины недовѣрія къ намъ здѣшняго министерства, вслѣдствіе болѣе чѣмъ своеобразнаго поведенія г. Убри въ Парижѣ, которое не преминуло бы заставить насъ поссориться съ Великобританіей, если бы оно было вполнѣ одобрено; но я нимало не сомнѣваюсь, что одобрено оно не будетъ, и я, не колеблясь, объявилъ это лорду Грэнвиллю въ конференціи, которую я испросилъ у него по этому поводу, причемъ я сообщилъ ему in extenso все, что получилъ изъ Парижа, не давая ему, однако, офиціально копій, такъ какъ признавалъ недѣйствительными бумаги, составленныя самимъ г. Убри не только безъ всякихъ полномочій, но въ полномъ противорѣчіи съ буквою и смысломъ тѣхъ инструкцій, которыя были даны ему и сообщены мнѣ.

«Въ сегодняшней моей депешѣ къ барону Будбергу я сообщаю для свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества всѣ бумаги съ приложеніями, которыми обмѣнялись между собою лордъ Ярмутъ въ Парижѣ и министры его королевскаго величества. Бумаги эти дадутъ Вашему Императорскому Величеству возможность судить о началахъ, которыми всегда руководился сэнт-джемскій кабинетъ, и которыя, по моему мнѣнію, вполнѣ сходны съ духомъ тѣхъ началъ, которыя я

всегда получалъ отъ Васъ, Государь. Зная всѣ эти бумаги, г. Убри былъ, слѣдовательно, вполнѣ освѣдомленъ о духѣ и началахъ британскаго кабинета; я подтверждаю еще это депешами, отправленными мною г. Убри 4/16 іюля и равнымъ образомъ приложенными въ копіи барону Будбергу.

«Моя депеша была показана г. Фоксу и лорду Грэнвиллю и вполнѣ согласовалась съ тою, которую они послали лорду Ярмуту; но все это было уже слишкомъ поздно.

«Г. Убри, желая всѣми мѣрами спасти, сверхъ чести своего государя и достоинства своей страны, еще что-нибудь и видя, что спасеніе того, что онъ обѣщалъ мнѣ въ своей депешѣ, стало весьма сомнительнымъ, рѣшился уже во что бы ни стало подписать хоть что-нибудь, и изъ всего хвастливаго перечня, сдѣланнаго имъ въ своихъ депешахъ, находящихся въ числѣ другихъ приложеній, остается спасенною одна лишь Рагузская республика, да и то французскія позиціи представляются расположенными съ явною цѣлью уничтожить независимость и этого незначительнаго государства. Спокойствіе Черногоріи основано, кажется, не на болѣе прочныхъ началахъ, ибо условіе, которое обезпечиваетъ его и единственнымъ судьей котораго является Бонапартъ, совершенно противорѣчитъ нравамъ и убѣжденіямъ черногорцевъ, которые постоянно отказываются признавать себя подданными Порты и во всѣхъ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ всегда подписываются «вѣрноподданными» Вашего Императорскаго Величества. Такъ что ставить ихъ спокойствіе въ зависимость отъ

условія, которое, можно заранѣе сказать, не будетъ исполнено, значитъ предоставить ихъ всецѣло мести Бонапарта. Вотъ чѣмъ мы отплачиваемъ за ихъ постоянную готовность проливать за насъ свою кровь по первому нашему знаку! Такова-то награда за ихъ безкорыстную вѣрность! Если черногорцевъ станутъ утѣснять, чѣмъ можемъ мы помочь имъ, при обѣщаніи, данномъ г. Убри отъ Вашего имени, что Вы, Государь, не будете содержать на этихъ семи островахъ болѣе 4000 человѣкъ? Не постыдно ли соглашаться на такое насмѣшливое условіе? Содержать такой незначительный отрядъ равносильно вовсе не имѣть тамъ войска. Но и это еще не все.

«Г. Убри восклицаетъ, что «Австрія спасена», и это должно оправдывать его во всемъ. Необходимо, однако, замѣтить, что приказы, которые должны быть даны по этому поводу, отложены на неопредѣленное время; когда же приказы эти послѣдуютъ, то возможно, что они не будутъ исполнены: если они будутъ исходить отъ г. Убри, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Ваши, Государь, военачальники не подчинятся имъ; если же изъ Петербурга, то невѣроятно, чтобы трехмѣсячный срокъ былъ достаточенъ для соблюденія всѣхъ условій, связанныхъ съ уходомъ французскихъ войскъ. А такъ какъ за это время честолюбіе Бонапарта не останется, вѣроятно, спокойнымъ, то онъ найдетъ, конечно, тысячу предлоговъ, чтобъ оставить свои войска въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, даже атаковать Австрію, если онъ признаетъ это нужнымъ, еще до истеченія означеннаго срока. Развѣ нельзя предполагать, что онъ

нарушить свое слово? Развѣ это такъ необычно у главы Франціи, и неужели преступно сомнѣваться въ его благородствѣ?

«Гдѣ, въ какихъ статьяхъ этого договора, оговорено вознагражденіе за признаніе нами императорскаго титула за Бонапартомъ? Развѣ мы не вправѣ ожидать, что онъ пожертвовалъ-бы чѣмъ-нибудь за это?

«Да позволено мнѣ будетъ заключить нѣсколькими замѣчаніями относительно срока размѣна ратификацій, назначеннаго черезъ 25 дней по подписаніи этихъ статей. Первое извѣстіе объ этомъ договорѣ будетъ привезено самимъ г. Убри; но онъ не можетъ прибыть въ Петербургъ скорѣе, какъ черезъ 16 дней — Вашему Императорскому Величеству останется, слѣдовательно, всего девять дней для разсмотрѣнія сдѣлки, находящейся въ полномъ противорѣчіи съ образомъ дѣйствія, котораго Вы придерживались, Государь, со времени вступленія Вашего на престолъ. Такимъ образомъ, г. Убри, не удовольствовавшись тѣмъ, что позволилъ обойтись съ собою, какъ съ плѣнникомъ, которому не даютъ времени, необходимаго для отдыха и ѣды, соглашается еще и на то, чтобы августѣйшая особа Вашего Императорскаго Величества была бы поставлена въ такое же положеніе и была бы обязана пожертвовать своимъ спокойствіемъ и на́-скоро обдумывать, какъ, если смѣю выразиться, робкій приказчикъ, чувствующій на себѣ суровый взглядъ своего хозяина.

«Секретныя статьи договора не представляютъ, мнѣ кажется, ничего болѣе удовлетворительнаго или болѣе почетнаго. Въ нихъ нашъ добровольный позоръ за

оставленіе неаполитанскаго короля, который потерялъ свое королевство дѣйствительно изъ-за насъ и Англіи; и это безъ малѣйшей пользы для общихъ дѣлъ взамѣнъ такого добровольнаго пораженія! Но что еще болѣе поражаетъ — мы не только отдѣляемся отъ Англіи, нашей вѣрнѣйшей союзницы, но объявляемъ себя противъ нея, ибо соглашаемся закрыть ей временно порты Болеарскихъ островов, одинъ изъ которыхъ, портъ Магонъ, можетъ имѣть большое значеніе. Мы подражаемъ въ этомъ поведеніи Пруссіи относительно портовъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей.

«Правда, г. Убри говоритъ, что мы остались тѣмъ, чѣмъ были, и дѣйствительно, я не замѣчаю ни одной русской провинціи уступленною; но все, что могло связывать насъ съ Европою, пренебрежено и принесено господиномъ Убри въ жертву.

«Я не преминулъ объявить англійскимъ министрамъ, что мы, съ испоконъ вѣковъ привыкшіе въ дѣлахъ чести и славы быть руководимыми августѣйшею семьею Вашего Императорскаго Величества, особенно теперь не допустимъ поработить себя по примѣру другихъ континентальныхъ державъ.

«Простите, Государь, мои размышленія; но я не могъ воздержаться отъ изліянія чувствъ, которыя я испыталъ, ознакомившись съ этимъ своеобразнымъ актомъ.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ, Государь, имѣю счастье пребыть

Вашего Императорскаго Величества

преданнѣйшій и вѣрноподданный

П. Строгановъ».

Не только императоръ Александръ I и весь Государственный Совѣтъ, не только вся Россія, но сама исторія оправдала политическіе взгляды и патріотическія чувствованія русскаго посланника въ Лондонѣ. Этотъ рапортъ лучше всего рисуетъ дипломатическія способности графа П. А. Строганова. Онъ и на чужбинѣ высоко держалъ знамя русской чести и жизненныхъ интересовъ Россіи. Не онъ повиненъ въ томъ, что его дипломатическія усилія не увѣнчались заслуженнымъ успѣхомъ. Читая его лондонскія реляціи, помѣщаемыя въ Приложеніяхъ, убѣждаешься, что императоръ Александръ не ошибся въ своемъ выборѣ, посылая его въ Лондонъ, на смѣну графа С. Р. Воронцова.

Изъ приведеннаго всеподданнѣйшаго рапорта видно, что графъ Строгановъ, и помимо своихъ служебныхъ обязанностей, свыкался уже съ лондонскою жизнью и завелъ весьма дружественныя сношенія съ тамошнимъ обществомъ. Но изъ писемъ Лонгинова онъ зналъ, что новый министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Будбергъ, относится къ нему не только завистливо, но даже враждебно; удаленіе князя Чарторыжскаго было дурнымъ предзнаменованіемъ. Позднѣе Лонгиновъ, упоминая о Будбергѣ, сообщаетъ графу С. Р. Воронцову: «Il n'y a personne au monde qu'il déteste tant que le comte Paul Stroganoff. Ce dernier a eu la préférence, nonobstant que le prince Czartoryski et Novossiltzow ne soient pas plus aimés de lui» *).

---

*) *Арх.* кн. Воронцова, XXIII, 35.

Графъ Строгановъ началъ тяготиться своими обязанностями дипломата, но желалъ еще остаться въ Англіи, которая ему все болѣе нравилась. Государь же, какъ видно изъ письма его отъ 14 августа къ графу*), требовалъ скорѣйшаго его возвращенія въ Петербургъ, вѣроятно, думая дать ему какое-либо новое назначеніе въ сферѣ внѣшней политики. О томъ, что императоръ былъ доволенъ образомъ дѣйствій Строганова, ясно выражено въ этомъ письмѣ; то же писалъ П. А. Николаи графу С. Р. Воронцову, отъ 14 и 17 сентября: «Sa Majesté lui sait un gré particulier qu'il lui a rendu». Говоря о возвращеніи Строганова изъ поѣздки по Англіи и о передачѣ писемъ, полученныхъ за его отсутсвіе, Николаи разсказываетъ,. какъ графъ прочелъ ему письмо государя «qui exprime tout son contentement sur la conduite qu'il a tenue ici et le presse de nouveau de le rejoindre. J'ignore encore quels sont les projets du comte Stroganoff», прибавляетъ Николаи. 23 сентября, баронъ Андрей Львовичъ Николаи**), упоминая о слухахъ объ отставкѣ Строганова, писалъ графамъ Воронцовымъ (отцу и сыну) изъ Монрепо: «Le bruit qui court que le comte Stroganoff, au grand regret de Paul (сына Николаи), vient de se démettre des affaires et qu'il sera remplacé par un autre ministre ad interim qu'on ne nomme pas encore, mais duquel Paul pourrait bien ne pas s'accommoder si bien que

---

*) См. ниже.

**) А. Л. Николаи (Nicolay, Heinrich-Ludwig), изъ Страсбурга, профессоръ логики, преподаватель великому князю Павлу Петровичу (1769 г.), библіотекарь и секретарь его (1776 г.), тайный совѣтникъ, президентъ императорской Академіи Наукъ, р. 1737 г., † 1820 г.

du comte, tout cela me tient encore en suspens sur le sort de mon fils».

Въ это самое время графъ Павелъ Александровичъ безпечно посѣщалъ герцога Сомерсета (Somerset) въ Девонширѣ (Devonshire), намѣревался отправиться въ Портсмутъ осмотрѣть русскую эскадру и медлилъ отъѣздомъ на родину. Наконецъ, онъ выѣхалъ, но окружнымъ путемъ—черезъ Данію и Швецію.

Что пріѣздъ графа ожидался давно, явствуетъ изъ письма старика барона Николаи отъ 28 декабря изъ Монрепо къ Воронцовымъ, «que le comte Stroganoff doit s'être détourné de sa route pour aller faire sa çour à la grande-duchesse Marie à Copenhague et de là prendre son chemin par Tornéo. Aussi sa femme qui est allée à sa rencontre jusqu'à Wiborg, s'est-elle ennuyée de l'y attendre et s'en est retournée ici». Такимъ образомъ, миссія графа Строганова была закончена, и, не зная, что собственно его ожидаетъ при возвращеніи, онъ, нехотя и не торопясь, пустился въ обратный путь.

Въ своемъ «Собраніи трактатовъ и конвенцій» проф. Мартенсъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе объ англійской командировкѣ графа Павла Александровича: «Графу Строганову предоставлена была большая свобода дѣйствій, благодаря довѣрію къ нему государя. Ему, между прочимъ, было поручено поддерживать дружескія отношенія съ принцемъ Валлійскимъ, котораго король-отецъ ненавидѣлъ. Но графъ Строгановъ былъ настолько благоразуменъ, что не воспользовался даннымъ ему правомъ, если онъ убѣдится въ умѣстности благопріятныхъ для принца совѣтовъ, сдѣлать шагъ въ

пользу принца Валлійскаго; онъ считалъ вообще неумѣстнымъ вмѣшиваться въ отношенія между отцомъ и сыномъ, до которыхъ русскому послу не было никакого дѣла. Графъ Строгановъ отлично понималъ, что политическое положеніе Европы постоянно усложнялось и подвергало серіозному испытанію существующій между Россіей и Англіей союзъ» *).

Казалось, по высокому одобренію своего государя, миссія графа Строганова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и тѣсный союзъ Россіи и Англіи былъ обезпеченъ для предстоявшей борьбы съ Наполеономъ. Въ дѣйствительности, ожиданія эти не оправдались.

По возвращеніи въ Петербургъ, графъ Строгановъ былъ назначенъ сопровождать государя въ походъ противъ Наполеона. Внѣшнее расположеніе къ нему императора продолжалось; графа хотѣли снова привлечь къ дипломатическимъ порученіямъ, что вовсе не соотвѣтствовало его влеченію. Нося до этого времени номинально званіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ, которое онъ сохранялъ, будучи въ Лондонѣ, графъ Строгановъ просилъ уволить его отъ этой должности, на что и послѣдовало согласіе государя. Лонгиновъ сообщалъ графу С. Р. Воронцову, что «графъ Строгановъ оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ и сдѣланъ сенаторомъ. Въ нынѣшней поѣздкѣ онъ, кажется, не имѣетъ никакой особливой части управленія, но употребленъ будетъ по общимъ дѣламъ... Ему поручены нѣкоторыя политическія дѣла (о чемъ онъ самъ

*) Трактаты съ Англіею, т. XI, стр. 124—125.

намекалъ Лонгинову передъ отъѣздомъ), и онъ поѣдетъ въ Вѣну, а потомъ въ Лондонъ». Всѣ эти слухи подтверждаются, какъ пишетъ Лонгиновъ, словами самого Строганова, который говорилъ какъ-то, что «его куда-нибудь пошлютъ, и не худо было бы снова побывать въ Англіи». Въ томъ же письмѣ, отъ 18 марта 1807 г., Лонгиновъ замѣчаетъ: «Не знаю, чѣмъ я такъ прогнѣвалъ Будберга, не видавъ его больше одного раза съ пріѣзда сюда. Развѣ тѣмъ, что нѣсколько разъ обѣдалъ у графа Строганова, котораго онъ совсѣмъ не обожаетъ». Вскорѣ Будбергъ заболѣлъ, и надѣялись, что это мѣсто займетъ кто-либо болѣе способный и пригодный къ такому отвѣтственному посту.

Императоръ Александръ уже намѣтилъ себѣ личность, подходившую по обстоятельствамъ. Выборъ его палъ на графа Николая Петровича Румянцева *), но назначеніе состоялось лишь по возвращеніи государя изъ Тильзита **). Тѣмъ не менѣе графъ Румянцевъ принялъ заранѣе нѣкоторыя мѣры предосторожности, о чемъ свидѣтельствуетъ врачъ Роджерсонъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 10 мая 1807 г.: «Avant le départ de Sa Majesté, Roumiantzeff a arrangé que la correspondance entre lui et le Maître serait directe sur toutes les affaires, sans l'intervention de Novossilzoff et Stroganoff».

*) Н. П. Румянцевъ, р. 1754 г., † 1826 г., дѣйств. тайный совѣтникъ 1797 г., Андреевскій кавалеръ 1798 г., членъ Государственнаго Совѣта 1801 г., министръ коммерціи (1801—1807 г.), иностранныхъ дѣлъ (1807—1810 г.), предсѣдатель Государственнаго Совѣта (1810—1812 г.).

**) 30-го августа 1807 г.

Графъ П. А. Строгановъ чуялъ что-то недоброе и, уѣхавъ въ армію съ государемъ 16 марта, отпросился, съ его разрѣшенія, поступить волонтеромъ въ ряды войскъ. Разрѣшеніе это было дано, но нехотя, и графъ Строгановъ съ этого момента окончательно посвятилъ себя военной карьерѣ.

Уже въ началѣ лѣта военныя дѣйствія были прекращены, и война закончилась Тильзитскимъ свиданіемъ 13 Іюня и мирнымъ договоромъ и союзнымъ трактатомъ съ Наполеономъ 25 того же мѣсяца *).

Предчувствія графа Строганова сбылись. Послѣ этого событія тріумвиратъ окончательно распался, и довѣріе Александра было обращено къ новымъ лицамъ.

Старикъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ выражаетъ свое негодованіе по поводу Тильзитскаго мира въ письмѣ къ сыну, графу Михаилу Семеновичу, отъ 2 іюля 1807 г., говоря, что князь Чарторыжскій, графъ П. А. Строгановъ и Н. Н. Новосильцовъ «pensent comme vous et moi sur ce même sujet» и что «ces trois hommes si attachés à l'Empereur, à sa gloire, à sa dignité et à la dignité et prospérité de la Russie, seront désolés de ce qui arrive». Далѣе онъ находитъ вполнѣ естественнымъ, при измѣненіи образа мыслей государя, желаніе Строганова и Новосильцова уѣхать изъ Петербурга и удалиться отъ дѣлъ.

Графъ Заваловскій, извѣщая графа Воронцова о разрывѣ союза Россіи съ Англіей, кончаетъ слѣдую-

---

*) Тильзитскій миръ былъ подписанъ 25 іюня (7 іюля) 1807 г., и 27 іюня послѣдовала ратификація этого договора.

щимъ P. S.: «Князь Чарторыжскій, Строгановъ и Новосильцовъ не попрежнему».

Привожу нѣкоторыя письма и донесенія изъ Лондона графа Строганова къ императору Александру и князю Чарторыжскому, которыя дадутъ ясное понятіе о способностяхъ графа, какъ дипломата. Всѣ остальныя письма изъ Лондона читатель найдетъ въ Приложеніяхъ.

Донесеніе отъ 6/18 февраля 1806 г. князю Чарторыжскому:

*) Aussitôt mon arrivée je me présentai chez le comte W. qui me reçut très bien, prit mes dépêches et sans les ouvrir me questionna beaucoup sur les événements dont j'avais été témoin. Après avoir à peu près épuisé la matière pendant près de deux heures de conversation, ce qui s'était très bien passé de sa part, il ouvrit les dépêches et les lut. Je remarquai aussitôt un changement et de gracieux qu'il était il devint aigre et sévère, trouva à redire à la dépêche disant qu'elle se contredisait, qu'il y avait des fautes dans la citation des dates, enfin il n'y eut pas jusqu'à la

*) Сейчасъ же по моемъ пріѣздѣ я отправился къ графу В., который меня отлично принялъ, взялъ мои депеши и, не распечатывая ихъ, началъ меня разспрашивать про событія, свидѣтелемъ которыхъ я былъ. Онъ велъ разговоръ очень любезно въ продолженіе почти двухъ часовъ; переговоривъ почти обо всемъ, онъ распечаталъ депеши и сталъ читать ихъ. Я тотчасъ замѣтилъ въ немъ перемѣну; изъ любезнаго онъ превратился въ язвительнаго и строгаго; началъ критиковать депешу, говоря, что она сама себѣ противорѣчитъ, что есть ошибки въ изложеніи чиселъ; наконецъ, даже не былъ забытъ и почеркъ переписчика (это былъ Кайсаровъ), довольно плохой, но четкій. Я принужденъ былъ объяснить ему всѣ подробности экспедиціи, дабы оправдать эти маленькія погрѣшности.

Пунктъ, въ которомъ онъ нашелъ противорѣчіе, составляетъ предметъ сегодняшней депеши. Чтобы его успокоить, я ему сказалъ, что, какъ мнѣ

main du copiste qui était assez mauvaise quoique lisible (c'était Кайсаровъ) qui ne fût pas oubliée; je fus obligé de lui expliquer tous les détails de l'expédition pour excuser ces petits défauts.

Le point sur lequel il trouvait qu'il y avait contradiction était celui qui fait l'objet de la dépêche d'aujourd'hui, et pour le mettre à son aise je lui dis que comme il me paraissait que le but de ce passage me paraissait être simplement d'esquisser les raisons qui faisaient l'apologie de notre conduite, il me paraissait qu'on pouvait le passer sous silence et donner d'autres raisons qui mèneraient au même but, qui était de montrer que la malheureuse issue de cette campagne ne devait pas nous être imputée à tort; il continua en disant que c'était une commission fort désagréable qu'il avait toujours eue, et il commença à m'en citer plusieurs; entre autres il me dit, combien on se méfiait de lui et il rappela l'histoire de l'instruction de Sabloukoff, il en vint ensuite à l'envoi de Novossilzoff qu'il avait con-

---

кажется, цѣль этого мѣста была просто начертать причины, заставляющія оправдывать наше поведеніе; мнѣ казалось, что можно ихъ обойти молчаніемъ и дать другія причины, достигающія той же цѣли. Цѣль эта—доказать, что несчастный исходъ этой кампаніи не надо было ставить намъ въ вину. Онъ же продолжалъ говорить, что это очень непріятное порученіе, что такія порученія ему всегда давали, и началъ перечислять нѣкоторыя изъ нихъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что ему очень не довѣряютъ, и напомнилъ исторію Саблукова, затѣмъ присылку Новосильцова, которую онъ считалъ крайне непріятной, но что, несмотря на это, его усердіе къ общественному благу заставило его сдѣлать Новосильцову всевозможныя облегченія для исполненія его порученія, и что онъ обращается къ нему, чтобы тотъ самъ засвидѣтельствовалъ, какъ онъ ему услужилъ, хотя онъ не можетъ скрыть, что это было ему непріятно. Онъ добавилъ, что въ восторгѣ отъ моего пріѣзда сюда, что онъ доставитъ мнѣ случай видѣть министровъ, и что, если у нихъ явятся сомнѣнія на счетъ сообщеній, которыя имъ будутъ даны, то я могу давать какія угодно объясненія. Наконецъ, прободрствовавъ до двухъ часовъ

sidéré comme une chose désagréable, mais que son zèle pour le bien public malgré cela l'avait engagé à donner à Novossilzof toutes les facilités possibles pour accomplir sa commission et qu'il en appelait à lui-même pour témoigner s'il l'avait bien servi, quoiqu'il ne pût pas se dissimuler que c'était une chose désagréable pour lui, il ajoutait qu'il était enchanté que je sois arrivé ici, qu'il me procurerait l'occasion de voir les ministres et que s'il leur survenait quelques doutes sur les communications qu'il faudrait leur faire, je n'aurais qu'à le leur expliquer comme je voudrais, enfin après avoir veillé jusqu'à deux heures du matin je fus renvoyé au lendemain à midi pour conférer encore sur les moyens d'éviter ou de pallier cette contradiction. Le résultat de tout ceci fut qu'on ne communiquerait la dépêche que par extrait et que comme lord Mulgrave ne disait rien de positif avant le rétablissement de M. Pitt, il n'y aurait probablement aucune explication à faire. Le comte fit aussi quelques observations sur le rappel des troupes débarquées

---

ночи, я былъ отпущенъ до 12 часовъ слѣдующаго дня, чтобы посовѣтоваться еще на счетъ способа избѣгнуть или смягчить это противорѣчіе. Результатомъ всего этого было рѣшеніе сообщать депешу только отрывками и такъ какъ лордъ Мульгрэвъ не хочетъ говорить ничего положительнаго до выздоровленія г-на Питта, то никакого объясненія, должно-быть, не будетъ. Графъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно отозванія нашихъ войскъ, высаженныхъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ; они мнѣ показались довольно справедливыми и были сообщены уже раньше. Черезъ день мы были у лорда М.; результатъ этой конференціи былъ точно переданъ въ депешѣ, которую я подписалъ вмѣстѣ съ графомъ В. Съ тѣхъ поръ болѣзнь г-на Питта все усиливалась; министра мы болѣе не видѣли, и не было ничего интереснаго для официальнаго сообщенія. Я проводилъ время въ наблюденіи; видѣлъ людей оппозиціи и людей министерства; я изучалъ самого графа и вскорѣ убѣдился, что графъ В. совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; я разберу еще болѣе подробно его характеръ. Мнѣ всегда казалось, что онъ дѣлаетъ болѣе затрудненій, чѣмъ министры, съ которыми надо было вести переговоры объ очищеніи Италіи

dans le royaume de Naples qui me parurent assez justes, et qui ont été communiquées dans le temps. Nous fûmes le surlendemain chez lord M.; le résultat de la conférence a été rendu fidèlement dans la dépêche que j'ai signée avec le comte W. Depuis, la maladie de M. Pitt ayant toujours augmenté, nous ne vîmes plus le ministre et il n'y eut rien d'intéressant de passer officiellement. J'employais mon temps à observer la scène, je voyais des gens de l'opposition et du ministère, j'étudiais le comte lui-même et je ne tardais pas à me convaincre que le comte W. n'est point propre du tout à cette place; je pourrais donner ailleurs plus de détails sur son caractère, mais il m'a toujours paru plus difficultueux que les ministres avec lesquels il fallait négocier l'évacuation de l'Italie par nos troupes, qu'il lui paraissait si terrible et si embarrassant à justifier, n'a étonné personne, excepté le prince Castelcicala qui devait le faire d'office et excepté les gens très déliés et accoutumés à suivre le fil des événements sans s'arrêter à la

---

отъ нашихъ войскъ, что казалось ему столь ужаснымъ и такъ трудно объяснимымъ, хотя оно никого не удивило, исключая князя Кастельчикала, который долженъ былъ сдѣлать это по должности, и исключая людей, очень прозорливыхъ, привыкшихъ слѣдить за нитью событій и болѣе углубляться въ нихъ. Я всегда видѣлъ людей въ восторженномъ удивленіи отъ императора. Такъ что можно сказать, что впечатлѣніе это общее; людей, не раздѣляющихъ этого взгляда, очень мало.

Я искалъ все это время случай познакомиться съ лордомъ Моира, что мнѣ устроила лэди Уарренъ. У меня было съ нимъ свиданіе въ 10 часовъ утра, и въ продолженіе полутора часа мы имѣли довольно интересную бесѣду. Похваливъ поведеніе государя, онъ меня спросилъ, не было ли возможности, вмѣсто того, чтобы давать сраженіе, перейти Марку, которая, судя по картѣ, представляетъ удобства для обороны, такъ что мы имѣли бы возможность дѣйствовать болѣе рѣшительно на нашемъ лѣвомъ флангѣ; я отвѣтилъ на это, что, не будучи самъ военнымъ, я не могу ему дать опредѣленнаго отвѣта, но что я слышалъ отъ австрійцевъ, которые, ко-

superficie, j'ai toujours vu tout le monde dans une admiration enthousiaste de l'Empereur, au point qu'on peut dire que cela est général, le nombre des autres est petit.

J'ai cherché pendant ce temps l'occasion de faire la connaissance de lord Moira, ce qui m'a été procuré par lady Warren, j'eus un rendez-vous à dix heures du matin, et nous eûmes pendant une heure et demie environ une conférence assez intéressante; après des compliments sur la conduite de l'Empereur il me demanda si, au lieu de livrer bataille, on n'aurait pas pu passer la Mark, qui, à en juger d'après la carte, offrait un moyen de défense assuré et aurait permis des opérations plus décisives sur notre gauche, je lui répondis que n'étant pas militaire moi-même je ne pouvais lui donner qu'une réponse bien peu satisfaisante, mais que j'avais entendu dire aux Autrichiens qui naturellement devaient mieux connaître leur propre terrain que ce n'était guère faisable. Je lui demandai ensuite si on n'aurait pas pu faire de la part de l'Angleterre quelques diver-

---

нечно, лучше должны знать свою собственную территорію, что это невозможно. Я спросилъ его затѣмъ, нельзя ли сдѣлать диверсію со стороны Англіи; онъ мнѣ отвѣтилъ, что безъ сомнѣнія можно, и что два мѣсяца тому назадъ можно было высадиться на берегахъ Франціи, или иномъ мѣстѣ, что очень помогло бы союзникамъ, но что тѣ, отъ которыхъ это зависѣло, ничего въ этомъ не смыслятъ, и что это не было исполнено. Что же касается г-на Питта, то его здоровье значительно ухудшилось, такъ что ему будетъ невозможно исполнять всѣ свои обязанности съ прежней дѣятельностью; вотъ почему въ послѣдніе мѣсяцы произошелъ застой въ дѣлахъ, очень убыточный для общественнаго блага. Онъ прибавилъ относительно графа, что съ нѣкотораго времени послѣдній потерялъ общее довѣріе и что большинство не за него. Возвращаясь къ континентальнымъ дѣламъ, онъ говорилъ мнѣ о поведеніи Пруссіи, какъ о причинѣ несчастнаго исхода дѣлъ, и прибавилъ, что, если бы ей съ самаго начала дали столь значительную приманку, то, конечно, ее вовлекли бы въ войну. Я его спросилъ, какого рода эта приманка; онъ, не колеблясь, отвѣтилъ, что надо было сразу предложить ей Ганноверъ. Я замѣ-

sions, il me dit qu'il n'y avait pas le moindre doute qu'on aurait pu le faire et que deux mois plus tôt on aurait pu faire une descente sur les côtes de France ou ailleurs qui aurait pu seconder puissamment les alliés, mais que ceux qui étaient en possession de cette partie-là n'y entendent rien et que cela était resté sans effet, que pour M. de Pitt, sa santé ayant sensiblement décliné, il ne lui serait plus possible de vaquer à toutes les affaires avec la même activité, ce qui depuis plusieurs mois avait occasionné une stagnation très dommageable au bien public, il m'ajouta relativement à M. le comte que depuis quelque temps il avait beaucoup perdu de la confiance générale et que les contingents n'étaient point pour lui; en revenant aux affaires du continent il me parla de la conduite de la Prusse comme ayant été cause de la malheureuse issue des affaires, et il me dit que si on lui avait donné dès le commencement un appât assez considérable on l'aurait certainement engagée dans la lutte; sur ce que je lui demandai de quelle nature pourrait être cet appât, il me répondit sans hésiter qu'il fallait dès le premier mot lui offrir le Hanovre; sur ce que

тилъ на это, что думалъ всегда, что невозможно получить на это согласіе короля; онъ отвѣтилъ, что слабое министерство не могло бы этого сдѣлать, но что министерство талантливое, пользующееся общимъ довѣріемъ и желающее достигнуть этого, во что бы то ни стало, добилось бы желаемаго результата; тутъ онъ началъ говорить мнѣ про слабость послѣдняго министерства, въ которомъ, кромѣ г-на Питта, не было никого, а что Питтъ одинъ не могъ исправлять все. Я спросилъ его, не ожидаетъ ли онъ, что Бонапартъ предложитъ миръ; онъ отвѣтилъ, что ожидаетъ, но не видитъ возможности прійти къ соглашенію, и что въ настоящее время ничего другого нельзя сдѣлать, какъ увеличить, насколько возможно, способы обороны и ожидать событій; что пока невозможно предугадать, какой оборотъ примутъ дѣла. Онъ считаетъ, что интересы Англіи и Россіи тождественны, и, слѣдовательно, естественная политика обоихъ государствъ должна ихъ сблизить въ настоящее

je lui observai qu'on avait toujours cru qu'il était impossible d'obtenir ce point du Roi, il me répondit qu'un ministère faible ne l'aurait pas pu, mais qu'un ministère composé des premiers talents, possédant la confiance générale et qui aurait tenu à cela, sauf à quitter leur emploi, l'aurait pour sûr emporté, et sur cela il me parla de la faiblesse du dernier ministère, qu'excepté M. Pitt il n'y avait personne, et que lui ne pouvait pas suffire à tout. Je lui demandai s'il ne s'attendait pas que Bonaparte ferait des propositions de paix, il me dit qu'il s'y attendait, mais qu'il ne voyait pas la possibilité, qu'il y eût moyen de s'entendre et que pour le moment il ne voyait pas qu'il y eût autre chose à faire qu'à augmenter les moyens de défense autant qu'il était possible et voir venir les événements, que pour le moment il lui paraissait impossible de prévoir la tournure que prendraient les choses, qu'il considérait que les intérêts de la Russie étaient les mêmes et que par conséquent il croyait que la politique naturelle des deux pays devait les rapprocher dans ce moment plus que jamais et qu'à eux deux la Russie et l'Angleterre pouvaient encore offrir un contrepoids imposant au pouvoir énorme de la France.

Telle est la substance de notre conversation et je dois dire qu'il m'a singulièrement séduit par sa manière franche

---

время болѣе, чѣмъ когда-либо, и что вдвоемъ, Россія и Англія, могутъ еще составить внушительный противовѣсъ огромному могуществу Франціи.

Такова сущность нашего разговора, и я долженъ сказать, что онъ меня очаровалъ честнымъ и откровеннымъ способомъ высказываться. Въ концѣ моего визита я просилъ его представить меня принцу Валлійскому, что онъ и устроилъ мнѣ черезъ нѣсколько дней.

П. Строгановъ.

Лондонъ,
6/18 февраля 1806 г.

et loyale de s'énoncer, j'ai terminé ma visite par le prier de m'introduire auprès du prince de Galles ce qu'il m'a procuré quelques jours après.

P. Stroganoff.

Londres.
6/18 février 1806.

Донесеніе отъ 16/28 апрѣля 1806 г. князю Чарторыжскому:

*) Le courrier par lequel vous recevrez cette lettre, mon Prince, vous portera en même temps les copies de la lettre de Talleyrand à M. Fox et de la réponse que ce dernier y a faite. Je ne doute pas, mon Prince, que Sa Majesté Impériale n'ait entièrement lieu d'en être satisfaite; et l'esprit franc et noble de la lettre du secrétaire d'état anglais contraste bien avec l'astuce qui perce dans la dépêche française. Je ne crois pas qu'on puisse porter plus loin l'attachement religieux à ses alliances et à sa parole que ce qui est professé par le cabinet britannique dans la réponse qu'ils ont expédiée à Paris. Il semblerait que cela devrait être une chose si naturelle, que cela ne devrait pas

---

*) Курьеръ, черезъ котораго вы получите это письмо, доставитъ вамъ въ то же время копію письма Талейрана къ г-ну Фоксу и копію отвѣта послѣдняго. Я не сомнѣваюсь, князь, въ томъ, что Его Императорское Величество будетъ вполнѣ этимъ доволенъ. Письмо англійскаго статсъ-секретаря, дышащее откровенностью и благородствомъ, рѣзко отличается отъ коварства, которое проглядываетъ во французской депешѣ. Нельзя, мнѣ кажется, выказать болѣе священной привязанности къ заключеннымъ союзамъ и къ своему слову, чѣмъ та, которая высказывается британскимъ правительствомъ въ отвѣтѣ, посланномъ въ Парижъ. Казалось бы, что держать свое слово есть вещь вполнѣ естественная, что въ этомъ нѣтъ никакой особенной заслуги; но, въ нашъ вѣкъ, это сдѣлалось такъ рѣдко, что самая обыкновенная порядочность воздвигается въ примѣрную добродѣтель, и дѣйствія, которыя

être un mérite de s'y conformer; mais dans le siècle, où nous vivons, cela est devenu si rare, que l'honnêteté la la plus commune doit s'ériger en vertu exemplaire et qu'on accorde un sentiment d'admiration à des actions qui auparavant n'auraient excité qu'un simple mouvement d'approbation. Il est beau de voir encore deux cours s'être préservées au milieu de la corruption générale et conserver le dépôt sacré d'un sentiment qui aurait dû être universel. Ces deux pièces, mon Prince, parlent pour elles-mêmes, et tout commentaire à leur égard semble inutile. Trois points principaux constituent les bases de la pièce française: sophismes, faussetés et verbiage. Le premier est relatif à la nature distincte des différends qu'il s'agit d'accorder entre la France et la Grande Bretagne d'avec ceux qui divisent la France des puissances du continent; sophisme sur lequel ils fondent le refus qu'ils font d'admettre un plénipotentiaire russe, comme si tous ces différends n'avaient pas pour source commune le bouleversement de l'Europe et comme si on

---

прежде заслужили бы простое одобренiе, теперь вызываютъ восхищенiе. Отрадно видѣть два двора, которые съумѣли устоять среди всеобщаго разврата и сохранить святость чувствъ, которая должна была бы быть всемiрной. Эти два акта, князь, говорятъ сами за себя, и всякiе комментарiи по поводу ихъ излишни. Три главные пункта составляютъ основанiе французскаго акта: софизмъ, фальшь и пустословiе. Первый относится къ различiю между распрями Францiи и Великобританiи, которыя надо примирить, отъ тѣхъ, которыя отдѣляютъ Францiю отъ континентальныхъ державъ. Это софизмъ, на которомъ они основываютъ свой отказъ допустить русскаго уполномоченнаго; точно разрушенiе Европы не есть общая причина всѣхъ этихъ распрей и точно не въ возстановленiи порядка въ этой части свѣта надо искать начало всеобщаго соглашенiя. Ясно, что, стараясь вести переговоры по одному и тому же предмету съ двумя великими державами порознь, они приберегаютъ себѣ причины къ несогласiямъ, которыми они могли бы воспользоваться. Вторымъ пунктомъ они стараются вселить зависть и недовѣрiе, или говоря про непосредственныя предложенiя, или же рисуя фальшивую картину отно-

pouvait puiser ailleurs que dans l'ordre à introduire dans cette partie du monde les principes d'un accommodement avec l'un et avec l'autre. Ainsi n'est-il pas clair qu'en cherchant à traiter séparément pour le même objet avec deux grandes puissances, c'est évidemment pour se ménager des moyens de division dont ils profiteraient. Pour le second point ils tâchent déjà de jeter des semences de jalousie et de défiance soit en parlant de propositions directes, soit en faisant un faux tableau des relations de la Russie avec la France; et cela est calculé de manière qu'au cas qu'elles nous soient communiquées ils aient une chance qu'elles produiront chez nous le même effet. Pour le troisième point ils discutent inutilement les longueurs d'un congrès, auquel on n'a jamais pensé. On a senti ici, que si l'on voulait discuter le fond d'un raisonnement aussi faux, ce serait commencer une sophistication interminable, et on est allé droit au but; on a répondu catégoriquement et d'une manière qui peut, je pense, nous satisfaire pleinement, et

---

шеній Россіи къ Франціи, и это разсчитано такимъ образомъ, что въ случаѣ, если они будутъ намъ переданы, они могли бы произвести такое же впечатлѣніе и у насъ. Въ третьемъ пунктѣ они напрасно разсуждаютъ о медленности конгресса, о которомъ никто никогда не думалъ. Здѣсь поняли, что начать разбирать основу столь коварнаго разсужденія, значило бы начать безконечную софистику, и поэтому пошли прямо къ цѣли. Они отвѣтили категорично и такимъ образомъ, что, мнѣ кажется, мы должны быть довольны; если можно еще сожалѣть о кое-какихъ пунктахъ этой сдѣлки, то только по поводу нѣкотораго замедленія въ сообщеніи о различныхъ оборотахъ, которые принимали эти переговоры, и которые, будь они тотчасъ же переданы, дали бы возможность посольству Его Величества увѣдомить васъ объ этомъ нѣсколькими недѣлями раньше. Только вы, князь, можете судить, насколько такая потеря времени могла быть убыточна интересамъ Его Величества. Что же касается меня, то, въ виду того, что дѣла окончились такимъ образомъ, я ни о чемъ не сожалѣю. Одинъ изъ пунктовъ депеши Талейрана, на который слѣдовало отвѣтить, касается непосредственныхъ предложеній

s'il est permis d'entretenir encore quelques regrets sur quelques points de cette transaction, cela ne peut être que sur quelques retards qu'ont éprouvés les communications qu'on a faites dans leur temps des divers degrés que prenait cette négociation, et qui auraient pu, étant faites sur le champ, mettre la mission de Sa Majesté dans le cas de vous en informer quelques semaines plus tôt. Ce n'est que vous, mon Prince, qui puissiez juger, si une pareille perte de temps a pu être dommageable aux interêts de Sa Majesté: pour moi, les choses terminées de cette manière, je ne regrette plus rien. Un des points de la dépêche de Talleyrand qui méritait d'être relevé, était ce qui regarde les propositions directes qu'il assertait exister de notre part à Paris; il eût été déplacé de mon côté de m'étendre en grandes protestations du contraire, et je tiens qu'une longue justification eût été injurieuse au caractère de Sa Majesté. Je me suis donc borné à citer le fait duquel on avait pu se prévaloir à Paris pour avancer une chose pareille, et qui

---

яко бы существующихъ съ нашей стороны въ Парижѣ. Было бы весьма неумѣстно съ моей стороны пускаться въ доказательство противнаго, и я находилъ, что пространное оправданіе будетъ оскорбительно для Его Величества. Я ограничился тѣмъ, что привелъ фактъ, которымъ воспользовались въ Парижѣ, чтобъ утверждать подобную вещь; это могла быть только командировка шурина Лессепса вслѣдъ за его конференціей съ вами. Объ этомъ случаѣ дали тогда же знать лорду Гоуэру, о чемъ онъ и увѣдомилъ свой дворъ. Точно также дворъ былъ предупрежденъ графомъ Воронцовымъ, который сообщилъ г-ну Фоксу копію протокола этой конференціи, присланной ему вами. Министръ очень хорошо помнитъ это обстоятельство и даже сказалъ, что лордъ Гоуэръ кончилъ свою депешу словами, что онъ очень недоволенъ, что такъ хорошо обошлись съ французскимъ агентомъ. Г-нъ Фоксъ сказалъ, что отвѣтилъ ему на это, что онъ съ нимъ не согласенъ и что онъ вполнѣ одобряетъ наше поведеніе.

Вы можете видѣть, князь, изъ отчета, даннаго вамъ барономъ Николаи о нашей конференціи съ г-мъ Фоксомъ въ прошлую субботу, что министръ

ne pourrait être que l'envoi du beau-frère de Lesseps à la suite de sa conférence avec vous, circonstance, dont lord G. L. Gower fut informé dans ce temps et dont il rendit compte alors à sa cour, de même qu'elle en fut avertie par le comte Woronzow, qui communiqua à M. Fox la copie du protocole de cette conférence que vous lui envoyâtes alors. Ce ministre se rappela très bien cette circonstance, et même il ajouta que lord G. L. G. finissait sa dépêche en disant, qu'il était fâché qu'on ait gardé tant de ménagement vis-à-vis de l'agent français, sur quoi M. Fox continua en disant, qu'il lui avait répondu, que sur cela il n'était point de son avis, et qu'il approuvait fortement la conduite qu'on avait observée chez nous dans cette occurence.

Vous remarquez, mon Prince, d'après le compte très exact que vous rend le baron Nicolay de la conférence que nous avons eue avec M. Fox samedi dernier, que ce ministre croit que dans l'état actuel des choses il serait

---

этотъ находитъ, что при настоящемъ положеніи вещей для союзниковъ было бы весьма важно предпринять рѣшительную мѣру, результатъ которой будетъ безусловно выгоденъ для спасенія Европы, благосостояніе которой такъ существенно связано съ нашимъ благополучіемъ. Г-нъ Фоксъ говоритъ, что какое-то всеобщее оцѣпенѣніе овладѣло континентомъ и что потрясеніе необходимо, чтобы вывести Европу изъ летаргіи, въ которую она погружена уныніемъ перенесенной неудачи, и что мы обязаны это сдѣлать для поддержанія нашей репутаціи. Почему, говоритъ онъ, не подражать намъ Бонапарту, который, намѣтивъ извѣстный пунктъ, собираетъ туда всѣ свои силы и рѣшительный ударъ, нанесенный имъ въ одномъ мѣстѣ, по реакціи возстановляетъ все то, что онъ, казалось, покинулъ, и за что его осуждали? При теперешнемъ положеніи вещей, кажущемся отчаяннымъ, вслѣдствіе потери надежды на поддержку, рѣшительный успѣхъ надъ противникомъ, гдѣ бы онъ ни былъ, покажетъ силу, могущую служить пунктомъ соединенія, дастъ себя почувствовать въ мѣстахъ, самыхъ отдаленныхъ, и воскреситъ храбрость, которая зависитъ отъ успѣховъ. Признаюсь, князь, что доводъ

fort intéressant pour les alliés de frapper un grand coup, que le résultat incontestable en serait très avantageux au salut de l'Europe, dont le bien-être est si essentiellement lié à notre prospérité qu'une torpeur générale s'était emparée de tout le continent, et qu'il fallait une commotion pour la tirer d'une léthargie, où elle n'était plongée que parce qu'elle était abattue par un revers, et que nous y étions engagés pour que notre réputation ne fût pas ternie par la manière dont la contestation avait pris fin. Pourquoi, disait-il, n'imiterions-nous pas Bonaparte qui s'attache à un point, y réunit ses forces et par la réaction du grand coup qu'il frappe dans un seul endroit rétablit les parties qu'il avait semblé abandonner et qu'on le condamnait d'avoir négligées? Dans l'état actuel des choses, qui paraît désespéré parce qu'on croit avoir perdu tout espoir de soutien, un avantage considérable, quelque part que cela soit, montrerait encore une puissance qui peut servir de point de ralliement, se ferait sentir jusque dans les endroits

---

этотъ меня поразилъ, и мнѣ кажется, что вы не можете не признать его убѣдительнымъ. Вопросъ теперь, гдѣ нанести ударъ? Здѣсь вопросъ этотъ предрѣшенъ, но судить объ этомъ могутъ только въ Петербургѣ. Мое мнѣніе, что сѣверная Германія не можетъ быть театромъ военныхъ дѣйствій, что я и сказалъ г-ну Фоксу. Но если вы найдете возможнымъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, какъ и здѣсь, то я охотно покорюсь вашему рѣшенію. Я съ удовольствіемъ, если буду еще здѣсь, сообщу предложенія, противорѣчащія мнѣніямъ, которыя я высказалъ.

Мнѣ кажется, князь, что въ депешѣ барона Николаи онъ забылъ. . . . . . . на то, что я спросилъ у г-на Фокса, приняты ли здѣсь мѣры, вслѣдствіе письма г-на Италинскаго графу В., къ отправкѣ нѣсколькихъ судовъ для крейсерованія въ окрестностяхъ Константинополя, чтобы этимъ напугать немного Порту. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что нѣтъ, но что они имѣютъ это въ виду. Вотъ, дорогой князь, все, что я могу пока сообщить вамъ интереснаго.

Примите увѣреніе совершеннаго моего уваженія.

П. Строгановъ.

les plus éloignés, en ranimerait le courage qui dépend de nos succès. Je vous avoue, mon prince, que cet argument m'a frappé, et je crois que vous ne le trouverez pas sans force. Maintenant où faut-il frapper? La question est préjugée ici, mais ce n'est qu'à Pétersbourg qu'on peut en juger. Mon opinion est que ce n'est pas le nord de l'Allemagne qui en puisse être le théâtre; c'est dans ce sens que j'ai parlé à M. Fox; mais si vous entrevoyez la possibilité d'agir dans le sens où on le juge ici, je ferai amende honorable de grand cœur. Si j'y suis encore, je serai bien charmé de porter des propositions qui contrediront les opinions que j'ai avancées.

Il me semble, mon prince, que dans la dépêche du baron Nicolay il a oublié de . . . . que sur ce que j'avais demandé à M. Fox; si d'après une lettre de M. Italinsky au comte W. et dont copie lui avait été communiquée, on avait pris des mesures ici pour commander quelques vaisseaux dans la vue de croiser dans les environs de Constantinople et d'effrayer par là un peu le divan, — il me dit que non, mais qu'ils avaient de pareilles mesures en contemplation. Voilà, mon cher prince, ce que j'ai de plus intéressant à vous mander pour le moment. Acceptez l'assurance de ma considération.

P. Stroganoff.

Рапортъ ко Двору отъ 15/27 іюня 1806 года:

*) Sire!

Je crois de mon devoir de rendre compte à Votre Majesté Impériale qu'ayant reçu sa lettre pour le roi de

la Grande Bretagne, j'ai demandé de suite au principal secrétaire d'état pour les affaires étrangères de me procurer une audience de Sa Majesté pour lui remettre en main propre la lettre de Votre Majesté Impériale. Le jour m'ayant été fixé avant-hier le 13/25 de ce mois, je me suis rendu à la maison de la Reine où le lever du Roi s'est tenu. Monsieur Fox étant malade, j'ai été adressé à mylord Spencer qui m'a introduit chez Sa Majesté, où après lui avoir remis les lettres de créance, j'ai pris la liberté d'assurer Sa Majesté qu'ayant eu le bonheur d'être honoré de votre confiance, Sire, je me trouvais heureux d'avoir pour principal commandement de Votre Majesté Impériale de cultiver la bonne harmonie et la confiance qui subsistaient si heureusement entre les deux pays; que pour mon particulier j'avais à réclamer l'indulgence de Sa Majesté étant engagé pour la première fois dans une carrière aussi épineuse à une époque

---

*) Ваше Императорское Величество!

Считаю своимъ долгомъ отдать отчетъ Вашему Императорскому Величеству въ томъ, что, получивъ письмо Вашего Величества къ великобританскому королю, я немедленно попросилъ главнаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ испросить мнѣ аудіенцію у его величества, чтобы вручить въ собственныя руки письмо Вашего Императорскаго Величества. Аудіенція была мнѣ назначена 13/25 сего мѣсяца, и я въ означенный день отправился во дворецъ королевы, гдѣ происходилъ утренній пріемъ короля. Такъ какъ г-нъ Фоксъ боленъ, я обратился къ милорду Спенсеру, который ввелъ меня къ его величеству. Представивъ королю мои вѣрительныя грамоты, я взялъ на себя смѣлость увѣрить его величество, что, имѣя высокую честь пользоваться Вашимъ довѣріемъ, я очень счастливъ тѣмъ, что главнымъ приказаніемъ Вашего Императорскаго Величества было поддерживать согласіе и довѣріе, которыя такъ процвѣтаютъ между двумя государствами; что лично для себя я испрашиваю снисходительность его величества, будучи въ первый разъ призванъ на такую щекотливую дѣятельность въ столь затруднительное

aussi délicate. Le Roi m'accueillit avec bonté et s'étendit beaucoup sur la nécessité pour les deux pays de resserrer plus que jamais les liens qui unissaient les deux seules nations qui puissent encore former un contrepoids au reste de l'Europe asservie sous le joug: que c'était dans cette union que germerait encore le reste de la liberté du continent, dont il ne faudrait jamais désespérer tant que ce noyau resterait—ce qu'il m'ordonna de redire à Votre Majesté Impériale.

Je ne puis conclure sans prier Votre Majesté Impériale d'accepter l'assurance de ma reconnaissance pour les marques de confiance dont elle a bien voulu m'honorer et d'être assurée que je ne négligerai aucun moyen en mon pouvoir pour justifier le choix qu'elle a bien voulu faire de moi.

Je suis avec le respect, le plus profond, Sire, de Votre Majesté Impériale le très humble et très fidèle sujet

P. Stroganoff.

время. Король принялъ меня милостиво и много говорилъ о необходимости для обоихъ государствъ скрѣпить, больше чѣмъ когда-либо, узы, связывающія двѣ единственныя націи, которыя еще въ состояніи образовать противовѣсъ остальной, угнетенной подъ ярмомъ, части Европы, что въ этомъ союзѣ заключается еще остатокъ свободы континента, въ которой не надо отчаиваться, пока звено это будетъ существовать. Король приказалъ мнѣ передать это Вашему Императорскому Величеству.

Прошу Ваше Императорское Величество принять увѣренія моей благодарности за довѣріе, которымъ Вамъ угодно было меня осчастливить, и быть увѣреннымъ, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы оправдать остановившійся на мнѣ Вашъ выборъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный слуга

П. Строгановъ.

Донесеніе барону Будбергу отъ 14/26 іюля 1806 г.:

*) Mon Général,

J'ai l'honneur d'accuser à Votre Excellence la réception de la circulaire par laquelle vous m'apprenez votre nomination, et de me recommander à votre indulgence à cause de mon inexpérience dans les affaires aussi épineuses que les présentes.

L'expédition, Monsieur le Baron, dont le courrier d'aujourd'hui est chargé, est relative à une affaire qui m'a causé, je vous l'avouerai, une vive peine. J'ai cru que la meilleure marche que j'avais à suivre était d'agir dans cette occurence avec toute la franchise possible vis-à-vis du ministère britannique et je lui ai absolument tout communiqué ce que j'avais reçu de France; et malgré le désir que j'avais de m'épargner cette lecture à cause de la honte que j'en éprouvais, j'ai cru qu'il valait mieux prévenir les confidences de M. de Talleyrand à cet égard, et que la franchise était le seul moyen de pallier le mauvais effet que la conduite de M. d'Oubril a dû faire ici. J'ai

---

*) Ваше Превосходительство.

Имѣю честь засвидѣтельствовать вашему превосходительству полученіе циркуляра, которымъ вы извѣщаете меня о вашемъ назначеніи, и прошу у вашего превосходительства снисхожденія къ моей неопытности въ нынѣшнихъ щекотливыхъ дѣлахъ.

Сегодняшній курьеръ, г-нъ баронъ, посланъ по поводу дѣла, которое, не скрою отъ васъ, меня крайне огорчило. Я думалъ, что лучшее направленіе, котораго я могъ держаться въ этомъ случаѣ, это дѣйствовать съ полною откровенностью по отношенію къ британскому правительству, и я сообщилъ ему все, что было мною получено изъ Франціи. Несмотря на все желаніе воздержаться отъ этого чтенія, изъ-за стыда, который я испытывалъ, я нашелъ, что лучше было предупредить сообщенія по этому поводу г-на Талейрана

la satisfaction de voir par la dépêche adressée hier à mylord Granville Leveson Gower qu'on est toujours prêt ici à continuer sur le pied dont il n'y a que M. d'Oubril qui se soit écarté; et que la persuasion où l'on est ici, qu'on ne ratifiera point un acte aussi extraordinaire, fait que les dispositions à notre égard ne sont point changées. Je n'ai pu arrêter l'effusion de mes sentiments dans un rapport que j'ai adressé à Sa Majesté Impériale sur cet objet. Je n'ai pas autre chose à mander à Votre Excellence, ce même rapport renfermant tout ce que j'ai cru propre de dire dans cette circonstance.

Je prends la liberté d'ajouter ici les annexes mentionnées dans ma relation à Sa Majesté l'Empereur.

Agréez, je vous prie, à cette occasion les assurances de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être, mon Général; de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

P. Stroganoff.

и что полная откровенность есть единственное средство смягчить дурное впечатлѣніе, произведенное здѣсь поведеніемъ г-на Убри. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ вчера изъ депеши, посланной милорду Грэнвиллю Гоуэру, что тутъ вполнѣ готовы держаться прежнихъ отношеній, отъ которыхъ уклонился одинъ лишь г-нъ Убри; что здѣсь убѣждены въ томъ, что столь странный актъ (трактатъ) утвержденъ не будетъ, и въ силу этого отношенія къ намъ не измѣнились. Я не могъ удержать изліянія своихъ чувствъ негодованія въ рапортѣ, который я по этому поводу послалъ Его Императорскому Величеству. Изложивъ все, что я считалъ нужнымъ сказать по этому дѣлу, я ничего больше не имѣю доложить вашему превосходительству.

Позволяю себѣ присовокупить при семъ приложенія, о которыхъ я упоминаю въ моей реляціи къ Его Императорскому Величеству.

Прошу васъ принять выраженіе глубокаго уваженія, съ которымъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

П. Строгановъ.

Рапортъ *) ко Двору, отъ 15/27 іюля 1806 года:

Sire,

Votre Majesté Impériale saura déjà par l'expédition qui s'est faite le 13/25 de ce mois, très à la hâte, les motifs d'appréhension que le ministère de ce pays est dans le cas d'entretenir à notre égard par la conduite plus que singulière de M. d'Oubril à Paris et qui ne manquerait pas de nous faire rompre avec ce pays si elle était entièrement approuvée; mais je n'ai aucun doute qu'elle ne le sera pas, et je n'ai pas hésité à le déclarer à mylord Granville dans une conférence que je lui ai demandée à cet effet et où je lui ai communiqué in extenso tout ce que j'avais reçu de Paris, me refusant pourtant de lui en donner copie officiellement, parce que je regardais ces pièces comme non avenues, ayant été conclues en entier par M. d'Oubril de lui-même, non seulement sans instructions, mais en contradiction positive avec la lettre et l'esprit de celles dont j'avais eu connaissance, et qui m'étaient annoncées comme les siennes.

«J'adresse dans ma dépêche d'aujourd'hui à M. le baron de Budberg pour l'information de Votre Majesté Impériale la suite des pièces avec leurs annexes qui ont été échangées entre mylord Yarmouth à Paris et les ministres de Sa Majesté ici. Ces pièces vous mettront, Sire, à même de juger des principes qui ont toujours animé le cabinet de Saint-James, et dans mon opinion elles sont très conformes à l'esprit de celles que j'ai toujours reçues de vous, Sire.

---

*) Переводъ этого рапорта см. выше, стр. 141.

M. d'Oubril ayant connaissance de toutes ces pièces était donc parfaitement au fait de l'esprit et des principes du cabinet britannique; je fortifiai encore cela par les dépêches dont je joins également copie à M. le baron de Budberg et que j'adressai à M. d'Oubril le 4/16 de ce mois. Ma dépêche avait été montrée à M. Fox et à mylord Granville et était en accordance avec celle qu'ils expédiaient à mylord Yarmouth; mais tout cela était trop tard, et M. d'Oubril voulant à toute force sauver quelque chose, excepté l'honneur de son souverain et la dignité de son pays et voyant que le salut des objets qu'il m'avait promis dans sa dépêche était très aventuré, avait déjà résolu de signer quelque chose à tout prix; et de tout l'étalage pompeux qu'il me fait dans ses dépêches qui se trouvent parmi les autres annexes, il ne reste que la république de Raguse de sauvé et encore les positions françaises paraissent-elles prises avec les précautions nécessaires pour annuler l'indépendance de ce misérable état. La tranquillité des Monténégrins ne paraît pas fondée sur des bases plus solides, car la condition qui y est attachée et dont personne n'est le juge que Bonaparte, est en opposition directe avec les mœurs et les opinions de ces peuples qui refusent constamment de se reconnaître sujets de la Porte et se signent toujours dans les positions fréquentes à notre cour, «sujets fidèles» de Votre Majesté Impériale; de sorte qu'en attachant leur tranquillité à une chose qu'on peut prédire d'avance qui ne sera pas remplie, c'est comme si on les livrait sans réserve à la vengeance de Bonaparte. Voilà le prix dont on paye le sang qu'ils ont toujours été prêts à verser pour nous au premier signal de notre part!

Telle est la récompense que l'on accorde à leur fidélité bien gratuite! Si ces gens sont maltraités, quelles ressources avons-nous dans cette partie avec la précaution que M. d'Oubril a prise de promettre en votre nom, Sire, que vous n'entretiendriez pas plus de 4000 hommes dans les sept îles? N'est-ce pas une chose honteuse d'acquiescer à une condition évidemment dérisoire? Car un aussi petit corps n'est-il pas évidemment si aventuré qu'il est préférable à n'y garder personne? Mais ce n'est pas tout. «L'Autriche est sauvée»! s'écrie M. d'Oubril, et c'est ce qui doit le justifier de tout; mais il est à remarquer que les ordres qui devront être donnés à cet effet sont remis à un temps éloigné; et après le départ de ces ordres ils peuvent fort bien ne pas être exécutés, car si c'est de M. d'Oubril qu'ils doivent émaner, il est probable que vos commandants militaires, Sire, n'y obéiront pas; et si c'est de Saint-Pétersbourg, il n'est pas probable que le terme de trois mois suffise pour que toutes les conditions attachées à la rentrée des troupes françaises soient remplies. Et comme en attendant l'esprit ambitieux de Bonaparte ne restera probablement pas tranquille, ne trouvera-t-il pas dans ce laps de temps mille prétextes de maintenir ses troupes dans les positions qu'elles occupent? D'attaquer même l'Autriche, s'il le trouve bon, avant même l'expiration de ce terme? Ne peut-on même pas croire qu'il manquera à sa parole; et est-ce une chose si extraordinaire dans le chef de la France qu'il soit criminel d'entretenir quelque doute à l'égard de sa loyauté? Où trouve-t-on dans les articles de ce traité le prix de notre reconnaissance du titre impérial dans Bonaparte? N'est-on pas en droit de croire qu'il aurait sacrifié quelque chose

à cela? Me serait-il permis de conclure par quelques observations sur le terme de l'échange des ratifications fixé à vingt-cinq jours à dater de la signature des articles? La première nouvelle qu'on aura de ce traité sera par M. d'Oubril lui-même. Il lui est impossible d'arriver plus vite qu'en seize jours; il ne restera donc que neuf jours à Votre Majesté Impériale pour considérer une transaction en opposition formelle à toute la conduite que vous avez tenue, Sire, depuis votre avènement au trône. Ainsi M. d'Oubril, non content de s'être laissé traiter lui-même comme un prisonnier, auquel on ne permet pas de prendre le temps nécessaire pour son repos et sa nourriture consent encore que la personne auguste de Votre Majesté Impériale soit mise dans la même position et soit obligée de sacrifier son repos et de méditer à la hâte, si je puis m'exprimer ainsi, comme un commis craintif lorsqu'il se sent pressé par les regards sévères de son maître. Les articles secrets ne présentent pas, je crois, quelque chose de plus satisfaisant ou de plus honorable. Nous y avons la honte gratuite d'abandonner le roi de Naples qui dans le fait n'a encouru la perte de sa couronne que pour nous et l'Angleterre; et cela sans qu'il en résulte la moindre utilité pour les affaires générales en compensation d'une défection aussi gratuite. Mais ce qui doit frapper d'avantage, c'est que non seulement nous nous séparons de l'Angleterre, notre fidèle alliée, mais c'est que nous nous déclarons contre elle; car nous convenons éventuellement de lui faire fermer les ports des îles Baléares, dont l'un entre autres, le port Mahon, peut être fort intéressant; nous semblons imiter en cela la conduite de la Prusse à l'égard

des ports des mers du Nord et Baltique. A la vérité M. d'Oubril dit que nous restons ce que nous étions, et en effet je n'aperçois aucune province russe de cédée; mais tout ce qui pouvait nous lier avec l'Europe est abandonné et M. d'Oubril en a fait le sacrifice.

Je n'ai pas hésité à déclarer aux ministres anglais qu'accoutumés depuis des siècles à être guidés dans les sentiers de la gloire et de l'honneur par l'auguste famille de Votre Majesté Impériale, cela ne serait certainement pas à présent que nous nous laisserions asservir à l'exemple des autres puissances du continent. — Excusez mes réflexions, Sire, mais je n'ai pu m'empêcher de donner cours aux sentiments que j'ai éprouvés en prenant connaissance de cet acte singulier.

Je suis avec le respect le plus profond, Sire, de Votre Majesté Impériale le très humble et très fidèle sujet

P. Stroganoff.

Военная дѣятельность
(1807—1814).
Кончина графа Павла Александровича Строганова
(1817).

V.

Еще до полученія перевода на военную службу, графъ Павелъ Александровичъ поступилъ волонтеромъ въ отрядъ Платова, имѣя чинъ тайнаго совѣтника и будучи сенаторомъ—случай рѣдкій, оригинальный, вполнѣ характеризующій то нравственное состояніе бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ находился, когда, въ свитѣ государя, выѣхалъ, въ мартѣ 1807 года, въ походъ противъ французовъ.

Гречъ, говоря въ своихъ запискахъ о перемѣнѣ въ отношеніяхъ императора Александра, замѣчаетъ: «Достойные слуги его были удалены или удалились сами. Графъ П. А Строгановъ, опасаясь, что его употребятъ по дипломатической части въ сношеніяхъ съ врагомъ Европы и Россіи, перешелъ въ военную службу».

Графъ П. А. Строгановъ, какъ извѣстно, былъ ярымъ противникомъ всякаго сближенія съ Наполеономъ; его послѣдняя поѣздка въ Англію еще болѣе укрѣпила въ немъ эти чувства. Современники считали

его, и не безъ основанія, сторонникомъ сближенія съ Англіей и даже упрекали его въ англоманіи.

Поступивъ въ ряды дѣйствующихъ войскъ, графъ Строгановъ долженъ былъ на дѣлѣ подтвердить свои политическія убѣжденія.

Атаманъ Платовъ, командуя авангардомъ, поручилъ графу Строганову одинъ изъ казачьихъ полковъ. 24 мая былъ совершенъ лихой набѣгъ у рѣчки Алле (между Гутштатомъ и Алленштейномъ). Смѣшанный отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Строганова, атаковалъ обозы корпуса маршала Даву. Непріятель, имѣя сильное прикрытіе для обезпеченія своего обоза, защищался упорно, но, въ концѣ концовъ, былъ смятъ, оставивъ на полѣ битвы до 300 раненыхъ и убитыхъ; остальная часть французскаго отряда была взята въ плѣнъ — Гутштатскій комендантъ полковникъ Мурье, 46 офицеровъ, 491 нижній чинъ и весь обозъ. Канцелярія маршала Даву, его экипажъ и вещи сдѣлались добычей русскихъ. Памятники этого набѣга—мундиръ маршала Даву, его шляпа и футляръ маршальскаго жезла—донынѣ сохраняются у потомковъ графа Строганова; самый жезлъ, какъ извѣстно, находится въ Казанскомъ соборѣ.

Этотъ первый военный подвигъ снискалъ графу П. А. Строганову всеобщее уваженіе и похвалу. Беннигсенъ писалъ 25 мая въ своемъ донесеніи: «Графъ П. А. Строгановъ оказалъ вчера отличный подвигъ съ атаманскимъ казачьимъ полкомъ, который генералъ-лейтенантъ Платовъ отдалъ подъ его начальство: перейдя вплавь рѣку Алле, онъ мгновенно ата-

ковалъ непріятеля, разбилъ его, положилъ на мѣстѣ по крайней мѣрѣ до 1000 человѣкъ и взялъ въ плѣнъ 4 штабъ-офицера, 21 офицера и 360 рядовыхъ». Тотъ же Беннигсенъ сообщалъ изъ главной квартиры въ Анкендорфѣ старику графу Александру Сергѣевичу Строганову о подвигѣ его сына въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мнѣ весьма пріятно увѣдомить ваше сіятельство, что сынъ вашъ, хотя и не служа въ военной службѣ, отличился необыкновеннымъ образомъ, сдѣлавъ знаменитѣйшій подвигъ. Во уваженіе сего честь имѣю препроводить при семъ вашему сіятельству полученный мною отъ гетмана Платова рапортъ; но какъ въ ономъ не обо всемъ еще донесено обстоятельно, то и долженъ я извѣстить ваше сіятельство, что сынъ вашъ, командуя однимъ казачьимъ полкомъ, отмѣнно поразилъ непріятеля. Позвольте ваше сіятельство поздравить васъ съ толико достославнымъ сына вашего подвигомъ».

Въ этой кампаніи графу Строганову почти все время пришлось дѣйствовать въ авангардѣ и принять живое участіе въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ. Наградой за эти первыя дѣла на военномъ поприщѣ былъ орденъ св. Георгія 3-й степени и переименованіе изъ тайнаго совѣтника и сенатора въ генералъ-маіоры со старшинствомъ 1 ноября 1805 года, т.-е. съ Аустерлицкаго сраженія.

Вигель, повѣствуя объ этой рѣдкой метаморфозѣ, прибавляетъ, что «графъ Строгановъ, отличавшійся во фракѣ съ казаками противъ французовъ, поступилъ въ военную службу генералъ-маіоромъ». Такъ или

иначе, первый боевой опытъ оказался вполнѣ въ пользу графа Павла Александровича, и послѣ заключенія Тильзитскаго мира ему недолго пришлось оставаться въ бездѣйствіи въ Петербургѣ.

Къ этому времени относятся довольно интересныя донесенія генерала Савари, посланнаго Наполеономъ въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго въ Петербургъ для окончательнаго сближенія съ русскимъ императоромъ. Въ этихъ донесеніяхъ Савари неоднократно упоминаетъ о графѣ Строгановѣ. Привожу выдержки, ясно свидѣтельствующія о тогдашнемъ настроеніи петербургскаго общества. 23 сентября Савари доносилъ: «J'avais été opiniâtrément refusé à la porte de Czartoryski, Novossilzoff, Stroganoff et Kotchoubey... Tant que j'y serai, leur (les premières maisons de Pétersbourg) position sera gênée avec notre ambassadeur et sa légation. J'entends parler des Stroganoff, Kotchoubey, Lapoukhine, Pouchkine, Orlof etc; tous ces personnages-là ont plus d'importance en Russie que des ministres». Разсказывая о высшемъ русскомъ обществѣ и говоря объ англійской партіи въ Россіи, Савари отзывается слѣдующимъ образомъ: «Il existe dans cette noblesse un parti anglais décidément prononcé contre nous et contre tout ce que fait l'empereur de Russie». Къ этой партіи принадлежатъ отецъ и сынъ Строгановы. «Y ayant passé (въ Англіи) longtemps, imbu des principes du gouvernement anglais et voudrait les appliquer à la Russie. Kotchoubey, Stroganoff et Novossilzoff sont les hommes qu'on cite pour avoir quelques talents» и т. д. *).

---

*) *Archives* Nationales, Paris.

27 января 1808 года графъ Строгановъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гренадерскаго полка. Когда началась Шведская война, графу Строганову былъ порученъ сперва резервъ, собранный у Вильманстранда, позднѣе онъ поступилъ въ корпусъ князя Багратіона, которому было приказано идти на Аландскіе острова, занять ихъ и черезъ Аландграфъ вступить въ Швецію. Войска князя Багратіона были раздѣлены на пять колоннъ. Они выступили изъ Або 26 февраля 1809 г. и 2 марта по льду достигли островка Кумлинга. Съ этого пункта четыре колонны были двинуты прямо на большой Аландъ. Графу Строганову, съ пятой колонной, было предписано обойти островъ по льду съ южной стороны, занять проливъ между западнымъ берегомъ Аланда и островкомъ Сигнальскере и отрѣзать непріятелю путь отступленія. «Я согласенъ— писалъ кн. Багратіонъ гр. Строганову — что переходъ этотъ довольно труденъ; но я увѣренъ, что ваше сіятельство не пропуститъ случая, который принесетъ вамъ большую честь и увѣнчаетъ начатую экспедицію несомнѣннымъ успѣхомъ» *). Гр. Строгановъ вполнѣ оправдалъ надежды кн. Багратіона **). Шведы имѣли намѣреніе защищаться на островѣ Бене, но были сбиты. Когда князь Багратіонъ занялъ Аландъ, Кульневъ, бывшій въ авангардѣ колонны графа Строганова, успѣлъ охватить арьергардъ отходящихъ шведовъ, отнялъ орудія и остановился въ Лемландѣ, такъ какъ

*) См. въ Приложеніяхъ ордеръ кн. Багратіона, № 75, отъ 4 марта 1809 г.

**) «Благодарю васъ весьма за быстрый походъ», писалъ 6 марта кн. Багратіонъ гр. Строганову. См. въ Приложеніяхъ.

начались переговоры. Тѣмъ временемъ колоннѣ Строганова пришлось слѣдовать по неровнымъ глыбамъ льда и ночевать съ отрядомъ на морѣ. 6 марта ему удалось догнать шведовъ въ Сигнальскере. Кульневъ же преслѣдовалъ ихъ до шведскихъ береговъ, занялъ мѣстечко Гриссельгамъ и хотѣлъ идти прямо на Стокгольмъ. Только приказаніе главнокомандующаго остановило русскія войска: шведы просили мира, и 8 марта начался обратный походъ съ Аланда. Дѣло ограничилось труднымъ хожденіемъ войскъ по льду.

Едва окончились военныя дѣйствія со Швеціей, какъ началась турецкая война. Князь Багратіонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ южной арміей, и графу Строганову было разрѣшено послѣдовать за нимъ на новый театръ войны. Здѣсь сначала онъ находился въ корпусѣ генерала Маркова, который осаждалъ Мачинъ. Послѣ сдачи этой крѣпости, Строганову снова случилось дѣйствовать въ авангардѣ Платова и съ нимъ занять, 30 августа, Кюстенджи. Въ сраженіи подъ Рассеватомъ графъ Строгановъ велъ съ казаками нѣсколько удачныхъ атакъ и послѣ битвы преслѣдовалъ съ ними турокъ до Силистріи, исполнивъ точно приказаніе, данное ему Платовымъ. Золотая шпага съ надписью «за храбрость» была наградой за это дѣло.

Когда началась осада Силистріи, Павелъ Александровичъ находился въ отрядѣ Платова. 23 сентября великій визирь двинулся съ своими главными силами для освобожденія Силистріи, но былъ встрѣченъ Платовымъ, который выставилъ шесть казачьихъ полковъ въ первую линію подъ начальствомъ графа Строганова, под-

крѣпляя ихъ конницей и пѣхотой. Турки не выдержали атаки нашихъ войскъ и обратились въ бѣгство, преслѣдуемые казаками на протяженіи 15 верстъ. Сто плѣнныхъ и одинъ паша были добычей казаковъ. За это дѣло графъ Строгановъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

Въ началѣ октября великій визирь снова двинулся на освобожденіе Силистріи. Князь Багратіонъ пошелъ ему навстрѣчу и разбилъ турокъ, 10 октября, причемъ нѣсколько молодецкихъ атакъ казаковъ, съ графомъ Строгановымъ во главѣ, много содѣйствовали успѣху. Эта битва носитъ названіе Татарицкой.

Вскорѣ князь Багратіонъ былъ отозванъ и главнокомандующимъ Дунайской арміи назначенъ графъ Каменскій 2-й *), одинъ изъ юныхъ героевъ финляндской войны, возобновившій осаду Силистріи. Графъ Строгановъ участвовалъ во всѣхъ бояхъ іюня и іюля 1810 года и особенно отличился въ жаркой схваткѣ съ турками подъ Шумлой, за что получилъ алмазные знаки на орденъ св. Анны, а за Татарицкое дѣло св. Владиміра 2-й степени.

Съ уходомъ князя Багратіона изъ рядовъ Дунайской арміи, графу Строганову было довольно трудно ладить съ новымъ главнокомандующимъ, характеръ котораго былъ весьма неуживчивый и завистливый, несмотря на безспорныя его качества, какъ боевого гене-

*) Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, род. 1776 г., † 4 мая 1811 г., младшій сынъ фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго; генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій въ Турціи 1810—11 г.

рала. Результатомъ этихъ отношеній былъ отъѣздъ графа Строганова изъ арміи въ Петербургъ.

Баронъ П. А. Николаи, говоря объ извѣстіяхъ, полученныхъ съ театра турецкой войны, пишетъ графу С. Р. Воронцову: «Nous attendons ici sous peu le comte Stroganoff, qui s'est battu con amore». Вигель, повѣствуя въ своихъ запискахъ о той же кампаніи, замѣчаетъ, что «послѣ штурма Рущука нѣсколько придворныхъ генераловъ, въ числѣ коихъ былъ и Строгановъ, поскакали въ Молдавскую армію за вѣрными успѣхами и побѣдами. Но такъ какъ они скорѣе затрудняли генерала Каменскаго, чѣмъ помогали ему, а онъ не умѣлъ этого скрывать и не хотѣлъ имъ давать явнаго предпочтенія передъ другими заслуженными воинами, то среди нихъ родились неудовольствія». Графъ же Ланжеронъ *) въ своихъ мемуарахъ, еще полностью не изданныхъ, отзывается всюду съ похвалой о дѣйствіяхъ графа Строганова, критикуя многихъ изъ его боевыхъ товарищей. Какъ извѣстно, въ этой турецкой кампаніи генералы вообще плохо ладили между собой **), особенно когда во главѣ ихъ былъ поставленъ тридцатичетырехлѣтній главнокомандующій.

Въ Петербургѣ Павла Александровича постигло большое горе: въ сентябрѣ 1811 года, послѣ освя-

---

*) Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ, французскаго происхожденія, генералъ-отъ-инфантеріи, участникъ наполеоновскихъ войнъ, род. 1763 г., † 1831 г., въ Одессѣ отъ холеры. Много заботился о благоустройствѣ Одессы.

**) См. въ Приложеніяхъ характерное письмо кн. Багратіона гр. Строганову.

щенія Казанскаго собора *), скончался его престарѣлый родитель, 78-и лѣтъ отъ роду. Дѣла его были очень разстроены; надо было озаботиться приведеніемъ въ порядокъ громаднаго состоянія. Роскошный образъ жизни графа Александра Сергѣевича во все царствованіе императрицы Екатерины II, устройство знаменитой картинной галлереи, стоившей нѣсколько милліоновъ рублей и другія большія затраты, — все это легло тяжелымъ бременемъ на его наслѣдника. Сперва думали прибѣгнуть къ займу въ Англіи подъ залогъ пермскихъ заводовъ, но, къ счастію, эта мысль была оставлена, и государственный Заемный банкъ нашелъ средство ссудить графу нѣсколько милліоновъ, чѣмъ строгановскія дѣла были исправлены. Въ переживаемое бурное время графу Строганову не было, однако, времени заниматься личными дѣлами.

Наступилъ достопамятный 1812 годъ. Весной графъ отправился на западную границу и принялъ сводную дивизію, входившую въ составъ третьяго корпуса генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го. Дивизія эта состояла изъ шести полковъ: лейбъ-гренадерскаго, графа Аракчеева, Павловскаго, Екатеринославскаго, С.-Петербургскаго и Таврическаго **). Часть этой дивизіи участво-

---

*) Въ самый день освященія Казанскаго собора, 15 сентября 1811 года, графъ П. А. Строгановъ былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ императора Александра I.

**) Н. Н. Новосильцовъ былъ при дивизіи графа Строганова въ качествѣ волонтера. Лонгиновъ писалъ 21 августа 1812 г. графу С. Р. Воронцову: «...qu'il a été bien heureux (Новосильцовъ) de passer son temps presque uniquement avec le prince Michel (М. С. Воронцовъ) et le comte Stroganoff depuis la réunion des deux armées jusqu'à son départ» (подъ Смоленскомъ).

вала въ Лубинскомъ боѣ за Смоленскомъ, но выдающееся участіе выпало на долю этихъ войскъ подъ Бородинымъ.

Генералъ Тучковъ находился съ третьимъ корпусомъ на старой смоленской дорогѣ. Когда другая дивизія его корпуса, подъ начальствомъ генерала Коновницына, была двинута къ Семеновскому редуту, весь натискъ французовъ сосредоточился на дивизіи графа Строганова. Долго и упорно держался онъ у деревни Утицы. Получивъ подкрѣпленіе изъ корпуса Багговута, дивизіи графа Олсуфьева, генералъ Тучковъ рѣшился снова занять прежнюю позицію, отъ которой пришлось отступить. Дружнымъ ударомъ въ штыки непріятель былъ оттѣсненъ, но генералъ Тучковъ смертельно раненъ. За Бородино *) графъ Строгановъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ графъ Строгановъ принялъ начальство надъ третьимъ корпусомъ, за смертью Тучкова, будучи старшимъ изъ оставшихся генераловъ. 11 октября армія двинулась изъ Тарутина **) къ Малоярославцу, гдѣ произошла кровопролитная битва при дѣятельномъ участіи войскъ графа Строганова. Подъ Краснымъ, 5 ноября, графъ Строгановъ дѣйствовалъ особенно умѣло и, при содѣйствіи князя Д. В. Голи-

*) См. въ Приложеніяхъ рельефную картину одного изъ моментовъ Бородинскаго боя въ собственноручномъ черновомъ рапортѣ гр. Строганова.

**) Полковникъ Кроссаръ, находившійся въ Тарутинскомъ лагерѣ, разсказываетъ, что на другой день послѣ оставленія Москвы нѣсколько офицеровъ обѣдало у графа Строганова, и князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ говорилъ: «Я сожалѣю только, что при выходѣ изъ Москвы мы сами не подожгли нашихъ домовъ».

цына, помогъ генералу Милорадовичу совершенно истребить корпусъ маршала Нея.

Боевое напряженіе сильно разстроило здоровье графа Строганова, и послѣ сраженія подъ Краснымъ ему было разрѣшено уѣхать въ Петербургъ лечиться. Тщетно семья уговаривала графа поберечь себя, — его тянуло на поле брани, когда побѣдоносныя русскія войска уже были въ Германіи. Павелъ Александровичъ снова отправился въ дѣйствующую армію, взявъ съ собой своего единственнаго сына, Александра, восемнадцатилѣтняго юношу. Они во̀-время поспѣли къ Лейпцигскому сраженію, гдѣ снова графъ Павелъ Александровичъ выказалъ много мужества, находясь въ войскахъ генерала Беннигсена; подъ его сыномъ была убита лошадь. Въ дальнѣйшій періодъ кампаніи 1813 г. графъ Строгановъ находился въ арміи наслѣднаго принца шведскаго, очищавшей Ганноверъ. Вскорѣ ему удалось взять крѣпость Штаде, ниже Гамбурга, и очистить устья Эльбы и Везера отъ непріятеля. Беннигсенъ предпринялъ блокаду Гамбурга, гдѣ заперся маршалъ Даву; дивизіи графа Строганова и графа М. С. Воронцова находились долгое время здѣсь, а потомъ поступили, въ началѣ февраля 1814 года, подъ начальство генерала Винцингероде и присоединились къ войскамъ, дѣйствовавшимъ во Франціи. Здѣсь графъ Строгановъ успѣшно дрался подъ Шампоберомъ, Монмирайлемъ и Вошаномъ.

23 февраля началась злополучная для гр. Строганова битва подъ Краономъ. Онъ стоялъ въ резервѣ за двумя передовыми линіями графа М. С. Воронцова и подкрѣ-

плялъ его свѣжими частями. Бой горѣлъ всюду свирѣпый. Самъ Наполеонъ руководилъ сраженіемъ. И вотъ, въ пылу боя, прилетаетъ страшная вѣсть о гибели его сына, которому ядромъ снесло голову. Молодой человѣкъ находился при отрядѣ Ил. И. Васильчикова, своего родственника. Конечно, потеря любимаго существа удручающимъ образомъ подѣйствовала на отца и имѣла для него роковыя послѣдствія. Несмотря на всеобщее сочувствіе къ его горю, графъ вскорѣ началъ хворать и болѣе уже не поправлялся. Многіе современники описываютъ это ужасное событіе.

Князь Адамъ Чарторыжскій писалъ Н. Н. Новосильцову: «Слыхали ли вы уже, милый другъ, о случившемся несчастіи? Бѣдный Александръ Строгановъ убитъ почти на глазахъ своего отца, который въ полномъ отчаяніи. Что будетъ съ бѣдной графиней Софьей Владиміровной? Выдержитъ ли она этотъ ужасный ударъ? Рѣдко что-либо меня такъ огорчало. Императоръ хочетъ послать Строганова въ Петербургъ; это было бы самое лучшее. Несчастіе этого семейства ужасно; несчастіе, которому ничѣмъ не помочь и которое постигло такихъ друзей, какъ эти, надрываетъ сердце; бѣдный молодой человѣкъ, послѣдовавшій за своимъ дѣдомъ!» *).

Н. М. Лонгиновъ въ нѣсколькихъ письмахъ графу С. Р. Воронцову распространяется о кончинѣ молодого графа и о нравственномъ состояніи злополучнаго отца. 5 марта 1814 г. изъ Брюсселя: «Malheureusement dans

*) Изъ письма отъ 2/14 марта 1814 г., изъ Шомонъ.

cette malheureuse affaire le jeune comte de Stroganoff, fils unique de votre ami, excellent jeune homme, des plus grandes espérances pour sa respectable famille, a été tué. Il venait seulement d'être placé auprès du comte Michel, chose que ses parents ont tant désirée». Отъ 2 марта изъ Намюра: «Il supporte son malheur (смерть сына) avec toute la fermeté et la résignation possibles, et sa santé se soutient assez bien. Je n'ai aucune idée comment l'infortunée comtesse Stroganoff supportera son malheur, elle qui est si chétive et faible de santé». Далѣе, упоминая о графѣ Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ, «qui a procuré au comte Stroganoff la permission d'aller en Russie, d'après une lettre qu'il lui a écrite, après lui avoir rendu le commandement de son corps, puisque l'aide de camp du comte Stroganoff qu'il avait envoyé avec ses rapports etc. s'est perdu et n'est jamais arrivé au quartier général». Изъ Вѣны 11 октября: «Le comte Stroganoff se porte bien, mais son affliction est sans remède, et j'apprends, à mon grand regret, que son caractère est atteint d'une mélancolie excessive».

Несмотря на глубокое потрясеніе, графъ П. А. Строгановъ участвовалъ еще въ Лаонскомъ сраженіи, какъ бы ища смерти на полѣ брани—онъ находился все время подъ сильнымъ огнемъ непріятеля.

Черезъ Германію отправился гр. Строгановъ съ прахомъ сына въ Петербургъ, получивъ на то милостивое разрѣшеніе государя и послѣднюю боевую награду—орденъ св. Георгія 2-й степени. Не суждено было графу Павлу Александровичу увидѣть Парижъ, который онъ 24 года назадъ, юношей, покинулъ вмѣстѣ съ Новосильцовымъ;

не суждено было ему войти въ столицу Франціи съ побѣдоносными войсками союзниковъ. Лишившись единственнаго сына, почти подъ стѣнами Парижа, съ растерзаннымъ сердцемъ и душой, совершилъ онъ обратное путешествіе съ драгоцѣнными останками своего ребенка. Едва-ли графъ Строгановъ могъ предвидѣть такой жестокій ударъ судьбы, когда, въ 1790 году, почти тѣхъ же лѣтъ, что и его сынъ, полный увлеченій, возвращался онъ на родину; теперь все было надломано, и ко многимъ разочарованіямъ присоединилась еще глубокая, гнетущая скорбь. Здоровье графа окончательно было потрясено; смертельная болѣзнь, таившаяся въ груди, стала быстро развиваться.

18 августа 1814 года императоръ назначилъ графа въ число лицъ, составившихъ особый комитетъ, «обязанностью котораго будетъ пещись о доставленіи возможнаго вспомоществованія неимущимъ изувѣченнымъ воинамъ». Графъ Строгановъ отнесся къ этому дѣлу съ полной сердечностью и добросовѣстностью.

Болѣзнь быстро развивалась: постоянная лихорадка, кашель и другіе симптомы ясно указывали на чахотку. Рѣшено было отправить графа моремъ за границу, въ Англію или въ Лиссабонъ. Домашній врачъ, Крейтонъ, мало надѣялся на его поправленіе. Въ маѣ Кристинъ писалъ княжнѣ Туркестановой: «Le comte Stroganoff est très mal, Craigthon n'a plus le moindre espoir. S'il n'a pas d'espoir, c'est que probablement il n'y a plus de ressource. Quand j'arrivai en Russie, il était l'objet de l'envie de toute sa génération: beau, jeune, riche, fait pour aller à tout. Bientôt après il épousa une femme charmante,

une famille assez nombreuse ne tarda pas à naitre et à promettre un avenir flatteur. . . . . Tout cela s'évanouit à ses yeux, et les réflexions qui occupent son esprit doivent être d'une philosophie bien chrétienne, pour lui donner la résignation nécessaire».

Еще въ февралѣ 1817 года была рѣшена заграничная поѣздка, но тронуться въ путь оказалось возможно лишь въ половинѣ мая, на кораблѣ, изъ Кронштадта. Супруга графа, Софья Владиміровна, и племянникъ его, баронъ А. Г. Строгановъ, сопровождали больного. Первые дни въ морѣ оказали хорошее вліяніе; но, достигнувъ Копенгагена, графу стало, сразу, рѣзко хуже. Чувствуя приближеніе смерти, графъ пожелалъ, чтобы жена его оставила; несмотря на всѣ ея просьбы, она должна была сойти на берегъ. Одинъ только племянникъ былъ свидѣтелемъ его кончины.

«Il s'est éteint comme une lampe», пишетъ Кристинъ княжнѣ Туркестановой, «quelques jours avant d'arriver à Copenhague il avait reçu les sacrements et s'était même fait donner l'extrême-onction se croyant bien certain de n'en pas revenir» *).

*) Письмо Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову: «Saint-Pétersbourg, le 7 Juillet 1817. Le digne comte Stroganoff n'est plus. Ainsi que je l'ai prévu et que les médecins l'ont prédit, il est mort en mer deux jours après avoir quitté Copenhague, où il s'est séparé de la comtesse et du prince Dimitry Galitzine en exigeant qu'ils retournent en Russie absolument pour soigner leurs familles respectives et en les prévenant qu'il se sentait au plus mal et que leur présence ne pouvait lui être d'aucune utilité. La consulte des médecins à Copenhague a donné pour résultat qu'il ne pouvait plus vivre au-delà de deux ou trois jours. La comtesse S. devait aller le revoir encore à Elsineur le lendemain, mais en y arrivant, elle a trouvé que la frégate a passé outre sans s'arrêter, d'après le désir exprès du défunt. Le

Такъ скончался графъ Павелъ Александровичъ, 10 іюня 1817 г. на 44-мъ году жизни, оплакиваемый всѣми, кто его зналъ. Тѣло его было привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ сыномъ *), 5 іюля, при большомъ

---

lendemain il a expiré ou plutôt il s'est éteint comme un flambeau par l'exténuation totale des forces et des facultés physiques, ayant conservé celles de l'âme jusqu'au dernier moment, parlant anglais au médecin, français avec son neveu le baron Stroganoff et russe au valet de chambre. Il parait, d'après un procès-verbal des médecins danois réunis au sien, qui est un Anglais, pour l'ouverture du corps, qu'on a trouvé au lieu des poumons un morceau d'environ deux pouces, chargé de mille abcès plus ou moins grands et tous remplis de matière et dans un état de pourriture complète. L'enterrement a eu lieu avant-hier en présence de l'Empereur et des grands-ducs Constantin et Michel. L'Empereur a été bien touché de la perte de l'ami d'enfance, et le pauvre Novossiltzow faisait pitié en comprimant la douleur de revoir la tombe de son ami au lieu de lui-même. Il est impossible de faire une perte qui soit digne d'un regret général comme celle du comte Stroganoff, dont les qualités et les principes lui ont acquis l'estime de tout le monde. La comtesse a été rencontrée par sa famille près Wybourg, dans une terre appartenant à la princesse Galitzine, sa mère. Elle ne s'est arrêtée à la campagne près de Kamennoy-Ostrow que pour revoir ses deux filles cadettes, et a traversé seulement la ville pour se rendre à la campagne à 100 verstes d'ici sur la Tosna, sans passer à la maison de ville. On dit qu'elle est dans un état de douleur et de santé si précaire qu'on craint un noveau malheur pour sa famille, qui a déjà été mise à tant d'épreuves cruelles et en si peu de temps». (*Архивъ* князя Воронцова, томъ XXIII, стр. 384 и 385).

*) Въ Александро-Невской лаврѣ сохранилась до настоящаго времени слѣдующая надпись на могильной плитѣ отца и сына:

«Съ упокоеніемъ Того, Который есть воскресеніе и животъ, преданы здѣсь землѣ

Графъ
Павелъ Александровичъ
Строгановъ

Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, командовавшій лейбъ-гвардіи 2-ю пѣхотною дивизіею, въ прежней его гражданской службѣ тайный совѣтникъ, сенаторъ, министра внутреннихъ дѣлъ товарищъ и главнаго правленія училищъ членъ, многихъ россійскихъ и другихъ иностранныхъ орденовъ кавалеръ, родившійся во Франціи 1774 года

стеченіи народа. Императоръ Александръ *), императрицы, великіе князья почтили похороны своимъ присутствіемъ.

Архимандритъ Филаретъ (знаменитый витія, митрополитъ московскій) произнесъ замѣчательное надгробное слово, которое мы помѣщаемъ впервые полностью **):

« Блаженъ мужъ, иже
«претерпитъ искушеніе:
«зане, искусенъ бывъ, пріиметъ вѣнецъ жизни».
(Іак. I. 12).

«Ты знаешь, къ чему теперь сіе апостольское слово, если ты слышишь насъ, безмолвный предначинатель сего слова; и ты не огорчишься, что, привѣт-

---

іюня въ 7-й день, скончавшійся близь Копенгагена въ 1817 году, іюня въ 10-й день

и

единственный сынъ его
Графъ
Александръ Павловичъ
Строгановъ

. . . . . . воинъ, положившій жизнь за свое отечество во Франціи подъ Руаномъ, 23 февраля 1814 года, въ кровопролитнѣйшей битвѣ между 15-ю тысячами россійскихъ войскъ, которыми предводительствовалъ его родитель, и слишкомъ 50-ю тысячами непріятельскою арміею подъ личнымъ начальствомъ Наполеона Бонапарта».

Эта характерная, какъ лапидарный памятникъ, надпись полна ошибокъ: какъ мѣсто смерти сына (Руанъ, вм. Краонъ), такъ и годъ рожденія отца (1774, вм. 1772) показаны невѣрно.

*) Баронъ П. А. Николаи сообщалъ графу С. Р. Воронцову отъ 16 іюля 1817 г.: «Le comte Stroganoff vient d'être enterré à Nevsky, et l'Empereur qui était présent à l'enterrement a été visiblement affecté».

**) «Слово предъ погребеніемъ тѣла генералъ-лейтенанта графа Павла Александровича Строганова. Говорено въ Благовѣщенской церкви Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, въ высочайшемъ присутствіи Его Императорскаго

ствуя тебя въ сей послѣдній на земли разъ, мы не избрали для тебя другого привѣтствія, которое казалось бы болѣе торжественнымъ. Ибо лучше ли было бы ублажать тебя славою сихъ тлѣнныхъ вѣнцовъ, когда они праздно носятся въ воздухѣ и не достигаютъ уже безсмертной главы; или сихъ знаковъ чести, воздаиной заслугамъ твоимъ, когда Церковь подвизается въ молитвахъ о томъ, чтобы ты сподобленъ былъ *почести вышняго званія;* или сихъ громкихъ именъ, когда ты уже не носишь ихъ, воспріявъ *новое имя, котораго* здѣсь *никто не знаетъ* (Апок. II. 17)? Довольно ли было бы теперь ублажать тебя воспоминаніями временнаго счастія, которое и прежде ты цѣнилъ токмо по способамъ творить добро, и которое, хотя есть достояніе избранныхъ, коимъ принадлежатъ и *настоящая и грядущая* (1 Кор. III. 22), однако, не есть ихъ отличіе, ибо въ немъ участвуютъ не рѣдко и тѣ, кои *воспріемлютъ благая въ животѣ своемъ* (Лук. XVI. 25)? Но что я говорю? Самое воспоминаніе твоихъ добродѣтелей не усладило бы для тебя нашей бесѣды, когда ты, можетъ-быть, уже яснѣе насъ познаешь, *кто постоитъ, аще назритъ Господь беззаконія* (Пс. CXXIX. 3)! Итакъ, мы привѣтствуемъ тебя преимущественно надеждою блаженства, предуставленнаго тому, кто не яко младенецъ токмо, питаемъ былъ земными благословеніями, но паче яко мужъ, претерпѣніемъ искушенія

Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Цесаревича Константина Павловича и Михаила Павловича, 5 іюля» (напечатано отдѣльно и въ собр. 1820 и 1821 г.).

очищенъ, укрѣпленъ и пріуготовленъ къ вѣнцу небесному. *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане, искусенъ бывъ, пріиметъ вѣнецъ жизни.*

«Участники сего торжественнаго сѣтованія! внесемъ отрадную мысль *о пути къ блаженству чрезъ искушеніе,* яко свѣтильникъ во мракъ судьбы человѣческой вообще, и особенно во мракъ предстоящаго намъ гроба.

«Нѣкогда путь блаженства былъ пространенъ, какъ широта страны Эдемской, и отъ начала своего до конца пролегалъ чрезъ рай сладости. Но сѣмена запрещеннаго плода, вкушеннаго человѣками, упали на землю, и путь блаженства заросъ терніемъ и волчцами. Тщетно люди, слѣдуя или темному воспоминанію, или обманчивымъ вожделѣніямъ, старались вновь устроять себѣ пространные пути: самая широта ихъ, теперь уже неестественная, содѣлалась признакомъ того, что они ложны и не могутъ приводить къ цѣли — *широкій путь вводяй въ пагубу* (Матѳ. VII. 13).

«Поелику пространный путь, какъ видимый, болѣе и болѣе обольщалъ странниковъ и привлекалъ въ пагубу, а истинный путь жизни, какъ сокровенный и даже непроходимый безъ вышняго Руководителя, болѣе и болѣе запустѣвалъ и становился совсѣмъ невѣдомъ, то, наконецъ, по неизреченной благости небесъ, чудесно явился на земли «Тотъ, Который есть» *) *Путь и Истина и Животъ* (Іоан. XIV. 6). Однако, и Онъ не очистилъ пути къ блаженству отъ тернія и волчцевъ, но предоставилъ сіе тому времени, когда Онъ паки

---

*) Въ отдѣльномъ изданіи этихъ словъ нѣтъ.

пріидетъ *очистить* все пространное *гумно Свое* и вcѣ *плевы сожещи огнемъ негасающимъ* (Матѳ. III. 12). Нынѣ же Онъ указалъ намъ *тѣсный путь, вводящій въ животъ* (Матѳ. VII. 14), и Самъ прошелъ симъ путемъ, *намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Пет. II. 21).

«Есть различныя стези и части единаго всеобщаго пути къ блаженству; но всегда вѣрнѣе узнается онъ потому, что *тѣсенъ,* и требуетъ подвига отъ проходящихъ по нему. Онъ лежитъ тамъ чрезъ воды слезъ: *блажени плачущіи* (Матѳ. V. 4), здѣсь — чрезъ пустыню, въ которой должно потерять все, чѣмъ когда-либо думали обладать въ самихъ себѣ: *блажени нищіи духомъ* (Матѳ. V. 3); индѣ — чрезъ дебри уничиженія: *блажени изгнани* (Матѳ. V. 10), *блажени будете, егда возненавидятъ васъ человѣци, и егда разлучатъ вы и поносятъ* (Лук. VI. 22). Должно иногда воинственною рукою низлагать преграды и напряженнѣйшими усиліями восходить на высоту совершенства: *царствіе небесное нудится* (Матѳ. XI. 12); иногда преданностію вѣры повергаться въ смертныя опасности, чтобы достигнуть спасительнаго упованія на Бога: *иже погубитъ душу свою, той спасетъ ю* (Марк. VIII. 35). То, что споспѣшествуетъ въ путяхъ плоти, часто даже препятствуетъ на пути духа, и колесницы міра устроятся большею частію не по размѣру *узкихъ вратъ, вводящихъ въ животъ:* такъ *не удобь уповающимъ на богатство въ царствіе Божіе внити* (Марк. X. 24). Небесный Путеводитель требуетъ отъ насъ нѣкотораго разлученія съ ближайшими нашими сопутниками: *пріидохъ,* говоритъ Онъ, *разлучити человѣка на отца своего, и дщерь на матерь*

свою; иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѳ. X. 35 и 37). Чтобы достигнуть въ царство всеобъемлющей любви Божіей должно прежде остаться одиноку сердцемъ, какъ тотъ, кто сказалъ: *единъ есмь азъ, донде же прейду* (Пс. CXL. 10).

«Скажутъ ли на сіе нынѣ, какъ говорили прежде: *кто убо можетъ спасенъ быти* (Матѳ. XIX. 25)? И нынѣ, какъ прежде, отвѣтствуетъ Подвигоположникъ спасенія: *у человѣкъ сіе не возможно есть, у Бога же вся возможна* (Матѳ. XIX. 26). Если человѣкъ возмнитъ самъ содѣлать свое спасеніе, то, хотя бы ему извѣстны были всѣ средства спасенія, скажемъ, не обинуясь, для него невозможно спасеніе. Но сія невозможность самоспасенія, признаваемая смиреніемъ и вѣрою, становится возможностію спасенія въ любви и премудрости Божіей: *не возможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27). Человѣкъ *не доволенъ и помыслити что доброе отъ себе, яко отъ себе* (2 Кор. III. 5); иногда онъ *работаетъ умомъ Богу, но плотію закону грѣховному* (Рим. VII. 25); или *еже хотѣти прилежитъ ему, а еже содѣяти доброе не обрѣтаетъ;* или *творитъ*, но *не еже хощетъ доброе* (Рим. VII. 18 и 19). Богъ и знаетъ, и можетъ, и хощетъ, и творитъ. И зная лучше насъ, чего мы требуемъ, Онъ не рѣдко ведетъ насъ, куда не знаемъ; и желая намъ блага болѣе, нежели мы самимъ себѣ, Онъ не рѣдко творитъ съ нами, чего не желаемъ. *Храняй младенцы* духа *Господь* (Пс. CXIV. 5), и *заповѣстъ Ангеломъ Своимъ*, да *на рукахъ возьмутъ* (Пс. XC. 12) ихъ; питаетъ ихъ *млекомъ* утѣшеній и, какъ только *расширяютъ уста свои*, Онъ

исполняетъ я (Пс. XXX. 11). Зритъ *враговъ* нашихъ, *сильныхъ,* и *ненавидящихъ* насъ *утверждающихся паче* насъ, и *предваряетъ* насъ *въ день озлобленія* нашего, и *изводитъ на широту* (Пс. XVII. 18 и 20). Но когда видитъ насъ способными вступить въ училище высокаго Божественнаго воспитанія, или на самое поприще духовныхъ подвиговъ, тогда *его же любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Евр. XII. 6); тогда крестъ и искушеніе предлагается намъ непремѣнно, и отъ времени «до времени» *) обильнѣе, какъ *твердая пища совершенныхъ* (Евр. V. 14). Скорби, лишенія, болѣзни, событія внезапныя и поражающія насъ посѣщаютъ, какъ наставники въ урекенные часы, и поучаютъ насъ въ силѣ и существѣ самоотверженію, презрѣнію міра, безстрастію, преданности въ волю Божію—знаніямъ, невѣдомымъ въ мірѣ, кромѣ ихъ имени. Мы проводимся *сквозь огнь и воду,* да будемъ бѣлы, яко снѣгъ, и чисты, яко злато; *да искушеніе* нашея *вѣры многочестнѣйше злата гибнуща, огнемъ же искушена, обрящется въ похвалу и честь и славу, во откровеніи Іисусъ Христовѣ* (1 Пет. I. 7).

«Кто еще *не мыслитъ яже суть Божія,* пусть судитъ хотя токмо по человѣчески, или слагаетъ буквы стихійной природы, и читаетъ, хотя въ окаменѣлыхъ и раздробленныхъ скрижалахъ, единый всюду законъ духовный. Какая земля благословеннѣе?—та ли, которая, хотя подъ благотворнымъ небомъ, но безъ воздѣлывающаго, если не лежитъ въ запустѣніи, то произво-

*) Въ отдѣльномъ изданіи этихъ словъ нѣтъ.

дитъ токмо дикое быліе или служитъ пажитію безсловеснымъ, или та, которая, будучи раздираема раломъ и утруждаема питаніемъ ввѣреннаго ей сѣмени, приноситъ, наконецъ, жатву, питающую человѣка? Какое древо любезнѣе вертоградарю? — не то ли, которое болѣе страждетъ для вертоградаря? Какая вода неповрежденнѣе сохраняетъ естество свое? — не та ли, которая менѣе покоится и болѣе стонетъ, будучи гонима судьбою, изреченною ей въ законѣ тяжести, и сокрушаема о камни? Какая сила болѣе возрастаетъ и укрѣпляется? — не та ли, которая болѣе находится въ борьбѣ съ трудомъ и утомленіемъ? Что болѣе возвышаетъ и совершенствуетъ добродѣтель? — благополучіе ли, которое большую часть силъ ея приводитъ въ покой, или бѣдствіе, которое поставляетъ ее на поприще, ея достойное, и вводитъ въ подвигъ, ей свойственный? Кто не мужественъ, когда нѣтъ брани? Кто не великодушенъ, когда не о чемъ сѣтовать? Внезапно является врагъ, и воздремавшее мужество едва находитъ свое оружіе. Постигаетъ скорбь, и мечтательная твердость духа, какъ утлое древо, сокрушается. Искушеніе, посылаемое Провидѣніемъ, есть соль земного счастія; въ избыткѣ своемъ она уязвляетъ вкусъ, но безъ нея въ томъ, что услаждало вкусъ, осталась бы одна гнилость и смрадъ. Такъ бываетъ въ порядкѣ естественномъ, такъ и въ духовномъ. *Отнимите искушенія, и не будетъ спасаемыхъ* *), сказалъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ искушеніе содѣлало искусными.

*) Антоній Великій.

«Не удивимся же и тому, что знающій цѣну даровъ Божіихъ, какъ бы пренебрегая благоденствіемъ, проситъ себѣ дара быть искушаему: *искуси мя, Боже* (Псал. CXXXVIII. 23); паче же и сами послѣдуемъ совѣту и увѣщанію Апостола: *всяку радость имѣйте, братія моя, егда въ искушенія впадаете различна* (Іак. I. 2).

«Но если и вступать на путь искушенія должно съ радостію, кольми паче справедливо ублажать тѣхъ, которые уже прешли его, достигли своего предѣла съ терпѣніемъ и потому почіютъ въ мирѣ и во упованіи вѣнца жизни? *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане, искусенъ бывъ, пріиметъ вѣнецъ жизни.*

«Напрасно и въ жизни, и въ смерти ближнихъ нашихъ, мы преимущественно любимъ смотрѣть на ихъ счастіе, которое и, блистая, ослѣпляетъ насъ и, скрываясь, оставляетъ во мракѣ. Если бы мы болѣе взирали на искушенія, коими Богъ очищаетъ ихъ и совершаетъ въ жизнь вѣчную, мы бы во всякомъ случаѣ могли почерпать «отсюда» *) и наставленіе, и утѣшеніе. Въ семъ расположеніи дерзнемъ простерть гадательный взоръ въ тайну жизни, запечатлѣнной въ семъ гробѣ, доколѣ не *отверзется* великая *книга жизни*. (Апок. XX. 12).

«Отрасль рода благословеннаго и служеніемъ отечеству, и благодарностію отечества, счастливый сынъ счастливаго родителя, радостный отецъ достойнаго сына, вѣрный и украшенный довѣренностію сперва въ высокомъ домѣ царевомъ, а потомъ въ пространномъ домѣ

---

*) Въ отд. изд.: «отселѣ».

царства, гражданинъ, стяжавшій славу воина, воинъ, которому не время принесло званія и почести, но который восхитилъ ихъ неутомимостью въ подвигахъ, наконецъ, мужъ по сердцу владычествующаго сердцами Россіянъ — въ такихъ наиболѣе чертахъ являлся очамъ свѣта въ теченіе жизни своей знаменитый болярииъ и вождь, графъ Павелъ. Гдѣ ты нынѣ, свѣтлый видъ счастія и славы? и что міру осталось отъ тебя, развѣ горькое утѣшеніе воспоминанія о томъ, что возвращено быть не можетъ?

«Но зрите посреди украшенныхъ цвѣтами путей человѣческихъ сокровенные слѣды пути Божія, покрытаго священнымъ терніемъ. Богъ *даровалъ* рабу Своему, да скажемъ словами Апостола, *не токмо еже вѣровати, но и еже страдати* (Фил. I. 29). Собственною рукою, какъ и большею частію бываетъ, изъ невидимаго хранилища судебъ извлекъ онъ таинственный жребій, не вѣдая, что это будетъ жребій искушенія. Благовременно для отечества, но неблаговременно для него самого, ревность къ подвигамъ исторгла его изъ спокойной, впрочемъ, довольно уже дѣятельной, жизни гражданской; онъ взялъ долго покоившійся мечъ свой, и, поспѣшая имъ поражать враговъ, непримѣтно усѣкалъ собственные дни; по необозримымъ полямъ брани, съ которыхъ собралъ вѣнцы побѣдъ, невозвратно расточилъ свою крѣпость и здравіе. Между тѣмъ пламень, наполнявшій сердце отца, объялъ и сердце единственнаго сына его, который хотѣлъ наслѣдовать, прежде всего, живый примѣръ отеческихъ добродѣтелей. Казалось, будто предугадывалъ благополучный дотолѣ ро-

дитель страшное опредѣленіе судебъ, когда съ тѣмъ токмо согласился видѣть сына своего воиномъ, чтобы никогда не видѣть его подъ своими знаменами. Но *яже Богъ святый совѣща, кто раззоритъ, и руку Его высокую кто отвратитъ?* (Исаіи XIV. 27). Суждено было — мы не знаемъ закона, но видимъ дѣйствіе сего вышняго суда — суждено было, чтобы, какъ нѣкогда корень сего знаменитаго рода истребленъ былъ неистовствомъ зловѣрныхъ утѣснителей Россіи *), такъ нынѣ высшая отрасль его сокрушена была бурею, воздвигнутою безвѣрными губителями Европы; что какъ благословенный начатокъ сей благородной крови принесенъ былъ въ жертву вѣрѣ, такъ чистѣйшій останокъ ея пролитъ былъ за отечество; чтобы мужъ, сподобленный дара *не токмо вѣровати, но и страдати,* по мѣрѣ сего дара, поучился высокому чину жертвоприношенія Авраамова. И се бранный вихрь, вопреки человѣческой

---

*) Извѣстный россійскій исторіографъ, профессоръ Миллеръ, въ сочиненіи своемъ «Описаніе Сибирскаго царства», часто утверждается на повѣствованіяхъ голландскаго писателя Николая Видзена, а Видзенъ въ книгѣ, изданной имъ въ 1692 году въ Амстердамѣ, на голландскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Сѣверная и Восточная Татарія», пишетъ между прочимъ слѣдующее:

«Происхожденіе знаменитыхъ въ Россіи богатыхъ людей *Строгановыхъ* есть слѣдующее: ихъ родоначальникъ родился въ Золотой ордѣ, близъ Астрахани, и былъ сынъ тамошняго царя. Пожелавъ принять христіанскую вѣру, онъ отправился въ Россію, гдѣ по обряду греческой церкви былъ крещенъ и вступилъ въ супружество съ выданною за него царемъ родною его дщерію. По совершеніи сего брака, когда Строгановъ остался въ Россіи, татары за сіе столько вознегодовали, что начали войну съ россіянами. Царь послалъ сего Строганова самого съ войскомъ противу татаръ; но непріятели взяли его случайно въ плѣнъ и лишили его жизни, *сострогавъ* съ него все тѣло. Страдалецъ оставилъ послѣ себя беременную супругу; рожденному его сыну дали наименованіе *Строганова,* которое и понынѣ сохраняютъ его потомки».

заповѣди, приноситъ юнаго ратоборца подъ знамена родителя, и приноситъ токмо для того, чтобы онъ палъ подъ знаменами родителя! Какое искушеніе вѣры и терпѣнія — видѣть смерть сына, и даже не оплакивать его; видѣть смерть достойнаго сына, и проститься съ пріятнѣйшими надеждами; видѣть смерть единственнаго сына, и вдругъ пережить свое потомство! Однако, никакое малодушіе, никакой ропотъ на судьбу не возмутили жертвоприношенія по чину Авраамову, и сиротствующій отецъ, съ преданностію волѣ Того, *изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Еф. III. 15), возвратился въ домъ, чтобы дѣлить печаль и утѣшенія съ вѣрною супругою и чтобы приведеніемъ въ порядокъ обширнаго своего домостроительства какъ бы приготовить Вышнему Домовладыкѣ послѣдній *отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ* (Лук. XVI. 2). Здѣсь новый плодъ искушенныя вѣры его явился въ томъ, что онъ многаго лишилъ себя самого, дабы не сократить руки своей для тѣхъ, которые благоденствовали посредствомъ непрерывныхъ его благотвореній.

«Но путь искушенія его, по судьбамъ Божіимъ, не иначе долженствовалъ окончиться, какъ вмѣстѣ съ его жизнію. Болѣзнь, порожденная трудами и, можетъ-быть, возращенная печалію, была орудіемъ Провидѣнія, колико тяжкимъ для плоти, толико же безъ сомнѣнія спасительнымъ для духа. Ей поручено было не токмо ежедневно воспоминать сыну времени о вѣчности, но даже нѣкоторымъ видимымъ образомъ расторгнуть всѣ узы, привязывавшія его къ міру, и еще во плоти отдѣлить его духъ отъ всего земного, чтобы пріуго-

товить къ соединенію съ Богомъ, не терпящему никакого посредства или чуждаго влеченія. По внушеніямъ сей, впрочемъ еще не довольно понимаемой, наставницы, онъ оставляетъ домъ и отечество. *Крѣпкая, яко смерть, любовь* увлекаетъ за нимъ его супругу; но вскорѣ, истиннѣе почувствовавъ свое состояніе, онъ укрѣпляетъ духъ свой христіанскими таинствами и, чтобы освободить себя и ее отъ тягостнаго состоянія—непрестанно умирать въ ея глазахъ, переноситъ тягостное же состояніе—оставить ее, такъ сказать, кораблекрушеніемъ надежды повержену на брегъ иноплеменный *). Тогда равнодушно сходитъ онъ въ море, какъ бы взывая съ Давидомъ: *единъ есмь азъ, дондеже прейду;* и прешедъ не болѣе двухъ дневныхъ поприщъ, подкрѣпясь новымъ напутствіемъ духовнымъ, тихо входитъ въ покой свой.

«Что помыслимъ мы, христіане, взирая на сей путь Провидѣнія, столь мало сходный съ чертежами нашего легкомысленнаго разума, но столь же, безъ сомнѣнія, правый и благій, яко начертанный и указанный Премудрымъ Отцомъ! *Повинемся Отцу духовомъ* (Евр. XII. 9), какъ повинулся Ему единый отъ сыновъ Его, къ Нему нами провождаемый, *и живи будемъ,* какъ и ему и молимъ, и чаемъ *вѣнца жизни.*

«*Повинитеся Отцу духовъ* и вы, которыхъ, можетъ-быть, сіе самое событіе поставляетъ на новый путь искушенія. Пути *искушенія* выходятъ одинъ изъ другого; но также не оскудѣютъ и *вѣнцы жизни,* если терпѣливо пойдемъ до предѣла искушенія.

---

*) Въ Копенгагенѣ.

«И ты, супруга и мать, сугубо сиротствующая! Въ какомъ бы уединеніи ни скрывала тебя твоя печаль, но ты услышишь гласъ Церкви, простираемый къ тебѣ въ вѣрѣ и любви: *повинися Отцу духовъ* и проходи еще продолжающійся для тебя путь *искушенія*, взирая на *вѣнецъ жизни. Вѣрень же Богъ, Иже не оставитъ искуситися паче, еже можети* (1 Кор. X. 13).

«Отче духовъ и Боже всякія плоти! *Пріими* духъ раба Твоего, болярина и вождя графа Павла, *яко всеплодіе жертвенное;* зане *искусилъ* еси его, *яко злато въ горнилѣ* (Прем. III. 6). Сподоби его блаженства претерпѣвшихъ искушеніе и подаждь ему вѣнецъ жизни вѣчныя. Посли сѣтующимъ о немъ духа утѣшенія Твоего. *Ты бо еси Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей* (2 Кор. I. 3 и 4). Аминь».

Въ «Духѣ журналовъ» были тогда же*) помѣщены: «Чувствованія христіанина при отпѣваніи тѣла графа П. А. Строганова и при слушаніи слова, произнесеннаго на сей случай архимандритомъ Филаретомъ». Мысленно проходя все поприще жизни покойнаго графа, авторъ говоритъ: «Поприще, въ началѣ усѣянное розами и освѣщенное славой, но въ концѣ трудное, заросшее терніемъ и омраченное скорбью и страданіемъ». Онъ графа поминаетъ какъ: «Любимаго и уважаемаго всѣми, и ближними, и друзьями, и посторонними, благословляемаго облагодѣтельствованными

*) 1817 г., № 31.

отъ него, украшеннаго вѣнцами, и гражданскихъ заслугъ, и военныхъ подвиговъ, и христіанскихъ добродѣтелей. Для него суждено было испить чашу страданій, тому, кто въ жизни уготовлялъ для всѣхъ только счастіе и отраду». Описывая отпѣваніе тѣла графа въ церкви, онъ говоритъ: «Здѣсь государь императоръ и великіе князья Константинъ и Михаилъ Павловичи, тамъ сѣтующіе родственники и друзья и изысканные его сподвижники, а здѣсь посторонніе почитатели его добродѣтелей, пользовавшіеся милостивымъ и благосклоннымъ его обхожденіемъ, и, наконецъ, тѣ облагодѣтельствованные имъ старцы, вдовы и сироты, убогіе, раненые и немощные, коимъ онъ былъ отцомъ и ангеломъ хранителемъ. На лицахъ всѣхъ иcписана глубокая печаль о потерѣ того, кого всякъ имѣлъ столь много причинъ любить, почитать и оплакивать». Авторъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвела на всѣхъ рѣчь архимандрита **Филарета.**

Въ сужденіяхъ большинства современниковъ о графѣ П. А. Строгановѣ почти не встрѣчается мнѣній не въ его пользу. Привожу характеристики, сдѣланныя лицами различныхъ состояній, положеній и лѣтъ.

Старикъ графъ С. Р. Воронцовъ, въ письмѣ къ сыну Михаилу, такъ отнесся къ покойнику: «La mort du comte Stroganoff me fait beaucoup de peine, parce qu'outre l'excellent caractère qu'il avait, il avait aussi une élévation d'âme bien rare parmi ceux qui sont élevés à la cour et employés autour du souverain dans les affaires.... Le comte Stroganoff avec des principes plus élevés et une

Могила графа Павла Александровича Строганова
на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

âme plus forte et plus noble sera toujours regretté de ceux qui l'ont connu et qui voient avec douleur *combien peu il reste de ces caractères chez nous*».

Н. М. Лонгиновъ, многимъ обязанный покойному графу, говоритъ: «Il est impossible de faire une perte qui soit digne d'un regret général comme celle du comte Stroganoff, dont les qualités et les principes lui ont acquis l'estime de tout le monde».

Ѳ. В. Булгаринъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, отзывается слѣдующимъ образомъ: «Ангелъ душой, съ умомъ свѣтлымъ и глубокимъ, съ высокимъ образованіемъ, графъ П. А. Строгановъ *любилъ Россію выше всего въ мірѣ* и обожалъ государя, въ которомъ чтилъ высшія дарованія и пламенное желаніе къ просвѣщенію и возвеличенію отечества».

Ланжеронъ такъ выражается въ своихъ мемуарахъ о графѣ Строгановѣ: «Le comte Stroganoff qui à l'époque de la campagne de 1805 était fort jeune encore, mais il avait l'aplomb d'un homme fait. Il était doux, honnête, aimable, probe, modeste, instruit et attaché à son souverain et à sa patrie. Il était alors adjoint du ministre de l'intérieur. Il était déplacé dans ce poste; il a pris après la carrière des armes et il s'est distingué».

Михайловскій-Данилевскій заканчиваетъ свой біографическій очеркъ словами: «Одаривъ его всѣми средствами для благоденствія въ жизни—знатнымъ родомъ, богатствами, почестями, счастіемъ семейной жизни—судьба одарила его и прекрасной, привлекательной наружностью, умомъ, который обогатили превосходное воспитаніе, свѣтская и придворная жизнь. Подобно

своему достопамятному родителю, онъ любилъ науку и просвѣщеніе. Какъ смѣлый наѣздникъ, бросаясь въ битвы при началѣ своего воинскаго поприща, онъ соединялъ въ себѣ впослѣдствіи всѣ качества генерала; хладнокровный въ опасностяхъ, неутомимый въ трудахъ, великодушно раздѣлялъ съ подчиненными богатство и обиліе средствъ жизни, столь щедро удѣленныя ему».

Гречъ пишетъ о немъ: «Молодой графъ пропитанъ былъ революціонными правилами, но честная, добрая душа его со временемъ все переработала; онъ былъ самымъ *усерднымъ и ревностнымъ русскимъ патріотомъ*».

Наконецъ, графиня В. Н. Головина дѣлаетъ довольно мѣткое замѣчаніе въ своихъ запискахъ: «Графъ П. А. Строгановъ былъ однимъ изъ тѣхъ объевропеившихся русскихъ аристократовъ, которые умѣли какъ-то связывать въ своемъ умѣ теоретическіе принципы равенства и свободы со стремленіями къ политическому преобладанію высшаго дворянства».

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ о военныхъ способностяхъ графа Строганова: «Быстрый ходъ по службѣ не допустилъ нужной опытности, не представились случаи обнаружить способности военнаго человѣка. Изъ всѣхъ наилучшихъ качествъ, украшающихъ Строганова, военныя не суть превосходнѣйшія. Никому не уступая въ отважности, готовый всегда встрѣчать опасность; но не среди звука оружія можетъ возгремѣть имя его».

Приведу также два стихотворенія, написанныя на кончину графа П. А. Строганова, одно графа Хвостова *), другое С. Н. Глинки **).

Николаю Николаевичу Новосильцову на смерть графа П. А. Строганова.

Еще печальны слышу стоны,
Въ дубравѣ погребальный вой;
Стремятся бурны аквилоны
Съ столѣтними дубами въ бой,
Отъ корня отрасль отторгаютъ,
Тотъ дубъ, который осѣнялъ
Луга, водами упоенны,
Порывомъ вѣтра сокрушенный,
На отрасль преклонясь, упалъ!

Лей, Новосильцовъ, слезъ потоки,
О другѣ вѣрномъ возрыдай,
Терзая грудь, ты рокъ жестокій
И косу смерти проклинай.
Но, ахъ! стенанья безполезны:
Уже твой Строгановъ любезный
Не узритъ болѣ милыхъ мѣстъ;
Съ тобою, ближними простился,
Съ отцомъ и сыномъ съединился

---

*) Графъ Димитрій Ивановичъ Хвостовъ, род. 1757 г., † 1835 г., писатель, стихотворецъ.

**) Сергѣй Николаевичъ Глинка, род. 1775 г., † 1847 г., историкъ.

Среди чертога свѣтлыхъ звѣздъ.
Царю, отечеству заслуги
Ему безсмертіе дарятъ,
И отдаленные, и други
Дары душевные цѣнятъ;
Соотчичей благословенье
Въ печали кровныхъ облегченье.
Почто потоки слезныхъ рѣкъ,
Почто печаль и сердца скука,
Коль сына, и отца, и внука
Почтенна память будетъ въ вѣкъ?
Рыдающей супругѣ нѣжной
Совѣты мудрые внуши;
Представя путь всѣмъ неизбѣжный,
Спокой волненіе души.
Кто время, быстрое въ полетѣ,
Удержитъ для себя на свѣтѣ?
Кто зналъ, кому о комъ рыдать?
Не долженъ смертный окрыленный,
Здѣсь духомъ вѣры озаренный,
Подъ игомъ скорби упадать.

Графъ Хвостовъ *).

На смертъ графа П. А. Строганова.

Герой, средь славныхъ битвъ гремѣвшій,
Любимецъ славы и побѣдъ,

*) «Духъ журналовъ» 1817 г., № 29, стр. 164.

На смерть безтрепетно глядѣвшій,
Летавшій ужасомъ во слѣдъ:
И ты не миновалъ могилы!..
Тогда ты не былъ пораженъ,
Когда сражалъ враждебны силы,
И былъ смертями окруженъ.
Такъ смерть и льститъ, и уловляетъ!..
Средь лучезарныхъ, ясныхъ дней
Въ могилу хладну увлекаетъ;
Подъ тучей бѣдъ — щадитъ людей.
Но смерть не поражаетъ славы;
Безсмертіе — удѣлъ дѣламъ:
Изъ гроба дастъ герой уставы
Плѣненнымъ славою сердцамъ.

* *
*

Кого у хладной зримъ гробницы,
Гдѣ Строганова скрылся прахъ?
Того, отъ чьей блеститъ десницы
Миръ, тишина во всѣхъ странахъ *).
Герой въ вѣнцѣ чтитъ прахъ героя,
Который ревніемъ дышалъ
Къ царю, къ отечеству средь боя
И жизнь имъ въ жертву обрекалъ.

* *
*

Владѣя счастія дарами,
Породы блескомъ озаренъ,

*) Государь и ихъ императорскія высочества присутствовали на похоронахъ графа Строганова.

Онъ могъ жизнь усыпать цвѣтами,
Могъ — отъ трудовъ быть удаленъ;
Онъ могъ... и громъ войны внимая,
Онъ разлучился съ тишиной;
Покой и жизнь на смерть мѣняя,
Спѣшилъ въ кровопролитный бой.

* *
*

Вступилъ онъ въ поприще героевъ
И славы опытнымъ сынамъ,
Средь быстрыхъ и всечасныхъ боевъ
Героемъ онъ явился самъ.
Орломъ съ донскими онъ орлами
Предъ русскимъ воинствомъ леталъ
И съ атаманскими бойцами
Побѣдны лавры пожиналъ.

* *
*

Когда грозился врагъ суровый
Россіи бытіе прервать,
Онъ, славой увѣнчавшись новой,
Умѣлъ предъ свѣтомъ показать,
Сколь Россъ честь любитъ безпредѣльно!..
На поле битвъ онъ сына взялъ.
Съ сыновней славой нераздѣльно
Свою онъ славу сочеталъ.

* *
*

Безсмертна жертва, несравненно!
Онъ сынъ единственный... на немъ

Сердецъ надежда утвержденна,
Что древній не исчезнетъ домъ.
Но юный Строгановъ ужь въ полѣ!
Летитъ онъ по слѣдамъ отца.
О смерть! въ твоемъ онъ произволѣ;
Щади его... щади сердца!

* * *

Гоня враговъ, орлы полночны
Въ предѣлахъ Франціи парятъ,
Несутъ съ собой перунъ всемочный
И милосердіемъ дарятъ.
Упорство мира не пріемлетъ;
Оружье россіянъ гремитъ;
Парижъ побѣдны звуки внемлетъ,
И мечъ, и огнь его страшитъ.

* * *

Во дни сіи, средь грозныхъ боевъ,
Палъ юный Строгановъ!.. онъ палъ
Въ глазахъ отца, въ рядахъ героевъ:
Расцвѣлъ, блеснулъ, погасъ, увялъ...
Герой мужается душевно;
Но онъ отецъ! — онъ слезы льетъ,
Томится горестью вседневно,
За сыномъ — въ мрачный гробъ идетъ.

* * *

Супруга нѣжна! не терзайся,
Что друга ты пережила;

Его ты славой подкрѣпляйся!
Смерть — только прахъ его взяла.
Россія цѣлая — семейство
Великихъ, ревностныхъ сыновъ;
Ихъ слава — общее наслѣдство;
Награда — вѣчная любовь!

17 іюля 1817 г.

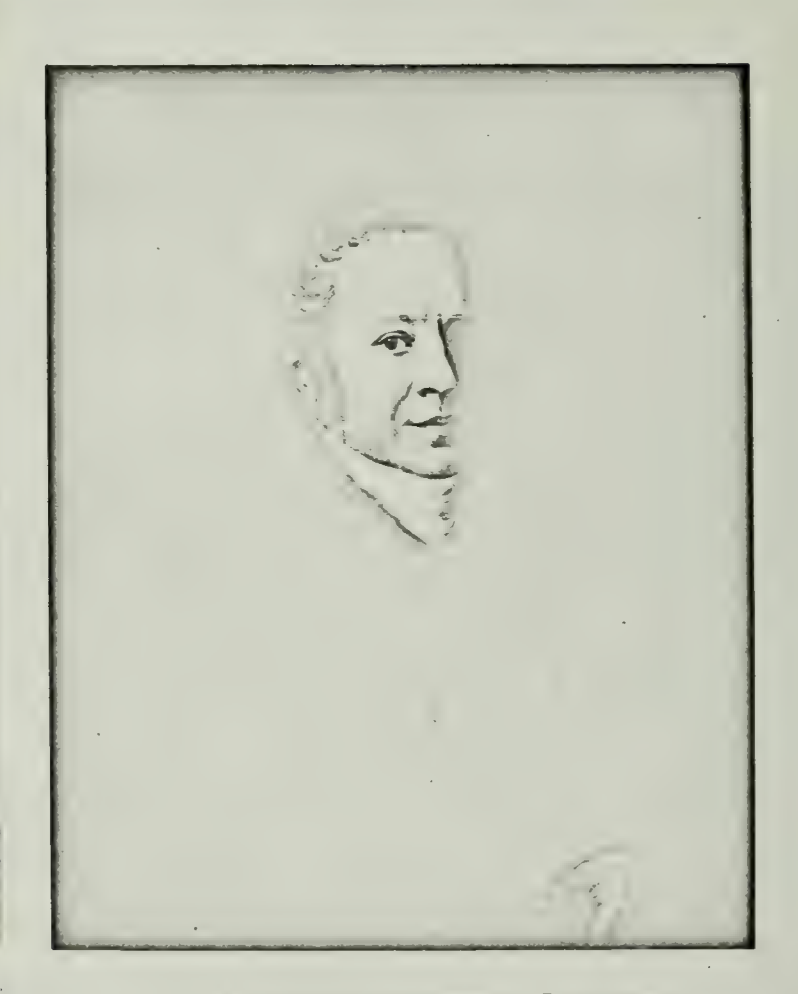
С. Н. Глинка *).

Жизнь и дѣятельность графа Павла Александровича Строганова представляютъ много поучительнаго и оригинальнаго. Сынъ одного изъ первыхъ вельможъ вѣка Екатерины II, единственный наслѣдникъ богатѣйшаго состоянія, воспитанникъ анархиста Ромма, другъ императора Александра I, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, боевой генералъ и участникъ всѣхъ войнъ съ 1807 по 1814 годъ, графъ Строгановъ умеръ въ цвѣтѣ силъ, 43 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память -- хорошаго, доступнаго, благороднаго человѣка. Желаніе француза-воспитателя вполнѣ осуществилось, и графъ Строгановъ былъ, дѣйствительно, человѣкомъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Чистая, прямая душа Павла Александровича, никогда не боявшаяся сказать правду въ глаза, даже сильнымъ міра сего, рѣзко отличала его отъ современниковъ.

Полная отзывчивость къ нуждамъ ближняго, добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, любовь

---

*) «Русскій Вѣстникъ» 1817 г., 2 ч., №№ 13 и 14.

Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ.
(Изъ Строгановской коллекціи).

къ родинѣ, безъ всякихъ громкихъ фразъ, были отличительными чертами его характера. Увлеченія его юношескихъ лѣтъ, конечно, сказались въ той роли, которую судьба предназначила ему играть въ первые года царствованія Александра I; но въ этихъ увлеченіяхъ вовсе не замѣчается ни карьерныхъ замысловъ, ни мелкаго духа интриги; напротивъ, графъ предавался дѣлу ради идеи, всѣмъ сердцемъ, напрягая всѣ свои способности. Просматривая обширный архивъ, оставшійся послѣ него, удивляешься той добросовѣстности, съ которой онъ предавался различнымъ, возлагавшимся на него порученіямъ и занятіямъ. Журналъ засѣданій секретнаго комитета представляетъ уже образецъ самаго серіознаго отношенія къ тѣмъ многочисленнымъ реформамъ, которыя обсуждались въ тѣ времена. По всѣмъ маломальски интереснымъ вопросамъ остались многія записки, замѣтки, свидѣтельствующія о той активной роли, которую игралъ графъ Строгановъ въ первый періодъ своей государственной дѣятельности. Когда же образъ мыслей его царственнаго «друга» началъ измѣняться, графъ, хотя и принялъ на короткое время возложенную на него миссію въ Лондонѣ, исполненную имъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ, несмотря на его неподготовку къ такого рода порученіямъ, но, опасаясь, что государь можетъ окончательно и съ почетомъ удалить его на дипломатическое поприще, рѣзко перемѣнилъ свою службу.

Несомнѣнно, что рѣшеніе это произошло послѣ усиленной внутренней борьбы съ самимъ собой, что разочарованіе въ царственномъ другѣ было велико, и что огорченіе отъ перемѣны мыслей императора

Александра больно отразилось въ отзывчивой натурѣ графа Строганова. Но незамѣтно никакихъ колебаній въ образѣ дѣйствій графа: онъ, не дождавшись даже перечисленія въ ряды войскъ, идетъ волонтеромъ, въ званіи сенатора и въ чинѣ тайнаго совѣтника, къ атаману Платову и съ полнымъ воодушевленіемъ, con amore, бросается въ лихія схватки съ казаками противъ французовъ. Нравственное состояніе Павла Александровича было таково *), что ему хотѣлось какъ бы забыть все прошлое и искать развлеченія въ поэзіи битвъ, что такъ мало подходило къ свойствамъ его человѣколюбиваго нрава **). Тѣмъ не менѣе, и военному дѣлу графъ Строгановъ отдается съ полнымъ увлеченіемъ, стараясь изучить его возможно лучше. Метаморфоза удалась ему вполнѣ, и имя его останется навсегда въ лѣтописяхъ Наполеоновскихъ войнъ на ряду съ прочими собратьями по оружію, особенно въ Отечественную войну 1812 года. Архимандритъ Филаретъ справедливо отмѣчаетъ, пробѣгая въ своей надгробной проповѣди всю жизнь графа П. А. Строганова: «гражданинъ, стяжавшій славу воина, воинъ, которому не время принесло званія и почести, но который восхитилъ ихъ неутомимостью въ подвигахъ».

---

*) Девизомъ графа было: «nec timeo, nec spero», и эта надпись сохранилась на его печати, нынѣ принадлежащей графу Павлу Сергѣевичу Строганову.

**) Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ сказывалъ про своего тестя, что иногда, подъ вліяніемъ воспоминаній о молодыхъ годахъ, Павелъ Александровичъ становился страненъ, чудилъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего уходилъ въ комнаты своихъ слугъ, садился съ ними за просто обѣдать и наслаждался равенствомъ.

Баронесса Анна Сергѣевна Строганова,
рожд. кн. Трубецкая,
первая супруга барона Григорія Александровича.
(Съ миніатюры Строгановской коллекціи).

Говорить-ли о русскихъ чувствахъ Павла Александровича и о его замѣчательной любви къ родинѣ? Казалось, юноша, жившій мальчикомъ сперва въ либеральной Швейцаріи, потомъ въ бурномъ Парижѣ, въ самый разгаръ революціоннаго движенія, имѣвшій гувернеромъ француза-анархиста, не могъ бы проявить глубокихъ чувствъ любви къ отечеству. Вышло наоборотъ: не только Строгановъ любилъ все русское, но часто весьма вѣрно умѣлъ цѣнить нужды русскаго крестьянина и проявлялъ безусловное пониманіе обстановки при реформенной горячкѣ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I; не хватало лишь опыта, какъ у него, такъ и у товарищей, не доставало твердой руки, при опредѣленной волѣ, которая спокойно и умѣло руководила бы при сложной работѣ. Черта эта — любовь ко всему родному, при воспитаніи за границей—была присуща и нѣкоторымъ другимъ современникамъ графа Строганова. Вспомнимъ графа М. С. Воронцова, князя Дм. Вл. Голицына, князя Виктора Павловича Кочубея, Н. Н. Новосильцова и сознáемъ, что заграничное воспитаніе вовсе не мѣшало выработать изъ этихъ людей чисто русскихъ государственныхъ дѣятелей.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ все дѣтство провелъ въ Англіи, гдѣ отецъ его столько лѣтъ былъ посланникомъ; конечно, англійское воспитаніе отражалось на многомъ въ теченіе его жизни, а между тѣмъ онъ отлично понималъ русскіе интересы, что показалъ на дѣлѣ, правя Новороссійскимъ краемъ, а потомъ будучи намѣстникомъ на Кавказѣ.

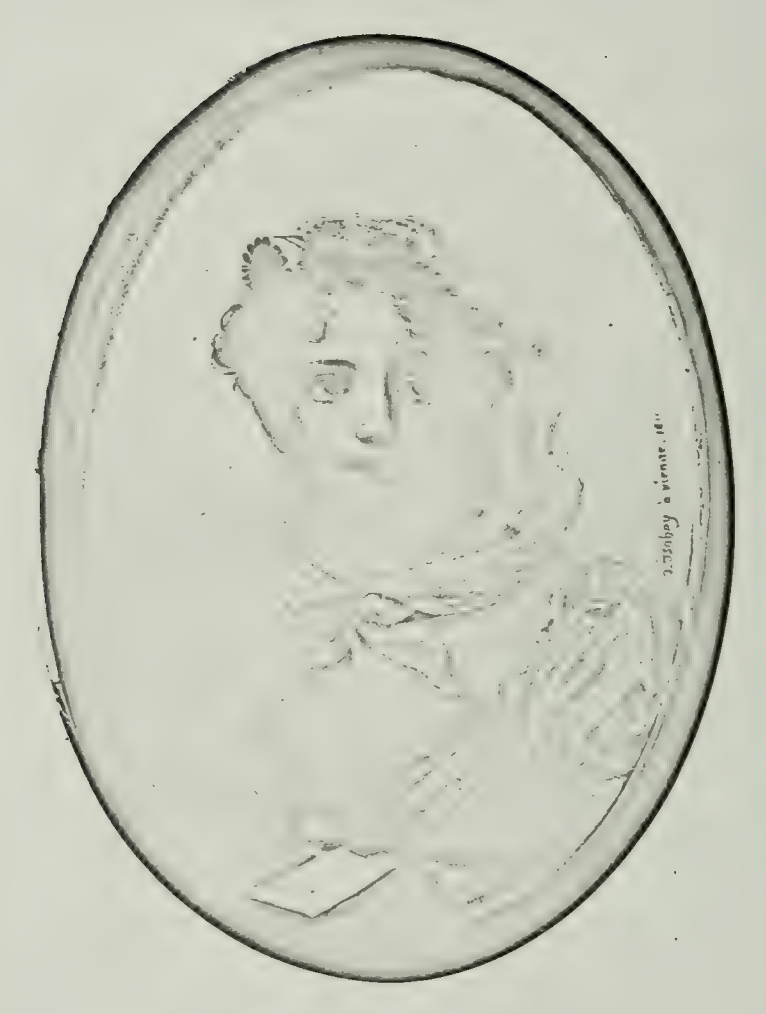
Н. Н. Новосильцовъ, будучи юношей, въ царствованіе Павла, жилъ въ Англіи и спеціально изучалъ строй англійской жизни; но остался русскимъ, какъ въ періодъ реформъ, такъ и позже, управляя гражданской частью въ Польшѣ.

Князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, воспитанный во Франціи, слушавшій продолжительное время лекціи въ Страсбургскомъ университетѣ, въ теченіе 25 лѣтъ управлялъ Москвой и оставилъ по себѣ память образцоваго генералъ-губернатора, котораго москвичи съ уваженіемъ вспоминаютъ и понынѣ.

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, воспитанный въ Швейцаріи, выказалъ свои высокія дарованія, управляя дважды министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и будучи при императорѣ Николаѣ I предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

Конечно, всѣ эти дѣятели, родившіеся въ славное царствованіе императрицы Екатерины, уже съ раннихъ лѣтъ, въ домахъ своихъ родителей, привыкали любить все родное, и заграничное воспитаніе, которому въ то время придавали большое значеніе, оказало на нихъ самое благотворное вліяніе. Симпатіи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ англійскимъ или французскимъ порядкамъ, хотя и отражались въ различныхъ мѣропріятіяхъ, но основная цѣль — благо отечества — не забывалась, а потому они оставили глубокіе слѣды своего пребыванія у власти.

Умѣніе выбирать себѣ сотрудниковъ, даръ, къ сожалѣнію, не всѣмъ присущій, выказали особенно Кочубей и Воронцовъ. Графъ Кочубей, привлекшій Сперанскаго

Графиня Юлія Петровна Строганова,
рожд. Д'Альмеда,
вторая супруга Григорія Александровича Строганова.
(Съ миніатюры Строгановской коллекціи).

къ своему министерству, съумѣлъ выдвинуть этого знаменитаго дѣятеля и не мало способствовалъ его возвышенію. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ создалъ цѣлую школу послѣдователей его системы и въ Одессѣ, и на Кавказѣ, имѣя при этомъ талантъ давать ходъ способностямъ. Переписка его съ графомъ Ростопчинымъ и особенно съ А. П. Ермоловымъ свидѣтельствуетъ о его блестящихъ дарованіяхъ государственнаго человѣка.

Графъ П. А. Строгановъ, умершій еще молодымъ, принадлежалъ къ этой плеядѣ славныхъ русскихъ людей.

Какъ семьянинъ, Павелъ Александровичъ былъ образцовымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ. Его супруга, Софья Владиміровна, рожденная княжна Голицына, была женщина, обладавшая прекрасными свойствами души и обратившая на себя вниманіе современниковъ разносторонностью своего образованія. Она была пріятельницей императрицы Елизаветы Алексѣевны; переписка съ нею, продолжавшаяся до самой кончины государыни въ 1826 г., сохранилась въ архивѣ села Марьина, принадлежащаго теперь князю Павлу Павловичу Голицыну. По этой перепискѣ можно судить о высокихъ душевныхъ качествахъ графини С. В. Строгановой.

Графиня не мало способствовала сближенію между императоромъ Александромъ и императрицей Елизаветой, которое и состоялось въ послѣдніе годы ихъ жизни. Въ молодыхъ годахъ государь былъ очень увлеченъ Софьей Владиміровной и особенно обращалъ

на нее свои взоры, когда супругъ ея былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но графиня съумѣла вести себя съ большимъ достоинствомъ и сохранить дружескія отношенія съ царской четой. Продолжая традиціи своего тестя, графа Александра Сергѣевича, графиня Софья Владиміровна сосредоточивала въ домѣ своемъ не только все высшее петербургское общество, но также ученыхъ и литераторовъ. Графиня сама перевела на русскій языкъ поэму Данте «Адъ». Она усидчиво занималась изученіемъ русскаго языка, отъ котораго отстала, такъ какъ воспитывалась за границей, долго путешествуя ребенкомъ съ своей матерью княгинею Н. П. Голицыной *) по чужимъ краямъ **).

Державинъ написалъ на помолвку княжны С. В. Голицыной съ графомъ П. А. Строгановымъ стихотвореніе:

«О, сколь, Софія! ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей,
Какъ чистая вода прозрачна,
Блистая розовой зарей»! ***).

Н. И. Гречъ не разъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о Софьѣ Владиміровнѣ, «какъ о женщинѣ необыкновенныхъ качествъ ума и сердца».

Графиня Эделингъ, разсказывая о своей жизни въ Царскомъ Селѣ, говоритъ въ слѣдующихъ восторжен-

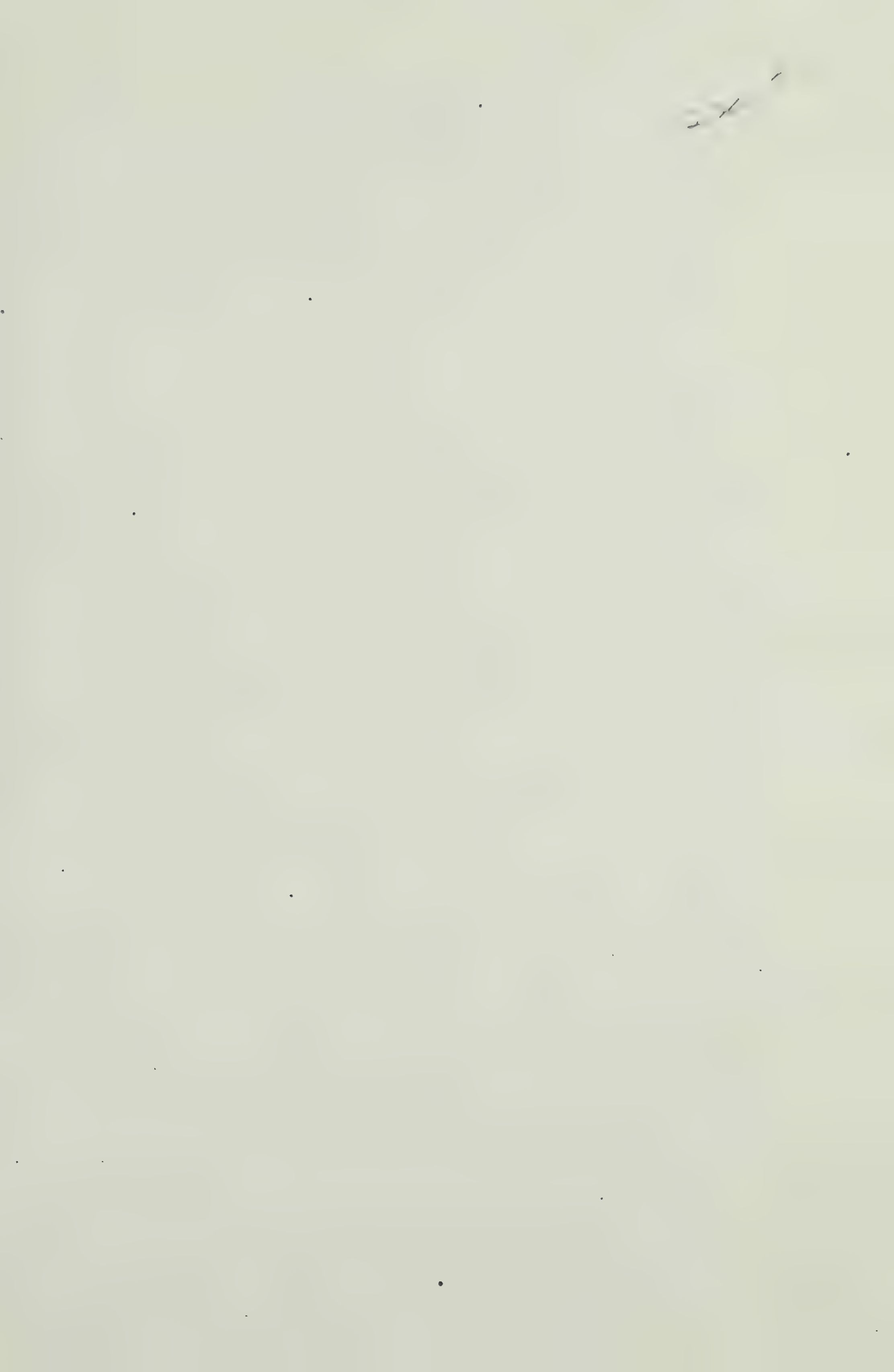
*) Княгиня Наталія Петровна Голицына, рожденная графиня Чернышева, дочь графа Петра Григорьевича Чернышева (Princesse Moustache).

**) Ея братья, князья Борисъ и Димитрій, слушали курсы въ Страсбургскомъ университетѣ.

***) Соч. Державина, I, 374.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ
въ молодости.
(Съ миніатюры Строгановской коллекціи).

ныхъ выраженіяхъ о графинѣ Строгановой: «Будучи очаровательно умна, она никогда не давала чувствовать свое превосходство. Потребно много искусства, дабы скрыть такое обиліе прелестей и добродѣтелей. Что до меня, то я восхищаюсь охотно, и потому я любила графиню Строганову и полагаю, что невозможно встрѣтить столько совершенствъ въ одномъ лицѣ».

Княжна Туркестанова писала Кристину: «Cette comtesse Stroganoff est assurément une personne qui vous entendrait et qui aurait un grand attrait pour vous. Mon Dieu, que de simplicité avec une judiciaire excellente! Que de naturel, que de gaieté, et avec tout cela que de vertus, mises en pratique! Il n'y a pas deux sur ce monde là».

А. Я. Булгаковъ выражаетъ увѣренность, что графиня С. В. Строганова понравится его брату: «во всѣхъ отношеніяхъ почтенная женщина, и Вася очень счастливъ попасть въ такую семью» *).

Когда въ Грузинѣ была убита Наталья Минкина, графъ Аракчеевъ приказалъ составить реэстры всѣхъ вещей, подаренныхъ ей разными высокопоставленными особами, и развезти ихъ тѣмъ, отъ кого онѣ были присланы; фельдъегеря, развозившіе эти вещи, не явились только въ два дома, а именно: графини Софьи Владиміровны Строгановой и князя Александра Николаевича Голицына.

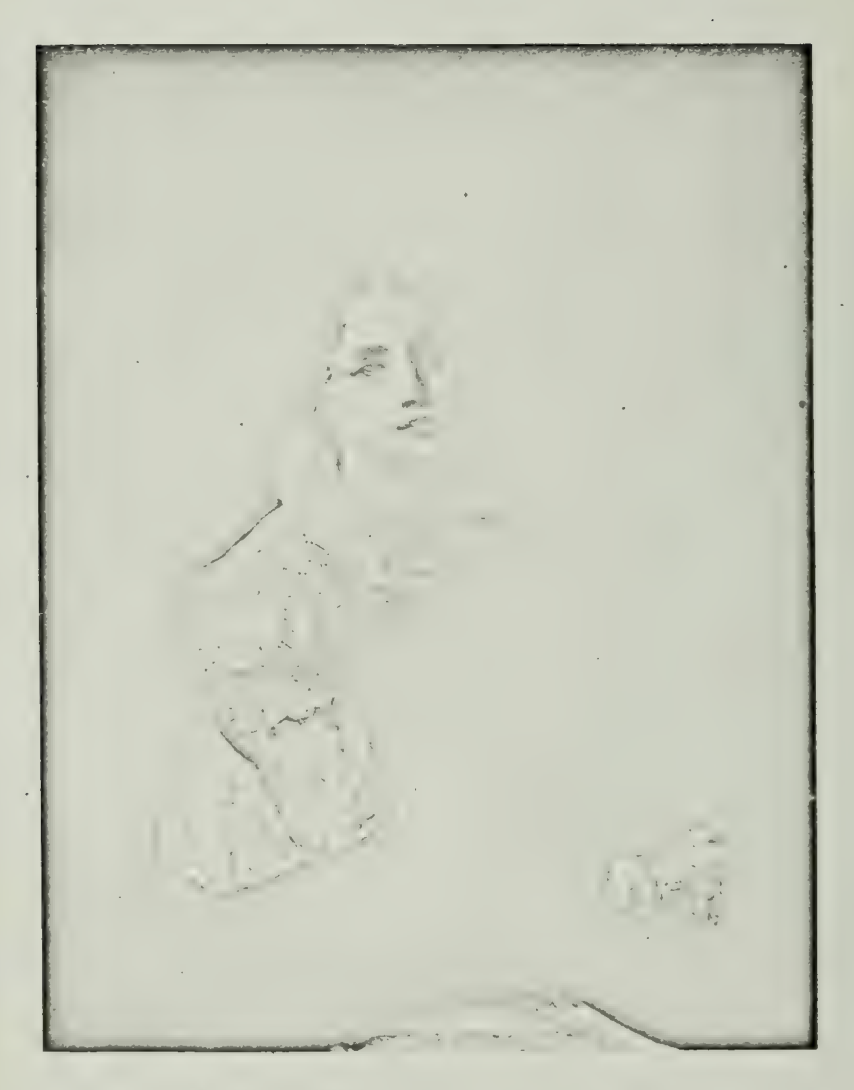
Графинѣ было суждено перенести много горя. Въ 1814 году она лишилась единственнаго сына Александра, убитаго на поляхъ Краона; три года спустя угасъ отъ

*) Дочь С. В. Строгановой, княжна Аделаида, выходила замужъ за князя Василія Сергѣевича Голицына, мать котораго двоюродная сестра Булгаковыхъ.

чахотки ея возлюбленный мужъ. Въ шесть лѣтъ сошли въ могилу три поколѣнія графовъ Строгановыхъ: графъ Александръ Сергѣевичъ умеръ въ 1811 г., графъ Александръ Павловичъ убитъ въ 1814 г. и графъ Павелъ Александровичъ скончался въ 1817 г. Софья Владиміровна пережила ихъ всѣхъ; она жила то въ Петербургѣ, то у себя въ Марьинѣ, и скончалась 5 марта 1845 г., уважаемая и оплакиваемая всѣми, кто ее зналъ. Она погребена тоже въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳеодоровна пріѣзжали поклониться ея праху.

Судя по портретамъ, она въ молодости была восхитительно хороша, но съ лѣтами, конечно, утратила свою красоту. Подъ конецъ жизни, графиня была небольшого роста старушка, немного сгорбленная, но нисколько не утратившая силы воли, характера и здраваго смысла въ бесѣдѣ. Кончина ея въ 1845 году была неожиданна: говѣя на первой недѣлѣ поста, она наслаждалась еще полнымъ здоровьемъ, когда параличъ сердца мгновенно прекратилъ ея жизнь.

Когда въ 1814 году графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ лишился своего единственнаго сына, ему предстояло озаботиться о сохраненіи Строгановскаго имени и состоянія. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, графъ составилъ маіоратный актъ, по которому всѣ его имущества вошли въ общій составъ подъ именемъ нераздѣльнаго имѣнія. По этому акту, высочайше утвержденному уже послѣ смерти графа П. А. Строганова, 11 августа 1817 года, его вдова, графиня Софья Владиміровна, вступала въ пожизненное владѣніе

Графиня Наталія Павловна Строганова,
супруга графа Сергѣя Григорьевича.
(Изъ Строгановской коллекціи).

маіоратнымъ имѣніемъ, а затѣмъ старшая дочь, Наталья, дѣлалась наслѣдницей маіората.

Молодой графинѣ Натальѣ Павловнѣ было 20 лѣтъ въ годъ смерти отца. Она вышла замужъ за барона Сергѣя Григорьевича Строганова, сына барона Григорія Александровича, троюроднаго брата отца своего. Женившись на старшей дочери графа Павла Александровича, баронъ Сергѣй Григорьевичъ получилъ графскій титулъ. Отецъ же его, баронъ Григорій Александровичъ, получилъ титулъ графа съ прочимъ потомствомъ въ день коронаціи императора Николая I, въ 1826 году. Наталья Павловна скончалась 7 октября 1872 года (родилась 7 мая 1796 г.), а супругъ ея, графъ Сергѣй Григорьевичъ, 28 марта 1882 года. У нихъ было четыре сына: графы Александръ, Павелъ, Григорій и Николай, изъ которыхъ, кромѣ старшаго, всѣ здравствуютъ и понынѣ, и двѣ дочери: Софья (за графомъ И. П. Толстымъ) и Елизавета (за княземъ А. В. Мещерскимъ).

По смерти дочери графа П. А. Строганова, графини Натальи Павловны, маіоратнымъ владѣльцемъ сталъ графъ Сергѣй Григорьевичъ. Такъ какъ старшій сынъ его, Александръ, скончался ранѣе его *), то нынѣшнимъ владѣльцемъ маіората сталъ единственный сынъ, графъ Сергѣй Александровичъ.

Въ указѣ о Строгановскомъ маіоратѣ сказано, что онъ утверждается въ знакъ уваженія отличнаго усердія и преданности графа Павла къ особѣ государя, а равно

*) Графъ Александръ Сергѣевичъ былъ женатъ на Татьянѣ Димитріевнѣ Васильчиковой, пережившей его.

и въ награду услугъ и ревности, оказанныхъ имъ и его предками россійскому престолу. Имѣнія, поступившія въ маіоратъ, находились въ пяти уѣздахъ Пермской губерніи: Пермскомъ, Оханскомъ, Соликамскомъ, Кунгурскомъ и Екатеринбургскомъ и заключали въ себѣ, при учрежденіи маіората, въ 1817 году, 45,875 крестьянъ мужескаго пола. Кромѣ того, въ составъ маіората вошли 119 душъ Нижегородской губерніи съ землей и усадьбой въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, два дома въ С.-Петербургѣ, одинъ у Полицейскаго моста, и земля со Строгановскими дачами на Выборгской сторонѣ. Наталья Павловна Строганова, вступивъ во владѣніе маіоратомъ по смерти матери, въ 1845 году, исходатайствовала у императора Николая Павловича право перехода маіората, по ея смерти, въ пожизненное владѣніе ея мужа, графа Сергѣя Григорьевича. Указъ объ этомъ состоялся 3 апрѣля 1847 года. Графъ Сергѣй Григорьевичъ присоединилъ къ маіорату имѣнія, доставшіяся ему отъ отца, графа Григорія Александровича, и отъ брата Александра, въ количествѣ 13 тысячъ душъ. По освобожденіи крестьянъ, число душъ въ нераздѣльномъ имѣніи превышало 80 тысячъ человѣкъ, а съ присоединеніемъ особенной, собственной, части было 94 тысячи душъ. Земли, за надѣломъ крестьянъ, осталось у владѣльцевъ около 1.300.000 десятинъ. Количество выкупныхъ денегъ въ пользу владѣльцевъ составляло 7.570.000 рублей. При утвержденіи выкупныхъ сдѣлокъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ уступилъ крестьянамъ свыше 2.300.000 рублей.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ БУМАГИ.

Архивы Государственный и министерства иностранныхъ дѣлъ.

1.

Рескриптъ графу Строганову.

Съ особливымъ удовольствіемъ усмотрѣли Мы изъ реляціи вашей подъ № 8 отъ 23 іюня (4 іюля) персонально вамъ при отпускныхъ аудіенціяхъ учиненныя отъ обоихъ Ихъ Величествъ Императора и Императрицы королевы, тако-жь отъ всей Ихъ Императорской фамиліи, наисильнѣйшія увѣренія о ненарушимой къ Намъ дружбѣ, почтеніи и доброжелательствѣ ихъ, и что Его Величество Императоръ, имѣя удовольствіе въ разсужденіи вашего въ тамошнюю бытность поведенія, во знакъ своего отличнаго благоволенія пожаловалъ вамъ на имперское графское достоинство дипломъ, на принятіе котораго просите вы о Нашемъ высочайшемъ позволеніи. Мы чрезъ сіе вамъ объявляемъ, что весьма Намъ угодно такое отъ императора римскаго снабденіе васъ графскимъ достоинствомъ, и всемилостивѣйше соизволяемъ оное принять вамъ и пользоваться такъ, какъ и другіе изъ Нашихъ подданныхъ симъ достоинствомъ пользуются. При семъ же дается вамъ знать, что ваше поведеніе и поступки, при исправленіи порученной отъ Насъ коммиссіи *) бывшіе, такъ же и оказанное къ службѣ Нашей

---

*) Баронъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, женатый на дочери канцлера Воронцова, графинѣ Аннѣ Михайловнѣ, былъ посланъ въ Вѣну для поздравленія съ бракосочетаніемъ наслѣдника австрійской имперіи эрцгерцога Іосифа (позже императоръ Іосифъ II) и, находясь въ Вѣнѣ, былъ возведенъ императоромъ Францомъ I, 29-го мая 1761 г., въ графское Римской Имперіи достоинство.

радѣніе не инако, какъ къ Нашей высочайшей благоугодности были, а того же и впредь отъ васъ уповаемъ. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ іюля 17 дня 1761 года.

По Ея Императорскаго Величества указу подписанъ по сему: Г. Михайла Воронцовъ.

(Отправленъ на стафетѣ въ 18-й день того жь іюля) *).

2.

Гр. Строгановъ гр. Безбородко.

Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь мой

Александръ Андреевичъ!

Я имѣлъ честь уже просить Ваше Сіятельство о исходатайствованіи всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества благоволенія на уволненіе сына моего въ чужія краи; а какъ наставникъ его въ воспитаніи человѣкъ добротою души, ученіемъ и искусствомъ въ семъ званіи подавшій уже мнѣ желаемую надежду видѣть моего сына хорошо воспитаннымъ, имѣетъ необходимую нужду отъѣхать подъ умѣреннѣйшій климатъ здѣшнихъ мѣстъ, и я принужденнымъ найдуся лишиться такого человѣка, которыхъ счастливый выборъ обыкновенно долженъ быть для отцовъ дорогъ, ибо онъ рѣшитъ судьбу ихъ, или утѣшаться въ старости дѣтьми, или вѣчной по себѣ оставить стыдъ и упреканіе, то я, лучше почитая съ сыномъ моимъ самому на малое время разстаться, нежели удалить его отъ попечительныхъ надзираній такого человѣка, намѣренъ былъ Вашему Сіятельству самолично напомнить о прежней моей просьбѣ; но должностью будучи отозванъ въ городъ, чрезъ

---

*) *Моск. гл. арх.* мин. ин. дѣлъ.

сіе осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, чтобъ вы приняли трудъ представить нынѣ съ сими причинами всемилостивѣйшей Государынѣ мое всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи моего сына хотя на два года въ Швейцарію. Я тѣмъ болѣе ласкаюсь надеждою о великодушномъ милосердой нашей Монархини воззрѣніи на сію первую мою просьбу, которою я осмѣлился Ея Величество утруждать, что много было примѣровъ высочайшаго на таковыя отцовъ прошенія снисхожденія; принятіе съ стороны Вашей въ толь важномъ для меня дѣлѣ посредства обяжетъ меня вѣчною благодарностью и умножитъ еще болѣе къ вамъ того почтенія и преданности, съ которою есмь

Вашего Сіятельства,
милостиваго государя,
покорнѣйшій слуга
Графъ Александръ Строгановъ.

Іюня 9-го дня
1786 года *).

3.

Симолинъ **) гр. Остерману ***).

Monsieur!

J'ai reçu la lettre, que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'écrire du 4 du mois passé, pour me faire connaitre les hautes intentions de Sa Majesté Impériale à l'égard de ses sujets, qui ont fait séjour en France depuis les troubles, qui agitent ce royaume.

---

*) *Гос. Арх.,* X разр., № 480, ч. XXIII.

**) Иванъ Матвѣевичъ, 1721 — 1798, русскій полномочный министръ въ Парижѣ.

***) Иванъ Андреевичъ, 1725—1811, вице-канцлеръ, начальствующій надъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ.

Depuis l'entrée de ses ordres, je n'ai pas perdu un instant de me procurer des renseignements sur les sujets russes, qui sont à Paris, et de leur faire entendre, que la volonté de Sa Majesté Impériale est qu'ils quittent ce pays sans perte de temps.

J'ai fait dresser deux listes, que je joins ici, contenant les noms, l'âge, le temps du séjour, et les observations sur ceux qui se trouvent à Paris, dont ceux, à qui j'ai parlé, m'ont assuré être prêts à partir aussitôt qu'ils auront pu arranger leurs affaires et avoir de quoi faire le voyage. Le sieur Koslowsky *), sculpteur, part même demain avec deux élèves, qui sont auprès de lui.

Il y a actuellement très peu de personnes de qualité à Paris. M. le prince Boris de Galitzine, qui a fait un séjour de quelques années en France avec sa famille, est sur son départ pour s'en retourner en Russie.

M-me la princesse de Schakhowskoy est toujours malade et demeure à la campagne.

M. de Chotinsky jouit de même d'une très petite santé et se tient à la campagne. Ses relations l'ont déterminé à se fixer en France; cependant il m'a déclaré être prêt à se rendre à St-Pétersbourg, si la volonté de l'Impératrice n'admet pas d'exception à son égard, et qu'il ne sait qu'obéir, quand même sa santé serait exposée au plus grand risque.

On m'a assuré qu'il y a eu, ou qu'il y a peut-être encore à Paris un jeune comte Stroganoff, que je n'ai jamais vu et qui ne s'est fait connaître à aucun de ses compatriotes. On dit, qu'il a changé de nom, et notre aumônier, que j'ai mis sur les voies, n'a pu le déterrer. Son gouverneur doit l'avoir faufilé avec les enragés les plus déterminés de l'Assemblée Nationale et du Club des Jacobins, auquel il doit avoir fait présent d'une bibliothèque. M. de Maschkoff sera en état de donner à Votre Excellence quelques renseignements sur son sujet.

---

*) Михаилъ Ивановичъ, 1753 — 1802, знаменитый скульпторъ; воспитанникъ, пенсіонеръ и профессоръ императорской Академіи Художествъ.

Quand même je pourrais parvenir à faire sa connaissance, j'hésiterais à lui faire l'insinuation de quitter ce pays, puisque son conducteur, gouverneur ou ami, y attacherait une publicité, que je dois et veux éviter. Il serait convenable, que Monsieur son père lui envoyât l'ordre le plus précis de sortir de France sans le moindre délai. Il est à craindre, que ce jeune homme n'ait puisé ici des principes, qui sont incompatibles avec ceux, qu'il doit professer dans tous les autres états et dans sa patrie, et qui par conséquent ne peuvent que le rendre malheureux.

Je ne manquerai pas de donner part à Votre Excellence en son temps, de quelle manière chacun d'eux se sera conformé aux ordres de Sa Majesté Impériale. Je dois m'attendre que plusieurs d'entre eux ne quitteront pas Paris, y ayant famille, un établissement, ou craignant pour leur liberté.

J'ai l'honneur d'être avec le plus respectueux attachement,

Monsieur,

de Votre Excellence
le très humble et très
obéissant serviteur
J. Simolin.

16/27 Juillet
1790.
Paris. *)

4.

Гр. Разумовскій гр. Румянцеву.

Милостивый Государь

Графъ Николай Петровичъ!

По случаю смерти президента императорской Академіи Художествъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса графа Строганова, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ,

*) *Моск. гл. арх.* мин. ин. дѣлъ.

чтобъ Академія впредь до повелѣнія управляема была вице-президентомъ подъ вѣдѣніемъ министра просвѣщенія. Почему покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, если по ввѣренному Вамъ министерству случатся дѣла, касающіяся до Академіи Художествъ, относиться по онымъ ко мнѣ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Гр. Алексѣй Разумовскій.

Октября 12 дня
1811 года *).

---

*) *Моск. гл. арх.* мин. ин. дѣлъ.

II.

ПЕРЕПИСКА

гр. А. С. Строганова съ воспитателемъ его сына Роммомъ.

Изъ Строгановскаго архива
(томъ 53).

Гр. Строгановъ Ромму.

5.

Du 20 Mai 1780. Polotzk.

Enfin j'en tiens donc, je les ai dans mes mains ces nouvelles que j'attendais avec tant d'impatience. Vous êtes en vérité de cruelles gens, mes bons amis. Si vous saviez combien cette attente m'a fait de peine, en vérité vous ne me feriez pas languir comme vous le faites, mais que faire! J'ai bien tort de vous gronder — ce n'est pas votre faute, mais celle des moyens que vous avez employés pour me les faire parvenir.

J'ai eu un rhume affreux, mais n'en soyez pas inquiets, il est passé. Pour en retrancher absolument la cause j'ai pris la nuit passée une bonne purge et m'en voilà quitte. Notre voyage *) se continue comme il a commencé, c'est-à-dire que partout où l'Impératrice passe, elle en laisse partout des traces par les bienfaits qu'elle répand. Ma première occupation dans toutes les villes par où nous passons, c'est de m'informer chez les gouverneurs, les magistrats, la noblesse, la

*) Гр. А. С. Строгановъ сопровождалъ въ это время императрицу Екатерину II въ ея путешествіи въ Могилевъ на свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II.

bourgeoisie, même chez les simples citoyens de leurs besoins, de la manière dont la justice y est administrée, des malheureux, qui languissent dans les prisons. Aussitôt que j'en informe l'Impératrice, si les crimes ne sont pas capitaux, les portes des prisons s'ouvrent et ses largesses se répandent sur tous ceux qui en ont un vrai besoin; hors ici, où, grâce aux jésuites, les écoles sont sur un assez bon pied, l'éducation est partout très négligée. L'Impératrice veut prendre des mesures efficaces pour réparer ce mal qui a besoin d'un prompt remède. Nous restons une couple de jours ici moyennant quoi j'espère avoir encore le temps de vous écrire. Adieu, mes bons amis, adieu, soyez sûrs de ma plus tendre amitié. Aimez-moi, aimez-moi, je vous en conjure, je sens tous les jours de plus en plus combien j'en ai besoin. Plus les plaintes des malheureux parviennent à mes oreilles, et plus je sens combien ceux d'entre eux qui ont des amis sont moins à plaindre que les autres. Adieu.

6.

Du 26 Mai 1780. Mohilew.

Bonjour, mes bons, mes excellents amis, je quitte le bal qui se donne à la Cour pour converser avec vous. Dans la lettre que j'ai écrite hier à ma femme vous aurez vu qu'après les premiers instants de l'entrevue entre l'Empereur et l'Impératrice qui devaient naturellement être embarrassants pour l'un et pour l'autre, il s'étaient petit-à-petit accoutumés l'un à l'autre au point qu'ils sont à présent comme s'ils s'étaient connus de toute éternité. Il est impossible d'être plus prévenant, plus respectueux que ne l'est l'Empereur vis-à-vis de notre souveraine; ils dînent tous les jours ensemble, ils ne cessent de se parler. L'Impératrice lui disait qu'elle se trouvait fort heureuse de ce qu'il avait le goût des voyages, puisque cela lui avait procuré le plaisir de le voir. «Madame», lui répondit-il, «on nous élève tous de façon «à nous faire imaginer que nous sommes d'une pâte différente des

«autres, ce n'est qu'en voyageant que nous nous apercevons que nous «ne différons en rien des autres hommes».

Les deux souverains se trouvent si bien ensemble qu'ils ne veulent pas se quitter de si tôt, il doit venir avec nous jusqu'à Smolensk; de là il ira à Moscou et viendra rejoindre l'Impératrice à Pétersbourg, par conséquent, heureusement notre voyage sera raccourci de quelques jours. Sentez-vous, mes amis, combien j'en suis content, je vais me rapprocher de jour en jour plus de vous, je vous embrasserai, je ne vous quitterai plus. Mon Dieu, que j'en suis content! Adieu, mes bons amis, je suis obligé malgré moi de vous quitter, ma plume cessera de vous parler, mais mon cœur ne cessera de vous répéter combien il vous aime. Embrassez mon cher Popo et aimez le comme je vous aime. Adieu.

7.

Mes chers et bons amis!

Il y a un ancien proverbe qui dit, et qui a grande raison de dire, que la *précaution est la mère de la sûreté*. Ne vous étonnez donc point que je n'entre point avec vous dans tous les détails dans lesquels je voudrais entrer. *Verba volant, sed scripta manent*. Tout ce que je puis vous dire, c'est que notre auguste souveraine se porte le mieux du monde, que ses bontés pour moi se manifestent toujours de plus en plus, qu'à peine nous sommes sortis de la ville, elle m'a pris dans sa voiture, qu'elle est ici continuellement entourée de ses enfants et de ses petits-enfants, que ce sont des caresses continuelles, que cette union vraiment bourgeoise nous fait répandre des larmes de plaisir, que j'adore ma chère maîtresse tous les jours davantage, que je serais parfaitement heureux si je vous avais avec moi. Le temps est superbe, la nature renaît, les promenades sont uniques. Embrassez mon cher Popo, dites-lui qu'il soit bien sage. Adieu, mes chers, mes bons amis, adieu, je vous verrai mardi.

8.

Du 28 Juillet 1785, de Tsarskoié Sélo.

J'ai reçu vos deux lettres de Moscou, mes chers amis: la première de vous, mon cher fils, et la seconde de vous, mon cher Romme. Je suis bien charmé que vous vous portiez bien l'un et l'autre et que vous continuiez heureusement votre route. J'espère que vous avez reçu mes deux lettres quoique vous ne m'en accusiez pas la réception; je ne suis pas trop sûr du sort de celle que je vous écris, je l'enverrai tout bonnement à la poste avec prière de vous la faire remettre. Je me porte très bien, Dieu merci, et ma fille aussi. Je vous dirai, mon cher Romme, pour nouvelles que la description de la Tauride est déjà imprimée, on n'en distribue point encore les exemplaires, mais assurément je serai un des premiers à en avoir et je vous en enverrai par la première occasion. M. le chevalier de la Colinière, avec lequel j'ai diné dernièrement chez M. de Ségur, m'a dit que bientôt il y aurait une occasion d'envoyer vos effets en France. J'en profiterai et j'y ajouterai une petite caisse avec des papiers chinois et ce que je pourrai rassembler qui vous pourra faire plaisir. Il n'y a point eu jusqu'à présent de lettre de Demichel pour vous, je demanderai à mon cousin s'il en a reçu la première fois que je le verrai.

Adieu, mes chers amis, je vous embrasse bien tendrement.

André ne me donne point de nouvelles de ce graveur que je l'avais chargé d'engager à mon service.

9.

Du 4 Novembre 1785.

Le temps est si détestable, mes chers amis, les chemins si gâtés que je ne m'étonne pas que la poste retarde quelquefois, mais ne soyez point inquiets ni sur ma santé, ni sur l'exactitude que je mettrai à ma correspondance; mon cœur me porte à vous entretenir, c'est un

vrai besoin pour moi.* Je viens de faire venir Pavel chez moi, il m'a dit que la caisse avec les bourgeons de sapin est du nombre de celles qui sont parties; vous ne devez pas être inquiet là-dessus, mon cher Romme. La description de la Tauride part aujourd'hui à l'adresse que vous m'avez envoyée, c'est-à-dire à M. *Матвѣй Семеновичъ Бычевъ* *). Vous pouvez la réclamer chez lui. Si ce moyen me réussit, alors je me servirai de la même voie pour vous faire parvenir différentes choses. Mon voyage pittoresque de la Russie me tourne toujours la tête. Je fais de temps en temps d'excellentes acquisitions pour cela; par exemple, en dernier lieu on m'a donné une carte du gouvernement de Moscou, excellente, je n'ai rien eu de mieux. Le peintre qui travaille aux vues du Mont Caucase est d'une lenteur extraordinaire. Je fais travailler à la traduction en français de la description géographique de la Russie dont vous avez emporté une copie. Tout cela entre dans le plan de l'ouvrage qui m'occupe, car je voudrais qu'il soit en français et en russe. Adieu, mes chers amis.

10.

Du 18 Novembre 1785.

J'ai oublié, mes chers amis, de vous mander que votre caisse de Pétrosavodsk est arrivée il y a déjà quelque temps et que je l'ai placée dans mon cabinet. Mon recueil pour le voyage pittoresque de la Russie augmente petit à petit, je rassemble de tous côtés des matériaux, je fais traduire dans ce moment-ci en français la description géographique. Je vous enverrai, mon cher Romme, de temps en temps les feuilles; je vous prierai de les corriger et de me faire vos remarques là-dessus. Cela sera on ne peut plus intéressant. Faites cela, je vous en conjure, c'est pour l'utilité de Popo que je rassemble tout cela et c'est à lui que je le dédie. J'ai encore quelques anecdotes que je fourrerai

*) Артиллеріи генералъ-поручикъ.

par ci par là dans cet ouvrage et qui le rendront plus piquant. Vous devez avoir, mon cher Romme, dans votre journal quelques détails sur notre voyage à la cataracte de la Vokcha, sur les expériences que nous y avons faites; faites-moi les parvenir et si j'osais vous prier d'y joindre vos réflexions sur la diminution des eaux dans cette province, vous m'obligeriez beaucoup. Vous ne me dites rien sur les deux anecdotes de Pierre le Grand que je vous ai envoyées.

Adieu, mes bons amis, je vous embrasse l'un et l'autre bien tendrement.

11.

Du 2 Décembre 1785.

Voici encore, mes chers amis, la continuation de la traduction que l'on fait de la description de la Russie. Je désire que vous partagiez avec moi le plaisir de voir mon trésor s'accumuler. J'appelle ainsi le recueil que je fais. Il est pour toi, mon cher fils, c'est à toi que je veux le dédier, il m'amuse autant qu'il m'occupe. Je rassemble de tout côté des matériaux, je suis comme l'abeille toujours volant de fleur en fleur, je ramasse partout. Je crois qu'un jour cela pourra être intéressant. Aidez-moi, mon cher Romme, à propos de cet ouvrage. J'ai prié M. de la Colinière d'écrire à Paris pour me faire venir un jeune artiste que je prendrai à mes appointements. Je le ferai voyager dans toute la Russie pour dessiner ce qu'il y a d'intéressant. Pardon, mes chers amis, de ce que je vous parle tant de cela, mais je vous avoue que cela est devenu ma passion et l'occupation la plus agréable. Notre ami Ikosoff vous écrit aujourd'hui; je l'aime on ne peut davantage; il m'a tenu compagnie constamment les cinq jours que je ne suis pas sorti à cause de mes maux d'yeux, mais heureusement cela est passé et je continue de vaquer aux affaires du sénat à mon ordinaire. Adieu, je vous embrasse bien tendrement l'un et l'autre.

Je n'ai pas encore reçu les dessins.

Votre lettre, mon cher Romme, pour Demichel est partie.

12.

Du 29 Décembre.

C'est la dernière fois que je vous écris dans la présente année, mes chers amis, nous la finissons éloignés les uns des autres; j'espère, mes bons amis, qu'il n'en sera pas de même de celle qui vient. Je n'ai pas besoin de vous dire tous les souhaits que je fais pour vous, ma tendresse vous est connue, elle ne vous sépare pas l'un de l'autre, vous m'êtes également chers. Mon fils, mon ami, celui qui remplit ma place, qui prépare le bonheur futur de mon enfant, comment les distinguer? Vous, mon cher Romme, je me jette dans vos bras; continuez toujours comme vous l'avez fait jusqu'à présent. Soignez la jeune plante que je vous ai confiée, et vous, mon cher fils, à qui je donne ma bénédiction paternelle, vous, que je serre contre mon cœur, suivez les avis d'un ami qui a fait tant de sacrifices pour être auprès de vous, pour vous servir de second père. Oui, mon cher fils, en suivant ses conseils vous deviendrez bon citoyen, vous deviendrez un homme utile à vos semblables et vous serez ma consolation. Voilà les souhaits d'un père qui vous aime, d'un ami qui vous chérit. M. de la Colinière m'a communiqué votre traduction, mon cher Romme, de la description de la Tauride, je l'ai lue avec le plus grand plaisir et j'ai pensé qu'il n'y avait que vous qui puissiez faire cette traduction. J'aurais voulu que vous eussiez ajouté quelques-unes de vos propres réflexions, elles auraient été plus intéressantes que le texte même. M. Hablitz, auteur de cette description, M. Pallas et M. de la Colinière viennent demain dîner chez moi. Vous nous manquerez, mon cher ami.

Je viens de recevoir le dessin d'une vue de Kiew prise du haut de la montagne, une petite de l'intérieur d'une chapelle et un dessin fait au crayon d'une branche de vigne; je voudrais que vous me fissiez la description de ces dessins-là, je les ai reçus par la poste, je ne sais pas si ce sont ceux que vous avez voulu envoyer par un des gens de M. le comte Alexis Rasoumowsky. Vous recevrez aujourd'hui mille roubles en papier à votre adresse ordinaire. Adieu, mes chers amis.

13.

Du 11 Novembre 1786.

J'ai à vous apprendre, mes chers amis, que M. le chevalier de la Colinière vient de prendre son congé de l'Empereur pour aller faire un tour dans sa patrie. Il a voulu profiter de l'absence de Sa Majesté et de celle de son ministre, qui a l'honneur de l'accompagner, pour revoir ses amis et ses parents. Son voyage sera de sept à huit mois, il reviendra ensuite; peut-être aura-t-il la satisfaction de vous voir. J'avoue que j'envie son sort. Je vous dirai une autre nouvelle: Mally vient de revenir de son troisième voyage de Sibérie; il en a rapporté de bien belles choses, mais M. le comte Alexis Rasoumovski a déjà pris les devants, il en a eu de très beaux morceaux, entre autres une malachite de quinze pouds.

Ici tout se prépare pour le départ de l'Impératrice qui aura lieu dans le commencement du mois de Janvier prochain. Je n'ai pas l'honneur d'être de sa suite. M. le comte de Balmaine *) a eu la place de gouverneur général d'Orel et de Koursk, et sa place de directeur du corps des cadets a été donnée à M. le comte d'Anhalt. Voilà bien des nouvelles, n'est-ce pas, mes bons amis; mais j'espère que celle qui vous intéressera le plus, c'est que, Dieu merci, moi et ma fille nous nous portons bien. Adieu, je vous embrasse.

14.

Du 12 Mai 1787.

Je me louais du printemps, mes chers amis, dans ma dernière lettre. Le temps est bien changé, nous avons actuellement des vents

*) Графъ Антонъ Богдановичъ де-Бальменъ (de Balmaine), 1740—1790; въ русской службѣ съ 1751 г.; въ 1774 г. — генералъ-маіоръ, въ 1780 г. — генералъ-поручикъ; въ 1790 г. принималъ участіе во 2-й турецкой войнѣ; умеръ отъ ранъ. Его сынъ, графъ Александръ Антоновичъ, былъ комиссаромъ отъ русскаго правительства при Наполеонѣ I на о. св. Елены.

froids et quelquefois des gelées la nuit qui incommodent beaucoup. Je m'en ressens, car j'ai une espèce de torticoli qui m'incommode assez. Je vous envoie le journal du voyage de l'Impératrice pour vous mettre au fait de ce qui se passe et je vous les enverrai de temps en temps. L'Impératrice vient de publier un manifeste terrible contre les duels; ce mal qui nous vient des barbares et d'une fausse idée du point d'honneur, commençait beaucoup à prendre racine chez nous. Le manifeste est trop long pour vous le transcrire, mais je vous en ferai parvenir un exemplaire avec les livres que vous me demandez et que je compte vous envoyer incessamment. Il n'est point du tout question de guerre ici et jusqu'à présent on est fort tranquille de ce côté-là. Je suis bien content, mes chers amis, de votre dernière lettre, vous, mon cher Romme, par le détail que vous me faites des occupations de mon fils et vous, mon cher fils, par les sentiments que vous me faites connaître sur la religion. Vous avez eu de la peine, me dites-vous, de ne point avoir pu cette année en remplir les devoirs, puisqu'il n'y a point à Genève d'église de notre communion; je vous dirai là-dessus, mon cher ami, qu'à l'impossible nul n'est tenu, mais que vous en remplirez les devoirs, en faisant votre possible pour acquérir les connaissances qui peuvent vous rendre utile à vos semblables, en ayant une conduite et des mœurs intactes, en remplissant exactement ce que votre ami, le mien, celui qui me représente auprès de vous, M. Romme en un mot, vous prescrira. Alors le Ciel vous bénira, et je vous la donne, mon cher ami, cette bénédiction paternelle. Votre sœur vous embrasse, adieu.

15.

Du 10 Décembre 1787.

Dans votre dernière, mon cher Romme, vous me mandez qu'il vous reste 4767 livres de l'argent qui vous a été destiné dans le courant de l'année passée, mais comme vous n'avez rien pris sur cette

somme des honoraires qui vous reviennent, je vous prie de les prendre et d'en faire de même à l'avenir, tels qu'ils sont marqués dans le contrat fait entre nous et rédigé par le comte de Golowkine que je regarde comme sacré et que je dois et veux maintenir dans toute sa force. Vous me permettrez cependant dans la suite d'y ajouter tout ce que ma reconnaissance me dicte et me dictera pour vous. Il n'est pas juste, mon cher ami, que vous supportiez pour votre compte la dépense des leçons que vous avez partagées avec mon fils, puisque c'était pour lui servir d'émule et que cela entrait dans le plan de son éducation dont je vous laisse le maitre absolu, étant bien persuadé par expérience de la sagesse et de l'ordre que vous y mettez. Je vous enverrai incessamment l'argent par le mont-de-piété. J'aurais racheté cette année ces diamants, mais l'argent que je destinais pour cela et plus encore a été employé par ma femme pour l'achat d'une maison à Moscou. Cet objet m'a coûté dix mille roubles; ceci est pour vous seul, mon cher ami.

J'embrasse bien tendrement mon fils, je n'ai pas le temps de lui écrire en particulier.

16.

Du 4 Mars.

J'ai reçu vos dernières lettres, mes cher amis. La continuation de ton journal, mon cher fils, me fait grand plaisir. A propos de journal, je vous dirai que M. le comte de Manteufel *) vient de revenir de son grand voyage dans l'intérieur de la Russie. Il a fait plus de 40000 verstes dont plus d'un quart à cheval. Son journal sera sans doute bien intéressant. C'est un bien estimable jeune homme, il joint à un grand fond d'instruction la meilleure conduite et la plus grande

---

*) Андрей Андреевичъ, 1762—1832, сенаторъ.

modestie, aussi est-il généralement aimé et estimé. Tu vois, mon cher Popo, quels sont les fruits d'une bonne éducation et d'une docilité soutenue aux conseils d'un sage gouverneur. Je n'ai pu m'empêcher, mon ami, en le voyant de penser à toi, je n'ai pu m'empêcher de désirer que tu lui ressembles et je ne puis m'empêcher de t'écrire pour te recommander, au nom de ma tendresse paternelle et de tout ce qu'il y a de plus sacré, de mener une conduite sage, de t'appliquer et de contenter en tout mon meilleur ami et le tien. C'est M. Romme qui me remplace auprès de toi, que tu dois aimer et respecter comme un second père.

Mes embrassements, je vous prie, mes chers amis, à mon neveu et à Demichel. Dites à ce dernier que j'ai reçu sa lettre avec celle qui y était incluse, que j'en ai conféré avec mon cousin et M. Luders; ce galant homme est bien étonné des doutes que l'on témoigne sur son compte, il croit que ce sont ses correspondants de Hollande qui sont cause du retard des payements que ses amis de Strasbourg éprouvent, mais il y remédiera; au reste moi je l'ai payé dès le mois de Juin passé quand on a renouvelé vos lettres de crédit. Adieu.

17.

Du 21 Mars 1789.

Je vous envoie ci-joint, mon cher Romme, une lettre pour mon neveu; elle est à cachet volant pour que vous puissiez la lire. J'y joint une lettre de change de 15500 livres; le change est si bas que voilà tout se qu'ont produit 5000 R. Je suis si accablé de la perte que je viens de faire qu'il a fallu que je rassemble toutes mes forces pour lui écrire et ne pas marquer toute ma sensibilité pour ménager la sienne. Consolez-le, mon bon ami, je rends grâce au Ciel de ce que dans un moment aussi terrible où j'ai besoin de toutes mes forces pour résister au chagrin que je ressens, je rends grâce au Ciel, dis-je, de ce qu'Il me fait jouir de la santé la plus parfaite. Dites à votre

ami Demichel qu'il ne s'inquiète pas de son sort puisque je suis le principal tuteur des biens du défunt, et que j'ai pour compagnons des personnes qui l'estiment infiniment et que j'ai choisies moi-même. Qu'il soit donc tranquille, qu'il continue à prendre soin du baron et qu'il nous le ramène au plus tôt.

Et toi, mon cher fils, prends soin de ton cousin, de ton ami, de ton frère, car je l'adopte dès ce moment-ci pour mon fils; console-le, mon cher ami; comme sa sensibilité, la tienne est aussi dans ce moment-ci à l'épreuve. Adieu, mon ami.

18.

Du 9 Mai.

Mon cher Romme, c'est vous, mon bon ami, que je charge d'embrasser bien tendrement de ma part mon fils et de lui déclarer, que Sa Majesté l'Impératrice a eu la bonté de le placer comme aide de camp du maréchal prince Potemkin *), ce qui lui donne rang de capitaine, et pour qu'il se rende digne des bontés de sa souveraine et pour mériter l'approbation de son chef, il lui est permis de rester dans les pays étrangers pour achever son éducation. A présent c'est à toi, mon cher capitaine, c'est à toi, mon cher fils, que je m'adresse: en recevant en mon nom l'embrassement de M. Romme, songe, mon ami, que c'est moi-même qui t'embrasse, qui te serre bien tendrement entre mes bras paternels, qui te conjure les larmes aux yeux de continuer à travailler pour te perfectionner dans tes études, de suivre plus que jamais les conseils de notre ami commun; que ta conduite soit toujours approuvée par lui et tu contenteras le plus tendre des pères.

---

*) Григорій Александровичъ, 1736 — 1791, генералъ-фельдмаршалъ.

19.

Mes chers amis, je n'ai pas voulu laisser passer cette poste sans vous écrire et sans vous mander que je me porte, Dieu merci, fort bien. Je n'ai pas le temps de m'étendre aujourd'hui, car je repars dans l'instant pour la Cour. Je vous dirai, mon cher Romme, une nouvelle qui, je crois, ne vous fera point de peine, c'est qu'un de vos amis que vous aimez comme moi, s'est absolument séparé d'une personne qui lui faisait du tort dans votre esprit et que la personne part dans très peu de jours. Adieu.

20.

Que vous êtes aimable, mon cher ami, de m'avoir donné de vos nouvelles, que vous êtes aimable encore une fois de m'en avoir donné du cher comte de Golowkine. Sa lettre est excellente, mais ce cher ami ne connait point les Cours, il est impossible que je lise sa lettre telle qu'elle est à l'Impératrice. Je reviendrai mardi et nous la réformerons à nous deux de façon qu'elle pourra faire son effet et n'offensera personne. Ce que demande M. du Paty est si difficile, que dis-je, difficile, c'est même impossible. C'est un chaos que nos lois criminelles, il faudrait bien du temps pour les rassembler, il en faudrait encore davantage pour les mettre en ordre et puis ce n'est pas nos lois qu'il faut réformer, il en faut de nouvelles et c'est à quoi s'occupe notre adorable souveraine. Vous savez comme elle s'est expliquée avec moi là-dessus, vous savez qu'elles sont déjà presque toutes faites, vous savez quels petits articles y manquent, par conséquent, ce que je désirerais de M. du Paty n'est pas des lois criminelles pour la Russie, mais des vues générales, des principes généraux sur les lois criminelles et sur la procédure criminelle. La question est proscrite depuis longtemps chez nous, il n'en est plus question sous le regne de la clémente Catherine. J'adore tous les jours de plus en plus ma chère Maitresse, je lui trouve tous les jours de nouvelles qualités qui m'attachent à elle.

Vous connaissez mon cœur, vous savez combien il est sensible, par conséquent vous pouvez en conclure combien mon attachement est grand. Adieu, mon cher ami, faites des reproches à M-lle Daudet de ce qu'elle ne m'a pas écrit. Montrez-lui ma lettre pour qu'elle ne s'imagine pas que je ne pense point à elle. — Adieu encore une fois, faites tout plein d'amitié à notre fils; je crois que j'ai grande raison de l'appeler nôtre, n'est-ce pas, mon ami? Adieu.

21.

Du 5 Octobre 1789.

Vos lettres, mes chers amis, m'ont absolument tranquillisé sur votre séjour dans une ville où d'après les papiers publics il a régné beaucoup de désordre; de mon côté, pour vous tranquilliser, mon cher fils, sur les faux bruits que la Cour de Suède a fait répandre, je vous envoie la copie de la lettre que le prince de Nassau *) a écrite au roi de Suède. D'un autre côté, nous recevons courriers sur courriers avec des nouvelles sur les avantages que nous remportons sur les Turcs. Je souhaite, mon cher ami, que vous combattiez aussi votre paresse et que vous remportiez la victoire. Je vous envoie le *connaissement* de la caisse avec des livres que je vous envoie. Vous y trouverez aussi mon portrait fait au crayon par un officier qui demeure chez moi. Il est très ressemblant. Je suis fâché qu'il ait mis dessous des vers qui ne me vont pas du tout, mais je ne pouvais pas les effacer. Adieu, chers amis, je vous embrasse de tout mon cœur. Je vous prie, mon cher Romme, de me faire faire le portrait de mon fils à l'huile en grand par le meilleur peintre, vous m'obligerez beaucoup.

---

*) Нассау-Зигенъ, Карлъ-Генрихъ, 1743 — 1808; адмиралъ русскаго флота.

22.

Du 12 Mars 1790.

Ne vous inquiétez pas, mes chers amis, de ce que j'ai tardé quelque temps à vous donner de mes nouvelles; grâce au Ciel, ma santé n'est point la cause de ce retard, mais d'autres circonstances qui seraient trop longues à vous détailler en ont été la raison. La visite de l'exempt de police ne me plaît pas comme à vous, je ne sais à quoi l'attribuer; au reste, mon cher Romme, je suis persuadé que vous êtes trop prudent pour n'avoir pas pris là-dessus vos mesures. Voilà le beau temps qui va venir, je suppose que vous en profiterez pour faire quelques tournées. J'attends là-dessus de vos nouvelles. Les têtes sont furieusement exaltées chez vous, toute l'Europe a les yeux ouverts sur ce qui s'y passe, et je vous avoue qu'on ne s'attend à rien de bon. J'ai reçu des nouvelles de Demichel, il m'écrit de Berlin, il compte s'arrêter quelque temps à Strasbourg, de sorte que vous ne le verrez pas de si tôt. Adieu, mes chers amis, je vous embrasse.

23.

Du 20 Juin.

Jamais, mon cher Romme, ma confiance n'a diminué, ni ne diminuera à votre égard; j'ai trop de raison d'en avoir et la plus vive reconnaissance est gravée dans mon cœur. Pour ce qui est de votre départ de Paris, ce que je vous en ai écrit était fondé sur des considérations auxquelles je dois me soumettre, c'est ces mêmes considérations qui m'obligent à vous renouveler là-dessus ma prière la plus instante. Pourquoi n'iriez-vous pas faire une tournée et vous arrêter à Vienne? Vous y trouveriez mille ressources pour l'éducation de mon fils. Nos deux Cours sont amies, notre ambassadeur, le prince

Galitzine *), est un vieillard respectable qui se ferait un vrai plaisir de vous être utile, son adjoint, le comte André Rasoumovsky, est un homme du plus grand mérite. Par tout ce qu'on lui a dit de vous il est très empressé de vous connaitre; par les liaisons qu'il a dans le pays, il vous sera aussi très utile. Au nom de Dieu, mon cher ami, pesez bien tout ce que je vous dis; je vous le répète, j'ai les raisons les plus fortes à vous conjurer de quitter le pays que vous habitez. Adieu, mon bon ami.

24.

Du 21 Septembre 1790.

J'ai longtemps résisté, mon cher Romme, à l'orage qui vient enfin d'éclater. Combien de fois depuis qu'il me menace ne vous ai-je point écrit de quitter Paris et en dernier lieu même la France, je ne pouvais point m'expliquer plus clairement. On ne vous connait point assez, mon cher Romme, on ne rend point justice à la pureté de vos intentions, on a cru voir un danger éminent de laisser plus longtemps dehors, et surtout dans un pays agité par un esprit d'anarchie, un jeune homme, dans le cœur duquel des principes contraires au respect du gouvernement de sa patrie pouvaient germer, le rendre malheureux et entrainer dans son malheur beaucoup d'autres. On a cru que vous-même par enthousiasme n'opposeriez pas une digue convenable pour arrêter un jeune homme entrainé par l'exemple; on a dit que vous vous étiez inscrits tous les deux dans le *Club des jacobins* qu'on qualifie du titre de *Club de la propagande* ou *des Enragés*. J'ai opposé aux bruits qui ont couru, au mécontentement général, ma confiance en votre honnêteté et votre sagesse, j'ai tout dit, tout fait ce qu'il était en mon pouvoir pour m'opposer à cet orage. Mais, comme je vous l'ai dit,

*) Димитрій Михайловичъ, 1721 — 1793, учредитель Голицынской больницы въ Москвѣ, былъ болѣе 30-ти лѣтъ русскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ.

il a enfin éclaté, et je me trouve obligé de rappeler mon fils, de le priver d'un gouverneur respectable dans le moment où ses conseils lui sont le plus nécessaire; j'envoie pour cet effet mon neveu M. de Novosilzow *), qui quoique jeune encore a donné des preuves de sa sagesse et de sa prudence. Recevez les assurances de mes regrets, de ma plus vive reconnaissance et de mon tendre attachement.

P. S. M. de Novosilzow est fourni de tout l'argent nécessaire pour le retour de mon fils. Je ne sais pas combien vous avez déjà touché sur la dernière lettre de crédit que je vous ai fait passer, je vous supplie de garder le reste en attendant que je vous fasse passer une plus forte marque de ma reconnaissance.

Роммъ графу А. С. Строганову.

25.

Connaissant toute l'importance de l'emploi que je remplis auprès de Monsieur votre fils, et désirant mériter votre confiance, je n'ai rien négligé de ce qui m'a paru nécessaire pour former un plan de conduite sage et réfléchi. Trois points principaux ont fait l'objet de mes recherches — le physique, les mœurs et l'instruction. C'est dans la lecture de Tissot, de Rousseau, de Lock et dans les entretiens fréquents que j'ai eus à ce sujet avec un ami éclairé, que j'ai puisé les idées que je soumets à votre examen. J'ai senti que ne pouvant être l'émule de mon élève dans la plupart de ses études et de ses exercices, je devais porter toute mon attention à les bien diriger, afin qu'il en retire tout le fruit possible. Je deviens en ce moment pour lui un second père, j'en adopte tous les sentiments et il trouvera en moi dans

*) Николай Николаевичъ, 1761 — 1838, статсъ-секретарь императора Александра I, сенаторъ, императорско-царскій комиссаръ въ Царствѣ Польскомъ; съ 1834 г.—председатель Государственнаго Совѣта; въ 1835 г. возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Его мать, Марія Сергѣевна, рожд. граф. Строганова, была родная сестра автора письма.

tous les temps l'amitié, la complaisance et la douceur alliées à la fermeté. La connaissance que j'ai prise, depuis que je suis avec lui, de son caractère et de ses bonnes dispositions, me fait espérer que mes soins ne seront pas sans succès et mon désir le plus ardent est de vous le ramener digne de toute la tendresse de ses parents et de l'estime des honnêtes gens.

26.

Ce qu'on n'ose dire, on ose quelquefois l'écrire: entre plusieurs cas où ma main serait moins discrète que ma bouche, je choisis le moins importun pour vous et le plus pressant pour moi.

Depuis nos expériences de l'hiver dernier, qui ont absorbé tout mon petit avoir, j'ai des dettes et des besoins et je n'ai pas le sou pour y satisfaire. J'ai cherché à emprunter sur gage; j'ai trouvé parce que je demandais peu et l'on s'est contenté de ma parole, ce qui rend l'engagement si sacré que, pour le remplir, je surmonte la répugnance de demander que vous devez me pardonner, Monsieur le comte: elle est trop naturelle à celui qui fait métier de donner du bon sens pour de l'argent. Il doit toujours craindre de recevoir trop et de donner trop peu, ou bien il ne donne pas ce qu'il promet.

27.

Je dois à ma tranquillité et à la confiance que vous m'avez conservée jusqu'à présent de vous rendre compte de ma conduite avec votre fils pendant notre absence de Pétersbourg. Je dois à la vérité de vous dire *sur mes dispositions à son égard et sur les espérances qu'il donne pour l'avenir*. Ce que je vous écris ici, je ne saurais pas vous le dire. J'ai hésité jusqu'à présent de vous écrire à ce sujet, et j'hésiterais encore, s'il ne fallait pas enfin prendre un parti que

nécessite l'approche de l'âge de puberté pour P. Sa nature sensible le prépare à cette époque par un engourdissement extrême joint à une grande sensibilité physique, qui devient pour le moral paresse, insouciance, inattention, etc. S'il n'y avait que du bien à dire de lui je ne vous le dirais pas, mais j'éprouverais une grande jouissance à vous le présenter afin que vous jouissiez vous-même du plaisir de découvrir les vertus naissantes de votre fils, mais je mentirais si je ne vous présentais ici que des objets de consolation et c'est surtout de ses défauts, de leur développement, des causes qui les ont produits ou peuvent les maintenir que je me propose de vous parler ici.

Son physique paraît bon; il supporte facilement les fatigues du voyage. La nourriture la plus simple, la plus grossière, l'habillement le moins coûteux, le lit le plus dur, en général tout ce qui constitue la vie dure d'un militaire aguerri lui est connu et il la supporte quelquefois sans endurance, mais aussi quelquefois, trompé par son imagination encore peu réglée et par l'exemple de quelques personnes délicates qu'il a été dans le cas de fréquenter, il se plaint de cette austérité et voudrait esquiver un régime auquel il s'est soumis si volontiers jusqu'à cette époque, soit que dans le fait son âge demande quelque

Je remarque dans votre fils des changements sensibles dans son physique et dans son moral, soit que la cause en soit dans l'approche de la puberté, dans le changement de climat ou dans l'imperfection de ma méthode ou peut-être aussi dans les changements que j'éprouve moi-même, soit aussi que toutes ces causes affluent ensemble. L'état actuel des choses m'afflige, et je regarde comme un devoir de vous le dire pour que vous avisiez au moyen de remédier à ce qui peut nuire au succès de cette éducation.

Popo était vif, pétulant, emporté, supportant le froid et le chaud sans s'en plaindre; il est maintenant engourdi, mou, cherchant le repos plus que le mouvement, craignant le froid et supportant avec peine un vent frais dans cette saison-ci, lui qui en hiver supporte si facilement les vents rigoureux du nord. En général j'observe en lui une sensibilité physique extrême. Il jouit d'ailleurs d'une parfaite santé, supportant très

bien les fatigues du voyage. Il semble que les longs et pénibles exercices que je lui ai fait faire n'aient pu vaincre en lui ce penchant à l'inertie. L'exemple ne le séduit plus, les conseils l'ennuient, et je sens souvent l'impuissance de ma douceur ordinaire pour combattre en lui l'apathie et l'inertie qui le dominent. Son moral perd sensiblement à cela, je lui trouve plus d'insouciance pour tout ce qui excitait autrefois sa curiosité, plus de paresse, de nonchalance, sa confiance et ses caresses envers moi ont diminué sensiblement. Il rebute avec moi, murmure contre tout ce qui combat cette inertie, trouve plus doux de commander que d'agir même pour les choses les plus faciles et les plus à sa portée, las de raisonner, las de penser, las d'écouter avec attention et d'agir, de suite, il végète lourdement, plus qu'il ne vit, ses sens le dominent et étouffent la raison et toute activité; je remarque quelquefois les efforts qu'il fait sur lui-même, mais ils ne sont ni très constants, ni assez puissants, je sens qu'il y aurait un stimulant efficace si on le traitait avec ménagement, qui est en évitant de prendre avec lui un ton trop sérieux et un silence d'humeur; mais je sens aussi qu'il me serait impossible de conserver avec lui un visage serein et d'égayer ma conversation comme je le faisais autrefois, mon caractère, déjà chagrin et inquiet, semble être devenu encore plus austère, plus triste et par conséquent plus rebutant pour un enfant de l'âge de Popo.

Cet état est produit par plusieurs causes, mais pour ne compromettre personne, je ne vous parlerai ici que de celles qui m'appartiennent et donc à ma charge. Dans quelques circonstances je découvre en lui le germe de quelques bonnes qualités: il est charitable, humain, juste, il a la conception vive et donne à la conversation des gens instruits que nous avons été dans le cas de fréquenter, une attention qui m'étonne et me fait croire que l'inertie que je remarque en lui est plus dans mon insuffisance que dans son caractère. Cette réflexion change si fort mes dispositions en se fortifiant chaque jour que je crois qu'il est de mon devoir de vous rendre votre fils, me sentant incapable de nourrir son attention d'un aliment qui lui convienne et de captiver sa confiance, sans laquelle on ne peut rien faire de bon.

Ses progrès dans la langue russe ne sont pas aussi grands que je le désirerais et qu'on devrait attendre de l'étude active et constante qu'il en a fait; il ne s'est jamais rebuté un instant avec le maître que je lui ai donné à Kiev, et cependant il parle encore si peu correctement; c'est que moi-même qui par nécessité pratique cette langue, je la parle et l'écris fort mal, quelque attention que j'aie donnée à cette étude je suis encore plus faible que Popo, et je fais des fautes qui ont sur lui une influence funeste: celles qu'il reconnaît lui donnent sur moi une supériorité, un avantage qu'il étend quelquefois trop loin, celles qu'il ne reconnaît pas, il les répète, aussi par là je lui suis d'un mauvais exemple, quelques-unes de mes fautes deviennent les siennes et je perds de sa confiance. Sur une infinité d'objets j'ai tâté sa curiosité et je la trouve lassée; aussi il baille ou s'endort auprès des mêmes objets qui attiraient autrefois toute son attention; la géométrie et tout ce qui donne de l'occupation aux mains lui fait plaisir, mais l'arithmétique l'ennuie, il tracera un plan sans se lasser, mais il dessine sans goût: la minéralogie le rebute, ainsi que la chimie et la physique. Quelle prise ai-je donc sur lui? presque aucune, il aime sa religion assez et trouve plus commode de croire que de raisonner, ce qui est encore plus chez lui un trait de jugement que d'apathie.

En supposant que ma manière de voir soit quelquefois juste, que mes goûts soient solides, puis-je espérer de lui donner une opinion, de le diriger selon mes vues si je n'ai plus sa confiance et je la crois très faible.

Je lui crois un cœur bon, sensible et très innocent, le jugement sain, la conception vive, un tempérament assez fort, mais cet engourdissement physique tue sa bonne volonté et arrête le développement de toutes ces heureuses dispositions. Cet engourdissement durera-t-il longtemps? je le regarde comme le symptôme avant-coureur de puberté: les hommes, comme certains insectes, ne prennent la vivacité et la vigueur du papillon qu'après avoir passé par l'état de léthargie de la chrysalide. Popo serait-il maintenant dans cet état de chrysalide? Mais si on ne peut rien faire dans cet état de léthargie, fera-t-on plus lorsque la

nature perfectionnant tous les organes donne aux sens une énergie et une ardeur que la raison ne peut plus dominer? Monsieur le comte, j'avoue ma faiblesse. Je me sens absolument incapable d'atteindre même aux succès médiocres dans cette carrière épineuse; une expérience de plus de sept ans me donne bien le droit de prononcer sur mon insuffisance, et je me reproche maintenant d'avoir occupé si longtemps une place auprès de votre fils qu'un autre eût rempli avec plus d'utilité pour votre fils et plus de satisfaction pour vous et pour ceux qui prennent intérêt à cette éducation.

Découragés l'un et l'autre, le mécontentement, l'austérité, le silence d'un côté, l'engourdissement, la défiance et la paresse de l'autre sont des disconvenances que je n'ai bien senties que depuis quelques mois et qui doivent déterminer la résolution d'un père à adopter une réforme qui est devenue nécessaire et qui est pressante, avant ces funestes crises, ce désordre de conduite qui ont porté entre nous la mésintelligence et le dégoût. Voilà ce que je vous ai annoncé dans ma dernière lettre. La Russie sera toujours un obstacle à cette éducation tant que votre fils sera entre mes mains. J'ai conçu de l'amitié pour Popo, j'ai cru devoir à la mémoire du comte Golowkin de lui donner mes soins, mais qu'ici je promis sinon de réussir à faire un homme de bien et un citoyen zélé et instruit, mais si le succès m'est impossible, n'est-ce pas agir contre ma propre conscience, contre l'amitié qui m'engage à faire le bien de l'enfant, contre la parole que j'ai donnée, que de persister dans une résolution qui peut être funeste et nuisible à Popo? Rendez-moi donc à moi-même pour le bien de votre fils. Ma mauvaise étoile me poursuivra partout, et je me retirerai avec l'amertume d'avoir si mal répondu malgré ma bonne volonté à la confiance de la personne respectable dont je regretterai la perte le reste de mes jours.

Je vous ramène votre fils, je l'ai déjà préparé sur notre séparation qu'il supportera facilement étant auprès de vous. Les préparatifs de mon départ ne doivent nullement vous occuper; ils seront si simples que je peux les faire sans l'aide de personne. Je vous écris pour me

délivrer de l'amertume de vous en parler, ainsi, Monsieur le comte, je vous demande sur cet objet le plus parfait silence entre nous deux. Vous chercherez de votre côté un gouverneur pour P., et moi je m'occuperai de mon départ qui ne peut être fort éloigné, car je suis fort attendu. Je suis trop convaincu qu'entre mes mains, tant qu'il restera en Russie, il ne peut que perdre; qu'un autre cultive ses qualités, mais pour moi j'ai perdu tout espoir en perdant toute confiance dans la méthode que j'ai adoptée jusqu'ici.

A son âge n'étant ni homme ni enfant, la raison et les occupations sérieuses lui déplaisent, et dans ses jeux un gouverneur lui paraît l'enseigne de l'enfance et par cela même l'importune. J'ai toujours tâché de le conduire comme un ami en dirige un autre, mais encore peu fait pour sentir l'amitié, il en méconnaît les droits, et mes conseils lui paraissent ceux d'un maître toujours nécessaire à un enfant, mais importun à celui qui est prêt d'entrer dans l'âge de virilité. Je ne lui connais cependant ni ambition, ni amour-propre; serait-il encore trop innocent?

Plus je réfléchis à l'état actuel des choses, plus mes soins me semblent déplacés et inutiles. L'amour de la vérité, la justice demandent cet aveu et cette résolution, mais j'avoue aussi que mon attachement pour Popo, le respect que je sens pour la mémoire du comte Golowkin les habitudes de *) combattent ma résolution, mais elles ne combattent que pour moi, et ma résolution est toute à l'avantage de votre fils.

28.

Demichel qui connaît tout l'attachement que je lui porte, m'a confié ses peines sur ce qui se passe entre M. le baron et lui, et je regarde comme un devoir de l'amitié de partager ses inquiétudes et de vous écrire à ce sujet. Sa délicatesse qui m'est parfaitement connue, doit

*) Слово не разобрано.

souffrir cruellement d'avoir à discuter des intérêts de cette nature, dans un moment où il serait si important pour M. le baron même, qu'il se livrât avec sécurité et tout entier aux soins dont il s'est chargé. Demichel est père et peu tendre et peu fortuné: n'est-il pas naturel que son cœur soit tourmenté de la plus vive sollicitude, en donnant son temps et ses travaux à un enfant étranger sans connaître la mesure du bien-être qu'il en retirera pour le sien propre? Sa tendresse paternelle lui fait un devoir de s'occuper du sort de sa fille, et c'est pour y parvenir plus sûrement qu'il renonce à la douceur de la voir et se livre avec ardeur et en galant homme à la fonction qui lui est confiée, mais plus il met de franchise et de zèle dans sa conduite, plus il a besoin d'en connaître les fruits pour la consolation de ses sollicitudes paternelles; il serait répréhensible aux yeux de ses amis s'il agissait autrement: la foi d'un contrat ou d'une parole claire et déterminée pour lui donner l'assurance qu'il demande et que ses amis désirent.

Je suis persuadé que cette discussion n'eût jamais eu lieu, M. le baron n'avait point eu l'intention d'être généreux envers Demichel et qu'il se fût contenté de lui donner ce qu'il gagne bien durement par ses soins; ce sont des appointements que Demichel demande, et M. le baron lui parle de récompense, c'est le nœud de ce malentendu entre eux, car il s'agit jusqu'à présent d'une dette et non d'un bienfait. Si Demichel regarde comme un devoir de donner les soins les plus assidus à son élève, M. le baron regarde sûrement comme une justice de payer ces mêmes soins, c'est une convention de tous les pays; mais de même que Demichel ne fait point mystère de sa conduite dans cette éducation que son plan est aussi connu que son assiduité, de même M. le baron ne fera pas difficulté de fixer et de faire connaître les appointements qu'il veut lui donner.

Le projet d'une récompense à la fin de l'éducation est de nature à n'être confié qu'à un parent et à un ami, comme l'a très bien fait M. le baron, mais je le répète, mon ami est trop délicat pour chercher à pénétrer les intentions de M. le baron à ce sujet, ce n'est point un bienfait qu'il sollicite, c'est tout simplement le salaire de ses peines,

afin qu'il lui soit payé à mesure qu'il le gagne, qu'il soit suffisant pour mettre sa fille à l'abri de l'infortune, il se croira très heureux et se livrera avec contentement et tranquillité aux soins de sa place. Je vous supplie, M. le comte, par l'esprit de conciliation que je vous connais et pour mettre fin à ce malentendu entre deux personnes qui ont des intentions pures et honnêtes, de communiquer cette lettre à M. le baron, afin de le porter à satisfaire à une demande aussi simple et aussi juste.

29.

De Pétrozavodsk, ce 18 Juin 1784.

En partant de Pétersbourg, mon intention était de voyager avec votre fils simplement et sans gêne, nos voitures, notre genre de vie ont été choisis en conséquence. Je croyais avoir dans mon portefeuille les seuls signes de protection qui puissent nous faire connaître. Je pensais avoir mis sous la clef tout l'éclat de votre nom pour n'en faire usage qu'au besoin. Un gîte et la permission de recueillir quelques instructions sur le pays était tout ce que je demandais, mais je me suis trompé. Nos kibitkas ne nous ont pas sauvés de la réception trop magnifique qu'on a fait à votre fils à Olonetz et à Pétrozavodsk. Par quelle fatalité se fait-il qu'il soit mention de nous avant même notre arrivée? Et pourquoi les honneurs à un enfant qui n'en a que faire encore, et qui ne peut réellement rendre aucune espèce de service à ceux qui lui montrent un empressement aussi inutile? Auriez-vous donc fait écrire pour prévenir de notre arrivée? Cette attention de votre part marquerait une bête d'inquiétude, qui m'alarmerait réellement, si votre dernière lettre ne me rassurait sur le motif et le degré de confiance que vous m'accordez. Cette inquiétude d'ailleurs serait un peu tardive, et vous avez tant d'autres moyens de me la faire connaître plus franchement, et de la faire cesser sans retour. En attendant que nous découvrions le mot de l'énigme, parlons d'autre chose.

La santé de Popo est parfaite. Les mauvais chemins, les mauvais gites, la mauvaise nourriture et les marches fréquentes que nous faisons, n'altèrent ni sa santé, ni son humeur. Les cousins sont le seul fléau qui le tourmente; mais comme nous ne trouvons pas partout des marais et de la chaleur, cette incommodité est encore très supportable.

Vous vous rappellerez sans doute, M. le comte, le plaisir que vous avez eu à voir en approchant de Nijni Novgorod des champs immenses de blé, mais sans villages. Il semble que cet endroit soit encore plus fertile que peuplé et qu'un seul homme y tienne lieu de plusieurs par le travail énorme que suppose une culture aussi étendue et aussi dépouillée d'habitations. Le pays que nous parcourons offre un contraste bien plus frappant; beaucoup de villes et presque point de culture; les marais, les sables, les lacs, les clochers et les bois occupent presque tout; il semble que la nature ne sache produire ici que des arbres stériles pour l'homme et des nuées d'insectes qui l'assaillent. Mais des poissons abondamment, c'est ici leur empire. Autour d'Olonetz, sur une étendue de 35 à 40 verstes, on m'a nommé 164 villages où le paysan est réduit à acheter même le pain qu'il mange, la culture ne lui fournissant jamais assez. Cette contrée n'est pas encore la plus maltraitée parce qu'elle est à portée de recevoir des secours des provinces voisines. Plus au nord le malheureux habitant dépouille les arbres pour en broyer l'écorce dont il fait une sorte de pain en la mêlant avec le peu de farine qu'il peut recueillir de son travail ou de son commerce. Ici l'homme a tant à souffrir de la stérilité du sol et de la rigueur du climat, que je ne comprends pas le motif qui l'attache si puissamment à une terre aussi ingrate. On veut que les habitants de ces contrées viennent des régions méridionales, cette émigration s'est donc faite à une époque où le nord était habitable; il serait inconcevable qu'ils se fussent établis sur un sol aussi pauvre, aussi froid et aussi marécageux, pendant qu'ils avaient encore le souvenir de la beauté et de la richesse de leur première patrie. Ce seul souvenir leur présentant sans cesse un terme de comparaison aurait été une source de regrets pour le sol

de leurs pères et de dégoût pour le sol glacé sur lequel ils établissaient leur nouvelle demeure. Et comment des hommes libres pourraient-ils supporter tant de maux à la fois, et connaissant le moyen de s'en délivrer, celui de fuir ce malheureux climat pour retourner dans leur ancienne patrie plus favorisée du ciel?

De la population et de la stérilité du sol des régions septentrionales, ainsi que des rigueurs du climat, on peut donc induire une nouvelle preuve que le pays ne fut pas toujours aussi maltraité de la nature, qu'il fut un temps où la terre pouvait nourrir les habitants qu'elle portait, que les parties élevées de ces régions se sont refroidies, à mesure que les parties basses se sont desséchées; et que ce n'est pas l'homme qui est venu braver les rigueurs du froid et la disette dans laquelle il gémit actuellement, mais que le froid est venu affaiblir en même temps et le sol et ses malheureux habitants, pour imprimer à l'un une stérilité toujours croissante et à l'autre la misère et la désolation. Les Lapons sans sortir de la Laponie ont perdu par le laps du temps et par le cours constant des lois de la nature, et la beauté de leur ciel et l'abondance dans laquelle ils ont vécu lorsqu'ils habitaient leurs montagnes et que les eaux couvraient le reste de leur contrée. Mais comment s'est fait ce grand changement, M. de Buffon veut nous l'avoir expliqué.

---

30 *).

Les dernières lettres m'apprennent que vous vous occupez sérieusement du Voyage pittoresque de la Russie, ce qui me fait d'autant plus de plaisir que cette collection, dût-elle n'être jamais publiée, peut devenir très précieuse pour votre fils. Ne connaissant pas encore le plan que vous adoptez pour ce volumineux ouvrage, et les objets

*) Lettre écrite le 14 Décembre 1785 en réponse à celles du comte Stroganoff du 18 Novembre et du 25.

variés qui doivent le comporter, il m'est impossible de vous donner les remarques que vous me demandez, les observations faites à la cataracte de Voksa sont, ainsi que mes autres papiers, sous le cachet, et d'ailleurs si confusément entassées dans un porte-manteau qu'il me serait impossible d'y rien démêler sans un travail que je ne peux pas entreprendre ici. Mais comme vous n'en êtes pas encore à la confection générale de l'ouvrage, nous aurons tout le temps nécessaire pour rassembler ce que vous désirez. Vous pouvez compter du reste sur ces notes comme si elles étaient dans votre portefeuille dont le mien fera partie en tout temps, autant qu'il pourra contribuer à l'instruction de Popo. Quant à mes réflexions sur la diminution des eaux dans la Finlande, comme elles font partie d'une théorie générale qui ne peut pas trouver place dans un voyage pittoresque, je ne crois pas qu'un lambeau convînt mieux, tant que je n'aurai pas publié le tout.

Vous faites très bien de faire traduire la géographie de la Russie. L'ordre qu'on y a adopté ne vous convient pas absolument, cependant vous pouvez y puiser de temps en temps et la faire concourir à votre objet, en y prenant quelques matériaux sur la vérité desquels on peut compter.

Si cette traduction était la vôtre, je m'empresserais de répondre à votre confiance, en vous disant franchement ce que j'en pense, et je ne craindrais pas d'offenser votre amour-propre, mais je suis bien loin d'une semblable assurance auprès du traducteur que vous employez. La critique, même la plus modérée et la plus juste, est toujours un crime aux yeux de celui qu'elle attaque, l'amitié, même la mieux cimentée, adopte moins une liberté de cette nature qu'elle ne la pardonne. Dispensez-moi donc, Monsieur le comte, je vous en conjure, de faire l'examen que vous me demandez. Encouragez cependant le traducteur à continuer ce travail, et qu'il trouve dans votre accueil ce stimulant nécessaire pour oser s'élever au-dessus de son sujet en laissant le sens trop littéral. Il s'agit moins de rendre des mots que des idées, et notre langue a ses règles qu'il ne faut pas sacrifier à une exactitude minutieuse et inutile. Je ne renonce pas tout à fait à vous

faire mes observations, mais je ne les ferai que verbalement à vous seul. N'en exigez pas davantage, je vous prie, je ne suis pas assez réservé pour arrêter ma pensée, mais je dois l'être assez pour me taire dans ce moment-ci.

L'accueil soutenu que votre fils trouve chez M. Beguichef m'inspire de l'attachement et de la reconnaissance pour toute cette maison. La simplicité et l'honnêteté qu'on reconnaît dans tout, nous convient si bien, que je n'y vais jamais qu'avec confiance, bien persuadé que Popo peut s'y amuser, sans avoir rien à craindre du mauvais exemple et des mauvais conseils. Je voudrais, Monsieur le comte, que vous partageassiez ces sentiments assez pour les témoigner de la manière que vous jugerez la plus convenable.

31.

A Kiew, ce Mars v. s. 1786.

Cette lettre est datée de la veille de notre départ. Les rivières sont encore gelées et les chemins passables, ainsi j'espère que nous jouirons encore des avantages de l'hiver les premiers jours de notre voyage, et nous arriverons vers le Sud au commencement du printemps. J'ai pris ici toutes les informations possibles, tant des voyageurs que du gouverneur, et nous partons avec la certitude que jusqu'à présent il n'y a rien à craindre des maladies, ordinaires aux contrées que nous allons parcourir. Je prends ici des lettres de recommandation pour nous faciliter de semblables informations chemin faisant, afin de régler nos courses de manière à nous éloigner toujours du danger. Nous voyagerons simplement, nous prenons avec nous André et Clément ; deux porte-manteaux, deux kibitkas et du foin composeront tout notre équipage. Nous nous ferons accompagner de soldats dans les endroits où je le croirai nécessaire d'après les informations.

Je souhaite, Monsieur le Comte, que ces précautions vous tranquillisent sur votre fils et que votre tendresse n'ait point à souffrir de le savoir loin de vous et dans des régions voisines de la contagion.

C'est dans ce moment surtout que nous sentons les liens qui nous attachent à l'honnête et respectable famille que nous fréquentons ici. Votre fils aura vu le tableau le plus intéressant de l'union, de la concorde, et il aura souvent été témoin de la vénération et de l'empressement des enfants pour leur père et des tendres sollicitudes de celui-ci pour tous les malheureux qui dépendent de lui. Le séjour de Kiew aura été bon à quelque chose, si en fréquentant des gens vertueux votre fils a appris à l'être lui-même.

Miasnikoff et le cuisinier nous étant maintenant inutiles, au lieu de payer ici un loyer pendant notre absence et de nourrir deux personnes pour ne rien faire, je vous les renvoie avec nos livres et des confitures, ce qui me fournit une occasion de vous parler plus librement, ce que jusqu'à présent je n'ai pas osé faire par la poste.

Quand vous recevrez cette lettre il y aura neuf mois que nous sommes partis de Pétersbourg et plusieurs fois avant notre départ vous m'avez fait l'honneur de répéter que nous nous reverrions au bout de six mois. Au moment de la malheureuse crise qui a porté la désunion et la mésintelligence parmi nous, j'ai eu l'honneur de vous dire que je ne pouvais plus continuer à Pétersbourg l'éducation de Popo et vous ai offert de passer un an dans une des provinces méridionales de l'empire. L'année sera expirée à notre retour du voyage que nous allons faire à Kherson et je n'ai reçu de vous jusqu'à présent aucune espérance pour aller dans les pays étrangers.

Je compte les mois et les jours, Monsieur le comte, depuis que je sais que ma mère s'afflige des obstacles qui s'opposent à mon retour auprès d'elle. Combattu depuis longtemps par deux sentiments honnêtes — celui qui m'attache à Popo et ma tendresse pour mes parents — mon unique vœu eût été de les concilier en satisfaisant en même temps à tous les deux sans nuire à l'éducation dont je me suis chargé. J'ai vu la possibilité de cette conciliation l'année dernière.

J'ai cru même pendant quelque temps que vous condescendiez à mes désirs et que loin de les regarder comme contraires à votre fils, vous jugiez nécessaire qu'il allât chercher de l'instruction dans un climat plus tempéré; mais le temps a cruellement détruit cette illusion, et depuis notre départ je n'ai rien vu dans vos lettres qui fit connaître vos dispositions à ce sujet, quoiqu'il s'agisse du sort de votre fils, qui vous est cher, quoique vous sachiez fort bien vous-même que son éducation ne peut être achevée en Russie, et qu'il approche de l'âge où les passions s'opposeront souvent aux progrès de ses études. Il aura quatorze ans dans quelques mois; si ce n'est pas l'âge de lui présenter des études sérieuses et suivies, il ne fera rien de bon, et son éducation sera tout-à-fait manquée. D'ailleurs, Monsieur le comte, les forces me manquent ici pour continuer cette carrière, et j'ai besoin d'aller respirer l'air natal pour me remettre un peu des impressions douloureuses d'une trop longue absence. Ma mère me rappelle, et je sais que la voix de la nature sera plus forte que celle de l'amitié qui m'attache à Popo, si vous ne faites rien pour les concilier. En calculant le bien de votre fils, si vous croyez faire quelque chose pour lui en faisant quelque chose pour moi, vous redoublerez d'efforts pour me rendre à une mère d'un âge avancé et qui désire ardemment de voir encore une fois un fils tendre et respectueux pour en recevoir quelque consolation; vous me rendrez à des amis fidèles et vertueux, vous me rendrez à ma patrie qu'une absence de sept ans m'a appris à aimer.

Je crois cette demande si utile pour votre fils, si importante pour moi et si pressante pour tous les deux, que je ne conçois pas qu'il soit possible d'en remettre l'exécution et je ne fais pas difficulté d'envoyer en avant Miasnikoff pour vous préparer au retour de votre fils. Nous ne mettrons pas plus de deux mois à notre voyage de Kherson, nous reviendrons à Kiew, où je serais bien aise de trouver une réponse à cette lettre-ci, mais si je n'en trouve point de satisfaisante, nous nous acheminerons vers Pétersbourg par Moguilef et Smolensk et nous irons attendre à Narva une réponse décisive. Vous pourriez nous

renvoyer à cet effet ou Miasnikoff ou tel autre de vos gens qu'il vous plaira. Monsieur Béguicheff veut bien retirer de la poste toutes les lettres que vous nous écrirez et les retenir jusqu'à notre retour pour ne pas les hasarder en les envoyant à notre suite. Il vous fera passer les lettres que nous écrirons de chaque ville. Ainsi, Monsieur le Comte, nous pourrons continuer notre correspondance, avec cette différence que vous recevrez sans interruption, mais nous ne recevrons qu'à notre retour.

32.

1786 (sans date).

J'ai retardé jusqu'à présent à vous parler de votre fils parce que, n'ayant que du mal à en dire depuis plus d'un mois, je n'ai pas voulu vous affliger en vous faisant part de sa mauvaise conduite. J'espérais que les bons conseils, la douceur, l'honnêteté et le bon exemple de ceux qui sont autour de lui changeraient ses mauvais penchants à la paresse, la grossièreté, l'entêtement et l'indifférence pour tout; mais je me suis trompé, votre fils ne sent rien. Venez-vous avec nous, bon père, vous avez un fils qui est insensible à l'amitié. Je lui ai retiré mes soins, je l'ai abandonné, mais rien ne l'affecte, est c'est en jouant avec un chien qu'il se console de la perte d'un ami. Ce que je vous dis va alarmer votre tendresse, vous aller gémir d'apprendre que votre fils est indigne de vous et qu'il ne mérite plus vos soins paternels. Mais je dois vous dire ce qui est. L'empressement que nous montrions à le mettre de tous nos plaisirs, à l'instruire sans le fatiguer et toujours en l'amusant — tout est insuffisant. Il se moque de tout. L'ignorance la plus méprisable, le caractère le plus insupportable seront les suites de cet entêtement à ne plus nous écouter. Je le plains, il sera malheureux, méprisé de tout le monde, et s'il continue, il n'aura pas un seul ami qui le consolera dans ses peines et le secourra dans ses maladies.

Vous ferez, mon cher Comte, ce que vous jugerez à propos, pour moi — je vous l'abandonne.

33.

De Louga ce 10 Juin 1786, v. s.

En partant de Kiew le 23 du mois dernier, nous ne nous attendions pas au retard que les mauvais chemins de la petite Russie ont mis à notre voyage. Nous ne sommes sortis des marais qu'après des fatigues immenses pour sauver notre lourde voiture; mais notre impatience de vous revoir ne nous a pas permis de suivre notre première intention d'aller par Moguilef et Narva, ce qui nous aurait éloignés de quelques centaines de verstes. La route de Smolensk s'offrait à nous comme la plus courte et la meilleure, nous l'avons préférée pour regagner le temps perdu. Popo est très empressé de revoir la maison paternelle; cette idée est celle qui l'occupe le plus; et cet empressement est trop naturel et trop louable pour que je ne le partage pas moi-même, aussi n'ai-je pas balancé à renoncer au projet d'attendre en chemin une réponse décisive à la lettre que je vous ai écrite par boucher, au risque de m'exposer à l'amertume de vous dire verbalement les motifs d'une résolution qu'il ne serait plus raisonnable de révoquer. Il est bien temps de mettre fin aux sollicitudes que j'éprouve depuis quelque temps, et qui me mettent dans l'impossibilité absolue de rien faire de bon ni pour votre fils, ni pour moi.

L'infatigable élément qui veut revenir au devant de nous, nous donnera de vos nouvelles, ne fût-ce que de quelques heures qu'il devance le moment où nous vous reverrons, ce sera pour nous; je vous prie de lui donner les lettres qui nous attendent à Pétersbourg pour adoucir le plaisir de les lire.

34.

A Genève le 9 Novembre n. s./29 Octobre v. s. 1786.

Nous avons reçu presqu' à la fois toutes les lettres que vous nous avez écrites depuis notre départ. Votre exactitude vraiment exemplaire console notre éloignement, mais est un reproche sanglant à notre conduite à votre égard. Nous avons rarement écrit tant que nous avons été en voyage, chaque jour offrait de nouvelles distractions. L'empressement de mes parents et de mes amis me fournissait mille occasions de parler de vous, mais pas une seule de vous écrire. Malgré la pureté du motif, j'avoue, Monsieur le Comte, que je me reproche sincèrement ce silence, en relisant les lettres nombreuses que vous nous avez écrites en si peu de temps.

En arrivant ici nous nous sommes présentés chez M. Senebiev, principal de l'académie, afin de prendre des renseignements sur les ressources que nous pouvons attendre de cette ville. M. Senebiev est un homme instruit, affable, communicatif et très officieux, qui s'est fait un plaisir d'accueillir deux étrangers quoique sans recommandations et de répondre à toutes nos questions. Malgré les troubles qui ont éloigné de Genève plusieurs personnes intéressantes, l'académie offre encore tous les maîtres dont nous pouvons avoir besoin. Nous leur demanderons des leçons particulières, ou nous irons à leurs leçons publiques autant qu'elles pourront nous convenir, car la plupart se donnent en latin.

Pour l'équitation, l'escrime, la danse et la musique, cette ville offre tout ce qu'on peut désirer. De pareilles informations prises à Lausanne n'ont servi qu'à nous affermir dans notre premier choix. Aussi sans hésiter avons-nous cherché un logement dans Genève, que nous avons trouvé dans le plus charmant quartier de la ville. Nous avons monté un petit ménage qui nous évitera tous les inconvénients de la pension en nous donnant tous les agréments de l'isolement. Nous attendons que tout le monde soit rentré en ville, pour faire quelques visites et essayer

de la société à laquelle nous consacrerons quelques heures de la semaine.

Dans un mois d'ici j'espère que toutes nos heures seront distribuées et nos études seront ordonnées, et alors je vous enverrai le plan que nous aurons adopté.

Tout est fort cher à Genève comme à Lausanne. Il n'y a vraiment qu'une économie très vigilante qui puisse nous tirer d'affaire.

35.

A Genève, ce 12/1 Novembre 1778.

Malgré les longues courses que nous avons faites cette année, la cherté des vivres et du logement à Genève, il nous reste cependant quelques petites épargnes que je dois vous faire connaître sans vous donner l'ennui d'un état détaillé de dépenses.

En partant de Pétersbourg le 17 Juillet 1786, vous nous avez donné 8000″ argent de France pour le voyage. Cette somme a suffi jusqu'au 1er Novembre de la même année que nous avons commencé à recevoir de notre banquier, il m'est resté de l'argent du voyage 302″

Dans le courant de l'année j'ai reçu du banquier	24.000
Vous nous avez envoyé pour le mont-de-piété	2400
Total de la recette	26.702

Mon correspondant à Paris a payé au mont-de-piété 2901″. Le change des 24.000″, les ports et affranchissements de lettres, le logement, la nourriture, l'habillement de Popo, les gages de Clément, de Voronikhin, de la cuisinière et d'un domestique pendant une partie de l'année, les maîtres que j'ai donnés à Popo tant de langue allemande, de physique, de chimie, d'équitation, d'escrime, que d'un

peu d'horlogerie, les livres, les annonces et quelques petites dépenses extraordinaires, se sont montés, en y comprenant le voyage de la Suisse, depuis 1786 jusqu'à 1787 à la somme de . . . 21.934 ... 4 ... 8

il reste donc. . . . . 4767 ... 15 ... 4

Depuis le 1er Juin 1785 que je vous ai rendu le contrat fait entre nous et rédigé par le comte de Golowkin, mes honoraires ne peuvent avoir pour mesure que celle que vous y metterez vous-même.

Je dois encore vous dire que jusqu'à présent j'ai pris sur la bourse commune non seulement les leçons de Popo, mais aussi celles que j'ai partagées avec lui pour lui servir d'émule. Ainsi cet article de dépense s'est monté pour mon compte, savoir:

7 mois de manège	430ᴿ
Langue allemande	224
Physique et chimie	120
Total	774

que je devrais prendre sur mon compte. Depuis que le baron est avec nous, je ne partagerai plus leurs leçons si ce n'est celles de physique.

Le cours de chimie fut annoncé l'hiver dernier, la souscription à 48ᴿ; comme il ne se présentait que 16 souscrivants et qu'il en fallait environ 20 pour couvrir les frais du démonstrateur, il se rétractait et nous étions privés de ce cours. J'ai proposé alors de payer les 8 souscriptions qui manquaient, ainsi le cours de chimie a coûté 384ᴿ. Je pense que vous ne désapprouverez pas cela.

36.

9/20 Février 1788.

La dernière lettre que vous avez due recevoir de M. Demichel vous aura fait connaitre la demande de M. Franck et notre inquiétude. Nous ne devons compter sur aucun crédit de sa part, ce qu'il ne nous laisse pas ignorer, afin que nous prenions des arrangements qui nous mettent

à l'abri du besoin. Vous concevez dans quelles sollicitudes nous entraînerait un plus long retard à nous acquitter de cette dette sacrée.

Le silence de M. le baron de sa famille est aussi très inquiétant, nous ne savons à quoi l'attribuer, et cette incertitude sur le vrai motif d'un silence aussi long et aussi affligeant, est plus accablante que tout ce que vous pourriez nous apprendre à ce sujet.

Cette lettre par son double objet demande une réponse d'autant plus prompte de votre part que nous sommes réduits à attendre deux mois à cause du grand éloignement qui nous sépare. Ce terme est bien assez long sans le prolonger par la moindre négligence.

37.

En revoyant votre neveu et M. Demichel, un mouvement de tendresse paternelle vous portera sans doute à les questionner sur votre fils. Ils ont vécu assez longtemps avec nous, pour répondre à l'empressement que vous montrerez, d'une manière plus satisfaisante que je ne le pourrais faire, parce qu'on peut tout dire, mais on ne peut pas tout écrire. Le départ du jeune baron laissera un grand vide parmi nous et opérera sans doute quelque dérangement dans notre genre de vie. L'ordre s'était établi sans peine, par la confiance et la bonne volonté que votre neveu a toujours montrées dans ses études. Votre fils qui est doué d'une intelligence précieuse, a besoin d'une forte impulsion pour fixer son attention, sans laquelle l'esprit le plus pénétrant perd tous ses avantages. Souvent je donnais une impulsion à l'un, pour la faire parvenir plus naturellement à l'autre, et chacun y mettait selon sa capacité, pour le bien de tous: votre fils perd un ami et moi je perds un aide, car votre neveu m'a été souvent de quelque secours, et, sans s'en douter, il a secondé mes vues. Le temps nous apprendra au reste quel bien cette réunion a opéré pour chacun d'eux. Si leur amitié est devenue plus intime, si elle s'est cimentée par quelques habitudes, les avantages de cette réunion ne seraient pas

équivoques; mais je dois le dire, votre fils est peu aimant, il a une sorte de sensibilité tranquille, que je croirais quelquefois raisonnée, lorsqu'il s'agit d'exercer sa bienfaisance; mais il est inaccessible à ces émotions douces, à ces élans de l'âme où la raison s'abandonne toute entière au sentiment et ces émotions qui semblent n'être qu'un désordre de sentiments et de pensées, sont le délire d'une âme vertueuse, ou qui peut le devenir. Jadis la sensibilité de votre fils était moins inflexible: les persécutions qu'on a fait éprouver à Bélisaire, les injustices de l'aréopage d'Athènes envers Socrate faisaient couler ses larmes et produisaient sur lui l'émotion la plus profonde. Mais alors son physique était faible; à mesure que sa constitution a pris de la vigueur, son moral est devenu plus énergique, son âme plus ferme et sa sensibilité moins expansive.

Je ne regarde pas encore ses goûts comme bien affermis, mais il me semble balancer entre la carrière des armes ou la carrière diplomatique. Son jugement ne porte que sur un très petit nombre de données; il changera sans doute à mesure que ses connaissances s'étendront. Ainsi loin de combattre ses dispositions guerrières que le temps et l'expérience tempéreront, j'en profite comme d'un stimulant pour le tenir à des études utiles.

Paris ne lui plait pas, et s'il le quittait maintenant, il ne le regretterait pas. Nous nous proposons de parcourir les provinces méridionales vers la fin de l'année; de là nous irons en Allemagne, en Hollande et en Angleterre, pour y suivre différentes branches d'études, si vous n'y voyez point d'obstacle à la prorogation du congé de votre fils, qui finira en 1790. Je n'ai pas souvent occasion de vous parler aussi aisément de nos projets; je désirerais que vous puissiez nous écrire aussi librement, ce serait un soulagement pour vous et un plaisir pour nous. Le séjour de l'Allemagne aura pour objet de nous fortifier dans la langue allemande et d'essayer de l'étude du droit. Après cette langue qui est de première nécessité en Russie, je voudrais qu'il apprît l'anglais, afin de pouvoir lire quelques bons ouvrages qui paraissent dans cette langue dans les arts. L'étude de ces langues sera moins difficile pour

lui parce qu'il se contentera de la prose toujours plus facile que la langue du poète.

Nous voyons quelquefois M-me la princesse Chakhovskoï avec d'autant plus de plaisir, que sa société est fort peu nombreuse. M. de Saussure a fait ici un petit séjour avec sa femme, votre fils l'a vu avec un grand plaisir qui a paru être bien partagé par son premier instituteur. Il va se fixer à Lausanne.

J'ai prêté à votre neveu notre voiture de voyage, parce qu'elle lui convient parfaitement, qu'elle ne nous sert point et qu'elle pourra vous être utile à Pétersbourg.

J'attends pour le mois prochain une nouvelle lettre de crédit. Nous vivons depuis longtemps sur le dépôt de Voronikhin et de Clément dont ils m'ont permis de disposer. S'ils eussent été moins économes, nous serions maintenant dans l'embarras.

38.

Juin 1790.

Pour la première fois depuis que j'ai l'honneur de vous représenter auprès de votre fils, vous me faites sentir la distance énorme qui se trouve entre un père et un instituteur. Par votre lettre du 10 Juin v. s. vous me notifiez une résolution si contraire au plan que j'ai suivi jusqu'à présent et que vous avez approuvé, qu'elle en détruira nécessairement toutes les espérances. Les parties que votre fils a cultivées avec quelque suite, seront absolument incomplètes, infructueuses, si elles ne sont pas dangereuses, pour n'avoir pas été conduites jusqu'au point de maturité qu'elles demandaient et que nous ne pouvions obtenir que du temps, de nos voyages dans différentes contrées de l'Europe et d'une prudence attentive et soutenue. Votre confiance alimentait mon courage et faisait ma consolation. Vous la retirez aujourd'hui pour céder à des considérations que vous dites puissantes, mais que vous me laissez ignorer. Ainsi sans avoir entendu, sans consulter celui que vous avez jugé pendant près de 12 ans digne

du dépôt sacré que vous lui avez confié, sans examiner les dispositions, les sentiments particuliers de votre fils, sans apprécier les motifs de ma conduite, vous la condamnez en m'en traçant une autre que vous n'avez pas même la bonté de motiver.

Je n'ai entrepris cette éducation qu'avec une juste défiance de moi-même et je ne me suis senti fort dans cette pénible carrière qu'autant que j'ai pu recueillir les conseils ou m'appuyer de l'approbation des hommes éclairés, mais surtout des hommes vertueux que nous avons eu le bonheur de rencontrer dans les lieux où nous avons fait quelque séjour. Ma pensée de tous les jours, de tous les instants a toujours été de m'envelopper dans cette éducation de toute l'influence de l'amour du bien, de l'humanité et des principes d'une saine philosophie. Si mes vœux ne sont pas entièrement remplis, la faute en est à mon impuissance, mais non à mes intentions, aux circonstances malheureuses qui nous poursuivent depuis 1780 et non à aucunes vues coupables, à moins qu'on ne soit coupable d'aimer et de vouloir faire aimer l'innocence et la simplicité des mœurs, la justice, la liberté, l'ordre, la paix et la prudence si nécessaire au milieu du choc de l'opinion, de l'ambition et de l'intérêt. Si vous m'aviez fait connaître la personne qui vous entraîne à une détermination aussi inattendue, je lui aurais volontiers développé, comme je l'ai fait à vous, comme j'ai toujours été prêt à le faire, les motifs de notre séjour en France, mes vues, mes espérances et mes craintes dans le cours de mes fonctions. D'une discussion raisonnée serait peut-être résulté pour tous des mesures plus confiantes, pour votre fils et pour moi une lumière plus certaine.

Mais, réduit à moi seul, j'ai cru devoir faire entrer dans mon plan de profiter d'abord des ressources que nous offre la France et d'aller chercher ensuite en Allemagne, en Hollande et en Angleterre, des lumières d'un autre genre, qu'on ne peut recueillir avec quelque avantage qu'en se rapprochant du foyer qui les produit, l'à-propos et le temps devaient consommer l'exécution de la série d'études que j'avais projetées, mais votre lettre me livre à ma première défiance de moi-même. Parlez donc, Monsieur le Comte, à vous seul il appartient

d'exercer une autorité absolue sur la conduite de votre fils, à vous seul il appartient de l'appeler où il vous plaira. Pour nous, forcés par la position où nous nous trouvons, nous allons attendre votre dernière résolution dans le village qu'habite ma mère. C'est de là que je vous ferai connaître à mon tour ce que je peux entreprendre comme ce que je jugerai au-dessus de mes forces dans le plan définitif que vous prescrirez à votre fils.

Votre fils respectera sans peine tout ce qui émanera d'un père qu'il aime. Les relations avec les siens n'ont rien perdu de ce qu'elles étaient, lorsqu'il a quitté la Russie. Il a encore à cet égard l'innocence et la confiance d'un enfant; plût à Dieu qu'il la conservât longtemps, pour son bonheur et pour le vôtre. Pour moi qui par état connais un plus grand nombre de ces rapports éloignés ou prochains qui ont eu, qui ont ou qui pourraient avoir quelque influence sur l'existence morale de votre fils, qui ai dû nécessairement en faire l'objet de mes observations et de mes méditations particulières, que j'ai dû mettre sous la garde de la discrétion la plus scrupuleuse, je me trouve aujourd'hui dans une situation embarrassante et cruelle. Quelle que soit ma détermination, elle pourra reposer sur de puissants motifs, mais qui ne seront connus que de moi, que je ne pourrai faire connaître à personne, pas même à mon élève qui me jugera peut-être inconsidéré, dur ou injuste. Vous seul, Monsieur le comte, si vous fouillez dans les replis de vos pensées, vous n'oserez me blâmer, quelque parti que je prenne; dans cette éducation trop orageuse, trop fermée d'entraves pour être bonne, j'ai à combattre mes propres imperfections, celles de votre fils, les difficultés propres à cette carrière épineuse, et, comme si ce n'était pas assez, il s'élève encore au loin un nuage de soupçons, d'interprétations obscures ou injustes, nous sommes menacés d'un nouvel orage, et déjà je suis jeté hors de mes mesures. Telle est donc l'étrange position où se trouve Popo. Il ne peux donc ni se rapprocher de vous, vous savez pourquoi, ni vivre avec moi dans ma propre patrie par des considérations que j'ignore, il doit s'expatrier, je dois m'expatrier moi-même et fuir ce que la raison, ce que

le sentiment ont de plus précieux, de plus cher, de plus utile, pour errer à la merci d'une politique dont le ressort, l'objet nous est inconnu.

Nous allons nous rendre dans le village qu'habite ma mère; c'est là que nous attendrons votre dernière résolution, c'est de là que je vous ferai connaître à mon tour, ce que je peux entreprendre, comme aussi ce qui sera au-dessus de mes forces dans le plan définitif que vous prescrirez à votre fils.

J'ai mis quelque retard à vous répondre, afin de me garantir de l'influence du sentiment pénible que votre lettre m'a fait éprouver et par ce qu'elle contient et par les réticences qu'elle suppose. Tous mes efforts se sont portés à faire taire mes affections propres que douze années de dévouement et d'habitude ont multipliées et affermies.

39.

Votre fils en se rendant auprès de vous, Monsieur le Comte, répond pour moi suffisamment à la lettre dont M. Novosiltsof a été le porteur.

Vous trouverez ci-joint le compte de la recette et de la dépense générale que j'ai faite pour votre fils depuis le mois de Mai 1789, époque où se termine le compte précédent que je vous ai envoyé par M. Demichel, jusqu'au 1er Décembre 1790, jour auquel j'ai remis votre fils entre les mains de celui qui a votre confiance. Pour couvrir toute la dépense, j'ai pris le 2 de ce mois, la somme de 1000 ₶ sur la lettre de crédit.

M. Novosiltsof craignant de ne pouvoir faire face à toutes les dépenses dont il est chargé, je lui ai donné, sur la même lettre de crédit, la somme de 2000 ₶ dont il m'a donné un reçu. Ainsi, je vous renvoie, Monsieur le Comte, cette lettre de crédit, chargée de 10000 ₶. Toutes les dépenses que j'ai faites en votre nom étant payées, la moins importante de mes conventions avec vous étant exactement remplie, il ne me reste plus rien à recevoir.

A Paris, ce 6 Décembre 1790.

III.

ПЕРЕПИСКА

графини Е. П. Строгановой съ ея сыномъ,

гр. П. А. Строгановымъ,

и съ его воспитателемъ Роммомъ.

(Изъ Строгановскаго архива).

40.

Гр. Строганова сыну.

Mon cher enfant, j'ai été bien inquiète pour vous pendant tous les troubles de Paris, il n'y avait que la prudence de M. Romme qui me rassurait. Cependant la raison agit faiblement, quand l'âme est affectée. Il me semble à présent que tout est beaucoup plus calme et je suis plus tranquille. Je vous fais passer, mon cher enfant, 29 mille francs pour le rachat des bijoux. Il faudra, mon cher enfant, m'en accuser la réception et les livrer au correspondant de M. Tames, banquier de Moscou, qui me les fera passer par la poste; il faudra, mon cher ami, les faire estimer et les assurer.

Adieu, mon cher enfant, le bon Dieu vous bénisse. Portez-vous bien.

Le 17 Septembre
1789.
Moscou.

Гр. Строганова Ромму.

41.

Monsieur Romme.

J'ai été fort inquiète pour vous pendant votre séjour à Paris dans tous les troubles qu'il y a eu; cependant on a tâché de me rassurer en me persuadant que les étrangers ne couraient aucun risque et votre prudence me calmait aussi. Je ne sais pas si vous avez reçu une lettre

de ma part que je vous ai écrite il y a quinze jours, dans laquelle je vous mandais que je vous ferais passer 29 mille francs pour le rachat des diamants, ce que j'exécute dans ce moment-ci par la voie de M. Tames, banquier de Moscou. Il se charge de vous faire passer l'argent nécessaire pour les racheter par son correspondant, M. M. Vanden Iver père et fils ainé, auquel vous aurez la complaisance de remettre les bijoux, il les enverra par la poste au nom de M. Tames en les faisant assurer; ainsi j'espère que cela sera une affaire finie. Il en est bien temps.

Adieu, mon cher Romme, portez-vous bien et mandez-moi si tout est tranquille dans les lieux où vous habitez. Voici une lettre pour mon fils.

Je suis votre très affectionnée servante

Comtesse de Stroganoff.

Le 17 Septembre
1789.
Moscou.

42.

Je m'empresse de vous communiquer, Monsieur, que j'ai reçu votre lettre par laquelle vous m'apprenez l'envoi de mes diamants; je vous prie en même temps de vous tranquilliser sur leur compte, nous avons des nouvelles qu'ils sont arrivés jusqu'à Riga à bon port, mais on met quelque retard à me les faire parvenir parce qu'à la poste on veut les décacheter pour vérifier ce qu'il y a dedans et le correspondant s'y oppose, moyennant quoi ils sont arrêtés à Riga. Je vous suis bien obligée, Monsieur, des peines que vous vous êtes données; je suis fort contente que cette affaire soit finie, mais il y a une chose qui m'inquiète. Vous m'indiquez, mon cher ami, deux grosses pierres que je trouverai dans une des cases, et il y en avait *cinq*, savoir: deux pendeloques, deux grosses pierres, qui forment deux boutons de boucles d'oreilles, dont l'une quelquefois s'ajustait au milieu du grand nœud, et un solitaire qui

était monté en bague, la seconde pendeloque est montée en cœur entouré de diamants. Ainsi les deux boutons qui formaient les boucles d'oreilles étaient montés en chaton sous entourage et puis les deux pendeloques dont l'une est celle que vous m'indiquez et la seconde qui formait le cœur et la bague forme bien 5 grosses pierres, et vous ne me parlez que de deux. S'ils ne sont pas dans l'écrin, mon cher ami, comme c'est M. *Maurice* qui les a engagés, alors aussi, mon ami, faites quelque perquisition pour savoir ce qu'ils sont devenus, on les a peut-être engagés ailleurs; ce qu'il y a de certain, c'est que je les ai livrés au comte et le comte à Maurice. Mais voilà bien des détails sur une chose qui peut-être est un malentendu. Adieu, mon cher Romme, embrassez mon fils de ma part; vous êtes bien heureux, mes chers enfants, d'être dans les pays étrangers pour plus d'une raison. Adieu, le bon Dieu soit avec vous et vous conserve l'un pour l'autre.

Le 31 Décembre.
Moscou.

Роммъ гр. Строгановой.

43.

Madame la Comtesse,

Pour le bien de votre fils et pour le vôtre, je me vois réduit à la dure nécessité de ne plus paraître chez vous avec Popo, en l'absence de M. le comte, à moins que vous ne nous envoyiez chercher; c'est l'unique ressource qui me reste pour prévenir toute indiscrétion de ma part ou de celle de Popo, qui influerait trop désavantageusement pour lui et pour vous sur son éducation morale.

Je crois aussi nécessaire que, lorsque vous ferez appeler votre fils, je l'accompagne toujours, et que s'il se présentait quelque obstacle pour moi, vous veuillez bien me permettre de ne pas laisser aller votre fils seul: je suis trop inquiet lorsqu'il s'éloigne de moi.

Cette résolution vous fera sans doute concevoir des plaintes contre moi: c'est avec la plus grande douleur qu'en les prévoyant je m'y expose, mais je vous demande comme une grâce et comme un service à rendre à votre fils, de vous adresser à moi directement et sans témoins, de me dénoncer à moi-même si vous avez à vous plaindre. Je vous ferai connaître les motifs de ma conduite que je serai prêt à réformer si vous m'en faisiez connaître une meilleure.

Je n'ai d'autre objet que de conserver à votre fils son innocence et de nourrir en lui les sentiments d'un bon fils envers ses parents. Si je me trompe dans les moyens, c'est ce que la conduite simple, franche et naïve de votre fils peut apprendre. Si le papier était aussi discret que l'oreille, je serais moins court, et ma conduite vous déplairait moins.

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond,

Madame la Comtesse,

votre très humble et très obéissant serviteur

G. Romme.

44.

Si j'étais chez vous simple particulier, libre de toutes fonctions, les contestations qui s'élèveraient entre nous, seraient pour moi autant de ridicules, autant de torts qui me rendraient indigne de vos bontés, je mériterais justement cette dédaigneuse indifférence dont vous m'accablez; mais oublieriez-vous que vous m'avez confié le dépôt le plus sacré que vous ayez au monde, que mes soins bien ou mal secondés doivent faire un jour de votre fils la gloire ou la honte de votre vieillesse; oublieriez-vous qu'après celle de mère la fonction du gouverneur est la plus épineuse et la plus respectable, qu'un homme livré au mépris et à l'humiliation fera de votre fils un être vil et rampant; que si vous me croyez moi-même au-dessous de l'entreprise, je ne dois pas rester un instant de plus auprès de votre fils, que si, au contraire, je lui conviens, en me retirant vos bontés, je perds

sa confiance, et alors tout est perdu, la licence et l'indiscipline deviendront l'âme de sa conduite et en apprenant à secouer le joug de celui qui le gouverne, n'apprendra-t-il pas à secouer le joug paternel? Je frémis des conséquences funestes qui naissent de ces réflexions. Vous les avez faites vous-même ces réflexions, Madame la Comtesse, un instant de vivacité vous les a fait perdre de vue; mais vous les retrouverez encore dans votre cœur, si votre tendresse vous les y fait chercher de sang-froid.

J'ai cru devoir prendre le parti de vous écrire, parce que les crises que j'ai eu le malheur d'avoir avec vous (et c'est pour la première fois de ma vie que j'en ai d'aussi cruelles) m'ont appris que je perds alors toutes mes facultés et je crois que nous serions incapables, l'un et l'autre, de rien discuter froidement.

Les exercices journaliers de votre fils ont leurs heures marquées depuis son réveil jusqu'à son coucher, il joue et travaille sous mes yeux. Je me suis fait une loi de n'en point interrompre l'ordre sous quelque prétexte que ce soit. Les plaisirs que j'aurai toujours grand soin de lui procurer, ne doivent venir qu'après que ses devoirs sont remplis, et comme récompense autant que comme délassement. Il est donc essentiel, et j'espère que vous voudrez bien ne pas vous refuser à ce que je sois prévenu de tout ce que vous projetez pour lui et surtout des parties de plaisir. Il est un genre de distractions que je crois devoir lui interdire, les grandes sociétés sont du nombre, je crains pour lui les caresses et les questions puériles et indiscrètes: les unes lui donneront de l'amour-propre et de la suffisance, les autres— des préjugés, des petitesses et peut-être quelque chose de plus, à son âge et avec son intelligence tout fait une impression profonde et durable. Je ne dois pas vous cacher que j'ai été extrêmement surpris que vous m'ayez enlevé votre fils hier, sans m'en rien dire qu'au moment où vous alliez monter en voiture; un ordre aussi pressé donné dans votre antichambre aurait été mieux écouté. Je dévorerai les distractions, les caprices, les injustices, mais jamais les bassesses et les humiliations. J'accompagnerai votre fils partout où il sera conve-

nable pour lui et où j'aurai l'assurance d'y trouver les égards qu'on doit à tout honnête homme. J'ai l'honneur de vous prévenir qu'il n'y aura que mon devoir qui me fasse aller dans la société, le discrédit et l'espèce de déshonneur dont sont couverts les gouverneurs dans ce pays-ci, alarment trop ma délicatesse pour que je n'aie pas la plus grande attention de n'inquiéter que le moins que je pourrai, par ma présence, ceux de votre société qui auraient de la répugnance à respirer le même air qu'un outchitel; c'est déjà d'après ma propre expérience que je plains de tout mon cœur les êtres sensibles qui sont réduits à courir ici la même carrière que moi.

J'aurais voulu attendre que je fusse plus calme pour avoir l'honneur de vous écrire, mais j'attendrais trop longtemps.

45.

A Genève, ce 11 Décembre 1787.

Voilà bientôt quatre mois que je n'ai reçu de vos nouvelles, et trois mois que je n'ai eu l'honneur de vous écrire. Notre voyage s'est continué jusque vers la fin d'Octobre, quelques embarras de ménage, de nouvelles occupations m'ont détourné jusqu'à présent de notre correspondance. Depuis ma dernière lettre de Strasbourg, le comte Stroganoff m'a parlé de mes honoraires pour la première fois depuis mon départ de Pétersbourg. Il veut que je les prenne sur la somme qu'il m'envoie pour l'éducation de son fils. Je lui ai répondu que depuis le mois de Juin 1785, mes honoraires ne pouvaient avoir de consistance et de mesure que celles qu'il voudrait leur donner, puisque je lui ai rendu à cette époque le contrat que le comte Golowkin avait stipulé entre nous. J'attends sa réponse qui vraisemblablement me mettra à même de répondre plus catégoriquement à la proposition obligeante que vous m'avez faite au mois d'Août. J'avoue franchement que cette attention du comte me surprend beaucoup, parce que je ne la

crois point dans son caractère, plus enclin à la bonté et à la générosité qu'à la justice.

Je suis beaucoup plus content de Popo depuis que je lui ai associé son cousin, qui est d'un caractère plus docile et d'un tempérament plus froid. L'amitié, la conformité d'âge, la parenté, la patrie forment autant de liens entre eux que je tâcherai de faire valoir. J'ai déjà éprouvé plusieurs fois avec quelle facilité j'obtenais de Popo, par la médiation ou l'exemple de son cousin, ce que j'avais bien de la peine à obtenir directement avant notre réunion; le temps m'apprendra si j'ai trouvé le moyen de profiter des avantages de l'émulation, sans encourir les inconvénients qui en sont ordinairement la suite. Tous leurs exercices se font en commun. J'occupe beaucoup Popo, comme vous me le conseillez, en éloignant cependant, autant qu'il est en moi, l'ennui des études austères, j'entremêle les exercices du corps avec ceux de l'esprit, mais je m'occupe moins des talents agréables que du perfectionnement du cœur et de la raison. Je crois avoir une mesure assez sûre à cet égard, c'est de suivre leur envie de plaire et le développement de ce genre de coquetterie propre aux jeunes gens des deux sexes, et les prétentions de mes jeunes amis sont jusqu'à présent si bornées; leur coquetterie est si enfantine, que je me reprocherais de faire violence à leur innocence, en leur donnant des leçons dans un art toujours facile, lorsqu'on s'y livre par goût; qu'ils soient bons, qu'ils connaissent quelques bienséances, c'est tout ce que je demande actuellement. Je serais inquiet et mécontent de moi s'ils étaient *aimables*. Popo est d'un naturel sauvage; son cousin est plus sociable et d'un caractère plus ployable; l'un a beaucoup d'intelligence, une conception prompte, mais une attention légère et difficile à fixer; l'autre a une conception plus lente, mais beaucoup de zèle et une attention constante et ferme; l'un est humain, bienfaisant par instinct, par sensibilité; l'autre l'est par raison, son jugement lui fait sentir qu'il est bon de faire du bien; la sensibilité de l'un lui empêchera de faire une faute, elle sera un frein à ses passions; l'autre n'a aucun frein dans ses moments d'ivresse, il déraisonne, il est dur

et injuste, mais dès que l'ébullition du sang se calme, sa raison reprend ses droits, et il retrouve son cœur; l'un travaillerait longtemps sans être fort scrupuleux sur la perfection de son travail; l'autre a souvent des moments d'impatience, qui l'éloignent de son devoir et dans lesquels il est mécontent de lui-même, il voudrait mieux faire, avoir de meilleures idées, il cherchera des heures entières et ne se résout à adopter une idée médiocre qu'après avoir senti son impuissance de faire mieux: la raison a plus d'empire sur l'un, et l'exemple sur l'autre. Celui-là consulte, écoute et se soumet; celui-ci plus fier, plus indépendant, ne consulte, n'écoute qu'autant que cela lui plait, il ne connait ni les condescendances qu'impose le respect, ni la confiance qu'inspire un bon raisonnement, il veut juger lui-même ce que vaut un conseil et l'adopte ou le rejette selon la disposition de sa tête, mais jamais par déférence. Le physique diffère beaucoup dans ces deux jeunes gens, et on ne peut se refuser à regarder les différences de leur être moral comme ayant leur source dans la différence des tempéraments. Je me garderai bien d'étendre davantage ce parallèle déjà trop long, je crains de m'être un peu trop livré au désir que j'aurais de vous avoir pour témoin, pour juge, pour appui.

IV.

ПЕРЕПИСКА

барона А. Н. Строганова съ Роммомъ.

Изъ Строгановскаго архива.

46.

Бар. Строгановъ Ромму.

Monsieur,

Je ne puis vous exprimer toute ma reconnaissance pour les bontés que vous avez pour mon fils, desquelles il se loue dans toutes les lettres qu'il m'écrit; recevez, je vous prie, Monsieur, mes très humbles remercîments et soyez persuadé qu'ils sont gravés au fond de mon cœur. Permettez que je vous prie de les lui continuer, et de me continuer aussi votre amitié, et de me croire pour jamais,

Monsieur,

Votre très humble serviteur

Le baron de Stroganoff.

Ce 20 de Juin 1788.

St-Pétersbourg.

Роммъ барону Строганову.

47.

De Lions en Auvergne, ce 19 Juin 1788.

Monsieur le baron.

Après avoir satisfait au premier empressement qui me portait vers ma mère et mes amis, j'ai un plaisir particulier à vous témoigner avec quel intérêt je conserve le souvenir de votre personne et de

toutes les circonstances qui m'ont appris à vous connaître. Le commerce doux, aimable, facile et d'un très bon exemple que MM. de Stroganoff ont trouvé auprès de Leurs Altesses MM. les princes de Hesse a fait sur eux une impression trop intéressante pour que je ne cherche pas moi-même, ainsi que mon ami Demichel, toutes les occasions d'en perpétuer le souvenir, et de témoigner la satisfaction particulière que nous en avons ressentie. Nous n'oublierons point, et nos élèves en feront j'espère autant, tout le cas que nous devons faire d'une société comme la vôtre.

Notre peintre qui se porte beaucoup mieux depuis qu'il respire l'air de la Limagne, a commencé la vue de la perte du Rhône que vous avez paru désirer. Je l'ai confronté en passant sur les lieux : quelques parties avaient besoin d'être rectifiées. Je la fais faire d'une grandeur commode pour être mise dans une lettre de format in-12 à peu près. J'aurai l'honneur de vous l'envoyer aussitôt qu'elle sera achevée.

J'enverrai aussi à M. le baron de Schak l'itinéraire que j'ai préparé pour lui, aussitôt qu'il m'aura fait connaître qu'il peut lui être agréable.

Permettez que notre société commune trouve ici les assurances d'un souvenir qui ne peut plus s'effacer. Si M. Banzi est toujours à Genève, je vous prie de le saluer de ma part.

Si vos projets vous appelaient à traverser une partie de la France, vous ne vous repentiriez pas de traverser particulièrement l'Auvergne; c'est encore le plus beau pays que j'aie vu pour les sites, pour la fertilité, pour la douceur du climat, pour la population. Le voisinage du Mont-Blanc donne aux sites de Genève de la grandeur et de la majesté, mais, j'ose le dire, les sites de l'Auvergne ont plus de grâce et moins de nudité, plus d'ensemble, mais aussi moins de contrastes, et ils promettent plus de jouissances. Au reste, je dois l'avouer, des amis solides, une mère respectable sont bien faits pour embellir un séjour. Lorsque le cœur est rempli de sentiments délicieux, l'imagination ne lui porte en tribut que des tableaux riants, de charmantes illusions.

48.

De Lions en Auvergne, ce 9 Août 1788.

En formant le projet d'associer les deux cousins dans les études qui leur restent à faire, mon vœu unique a été et sera, tant que nous serons ensemble, que cette réunion soit profitable autant à l'un qu'à l'autre. Je désirerais qu'aux liens de parenté et de patriotisme qui les unissent, se joignissent encore les liens plus durables et plus solides peut-être, qui se forment si naturellement dans la jeunesse, lorsqu'on vit ensemble. A cet âge où tout plaît, les sentiments et les goûts s'identifient plus aisément; après un long commerce on se devient réciproquement plus nécessaire et si une amitié vraie s'établissait entre nos deux élèves, nous aurions l'assurance que l'un d'eux servirait de sauvegarde à l'autre dans les écueils de la vie et que le bon de cette éducation se perpétuerait par l'intérêt qu'ils se témoigneraient.

C'est du temps, et non de vous, Monsieur le baron, que j'attends la récompense des soins que je partage avec M. Demichel. Si nous sommes assez heureux pour atteindre au but que nous nous proposons, le succès nous remplira de contentement et de satisfaction, et alors nous bénirons ensemble la Providence qui aura fécondé nos vues.

A tout prendre, je suis convaincu que Popo gagnera encore plus que son cousin à cette réunion, alors c'est M. le comte et moi qui vous devrons des remerciments pour avoir consenti à cette association. Votre fils est d'un commerce si doux, si facile, il inspire un intérêt si vif, sa docilité en toute occasion est si supérieure à celle de Popo, que pour ces qualités précieuses il est très sûr que votre fils peut servir de modèle à son cousin.

V.

ПЕРЕПИСКА

гр. П. А. Строганова съ воспитателемъ Роммомъ
и съ двоюроднымъ братомъ бар. Г. А. Строгановымъ.

Изъ собственной Е. И. В. библіотеки
(Лобановскій отдѣлъ).

49.

Гр. Строгановъ Ромму.

Genève, 16 Avril 1788.

Monsieur Romme,

Ma conduite a dû faire de la peine à papa, cela n'est pas bien étonnant; je conçois que vous, papa et moi, vous voulez qu'elle cesse pour en prendre une autre meilleure; je prendrai la liberté de vous indiquer un moyen sûr de la faire cesser en peu de temps, c'est de m'accorder absolument la même liberté d'agir que mon cousin a. Quand vous avez conçu le projet de notre réunion, vous aviez projeté de mettre entre nous deux une égalité parfaite, puisque lorsque j'ai voulu faire faire un mors d'argent, vous avez voulu que je n'en fisse pas faire si mon cousin ne pouvait en avoir un pareil; maintenant au lieu de cette égalité que je désirerais avec tant d'ardeur, il y a une disproportionalité entre nous incroyable; il n'est pas étonnant de voir aussi entre nous cette différence de conduite que vous ferez cesser du moment même que vous mettrez de l'égalité entre nous.

Je vous demande donc de recevoir autant d'argent que mon cousin en reçoit, de pouvoir commander moi-même et sans votre intermède à tous ceux qui seront dans le cas de travailler pour moi, ensuite si vous trouvez que dans ce que j'ai commandé à mes ouvriers j'ai commandé quelque chose qui soit mauvais, vous m'en avertirez et je serai obligé d'y remédier dans l'espace de 3 jours et si au bout de ce terme

je n'y ai pas remédié, j'aurai complètement tort, et alors vous pourrez ordonner de cette mauvaise chose comme il vous plaira sans que je puisse vous rien répliquer, et pour que vous ne m'accordiez pas d'abuser de votre vue courte, mon cousin a bonne vue et vous pourrez lui faire examiner tout ce qu'il vous plaira. Pour quant à l'argent, je m'engage à vous donner le premier de chaque mois mon compte exact à 20 sols près, et si je ne le présente pas le premier de chaque mois je ne recevrai pas l'argent qui m'est dû; comme je ne pourrai pas effectuer cela de bien longtemps, vu que je vous dois beaucoup, je vous prierai de vouloir bien me faire remise de ce que je vous dois, excepté des 6 louis de ma jument. Je ne pourrai non plus jamais recevoir de l'argent dû pour le mois prochain.

Paul Stroganoff.

P. S. Pour que je ne puisse jamais contrevenir à cette règle, si vous voulez bien l'adopter, pour cause d'oubli, il faudra que je la lise une fois toutes les semaines ou plus souvent si vous le voulez, sans que je puisse m'en dispenser pour quelque cause que ce soit. Si vous voulez adopter ce que je vous propose, vous contenterez tout le monde, papa, vous et moi.

Гр. Строгановъ бар. Строганову.

50.

1788, Juin.

Je suis assez exact, comme vous voyez, à remplir nos conventions, car je vous écris le jour-même où que nous sommes convenus en partant. Je vous dirai pour renouvelle que votre cheval est toujours seul dans son écurie, et qu'en conséquence on n'a point fait faire de barrière en planches. Il est venu une personne voir votre cheval et les nôtres; car il est à remarquer que les nôtres sont aussi en vente; il a surtout remarqué ma jument, l'a trouvée fort jolie, mais il s'est retiré sans demander le prix d'aucun, et il n'est pas revenu.

M. Romme a écrit à M. Clément pour votre cheval et le sien: nous attendons maintenant sa réponse. Nous avons été dimanche dernier à Couson, chez M. Leroi; nous y avons été par la diligence de Neuville; nous sommes partis de Lyon à 8 heures par un brouillard très grand. Nous étions avec M. Piarent. Je ne vous dirai rien des bords de la Saônes, vous les connaissez mieux que moi. Pour moi je les trouve superbes. Nous avons vu à Couson les carrières et la maison de M. Poirre. Je ne vous dirai rien plus pour le moment de ce voyage; je me réserve à vous en parler plus amplement, quand nous nous reverrons.

Ecrivez-moi, je vous en prie, et racontez-moi les belles choses que vous avez vues, et dites-moi si vous avez déjà fait beaucoup de flir flan flir flan. Dites, je vous prie, bien des choses de ma part à M. Demichel. Ma lettre est déjà peut-être trop longue; mon verbiage doit vous ennuyer. Ainsi, adieu.

51.

De Lyon, du 17 Octobre 1788.

J'ai une assez mauvaise nouvelle à vous apprendre: vous savez bien que M. Romme avait écrit à M. Clément pour votre cheval et le sien; eh bien, nous avons reçu sa réponse; vous pensez bien que nous n'avons ouvert sa lettre qu'en tremblant, eh bien, il accepte le Gentil pour 25 louis et trouve que le vôtre serait trop payé avec la même somme; il dit que votre cheval a 12 ou 13 ans, et que c'est une folie que de donner 25 louis d'un cheval qui ne peut plus servir que quelques années.

Maintenant je veux vous dire que nous avons été, il y a quelques jours, à St Bel à cheval; nous y avons vu les mines, cependant nous ne sommes pas descendus dans les puits, il y en a qui ont 600 pieds de profondeur; nous en avons rapporté de très beaux morceaux. Je vous prie de me dispenser de vous faire la description de tout ce

que nous y avons vu. Nous avons été hier chez M. Le Camus avec M. Courvoisier; nous avons vu son cabinet, mais très imparfaitement; il nous a montré un morceau d'une pierre flexible; il nous a montré un cristal dans lequel il y a une grande quantité d'eau; ce qu'il y a de plus remarquable, c'est que l'espace, qui contient l'eau, a une forme très régulière. Il nous a montré un morceau de sel gemme contenant de l'eau; il nous a fait voir un morceau d'argent natif pur pesant 8 livres et demi, il a une balance, encore plus délicate que celle de la monnaie, qui trébuche à 1/700 de gramme; nous avons vu chez lui un habit complet de paysan russe. Allons, c'est assez, adieu.

52.

Гр. Строгановъ Ромму.

Dans l'écrit que j'ai sous les yeux vous me retracez vivement les dangers que je cours, si par une résolution ferme et irrévocable je ne parviens pas à déraciner le vice qui me poursuit; je suis bien reconnaissant de la vive sollicitude que vous ne cessez de me témoigner, car l'incertitude où vous paraissez toujours être sur le point de savoir si ou non je suis indifférent sur ma conduite, en est la preuve, mais permettez-moi de vous réitérer ici l'assurance que j'ai toujours fait la plus grande attention à tout ce que vous avez pu dire sur cet objet, j'en ai toutes les fois senti et j'en sens encore toute l'importance et si j'ai plusieurs fois succombé, c'est plutôt par un effet de la solitude que je recherche en effet depuis quelque temps, et dont je prends ici l'engagement de m'éloigner dorénavant autant que cela me sera possible. Je vous promets en outre de prendre la nuit les postures les plus convenables pour m'empêcher de tomber dans le vice qui me poursuit, et si cependant cela m'arrivait, je vous promets de vous en avertir le lendemain matin avec tous les détails possibles, pour ensuite aviser ensemble aux mesures à prendre pour m'empêcher d'y retomber; je ne vois point dans ce

moment-ci que je puisse prendre d'autres mesures; si vous en voyez d'autres j'y souscrirai avec plaisir; je crois qu'il serait absolument inutile de partir pour la Russie, et j'ai même très lieu de croire que cela serait plus dangereux qu'utile, d'ailleurs je vous assure que je me sens bien assez de force ici pour résister en évitant toutefois la solitude qui, comme je vous l'ai déjà dit, a été la principale cause que j'ai plusieurs fois succombé; je suis bien fâché que vous ne puissiez pas lire au fond de mon cœur comme moi-même, vous connaîtriez alors combien sont vifs les remords qui me poursuivent lorsque j'ai succombé; vous verriez les combats presque continuels, quoiqu'ils ne paraissent peut-être pas extérieurs, qui se livrent entre ma raison et ma sensualité, et certes vous ne tarderiez pas à vous persuader que je ne suis pas aussi indifférent que vous pouvez le croire sur moi-même, et je ne doute pas qu'alors vous ne m'estimiez plus que vous ne le faites peut-être. Il est possible que vous ne vouliez pas croire ce que je vous dis, j'en serais très fâché, je ne sais quels moyens je devrais prendre pour vous le persuader, car ces sortes de choses n'ayant pour témoin que moi-même, vous devez bien vous en rapporter à moi, et je ne puis faire autre chose que de vous en attester la vérité.

Ce 6 Mai
1790.
Paris.

53.

Гр. Строгановъ Демишелю.

Novembre 1790.

Je viens de lire dans l'instant, Monsieur, la lettre que vous avez écrite à M. Romme; quoique vous annonciez que ce qu'elle contient ne soient que des conjectures, il me semble qu'elles sont assez fondées, pour que nous prenions d'avance toutes les mesures qui sont en notre

pouvoir, pour conjecturer autant qu'il sera possible l'orage qui paraît prêt à éclater; en conséquence nous acceptons l'offre officieuse que vous voulez bien nous faire. Vous dites dans votre lettre qu'on m'accuse d'avoir signé, avec quelques autres Russes, une adresse à l'Assemblée Nationale pour demander une place dans le cirque lors de la fédération du 14 Juillet, et vous ajoutez que si cela se vérifiait, il me serait défendu de rentrer en Russie. La chose n'est nullement vraie, car je n'ai eu connaissance de l'adresse que lorsqu'elle a été lue à la barre de l'Assemblée. Si on a pris ce prétexte, parce qu'on n'en connaît pas d'autre, ce n'est pas qu'il en manque; je suis membre du club des jacobins, j'ai été deux fois en députation à la barre de l'Assemblée et notamment une fois avec de nature qui ont rendu un hommage plus net à l'univers; j'assistais presque tous les jours aux séances de l'Assemblée Nationale, je prenais des notes et d'ailleurs toute ma conduite depuis la Révolution marque assez clairement ma façon de penser; ainsi si on veut absolument me trouver coupable, on ne manquera pas de faits à cet égard, mais je ne crains rien, parce que mes intentions sont pures, je ne suis point un séditieux, mais j'aime la justice et je me range de son côté partout où je la trouve. Dans une lettre que j'ai écrite par une occasion particulière à mon père et où par conséquent je pouvais m'ouvrir davantage avec lui, je lui ai témoigné, combien j'admirais la Révolution, mais en même temps, je lui ai fait connaître, combien je croyais qu'une pareille révolution serait impraticable en Russie; mais ce que vous nous avez mandé ne m'étonne nullement. Mon père, je ne peux me le dissimuler, est extrêmement faible, il est entouré de personnes qui depuis longtemps n'ont cessé de ternir M. Romme dans son esprit autant qu'il leur a été possible; vous savez que mon père a déjà succombé une fois et j'ai tout lieu de croire que ce sont les mêmes personnes qui, encore cette fois-ci, l'ont emporté. Vous devez sentir, Monsieur, combien il serait douloureux pour moi de me séparer en ce moment de M. Romme. On croit sans doute qu'on me fera changer d'opinion, comme une girouette tourne lorsque le vent change, mais la girouette s'est fixée sur son pivot, le vent

la fera plutôt casser, que de la faire tourner. Mes opinions dans ce moment sont établies sur des principes de justice, de raison, de sentiment qui ne s'effaceront pas aisément de mon âme. Toutes les horreurs du despotisme ont été dévoilées à mes yeux, j'ai vu tout un peuple en ayant horreur lever l'étendard de la liberté et secouant son joug dans un instant; non, je ne l'oublierai jamais cet instant-là, la voix agréable de la liberté s'est fait entendre trop voluptueusement à mon oreille pour que je puisse désormais endurer patiemment les sons aigres du despotisme; or, je ne puis me dissimuler que ce despotisme n'existe dans mon pays, je ne puis me dissimuler qu'à ma rentrée en Russie je ne sois entouré d'une foule d'ennemis et que non seulement ils m'ôteront tous les moyens de rendre le peu de service que je serais en état de rendre à mes concitoyens, mais encore, comme ils sont tout-puissants, ils me nuiront, à moi personnellement, non pas en empêchant mon avancement, car je ne suis pas ambitieux et d'ailleurs je ne me sens pas disposé à exposer ma vie pour le caprice d'une femme ambitieuse; mon sang et ma fortune appartiennent à mes concitoyens; qu'ils en disposent, ils ne trouveront point en moi un récalcitrant; la magistrature chez nous n'est rien et je sais comme elle s'acquiert; dans la carrière diplomatique on ne peut réussir qu'avec l'astuce, et je ne suis point enclin à l'espionnage, ainsi ce n'est point dans ces deux carrières que je crains qu'ils me desservent, mais ils ont en leur pouvoir mille moyens d'arrêter les meilleures vues. Non, non, le tableau des malheurs qui m'attendent à mon retour en Russie est peint avec des couleurs trop fortes pour que je n'oppose pas à toute mesure qui tendrait à me faire rentrer en Russie dans ce moment, par conséquent à celle qui me ferait changer de gouvernement, la résistance la plus vigoureuse; si dès longtemps je n'ai pas pris la résolution de ne plus rentrer en Russie, c'est que j'ai été balancé par le respect que je devais à mon père. Il a trop fait pour moi, je le sens trop bien, pour que je ne cherche pas à lui en témoigner ma reconnaissance par tous les moyens qui sont en moi. Si donc on me défendait de reparaître en Russie, c'est dans mon opinion ce qui

pourrait m'arriver de plus heureux. J'ai été élevé avec rudesse et je ne craindrais point les fatigues que m'imposerait la profession que je prendrais pour gagner ma vie. Si ma signature supposée de l'adresse à l'Assemblée Nationale pour avoir une place à la fédération a été un grief suffisant pour faire prononcer contre moi cet arrêt, on ne manque pas d'autre grief pour le confirmer.

Гр. Строгановъ Ромму.

54.

Metz, ce 9 Décembre 1790.

Nous sommes arrivés ici hier en bonne santé; notre voiture n'était pas de même, il n'est pas passé 24 heures sans un ou plusieurs accidents; je ne sais pas si nous pourrons la garder passé Strasbourg. Je ne sais quel guignon nous avons eu, mais dans presque toutes les auberges où nous nous sommes arrêtés, nous avons trouvé des aristocrates; le maître de poste de Verdun nous a assuré qu'un avocat des environs qui était fort aimé et qui était sûr d'être nommé juge de paix, ne l'a pas été parce qu'il avait dit qu'on devait choisir un ami de la nouvelle constitution et qu'il l'était; d'ailleurs il n'est pas étonnant que ce maître de poste soit aristocrate, il a été 18 ans fermier des biens ecclésiastiques et maintenant il se trouve dépossédé.

Je n'ai pas remarqué, que M. Novosiltzow fût fort instruit, je ne lui ai pas remarqué de mauvaises qualités; il est fort doux, fort honnête, point despote envers les domestiques, mais ce n'est point en courant la poste qu'on peut bien connaître le caractère d'une personne; nous venons de courir Metz, nous avons vu dans la cathédrale une cuve de porphyre d'un seul morceau; elle peut avoir 6 pieds de long sur 3 pieds de large. Je vous prie de dire à Sponville que j'ai remis à Mlle Jaunet la lettre dont il m'avait chargé pour elle; j'ai été bien fâché de ne pas pouvoir la voir un peu longuement, j'étais attendu par mes

compagnons de voyage pour voir la ville. Je n'ai pas le temps de vous écrire plus longuement. Dites bien des choses de ma part à toutes nos connaissances. André, M. Demichel et M. Novosiltzow me chargent de vous dire bien des choses; je vous prie de m'écrire à Strasbourg comme je vous en ai prié. Bosc m'a promis de vous y inviter.

Paul Otcher *)

Ayant un instant dans ce moment-ci André Voronikhine salue à l'ami de l'humanité Gilbert Romme.

55.

Strasbourg, ce 11 Décembre 1790.

Nous sommes arrivés ici ce matin en fort bonne santé, mais notre voiture délabrée à un tel point que nous sommes fermement décidés à la laisser ici et à en acheter une autre. J'ai écrit aujourd'hui à mon père et quoique je sache fort bien que vous soyez marqué du sceau de la réprobation et que ma lettre sera décachetée je n'ai point hésité à témoigner à mon père combien un pareil ordre me causait de regrets et m'était pénible à exécuter. Certainement je n'ai point oublié le conseil que Mme d'Harville et vous m'avez donné d'user de la plus grande prudence, mais je ne crois pas cependant qu'il faille devenir hypocrite et cacher des sentiments comme ceux-là; j'aimerais toujours mieux être victime du despotisme avec une conscience pure que de l'avoir bourrelée et déchirée de remords pour éviter ses coups, ils doi-

*) Paul Otcher—псевдонимъ гр. П. А. Строганова, имъ самимъ избранный. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, неизвѣстно кому адресованномъ и невполнѣ сохранившемся, гр. Строгановъ пишетъ: «Pour que j'y sois absolument incognito il m'a conseillé de changer de nom, et j'ai pris celui de *Otcher* à cause de notre fabrique de fer d'Otcher, qui est en Sibérie». Рѣчка Очеръ въ Оханскомъ уѣздѣ Пермской губерніи составляетъ правый притокъ Камы; на этой р. Очеръ былъ основанъ въ 1761 году графомъ А. С. Строгановымъ чугунолитейный и желѣзодѣлательный заводъ, названный, по рѣчкѣ, Очерскимъ.

vent se briser contre l'honnête homme comme les flots de la mer contre le rocher, qui reste inébranlable dans son sein. Voilà de belles phrases, me direz-vous, il ne suffit pas de les écrire, il faut les exécuter; je vous promets de faire mon possible pour le faire.

Dernièrement dans la calèche la conversation est tombée sur les injustices qui se commettent en Russie dans la distribution des places et sur le mépris que méritent les courtisans; j'ai vu avec plaisir Novosiltzow raisonner fort juste sur ces choses-là; je remarque en lui d'excellentes qualités, mais je vois avec douleur qu'il est très enclin à la mollesse et je ne me sens pas encore le courage de lui faire des représentations. J'attends la lettre que vous devez m'écrire ici avec une grande impatience. Je vous prie de dire bien des choses de ma part à toutes nos connaissances; je compte écrire d'ici à M. Dubreuil.

56.

Strasbourg, ce 14 Décembre 1790.

J'ai reçu hier les lettres que vous et Bosc m'avez écrites et dans lesquelles j'ai trouvé d'excellents conseils que je tâcherai autant que je pourrai de mettre à profit. Je profite du dernier moment qu'il me reste pour vous écrire encore une fois; je n'aurai peut-être de si longtemps le plaisir de m'entretenir librement avec mes bons amis qu'il faut que j'y emploie le peu de moments qu'il me reste. C'est lorsqu'on est séparé de ses amis qu'on en sent tout le prix; vous savez que je ne me soumets pas toujours de grand cœur aux privations que vous étiez dans le cas d'exiger de moi, et je me souviens que cela me mettait quelquefois de fort mauvaise humeur, mais dans ce moment-ci, quand je considère combien ces petits désagréments momentanés sont peu de chose en comparaison de ceux que je vais être dans le cas d'essuyer, je vous avoue que quand je fais ces réflexions, cela réveille en moi des souvenirs bien agréables, mais qui sont bientôt

suivis de regrets bien amers. Que j'aime à passer en revue les moments délicieux que nous avons passés ensemble d'abord voyageant en Russie, en profitant de la belle saison et retournant auprès de mon père après avoir étudié les mœurs et l'industrie d'une certaine étendue de pays! Quand je passe ensuite au moment où nous avons quitté la Russie, avec quelle douceur ne me rappelai-je pas les agréables moments que nous avons passés à Genève, entourés de gens estimables d'un commerce doux et facile; je passe de là à nos voyages, tant à pied qu'à cheval, à nos séjours agréables en Auvergne au sein de votre famille et de vos amis. Lorsqu'enfin j'arrive au moment où nous avons vu à Paris un peuple entier saisissant avec enthousiasme le bonnet de la liberté, faire tomber à sa vue tous les vils tyrans qui le menaçaient, lorsque, dis-je, je pense à cette belle révolution dont nous avons été les témoins et que je soulève à l'instant un des coins du voile qui me cache l'avenir, avec quelle horreur j'envisage le spectre hideux du despotisme. Je n'ose en supporter la vue de loin et cependant il faut que je l'approche, que je le voie dans son entier, et cependant que je concentre en moi-même toute l'horreur que m'inspirera une chose aussi difficile, je dois la faire à 18 ans, à un âge où par cela même qu'on est plus pur, on se contient plus difficilement sur les choses qui blessent la droiture et le véritable honneur. Oh, mon ami, que cette tâche est difficile! A 18 ans être chargé seul de sa propre éducation, être le conservateur de son innocence au milieu de la corruption la plus effrénée,—cette idée, je vous l'avoue, m'effraie. O mon cher Bosc, si j'ai jamais le plaisir de vous revoir et que vous ne trouviez pas ma physionomie aussi bonne que je l'ai tout à l'heure, je vous en conjure, mon cher ami, ayez de l'indulgence, vous voyez dans quelle situation pénible je me trouve, je vais être privé d'une correspondance libre avec vous, c'est la dernière lettre que je vous écris, dans laquelle il me soit permis de m'ouvrir librement avec vous. J'ai parlé sur cet objet ce matin avec M. Demichel, et nous sommes convenus que tout ce que je pourrais faire, c'était de jeter tous les jours mes idées sur le papier et de vous les faire passer lorsque je trouverais une occasion

sûre; vous pourrez adresser vos lettres à M. Demichel qui me les fera passer, lorsqu'il en trouvera des occasions sûres; au reste, il m'a promis de vous écrire par ce courrier et d'entrer dans de plus grands détails sur cet objet. Je ne peux jusqu'à présent que me louer de mon compagnon de voyage, je vais vous citer de lui un trait qui vous fera plaisir: nous causions dernièrement sur l'habitude de prendre du tabac, il convint avec moi du ridicule qu'il y avait à se mettre de la poussière dans le nez pour le vain plaisir de montrer une belle tabatière et aussitôt il prit sa tabatière, jeta tout le tabac qu'elle contenait, me promit de ne plus en prendre, et il a tenu parole quoiqu'on lui en ait offert quelquefois, cela m'a fait beaucoup de plaisir; au reste, j'ai toujours remarqué qu'il était obéissant à la voix de la raison. La seule chose sur laquelle il se montre faible, c'est la bonne chère; il a un estomac délabré et néanmoins il ne sait pas résister à la tentation de manger les bonnes choses qu'on lui offre; pour quant à la boisson, il fait un usage très modéré des liqueurs fermentées; dans sa conversation il se montre toujours très sage, et je puis assurer que je ne lui ai pas entendu tenir un seul propos dont les mœurs les plus austères et la décence la plus scrupuleuse auraient pu être blessées le moins du monde; ceci est fort étonnant pour un jeune homme qui était son maître depuis 14 ans n'ayant pour compagnons que des pages et un frère aîné qui a perdu sa fortune et sa raison dans le libertinage le plus effréné; il n'a aucune instruction, mais je lui crois le désir d'en acquérir. Adieu, mes bons amis, je vous prie de dire bien des choses de ma part à tous ceux qui ont bien voulu m'accorder quelque estime, qu'ils m'accompagnent avec vous de leurs vœux dans la carrière périlleuse que je vais parcourir. J'oubliais de vous dire que M. Demichel ma fait présent d'un extrait des principes sur l'éducation que contient Emile; vous devez avoir une copie de cet extrait que vous avez fait avec lui à Pétersbourg dans le temps qu'il demeurait encore chez mon père; ce cadeau m'a fait extrêmement plaisir et m'est fort précieux.

Роммъ гр. Строганову.

57.

Je vous présente une montre et quatorze louis, et je vous fais remise des avances que je vous ai faites sur votre dernière dépense. Voilà les étrennes que je vous destinais, mais ce n'est plus à ce titre que je vous fais cette offre, puisque vous avez été assez peu confiant pour ne pas y compter, et assez faible et ennemi de vous-même pour vous abandonner au plaisir crapuleux de la paresse et de l'inaction plutôt que de venir au milieu de nous tous partager le contentement commun. Vous l'auriez augmenté, et c'eût été pour moi l'étrenne la plus agréable. Si vous vous étiez montré triomphant de vous-même et bien résolu de combattre le penchant honteux qui vous domine, en étouffant en vous les bons sentiments et la raison qui devraient vous ramener à vous et à vos devoirs.

Je vous exhorte à faire un bon usage de l'argent que je vous confie, à modérer vos désirs et à mettre le plus grand ordre dans votre dépense, car si les abus se multiplient, je serai forcé de reprendre moi-même le soin que je vous ai confié de votre propre dépense, afin d'y mettre des bornes raisonnables en attendant que vous deveniez plus maître de vous-même, et que vous effaciez par votre conduite le souvenir de la conversation que nous avons eue au Locle.

Genève, ce 1er Janvier 1788.

58.

Une grande inquiétude me poursuit, et vous en êtes l'objet. Les opérations de l'Assemblée Nationale qui intéressent ma patrie, qui occupent l'attention de l'Europe entière sont sans intérêt pour moi, depuis que je vois votre indifférence bien coupable sur les dangers qui vous menacent et que je vous ai fait connaître plusieurs fois.

Vous m'avez témoigné un instant de confiance par des aveux qu'il était urgent de déposer dans un cœur qui vous est dévoué. J'y ai répondu par les peintures fidèles que je vous ai faites des horreurs successives qui composent la chaine de maux dont vous tenez le premier anneau. Mes études m'ont fait connaître ce que la circonstance, où vous vous trouvez, offre de fâcheux et de sinistre par les suites inévitables qui en dérivent, si l'on n'oppose promptement une barrière puissante. Et cependant vous êtes inattentif, votre confiance se retire de moi et vous paraissez ne point vous occuper de votre conduite à cet égard. Votre résolution est pourtant nécessaire et doit faire le triomphe de votre éducation ou sa honte.

Vous semblez fuir un entretien, craignez-vous donc de me faire voir vous-même ce que, pour vous-même, il est si important de faire connaître, et si difficile de cacher? Toute insouciance sur cet objet est dangereuse, tout mystère est un crime, puisqu'ils tendent à enraciner l'habitude que je veux combattre.

Il ne s'agit de rien moins que d'arrêter un mal qui deviendrait infailliblement l'opprobre et le crime de votre vie entière. Le temps presse, l'ennemi est à votre porte, déjà il s'empare de vous; la solitude que vous paraissez chercher, favorise ses attaques; ne pensez pas que vous puissiez composer avec lui et le soumettre graduellement. Si vous ne prenez pas une résolution ferme, absolue et irrévocable, si cette résolution n'est pas votre pensée de tous les instants, si elle ne préside pas à vos rêves mêmes, vous serez bientôt vaincu. Mais pour prendre une résolution courageuse, défiez-vous de vous-même, armez-vous de toutes les précautions de surveillance que demande l'importance de l'objet, et si mes lumières, si mon dévouement ne sont d'aucun prix pour vous, s'ils n'ont qu'une faible influence sur votre détermination, au moins pensez que si mon premier devoir a été de vous avertir, le second est de vous demander de chercher promptement un homme éclairé, prudent et qui vous inspire assez de confiance pour vous tirer de la fange où vous vous précipitez; il vous faut un père ou un ami.

J'ai ambitionné d'être l'un en vous tenant lieu de l'autre, mais onze ans d'expérience m'ont assez fait connaitre ce que je pouvais espérer à cet égard, pour m'affliger de vos dispositions; quels que soient les soins qu'on vous donnera, ils seront sans succès, si vous ne les fortifiez pas vous-même par votre propre volonté.

Réfléchissez sérieusement à l'objet de cet écrit; il ne s'agit plus de nous cacher vos pensées, vous devez vous montrer sans détour et sans réserve, si vous ne voulez point vous livrer à un vice qui consumerait toutes vos facultés et toutes les espérances de votre carrière. Prenez donc un parti, qui est de vous occuper des mesures les plus sûres pour affermir votre résolution, et s'il faut l'ascendant paternel pour la décider complètement, partons, rien ne doit nous arrêter, puisqu'il s'agit de l'intérêt de toute votre vie.

Paris, ce 5 Mai 1790.

Vous voudrez bien me répondre par écrit, et si vous le jugez convenable après vous être recueilli, vous annoncerez votre résolution à votre père.

59.

On a pu nous séparer, mon bon ami, on a pu arrêter les progrès de votre éducation et m'interdire toute influence sur vous, sans qu'on ait articulé encore d'autre reproche que ma conduite dans la Révolution, c'est-à-dire, mon amour pour ma patrie. Serait-ce donc un crime que d'aimer la justice, d'aimer la vérité et de se montrer sensible au triomphe de l'une et de l'autre pour le bonheur de ces concitoyens? Sans doute, c'est ainsi que le pensent nos vils délateurs, mais gardons-nous de croire que ce motif seul ait déterminé l'ordre qui a forcé votre père à me retirer sa confiance. La calomnie a fait jouer des ressorts que nous ignorons. Quels qu'ils soient, je pardonne à ces malheureux d'avoir essayé de me flétrir dans l'opinion de quelques personnes, sans doute inaccessibles à la vérité, puisqu'elles ne sont pas parvenues à la connaitre; mais qu'ils respectent votre innocence,

qu'ils respectent cette piété filiale qui vous a fait tout subordonner à la tranquillité de votre père et qui peut devenir la source des plus grandes vertus. Continuez, mon tendre ami, des sentiments aussi généreux ne peuvent vous égarer. C'est de vous-même dont vous devez vous occuper désormais, c'est de votre propre éducation dont vous êtes aujourd'hui chargé seul. Oublions les coupables auteurs de notre séparation, oubliez ma propre cause pour ne vous occuper que de la vôtre et vous éviterez de grandes amertumes. Je sens tous les avantages d'une correspondance entre nous, mais elle demande une prudence et une maturité si difficiles à votre âge, que j'en crains plus les suites que je n'en désire le succès. Personnellement je pourrais tout oser et tout dire, puisque mes intentions n'ont jamais été de nature à devoir être cachées. J'avais l'ambition de faire de vous un homme, et l'on veut que vous ayez tout à craindre si vous osez vous montrer tel! O, mon ami, s'il est vrai que celui-là est homme qui a le courage des grandes vertus, qui parle peu, mais qui agit bien, qui préfère par dessus tout la vérité et la justice, qui cultive sa raison pour mieux pratiquer l'humanité, qui commande à ses passions et a une pleine jouissance de lui-même, qui connait le prix de l'amitié et cherche dans ce sentiment de l'encouragement et des consolations, — si tel est l'homme, non seulement ne rougissez pas de vouloir être tel, mais que tous vos efforts tendent à le devenir.

Mais s'il est vrai, comme je le pense, que ce ne sont point ces résultats qu'on redoute, mais qu'on improuve les moyens employés pour les obtenir, si notre séjour à Paris n'a été qu'un prétexte ou un surcroît de mécontentement qui a servi à faire éclater celui qu'on nourrissait depuis longtemps, la séparation étant faite, c'est sur vous seul que se dirigeront les soupçons. On cherchera dans votre conduite, dans vos propos, quelques traces des principes, supposés coupables, que vous avez pu recevoir de moi; et votre fidélité à ces principes, si votre conduite n'était pas très ouverte et très pure, votre attachement pour moi, indiscrètement manifesté, pourraient vous exposer à la malveillance de vos supérieurs.

Votre premier soin, pour éviter toute censure, doit donc être que vous vous montriez tout de suite l'ami de votre patrie et que vous vous y naturalisiez, pour ainsi dire, autant qu'il sera possible. Que vos études soient dirigées d'après ce sentiment. Prenez connaissance, ou plutôt continuez l'étude que nous avons commencée ensemble, de la géographie, des productions, du commerce, des arts, de l'histoire naturelle, des mœurs de votre pays et ne vous occupez désormais du reste de l'Europe que dans ses rapports avec la Russie. Vous avez besoin de travailler sur vous-même, défiez-vous souvent de votre propre jugement. La modestie doit être une de vos premières vertus, votre raison y gagnera plus de maturité, les idées d'autrui viendront plus sûrement se marier aux vôtres et le soupçon s'éloignera de vous. Vous aigrirez, au contraire, les esprits par un caractère entier et imployable ou par la suffisance. A votre âge la modestie rend discret sans trahir la vérité; dans un âge plus avancé la candeur, l'aménité, une franchise simple et sans prétention font écouter la vérité et n'irritent personne.

La collection des modèles que nous avons fait faire ici, les livres que vous avez rassemblés, le genre de connaissances que vos voyages vous ont mis à portée de recueillir dans différents ateliers, peuvent être un hommage utile à votre patrie: c'est dans cette intention que nous nous en sommes occupés.

Si des idées passagères ont produit parfois des désirs étrangers à ceux-là, votre devoir, vos premiers sentiments, je dirais vos habitudes mêmes, ont servi à les combattre, et vous en avez triomphé sans peine toutes les fois qu'ils contrariaient votre attachement pour l'auteur de vos jours.

En limitant vos vues, en vous renfermant dans des objets que votre âge et votre position comportent, en montrant pour votre patrie la sollicitude d'un homme de bien et d'un bon esprit, en vous montrant soumis aux lois et à l'ordre établi, en respectant la religion et les usages du pays, en remplissant avec zèle et exactitude les devoirs du poste où vous serez placé, la censure et le soupçon ne troubleront pas votre repos et vous pourrez tranquillement suivre vos études.

Quelques personnes ont mis en question, si l'on vous permettrait de vous livrer à l'étude, mais comment dans un pays, où l'on appelle à grands frais les professeurs étrangers, où le prince qui a régné avec tant de gloire a dit à un jeune homme qui avait acquis de l'instruction dans ses voyages, en y mêlant quelques talents agréables: «Je te pardonne de savoir danser», et qui a lui-même montré des talents distingués dans des parties utiles, dans un pays, où les écoles normales se sont établies avec tant de rapidité et avec une surveillance aussi active de la part de l'impératrice, peut-on lever un semblable doute? C'est de vous-même, du climat, des mœurs du pays et de la confiance plus ou moins bien établie en faveur de l'instruction que naîtront les obstacles contre lesquels vous aurez à lutter, et soyez convaincu que tous les efforts que vous ferez pour vous élever à une certaine instruction, si elle est solide et bien choisie, vous mériteront l'estime publique et l'attention de vos supérieurs. C'est donc une fausse terreur qu'on a cherché à vous inspirer, et vous devez vous mettre en garde contre les insinuations qui vous seront dictées par la pusillanimité de quelques esprits serviles ou visionnaires.

Si vous pouvez étudier, vous le devez: votre tranquillité, les succès auxquels vous devez aspirer, l'accueil de vos supérieurs en dépendent. C'est du désœuvrement que vous devez vous défendre, car c'est le désœuvrement qui vous livrera à tous les dangers de votre inexpérience, qui seront augmentés encore par la fougue de votre âge. Si vous ne vous occupez pas beaucoup, si vous ne remplissez pas tous vos instants, l'ennui s'emparera de vous, vous chercherez, comme l'on dit, à tuer le temps, et c'est le temps mal employé qui vous tuera.

C'est donc pour votre propre intérêt, mon ami, c'est pour le bien de ceux qui dépendront de vous, et pour lesquels un bienfait pour être durable et utile doit être éclairé, que je vous demande de consacrer tous les jours et régulièrement une partie de votre temps à vous affermir dans les connaissances que vous avez acquises, à les étendre et à y en ajouter de nouvelles aussi propres à éloigner de vous la frivolité. Composez-vous en conséquence une bibliothèque

peu étendue, mais bien choisie, placez les modèles, que je dois vous envoyer, de manière à pouvoir les étudier et les faire connaître sans un grand déplacement.

Vous ne pouvez lutter avec succès contre l'influence du climat que par la sobriété et le choix dans votre nourriture, par un exercice journalier, quelque temps qu'il fasse, par l'attention à rejeter un grand nombre de précautions dont le luxe et la mollesse entourent les gens opulents, qui rarement sentent que c'est par l'inaction et en ne refusant rien à leurs désirs qu'ils s'exposent à toutes les infirmités qui menacent l'espèce humaine et qu'ils paralysent presque absolument leurs facultés intellectuelles. L'art de faire un imbécile ou un maniaque se réduit à ne rien faire, à ne rien refuser à ses sens, à éloigner tous les stimulants de l'adversité.

Le régime que vous avez suivi jusqu'à présent peut être encore perfectionné. Vous y avez résisté dans les commencements parce que vous en méconnaissiez le prix. Vous vous y êtes livré cependant peu à peu, d'abord par imitation, ensuite par habitude et il a perdu alors de son âpreté. Il vous a mis à l'abri de l'influence de l'air et des hommes. Votre propre expérience, votre raison vous font donc un devoir de le continuer avec les modifications qu'un nouvel ordre de choses va nécessiter. Il ne vous en coûtera pas de le continuer, il vous coûterait beaucoup d'y revenir après l'avoir abandonné.

Mais comment résister à des invitations, à des exemples contraires, comment supporter le ridicule dont chercheront à vous couvrir quelques oiseux, qui, ne sachant pas ou ne voulant pas se rendre estimables comme vous, chercheront à vous avilir comme eux en faisant passer dans votre conduite l'insouciance, l'incohérence et la stérilité de la leur?

C'est ici le plus grand écueil. Vous ne pouvez l'éviter complètement. On vous fera un devoir de vous présenter au moins aux fêtes, aux bals, aux repas splendides qui se succèdent si rapidement dans la capitale que vous allez habiter. Vous ne pourrez pas vous dispenser d'y paraître quelquefois. Soyez y spectateur, n'y soyez acteur qu'à votre corps défendant, partout observateur, mais jamais censeur. Que

vos yeux et vos oreilles soient ouverts, mais que le doigt soit sur la bouche. Rappelez-vous ici l'entretien que vous avez eu avec Mme d'Harville. Elle a vécu à la Cour, elle a su y être aimable et s'y faire des partisans par les ressources de son esprit, sans qu'elle y ait été subjuguée par la frivolité. Elle a su tout voir, tout observer sans mécontenter personne, et vous pouvez juger si le bon sens, les saines lumières ont perdu chez elle de leur intensité par l'influence des illustres mannequins, au milieu desquels elle a vécu.

Vous ne pouvez pas vous présenter dans la société avec les mêmes avantages; votre âge, la dépendance où les jeunes militaires sont de leurs supérieurs, même au milieu des jeux et des plaisirs, vous empêcheront d'y prendre l'attitude, les manières qui conviendraient à votre caractère, aussi vous dirai-je: n'y allez que par devoir, et que tous vos goûts se portent à une petite société choisie, où l'on puisse se reposer un peu des fatigues de l'étiquette et déployer sa raison. La maison de Mme Zagriajski est la seule, à ma connaissance, où je pense que vous puissiez trouver le genre d'intérêt qui vous convient.

Mais ne perdez jamais de vue que les sociétés les mieux choisies ne doivent être regardées que comme des moyens de délassement, où l'homme sensé vient se reposer des fatigues. C'est dans ses actions, dans la manière dont il s'acquitte des fonctions, qu'on lui a confiées, qu'il déploie tous les moyens, qu'il donne toutes ses forces. Il abandonne la gloire d'un succès dans la société à ceux qui sont avides de cette fumée d'éloges que provoque la jactance.

Portez du zèle, de l'exactitude, du dévouement et de l'intelligence dans toutes les fonctions qui seront attachées à votre place, mais que la solitude et le recueillement vous aient auparavant préparé à bien servir votre patrie. Vous pourrez ensuite laisser bourdonner autour de vous les frelons de l'envie. Ce n'est point à des succès locaux et éphémères que vous devez aspirer, ce n'est point à des petites censures individuelles que vous devez vous arrêter. Vous devez toute votre existence morale et physique à la vérité, à la justice, à l'ordre et au bonheur du plus grand nombre. Voilà une tâche digne de vous.

Pour que vous trouviez toujours de l'agrément dans votre retraite, que votre appartement soit simple, propre, commode, peu étendu et bien exposé; que vous y trouviez toutes les ressources qui conviennent à vos vues. Ayez votre table particulière, où vous puissiez retrouver les souvenirs de Kiew et de Genève, où vos amis seront traités comme vous-même sans distinction, sans étiquette et sans apprêt. Chauffez peu votre appartement. Que le bon Voronikhin en occupe un petit coin et qu'il vive avec vous. Tâchez d'avoir pour tout serviteur Pavel, qui dans les circonstances laborieuses pourra toujours se faire aider. Evitez avec le plus grand soin d'être seul dans aucun cas, la présence d'un homme estimable vous rendra plus fort contre vos propres faiblesses et vous encouragera dans l'exécution du plan que vous vous tracerez. C'est de votre attention à développer et conserver vos forces physiques que dépendront le développement et la force de votre caractère et de votre entendement.

Votre père demande toute votre attention et doit sans cesse réveiller toute votre sollicitude. Que vos soins et votre empressement auprès de lui lui offrent des consolations, et qu'il trouve auprès de vous plus d'agrément qu'auprès de qui que ce soit. Vous vous préparerez par là de grandes jouissances en prenant des mesures prudentes pour garantir la vieillesse de votre père de tous les maux qui la menacent. Ecrivez à votre mère de Vienne et de Pétersbourg. Vous la verrez ensuite, lorsque votre père vous le conseillera, mais que votre domicile soit à Pétersbourg, à moins que vous n'entrepreniez un grand voyage pour prendre connaissance des affaires domestiques de votre père, qui tôt ou tard doivent devenir une de vos premières occupations.

Ayez sans cesse sous vos yeux dans votre appartement le portrait de votre père et celui du comte Golovkin, et en voyant ce dernier, dites, mon tendre ami, qu'il sut faire le bien, qu'il sentit le prix de la sobriété, de l'économie, de la retraite et de l'étude et qu'il chercha ses plus douces jouissances dans le contentement de soi et dans l'amitié qu'il connut si bien et qu'il ne trahit jamais.

Mon premier vœu serait que votre appartement fût le seul et unique foyer de vos plus pures délices, qu'il ne fût accessible qu'à l'amitié ou à des personnes dignes de votre estime. Vous aurez besoin de conseils et d'appui dans la carrière épineuse qui s'ouvre devant vous.

J'aurais voulu vous rappeler tous les bons principes de conduite, vous remettre sous les yeux les bons modèles que nous avons rencontrés dans nos voyages, tous les objets utiles qui doivent occuper votre pensée, mais la célérité, qu'on a mise dans votre départ, le peu de séjour que vous ferez probablement à Strasbourg, l'inconvénient qu'il y aurait à vous écrire au-delà des frontières de la France sont des obstacles impérieux qui m'empêchent de vous dire dans deux fois 24 heures tout ce qu'une expérience de douze ans passés avec vous peut m'avoir appris, et de vous le dire de manière à vous faire aimer la vérité et à la graver profondément dans votre souvenir.

Je m'en rapporte à votre discrétion pour m'écrire; je ne douterai point de votre empressement, mais je douterai de l'efficacité des mesures qu'il vous sera permis de prendre. Mais je vous invite, par tout ce que vos souvenirs ont de plus cher, à écrire tous les jours une question, un vœu, une pensée sur votre propre éducation; vous m'en adresseriez une copie, quand la Providence vous en fournirait l'occasion, et je répondrais aussi bien que je le pourrais.

Dans tous les temps comptez sur mon attachement, puisque c'est tout ce qu'il m'est permis de vous offrir, et pensez quelquefois que le plus grand de mes tourments sera désormais d'ignorer votre destinée. Embrassez Demichel et Voronikhin pour moi et qu'ils vous le rendent.

A Paris, dans l'appartement et sous les yeux de sieur Bosc, le 9 Décembre 1790.

60.

Strasbourg, le 14 Mars 1792.

Vous m'avez délivré d'un fardeau bien pesant, mon cher Otcher, en me donnant de vos nouvelles. Je ne savais à quoi attribuer un

silence qui s'accordait si peu avec les sentiments que je vous connais. Je sais combien il vous en coûte pour vous déterminer à écrire, mais je sais aussi de quels efforts vous êtes capable, lorsque vous jugez qu'une lettre peut être utile à la tranquillité de vos amis. C'est beaucoup de m'avoir écrit et de l'avoir fait avec la franchise qui vous est naturelle; mais souffrez que j'ose vous dire que ce n'est point encore assez. Je ne connais qu'un langage avec vous, celui de la vérité, je n'en emploierai jamais d'autre. Je ne serais pas digne des sentiments que vous me conservez encore, si j'étais capable d'user avec vous de cette flatterie que vous aviez si fort en horreur. Je pense, mon bon ami, que vous avez des torts réels envers M..... et que vous devez vous empresser de les réparer. Vous connaissez la vive sensibilité de cet homme respectable; depuis un an et plus vous en êtes séparé et vous ne lui avez point encore donné de vos nouvelles! Réfléchissez sur cette conduite et vous sentirez bientôt ce qu'elle a de répréhensible. Il est des devoirs qu'aucune considération humaine ne peut ni ne doit nous empêcher de remplir. L'expression naive des sentiments commandés par la nature ne peut être désapprouvée par personne, et lorsqu'on se borne à cette unique expression, j'ose croire que bien loin de nuire, elle doit, au contraire, tourner toute entière à l'avantage de celui qui en fait usage. Pourrait-on vous faire un crime d'oser dire à l'homme qui a fait pour vous les plus grands sacrifices, dont les principes et le désintéressement vous sont si bien connus, que vous êtes reconnaissant, que vous l'aimez toujours, que vous ne l'oublierez jamais. Vous lui deviez cette douce et unique consolation et vous ne la lui avez point encore donnée; vous savez, combien il a dû être sensible à votre silence, et vous vous êtes montré insensible à tout le chagrin qu'il en a ressenti et qui fait encore le plus grand tourment de sa vie. Je vous afflige, mon cher Otcher, mais comment puis-je vous écrire et me taire sur un objet aussi important pour vous? Pardonnez à cet élan d'une âme sensible et trop vivement affectée, je vous aime trop, mon bon ami, pour ne pas oser vous dire tout ce que je pense, tout ce que je sens. Ecrivez, écrivez, comme moi, tout ce que vous pensez,

tout ce que vous sentez, et vous trouverez alors mon excuse dans les propres sentiments que vous éprouverez.

J'ai envoyé votre billet à notre ami, j'envoie sa réponse à Mme Zag. Elle vous la communiquera, vous y verrez tout entier le cœur de ce respectable ami, ce cœur qui vous est si bien connu, ce cœur qui est toujours plein de vous. Aimez-le encore, osez-le lui dire et tout sera réparé.

Souffrez, mon bon ami, que je réponde dans votre lettre au billet du bon Voronikhin.

Vous m'avez fait un bien grand plaisir, mon cher Voronikhin, de me donner quelques marques de votre souvenir. Je n'en avais pas besoin pour vous continuer tout l'attachement que je vous ai voué, je n'en avais pas besoin non plus pour être assuré que vous ne m'aviez point oublié. Je connais trop bien votre cœur pour lui faire une pareille injure, mais je souffrais d'un silence auquel je ne m'attendais pas, j'en ignorais la cause, et il me mettait dans une gêne bien tourmentante. Vous m'avez enfin délivré de cette peine cruelle, et mon premier, mon unique soin est de vous en témoigner ma vive reconnaissance. Et moi aussi, mon bon ami, je conserve de précieux souvenirs, rendez les moi chers de plus en plus en me donnant de temps en temps l'assurance, qu'ils vous sont aussi précieux qu'à moi. Ce bonheur, ces plaisirs sont de tous les temps, de tous les lieux, ils sont indépendants de toutes les circonstances, ils sont le seul bien qu'on ne saurait ravir aux âmes honnêtes et sensibles. Adieu, mon cher Voronikhin, continuez d'être toujours vous-même et vous jouirez longtemps encore de ce bonheur, et vous en ferez jouir vos plus sincères amis. Adieu, je vous embrasse, comme je vous aime.

Je reviens à vous, mon cher Otcher, pour vous dire que je vous aime bien sincèrement et que les sentiments que vous m'avez inspirés n'auront d'autre terme que celui de mon existence. Vous sentez que je vous dis la vérité et vous ne lisez pas sans attendrissement les expressions d'un cœur aussi vrai qu'il est sensible.

Adressez-moi votre lettre à Strasbourg, rue Saint-Nicolas, № 8, et elle sera remise sûrement.

61.

Дарвилль Очеру.

A Douai, le 27 Vendemiaire, an IV *).

Mon cher Otcher!

Conservez-vous encore quelques souvenirs à l'amie de votre enfance? M. Olivier m'a écrit à son retour en France que ma lettre avait choqué les opinions qui gouvernaient alors votre pays. Il m'a mandé que sa femme devait me donner de vos nouvelles à son retour, mais je ne l'ai pas vue, toujours renfermée dans sa campagne en bonne fermière cultivant ses choux, tandis que je tremblais pour les jours de tout ce qui m'était cher. Enfin la paix nous rend au bonheur, le monde va devenir une grande famille d'amis, et je puis espérer de connaître le sort des amis, auxquels je conserverai toujours un tendre intérêt. D'abord vous dirai-je, combien j'ai de joie? Consolez les mânes de votre malheureux ami en lui découvrant son existence, s'il l'a conservée. Ceci est encore une énigme pour elle et pour moi. Son enfant vit, sa femme ignore de même son sort. L'enthousiasme de la liberté l'avait égaré, il était trop bon, trop estimable pour connaître les hommes et les juger. Dites, je vous prie, mon cher Paul, mille choses pour moi à votre père, à Madame votre mère, au comte Golovkin, s'il se souvient de moi, et comptez à jamais sur l'amitié que je vous ai vouée dès votre enfance. sénateur me charge de mille choses pour vous. Ma mère aujourd'hui **) Mornay mère de trois jolis enfants se rappelle à votre souvenir, ainsi que ma famille.

---

*) Le 18 Octobre 1796.
**) Не разобрано.

62 *).

Examinons ensemble votre caractère, vos goûts, vos sentiments, les progrès que vous avez faits dans vos études, vos défauts et les espérances que vous donnez pour l'avenir. Examinons les dispositions de votre santé et tout ce qui peut dans votre conduite journalière la fortifier ou l'affaiblir.

Constitution physique.

S'il ne s'agissait ici que de votre santé, on pourrait dire qu'elle est parfaite; le sommeil et la digestion se font bien, mais si vous vous examinez relativement à vos dispositions à résister aux grands froids ou aux grandes chaleurs, à faire des exercices longs et violents, vous devez avouer que vous faites beaucoup moins que vous ne devriez pour vous endurcir à toutes les intempéries et à toutes les fatigues. Vous avez quelquefois beaucoup de courage, mais c'est par élans, par boutades, votre zèle se ralentit aisément, même au milieu des bons exemples. Vous qui avez bravé sans peine les froids de 20°, vous vous plaignez du froid lorsque le thermomètre montre 11° de chaleur. Vous demandez de fermer les fenêtres de votre chambre à ce même degré — tandis que de vous-même et par le seul désir de vous faire au climat de votre patrie, vous avez voulu faire une promenade par 14° de froid, sans pelisse et en simple chapeau. Il y a peu de jours où la crainte du froid vous a fait prendre des précautions pour vous en garantir dans le choix de vos habits, ou dans l'appartement que vous habitez, d'autant plus déplacées, que dans le même temps des personnes affaiblies par l'âge et délicates par santé loin de se plaindre de la température la trouvaient agréable. Si vous êtes occupé à quelque exercice qui soit bien de votre goût, à peine vous

---

*) Письмо это найдено нами въ архивѣ покойнаго Н. Куриса. На немъ помѣтка чужой руки: Notes de Romme. Examen du caractère, des goûts et des dispositions du jeune comte de Stroganoff.

apercevez-vous de la rigueur du temps. A quelques égards votre délicatesse est donc plus dans l'imagination que dans votre constitution physique. L'inertie a le diable inconvénient de nous laisser à toutes les impressions physiques extérieures et d'efféminer l'âme et de l'amortir tout-à-fait à la longue. L'inertie change tellement l'état des choses que par elle l'homme le plus robuste et doué d'une âme forte et hardie, deviendra faible de corps et poltron.

Comme à la longue les exercices du corps et l'occupation de l'esprit répétés régulièrement donnent à la longue de la vigueur au corps et de la légèreté et de l'adresse, et à l'esprit de l'énergie, de la force et de la facilité. Les bains froids vous ont fait du bien, mais vous avez montré une grande répugnance à les continuer. La natation est cependant extrêmement nécessaire et demande une hardiesse dans l'eau que vous n'avez pas. La tempérance et la sobriété sont des qualités bien essentielles; par elles on s'aguerrit contre la nécessité, on surmonte facilement les circonstances les plus critiques dans lesquelles tout homme peut se trouver. Elles modèrent les passions, adoucissent le caractère et donnent à la raison de la sagacité, de la constance et de la force. La sobriété peut être envisagée ou par rapport à la qualité des aliments ou par rapport à leur quantité. La nature fait éprouver des besoins plus ou moins vifs, suivant l'âge, la santé et le genre d'occupations auxquelles vous vous livrez. Un jeune homme bien constitué éprouve ces besoins dans toutes leurs forces; satisfaire son appétit est une grande jouissance pour lui, mais il ne doit pas aller au-delà, et doit le faire avec modération et en se conservant les mets les plus simples, les plus sains et les plus faciles à trouver partout. Pour ne pas s'écarter de cette règle, qu'on se représente un homme accoutumé à prendre son thé et son café, à se nourrir de mets choisis, délicatement préparés, et à boire des vins fins, des liqueurs. Qu'on mette en campagne cet homme voluptueux, quelle dépense, quelle suite nombreuse, quel équipage ne lui faut-il pas et quel retard, quelle lenteur sur sa marche! Avec ces goûts peut-il satisfaire sa curiosité dans les voyages? Tous les lieux lui

seront-ils accessibles? Il lui faut des chemins faciles et commodes, un temps beau et chaud, et tout ce qu'il ne pourra voir qu'en sacrifiant ses délices, il ne le verra pas. Vous êtes bien au-dessus d'un pareil homme. Vous savez vous contenter des aliments simples du paysan et les fatigues de voyage vous sont assez connues pour que votre curiosité ne soit pas irritée par des obstacles de ce genre. Mais vous avez besoin dans le repas et lorsque vous vous trouvez à une table délicatement servie, de quelques efforts pour combattre un penchant que vous avez quelquefois à changer le régime que vous avez suivi jusqu'à présent. Et les conseils éclairés vous deviennent encore nécessaires pour vous maintenir dans les principes de votre conduite. Vous avez besoin du savoir de l'arrêter et de la raison pour vous affermir et vous rendre inébranlable dans les tentations et contre les invitations pressantes de vos convives. C'est du caractère et de la fermeté qu'il vous faut dans de pareilles circonstances, et rien n'est plus capable de vous en donner que d'écouter les motifs qui ont dicté ce régime, et de vous bien persuader des avantages qu'il vous donne, d'écouter l'approbation de ceux qui vous donnent l'exemple d'une semblable sobriété et fermer les yeux sur des exemples contraires. Examiner, résoudre, rester ferme — voilà le principe qui dirige l'homme de bien dans sa conduite en général. Prendre une résolution sans examen — c'est de l'étourderie, rester inébranlable dans une opinion sans l'avoir examinée — c'est de l'entêtement, de l'opiniâtreté. Connaissez donc les perfections dont vous approchez le plus, afin de les atteindre tout-à-fait et de se rendre inattaquable au milieu des attaques des sens et du mauvais exemple. Les vêtements doivent être simples, propres et commodes, votre goût dans ce genre est bon, à quelques égards la simplicité vous plaît, mais vous ne recherchez pas encore assez la propreté; quant à la commodité, elle est relative à la façon des vêtements, et vous prenez facilement des plaintes pour un bas trop court, des culottes trop larges ou un habit qui vous paraîtra trop léger et non seulement vous ne combattez pas votre délicatesse à cet égard, mais vous n'avez jamais su exprimer tranquillement et de sang-froid ce que

vous désirez pour être mieux. De l'emportement et des pleurs sont les seuls signes extérieurs de votre mécontentement. Quoiqu'ils n'aient jamais réussi, vous auriez moins à souffrir et vous inquièteriez moins ceux qui vivent avec vous, si vous faisiez connaître avec plus de modération et gaîment même vos besoins, qu'il vaut toujours mieux indiquer clairement que de laisser deviner. Travaillez sur vous-même comme un artiste travaille dans son atelier; sans cesse il examine, il compare, approuve, rejette, efface, corrige, ajoute et conduit ainsi son ouvrage à la perfection dont il sera susceptible et se fait une route à la réputation, à la gloire et au contentement de lui-même. Telle est la marche de tout homme qui ne veut pas être inutile dans la société et compte pour beaucoup les avantages du mérite, des vertus et de l'instruction. Les qualités de l'âme et de la raison élèvent un homme au-dessus d'un autre, c'est par elles qu'on se rend supérieur ou médiocre, noble ou vil, humain ou dur, hardi et brave ou poltron, généreux ou avare; quant aux exercices, comme le cheval, l'escrime, la promenade, les courses, le fusil, la natation, là vous avez perdu à beaucoup d'égards et vous ne sentez pas ce qui vous manque. Un cheval vous parait lent ou vif, mal dressé, incommode, tandis qu'un bon cavalier saurait s'en rendre maître sans peine et sans bruit, et le trouverait supportable ou agréable. Vous criez, pestez, si le cheval ne devine pas ce que vous désirez de lui, et vous ne songez pas un seul instant que c'est vous-même qui le dirigez mal. L'escrime vous fatigue souvent, les courses vous ennuient parce qu'elles ne sont pas attrayantes pour vous. La natation est nulle à cause de votre répugnance pour l'eau. Le fusil vous est peu connu.

Pour juger de la vérité, comparez-vous avec d'autres. Vous pouvez soutenir une longue marche et vous le faites quelquefois, mais pour cela il faut que vous soyez occupé de quelque idée qui vous distrait. Sur votre délicatesse avez-vous la hardiesse de ceux qui entrent dans l'eau du premier abord, ne faut-il pas encore vous exciter?

Que devez-vous donc faire pour votre constitution physique? Plus d'exercices à cheval et à pied, nager et courir, sauter, porter,

vous exposer plus que vous ne le faites encore aux intempéries des saisons et fortifier à cet égard la bonne volonté que vous avez quelquefois; continuer la sobriété et la tempérance que vous avez pratiquées jusqu'à présent, y ajouter dans l'occasion, moins chercher à vous couvrir le jour ou la nuit, convaincu d'avoir précisé de votre coucher, de vous déshabiller, être moins lent à vous habiller et moins difficile dans votre chaussure.

Moral.

Entêté, jaloux, paresseux, égoïste insensible, cédant aux représentations raisonnées, s'irritant de la raillerie et du persiflage lorsqu'il en est l'objet, ne suivant un conseil ou ne se soumettant à une défense non motivés qu'autant qu'on est parvenu à lui inspirer une grande confiance; sensible aux récompenses, ne se doutant pas encore des procédés qui pour des êtres sensibles sont moins les liens d'amitié que les prérogatives, les jouissances; ignorant ce qu'on nomme générosité, libéralité, étant cependant étonné qu'on ne soit pas généreux pour lui; ayant un tact presque toujours sûr pour juger des personnes qui l'entourent dans ce qui peut avoir rapport à sa manière d'être, ne se livrant pas aisément à ceux qu'il ne connait pas assez, aussi quelquefois trop libre avec ceux qu'il voit souvent; écoutant avec docilité tout ce qu'on lui dit en tête-à-tête, mais se montrant revêche aux dépréciations publiques, surtout lorsque les témoins ne lui sont pas connus. Son amour-propre humilié s'exhale en mauvaise humeur — taquinerie, et c'est dans ces moments qu'il tâche d'exercer son esprit de domination. Il a beaucoup de sensation, plus d'idées justes que son âge le comporte, mais nul sentiment.

(Изъ архива покойнаго И. Ир. Курисъ).

VI.

ПЕРЕПИСКА

бар. Г. А. Строганова съ гр. П. А. Строгановымъ и Роммомъ.

Изъ Строгановскаго архива.

63.

Бар. Строгановъ гр. Строганову.

Bonjour, cher cousin, je vous écris de Riga et fort à la hâte, parce que je suis invité à diner chez Mr. Bekleschoff et qu'il est temps que je me prépare. Je vous félicite, mon cher ami, sur le grade que vous venez de recevoir; cela m'a fait beaucoup de plaisir parce que je crois que cela ne vous sera pas indifférent, c'est Backert qui est arrivé à ma rencontre qui m'a donné cette bonne nouvelle; mais il a été aussi le porteur de nouvelle bien affligeante pour moi et qui me tourmente beaucoup: la malheureuse maladie de maman a augmenté à un point inouï, elle ne peut plus souffrir personne que Lisinka. Jugez quel sera mon sort si elle m'éloigne d'elle et m'empêche de lui être utile comme je l'aurais désiré. Voilà, mon cher ami, dans quel état nous sommes; toutes les consolations que je croyais trouver à Pétersbourg près de maman sont évanouies. Ma pauvre sœur Narichkine n'ose plus se présenter chez maman; sa porte lui est toujours fermée, de sorte que maman n'est soignée que par de mauvaises femmes de chambre qui ne sont surveillées par personne et qui doivent rendre maman plus malheureuse. Dans 6 jours je saurai mieux ce qui se passe chez elle, et quel est son état. Je vous le manderai. Adieu, je vous embrasse de tout mon cœur, ainsi que M. Romme.

64.

Strasbourg, le 18 Juin.

Monsieur,

Je ne saurais vous exprimer tout le plaisir que je sentis le jour que je reçus la lettre de mon cher papa, par laquelle il m'annonça son consentement, ainsi que celui de mon oncle, à notre réunion. Elle me fait d'autant plus de plaisir, que cela me procurera l'occasion de vous témoigner de vive voix toute la reconnaissance que j'ai pour les bons avis que vous m'avez donnés jusqu'à présent. Soyez bien persuadé que je ferai tout mon possible pour les mettre à profit, ainsi que pour mériter votre amitié et votre confiance, dont je n'abuserai sûrement jamais. Pour ce qui regarde le modèle que vous m'offrez sous les yeux, je n'ai pas besoin de vous dire, qu'il a fait sur moi le plus grand effet. Je réfléchis déjà au moyen de le mettre en exécution et je sens que j'aurai beaucoup de peine, mais que ne ferait-on pas pour mériter votre amitié et vos soins! Ne doutez donc plus, M. Romme, de tout l'empressement que je mettrai à exécuter tous les conseils que vous m'avez donnés et de tous les soins que je prendrai à ce que vous ne vous repentiez jamais de nous avoir réunis.

Je suis avec un tendre attachement,

Monsieur,

Votre très humble et obéissant serviteur

G. Stroganoff.

65.

Je puis enfin, Monsieur Romme, vous annoncer mon arrivée et encore suis-je obligé de le faire à la hâte. Je vous ai promis de vous parler de l'état dans lequel je trouverai maman, je me trouve bien malheureux de n'avoir que de mauvaises nouvelles à vous apprendre.

Maman n'a plus ces crises que vous lui avez connues, elle n'est plus si agile, mais aussi est-elle continuellement malheureuse; il y a 4 ans qu'elle avait de bons moments où elle était contente de tout ce qui l'approchait et où elle pouvait trouver du plaisir à beaucoup de choses; actuellement tout a changé, il lui semble que tout ce qui l'approche, lui veut du mal, ce qui lui donne une méfiance qui nous rend tous fort malheureux. Je crains beaucoup ne pouvoir lui être d'aucun secours, car elle croit voir en moi un fils qui n'est arrivé que pour la rendre malheureuse, mais heureusement pour moi cette idée ne lui vient que lorsque je suis obligé de lui désobéir pour suivre les ordres de mes tuteurs, et je crois que je pourrai avec le temps me dispenser de faire toutes ces visites que l'on dit indispensables. Quand on connaîtra mon motif, l'on m'excusera de négliger ce devoir pour en remplir un autre qui est plus cher à mon cœur. Je vois bien rarement mon oncle, le comte Stroganoff, et c'est par ordre de maman; rien ne me fait plus de peine que cela, tout ce que je pourrais vous dire concernant les soins que mon oncle prend de moi, ne vous donnerait qu'une idée imparfaite des bontés dont il nous comble tous les jours, ma sœur et moi. Je suis obligé de vous quitter parce qu'il m'est venu du monde. Adieu, Monsieur Romme. Je vous embrasse de tout mon cœur, ne m'oubliez pas, je vous en prie, et donnez-moi toujours de vos conseils.

Je suis bien fâché de ne pouvoir écrire à Popo, ce sera pour la poste prochaine.

Je l'embrasse de tout mon cœur; sa sœur et son bon papa se portent parfaitement bien.

66.

Strasbourg, ce 25 Mai.

Je ne vous occuperai pas dans ma lettre des regrets que j'ai de vous quitter, vous devez vous en douter, si vous connaissez tout l'attachement que j'ai pour vous. La lettre que vous m'avez fait l'amitié de m'écrire

n'a pas peu contribué à l'augmenter, et je vois avec la plus grande satisfaction, que vous n'avez pas renoncé à me donner de bons conseils et que vous voulez encore vous occuper de moi. Ce qui me chagrine, c'est la crainte que vous paraissez marquer de ce que vos avis ne m'importunent; soyez persuadé, Monsieur Romme, que je les recevrai toujours avec le plus grand empressement et la plus vive reconnaissance, ils n'arriveront jamais trop tard et me trouveront toujours disposé à les mettre à profit, car je ferai en sorte que mon séjour à Pétersbourg et les personnes que j'y fréquenterai ne me détournent pas de la voie dans laquelle M. Demichel et vous avez toujours cherché à nous conduire, et que je sois par conséquent toujours digne de mériter l'intérêt que vous voulez bien prendre à moi. Après deux ans de séjour ensemble, je crois vous connaître assez pour me flatter que vous continuerez toujours à m'éclairer par votre correspondance; vous devez me connaître assez vous-même pour être persuadé que j'y mettrai le plus grand prix et que ceux qui m'ont dit la vérité ont toujours été mes amis.

Vous m'avez fait ouvrir les yeux sur la conduite que je voulais tenir avec mes parents à mon retour en Russie, il est certain qu'elle est contradictoire avec mes sentiments. En faisant toutes ces emplettes mon dessein était de leur faire plaisir, de chercher à les distraire par la vue de ces objets, mais je n'avais pas réfléchi que tout le monde ne saisirait pas mes intentions, et que les apparences étaient contre moi et même offensantes pour ceux à qui je destinais ces bijoux.

Je vous ai donc bien des obligations de m'avoir éclairé sur ma conduite. Je vois qu'avec les meilleurs intentions du monde on se trouve souvent blâmable. Mais j'ai une ressource que beaucoup de personnes n'ont pas et que j'ai le bonheur d'apprécier, c'est d'être guidé par de bons conseils que je tâcherai d'observer le plus rigoureusement possible pour en mériter toujours la continuation. Je voudrais, Monsieur Romme, que vous fussiez bien persuadé de ce que je vous dis, et vous ne me le prouverez qu'en continuant de me donner de vos nouvelles et des instructions que vous croirez m'être nécessaires. Je dési-

rerais beaucoup que mon cousin, qui me connaît peut-être mieux que vous, puisse vous persuader du prix que je mets à vos conseils.

Quant à ma correspondance, je me suis peut-être trop avancé en vous promettant de vous écrire régulièrement tous les 8 jours. A mon arrivée à Pétersbourg vous devez concevoir que les premières semaines je serai trop occupé de toute ma famille pour penser à autre chose; mais je puis vous promettre que ces premiers moments passés, il entrera dans mon plan de consacrer les heures nécessaires pour entretenir une correspondance de laquelle j'attends beaucoup de bien. Mon plan une fois fait, je vous le communiquerai, et s'il est convenable je ne m'en écarterai jamais. Je finis ici ma lettre en vous priant d'être bien persuadé du sincère attachement avec lequel je serai pour la vie.

Роммъ бар. Строганову.

67.

1787.

Mon cher baron, notre réunion n'est donc plus un désir éloigné, c'est un projet proposé en forme qui a reçu la sanction la plus complète par le consentement de Monsieur votre père et qui est résolu au gré de toutes les volontés pour le charmant mois d'octobre, qui sera le mois des vendanges et de la réunion des amis. Vous êtes et vous allez être plus étroitement aussi à Popo. Aux rapports (relations) de l'âge, à l'analogie des goûts, aux liens du sang vont se joindre ceux de l'amitié si, comme je l'espère, votre cœur est sain, et votre volonté bien décidée pour le bien, car il faut ces dispositions pour sentir le besoin d'un ami et apprécier tout ce qu'il vaut. L'amitié vraie qui embellit tout, qui fait goûter des plaisirs sans remords et les plus douces consolations dans les peines, l'amitié ne germe qu'avec l'amour du bien, elle affermit dans une bonne résolution, elle donne du courage et de la force pour surmonter les obstacles qui se présentent, elle

donne cette généreuse, mais trop rare inclination à nous occuper des plaisirs et des peines d'autrui plus que des nôtres propres. A mesure que vous avancez en âge, votre raison se fortifie et votre cœur s'ouvre sans doute à la sensibilité. Eh bien, mon cher baron, ce même sentiment qui vous porte à aider un malheureux, à compatir à sa misère, ce même sentiment vertueux est celui qui vous fait désirer un ami et qui vous rend digne d'en avoir un. Venez donc auprès de Popo nourrir et développer d'aussi belles dispositions; nous croirons avoir préparé le complément le plus important pour votre éducation, si en vous rapprochant nous avons déterminé entre vous deux une amitié vraie, solide et durable. Cette association (réunion) rendra plus vifs les sentiments qui vous attachent à vos parents, à votre patrie et vous fera sentir que vous ne vous en êtes éloignés que pour reparaître un jour parmi eux et en présence de vos supérieurs, plus dignes de la tendresse des uns et de l'attention des autres. Depuis que ce projet est arrêté, je sens que vous me devenez plus cher. Je voudrais m'entretenir avec vous avec confiance et sans réserve avec l'ami de Popo, comme je voudrais que vous me parlassiez de même sans contrainte, librement et avec franchise. Il fut un temps où la pétulance de votre âge eût été un obstacle aux bons effets que nous avons lieu d'attendre maintenant de votre association, mais j'augure si bien de votre raison et de l'intérêt que vous prenez à votre cousin que si sa vivacité ou sa légèreté, l'écartaient de l'ordre, vous nous aideriez à l'y ramener et à l'y maintenir par votre exemple. Vous êtes plus âgé que lui et vous avez un commencement d'expérience du monde qu'il n'a pas encore, mais que j'aime mieux qu'il prenne de vous que d'un autre, parce que je crois que vous vous conduirez avec lui avec circonspection et avec prudence.

Essayons de nous faire une idée des perfections qu'il est permis à l'homme d'atteindre. Voyons, quels sont les fruits d'une éducation soignée et le jugement que les bonnes têtes portent de lui. Représentez-vous un homme sain de corps, vigoureux et rompu à tous les exercices qui donnent de l'agilité, de la force et de l'adresse, comme l'équitation, la natation et l'escrime; il connaît la fatigue et ne la redoute pas, il

est simple dans ses habits, mais propre et ne veut être ni le premier, ni le dernier à suivre la mode; il tient fermement à un régime sain et facile à suivre partout; il a fait une étude fort courte et très aisée de la meilleure manière de se conserver en santé, moyen sûr d'éloigner les maladies et les médecins, en satisfaisant à ses besoins physiques, et sait mettre des bornes à l'empire de ses sens, parce que ce n'est pas là qu'il cherche ses plus douces jouissances; c'est dans sa constitution morale, dans la trempe de son âme et l'exercice de sa raison qu'il trouve l'essence de l'homme et la source de sa félicité. Aussi notre modèle a-t-il donné un soin particulier à étendre et perfectionner ses facultés intellectuelles, car pendant son éducation il écoutait les bons conseils qu'on lui donnait et sa volonté était toujours portée à faire ce qui lui semblait bon. Auprès de ses parents il est respectueux et tendre, il étudie leurs désirs et leurs besoins, et s'empresse à leur rendre les soins qu'il en a reçus; il connaît les devoirs d'un fils envers les auteurs de ses jours et croirait les mal remplir s'il ne faisait que ce qu'ils prescrivent. Avec ceux qui dépendent de lui il est affable, accessible, juste, modéré dans ses demandes, il aimerait mieux se priver d'un plaisir que de le devoir aux fatigues et aux veilles de qui que ce soit, aussi on le sert avec zèle et fidélité, on veille à ses intérêts et on étudie ses besoins; auprès de ses supérieurs il est respectueux, attentif, exact et empressé à remplir les ordres que prescrivent par leur bouche les lois, la justice, le bien public ou l'honneur national et il respecte la religion, en suit les pratiques par raison et avec intérêt; il n'est ni superstitieux, ni fanatique, souffre quand on en parle avec irrévérence et pour lui aime mieux qu'on Dieu (sic); il n'en parle qu'avec ses amis, il la regarde comme la source et le fondement de la vertu et des bonnes mœurs, qu'il distingue dans tous les états et auxquelles il rend hommage parce qu'il est convaincu que les bonnes mœurs peuvent seules établir l'union, la concorde, la confiance, sans lesquelles il n'y a point de bonheur parmi les hommes. Il aime sa patrie et la paix parce que sans la paix les arts, les sciences, le commerce languissent, les peuples souffrent et l'Etat perd de sa splendeur. Il est économe et modéré dans

ses désirs et dans ses besoins personnels, afin de pouvoir être plus généreux, plus aisé dans les circonstances où l'humanité, le bien public, la bienfaisance sollicitent ses largesses.

Dans la société il respecte les vieillards, les femmes et les gens en place. Comme la société est un composé de toutes sortes de caractères, qu'on y voit l'homme brillant et le cynique, le pédant et l'ignorant, l'homme impérieux et le bas flatteur, le bavard et l'homme taciturne, l'ambitieux et l'insouciant, sans choquer personne et sans cesser d'être modeste et réservé, notre modèle s'attache de préférence à ceux qui tiennent le milieu entre ces extrêmes vicieux et qui tâchent à leur imitation d'être ni trop recherchés ni dégoûtants dans leur extérieur; il n'est point ignorant et ne fait jamais parade de son savoir, il pense et agit en homme éclairé et sent bien que ce n'est pas à lui à parler de ce qu'il fait, et à donner des leçons à qui ne lui en demande pas. Notre modèle est indifférent à la flatterie, méprise les flatteurs et ne flatte personne; il n'est point taciturne par humeur ou par censure, mais par réserve et par modestie; s'il parle dans un cercle il n'attaque l'opinion de personne parce que l'on se rassemble non pour disputer comme au collège, mais pour se délasser des occupations du jour, pour lier commerce avec ceux qui en valent la peine, et peuvent l'instruire, écouter ceux qui y invitent par une élocution facile et une conversation intéressante; il ose quelquefois faire aussi des questions et donner ses réflexions, mais sans importance, ni prétention et dès qu'il a donné sa pensée, il évite soigneusement de la défendre avec chaleur; il aime quelquefois la société, mais il aime par dessus tout ses devoirs et ses amis, et leur subordonne tout le reste. Avec une conduite aussi soignée, il jouit d'une sérénité charmante; il a souvent une gaieté douce et aimable, parce qu'il est souvent content; il n'est pas étranger aux plaisirs de la société, il sait y mettre de l'intérêt, de la grâce et de la gaieté, mais il n'est ni follement enthousiaste, ni ne s'en éloigne avec une autorité pédantesque; il sait qu'à tout âge on est exposé à faire des fautes et à tomber dans l'erreur, c'est alors qu'il sent son insuffisance et a recours à un ami; il se livre

avidement à lui, lui ouvre son cœur, lui expose ses fautes, bien sûr d'être traité par lui non avec une coupable indulgence et une sévérité repoussante, mais avec justice, avec une vérité franche et des conseils bien réfléchis; il s'afflige des fautes de son ami, mais ne les passe pas sous silence, et il attaque ses faiblesses ou ses erreurs jusqu'à ce qu'il triomphe, mais il ne murmure pas. Oh! Que les jouissances se multiplient auprès d'un tel ami, et qu'avec lui on aime la vertu.

Après ce tableau je vous demanderai, si vous aimeriez à rencontrer dans la société de semblables hommes, voudriez-vous leur ressembler et en faire vos amis? Eh bien, mon cher baron, que ce tableau soit la mesure de votre conduite et que l'intérêt que vous prenez à votre cousin vous engage à examiner, de combien il est éloigné de cet heureux modèle. Venez, faites sur lui les observations que votre âge comporte, et dans une confidence amicale attaquez ce qui vous semblera mal et approuvez ce qui vous semblera bon. C'est la plus noble et la plus importante fonction d'un ami, ce doit être la vôtre. Notre ami Demichel nous aidera aussi de son zèle et de ses conseils, et sur quatre que nous allons être tous réunis pour l'agrément commun, si l'un de nous s'écarte par légèreté, par paresse ou par tout autre motif, les trois autres seront contre lui et tiendront la bonne cause.

Cette lettre est longue, je crains bien qu'elle ne vous ait amplement ennuyé, et cependant je désirerais que vous en fissiez le sujet de vos attentions, et que vous me fissiez part des réflexions qu'elle vous suggèrera, après l'avoir relue et en avoir conversé avec notre ami Demichel.

68.

13 Mai 1789.

Mes adieux, mon cher baron, seront de nouveaux conseils, les derniers peut-être que vous recevrez de moi. Je compte peu sur votre correspondance, contre laquelle il va s'élever plusieurs obstacles: je m'y attends, ainsi je ne saurais blâmer un silence que je ne croirai pas volontaire.

Un jeune homme, qui, après une longue absence rentre dans sa patrie, est exposé à tous les regards. Soit curiosité, soit jalousie, soit intérêt sincère, on l'observe dans ses démarches, on étudie ses discours, on scrute ses pensées les plus secrètes; l'œil perçant d'une sévère critique, pour qui le masque de l'hypocrisie la plus adroite est toujours transparent, plonge sur lui et tôt ou tard lui arrache son secret; il assure son triomphe, s'il ne trouve en lui que franchise et vérité, mais il le dénonce à la censure publique et le livre à la dérision et à la honte, s'il le surprend dans des dispositions équivoques; chacun dit son mot que l'opinion publique recueille, et il se forme un jugement rigoureux, mais exact, qui devient une des bases invariables des succès bons ou mauvais qui l'attendent dans sa carrière.

On va chercher en vous si les pays étrangers qu'on fréquente avec tant d'ardeur, si Paris que tout le monde veut voir et qu'on ne quitte qu'avec regret, sont vraiment des écoles pures, exclusives et infaillibles du vrai grand, du beau et du bon, ou s'ils ne sont pas plus sûrement un écueil contre les bonnes mœurs et contre l'amour de sa patrie sans lequel on ne porte dans la société que des sentiments flétris et stériles.

Chacun vous jugera à sa manière: la foule exigera de vous de l'amabilité, de la grâce dans le maintien, de la légèreté dans le propos, de l'insouciance dans toute occupation trop sérieuse, un sacrifice généreux de votre temps, de votre fortune, de votre repos, de votre réputation même, pour vous montrer le partisan zélé des délices de la société, des plaisirs stériles, mais bien séduisants que le bon ton y fait goûter. Le très petit nombre des hommes sensés vous jugera sur des principes plus austères et presque tous diamétralement opposés. Ils ne pensent pas que l'exercice de la raison soit un acte de roture, comme le vulgaire des grands.

Vous ne pourrez donc plaire à tous, et vous aurez à choisir entre l'accueil toujours gracieux de la multitude et l'estime simple et surtout sincère de quelques sages.

Plaire à tous n'appartient qu'à l'homme de génie qui commande à toutes les opinions, le fait adorer de quelques-uns, rechercher et respecter de tous; un aimable fourbe surprend aussi pour quelque temps des succès aussi étendus, par la souplesse de son caractère qui fait prendre les formes et les allures que demande chaque situation.

Si l'accueil de la multitude suffisait à votre ambition, votre éducation toucherait à sa fin, et l'on ne pourrait lui reprocher que d'avoir été trop raisonnable et probablement trop austère, mais si vous vous rangez sous le drapeau des honnêtes gens, zélés pour le bien, actifs et simples, vous n'avez point encore assez fait, votre carrière est seulement commencée.

On a droit d'exiger beaucoup de celui qui, pouvant s'entourer des meilleures ressources pour son éducation, s'est expatrié dans l'espoir de trouver mieux. On ne peut vous pardonner cette défiance pour votre patrie, qu'en montrant par le choix et l'étendue de votre instruction, mais surtout par la pureté de vos intentions et la solidité de vos principes, que vous ne vous êtes éloigné de la Russie que pour apprendre à la mieux servir.

En rentrant en Russie vous trouverez votre famille éplorée, une mère qui par sa situation doublement à plaindre, sollicite les plus grands égards; des tuteurs tristement occupés à mettre de l'ordre dans vos affaires et du calme dans les esprits; l'Impératrice ne dédaignant pas d'indiquer des mesures pour conserver plus sûrement vos intérêts; la partie saine du public prenant part à votre malheur dont vous sentirez peut-être bientôt toute l'étendue,—tout le monde attend de vous une gravité de principes, une modération de conduite bien nécessaire pour vous soutenir au milieu de tant de personnes.

Sera-ce au milieu de ce deuil général, sera-ce dans cette confusion de sentiments douloureux et de tristes intérêts, que vous étalerez les insipides colifichets dont vous êtes chargé? Attendez-vous que Madame votre mère porte avec quelque intérêt, des yeux encore remplis de larmes, sur des bijoux qui au lieu de soulager sa douleur, ne peuvent que l'aigrir, puisqu'ils sont le signe de la frivolité qui vous

a occupé, et de la manière injuste dont vous interprétez les sentiments? Est-ce un hommage digne d'elle, digne de vous, convenable aux circonstances? Son cœur ulcéré ne repoussera-t-il pas avec une juste indignation les brillantes bagatelles que vous voulez mêler aux crêpes funèbres dont elle est encore couverte? Cette inconséquence qui me parait si révoltante, fera-t-elle une impression moins vive sur les personnes dont l'accueil et l'estime vous sont nécessaires et aura-t-on tort de dire : on ne peut donc point quitter Paris sans payer un tribut à la mode et à la frivolité? Vous paraissez d'autant plus coupable, peut-être aux yeux mêmes de votre souveraine, que la circonstance qui vous rappela en Russie semblerait devoir vous pénétrer de sentiments plus graves.

Que vos parents, que vos concitoyens voient en vous une conduite régulière, de l'amour pour l'ordre, une sage économie dans vos dépenses, et vous pourrez aspirer au succès, au vrai bonheur, et on croira avoir reçu de vous un présent vraiment digne d'accueil.

Un des plus grands malheurs qui puissent arriver à un jeune homme, c'est d'être réduit à être seul le gardien de son innocence et de ses vertus; le malheur est bien plus grand, lorsque c'est de plein gré et par égarement de raison, qu'il prend la résolution de régner seul sur sa conduite, et qu'il repousse, comme importun, tout autre surveillant que sa propre conscience. Eh! cette conscience peut-elle se faire entendre au milieu des mouvements tumultueux de l'adolescence? N'est-elle pas souvent étouffée dans le trouble des désirs? Et qui veillera pour elle dans ces moments de délire et de faiblesse? Qui la remettra dans la bonne voie? Qui ranimera ses forces? La sensibilité, l'aimable sensibilité ne fut-elle pas placée dans le cœur de l'adolescence pour inviter l'amitié à venir s'asseoir auprès d'elle, partager ses plaisirs et ses peines et l'aider de ses soins dans les crises orageuses de la vie?

Mon cher baron, que votre cœur encore chancelant dans la route du bien se défie de ses propres forces, qu'il s'appuie d'une âme honnête, éclairée qui vous fasse jouir des bienfaits de la vertu, en vous

apprenant à la pratiquer. Ne fuyez point les conseils, ne les méprisez point et surtout ne vous faites pas une habitude de les écouter de sang-froid en conservant l'intention de n'en point faire usage: ce funeste courage est bien près de la perversité.

Je vous crois trop indulgent pour vous-même, et trop disposé à vous livrer à ceux qui savent flatter vos faiblesses; c'est un avis qui pourrait vous être utile s'il méritait votre attention, car il vous préserverait d'être trompé par ceux que l'intérêt appellera auprès de vous.

Je pourrais ajouter beaucoup à cette lettre, mais le temps ne me le permet pas; elle doit vous trouver à Strasbourg; elle serait peut-être inutile, si elle vous arrivait au-delà.

69.

Paris, ce 28 Juillet n. s. 1789.

Votre lettre m'a affligé, mon cher baron, parce que vous l'êtes vous-même. Les divisions qui règnent entre les personnes qui vous sont les plus chères, avec qui vous devez vivre en bon frère, en bon fils ou en bon ami, doivent vous pénétrer de la plus profonde douleur. A votre âge on ne peut guère se conduire de manière à conserver la confiance et l'attachement de tous, vous serez bientôt soupçonné de montrer plus d'inclination pour les uns que pour les autres, et vous vous trouverez, malgré vous, dans un des partis avec le chagrin de n'avoir pu concilier les esprits et d'être vous-même peut-être traité en coupable, après avoir montré des sentiments de paix, de douceur et d'attachement pour tous ceux à qui vous êtes lié par le sang, par l'amitié ou par la reconnaissance.

Pressé d'un côté par des personnes respectables de vous présenter dans la société avec tous les avantages qui accompagnent un jeune homme, flatté peut-être de l'accueil que vous y trouvez et des espérances qu'on présente à votre ambition pour la développer, et lui

donner cette impulsion qui caractérise l'homme de cour, vous auriez à combattre contre le nombre, contre l'exemple, et peut-être contre vous-même, si votre raison rendue quelques instants à elle-même, osait concevoir la résolution de résister à tant d'attraits.

Invité d'une autre part à vous fixer auprès de celle qui vous donna le jour, qui vous témoigna toujours la tendresse la plus constante et la plus vive, qui, lasse du monde, fatiguée de toutes les turpitudes humaines, montre un amour sincère du bien, estime tous ceux qu'elle croit vertueux, ose montrer son indignation et son mépris pour tous ceux que son cœur vertueux condamne, qui joint à des sentiments aussi respectables, même dans les erreurs qui pourraient en être la suite par ignorance ou par méprise, la douleur profonde de se croire abandonnée de quelques-uns, ou de n'avoir pu soumettre à ces principes sévères des personnes qui la touchent de près, — votre cœur est ulcéré, oppressé, déchiré de voir votre mère, l'objet de tous vos vœux, en proie à toutes les horreurs du soupçon et malheureuse de ses propres vertus.

Si au milieu de ce combat d'ambition et de piété filiale, de respect pour quelques personnes et de tendresse pour votre mère, entre l'attrait de la Cour et le charme de la retraite, entre la dissipation de la société et l'utilité de l'étude qui vous convient encore, si vous montrez de l'indécision, elle est naturelle et fait votre éloge. Mais vous ne combattrez pas longtemps, votre cœur et votre raison doivent triompher de tout ce qui s'oppose à des sentiments vrais qui vous sont naturels, qui ont fait jusqu'ici votre bonheur et le calme de votre conscience.

Votre âge vous fait encore un devoir de vous occuper dans la retraite à vous instruire et ce devoir s'allie parfaitement avec celui que vous prescrit votre piété filiale. L'humanité toute seule vous ferait un devoir de procurer quelques consolations, de semer quelques fleurs sur les pas d'une personne malheureuse et estimable, et tous les sentiments de bonté, de tendresse, de sensibilité et de vénération n'auraient pas sur vous autant d'empire que l'humanité toute seule? Je ne peux le croire.

Je tranche le mot, vous êtes à vous-même et à votre mère tant qu'elle vous maintiendra dans la route du bien, avant d'être à la société qui ne vous offrira que des plaisirs, à votre patrie à qui vous ne sauriez encore être utile. Exercez-vous dans la retraite, fortifiez votre raison par l'étude et votre cœur par la pratique des vertus; l'estime publique, comme l'estime particulière, est une conquête qu'on ne fait pas sans efforts, qu'on ne fait pas dans le tourbillon du monde, qu'on ne fait pas pour le grelot étourdissant de l'ambition. Il faut combattre constamment contre son ignorance, ses préjugés, ses faiblesses, et lorsqu'on est maître de soi, on est maître de toutes les tentations qui nous entourent, le cœur est calme et la raison assez forte pour fournir à la carrière de l'honneur et de la vertu et servir dignement sa patrie.

Si vous n'avez pas encore la jouissance de vous-même, vous êtes dans le cas d'un fruit non-mûr qu'il faut bien se garder de détacher de la branche qui le porte; ce n'est que là, dans le silence des campagnes, que le soleil fait tomber sur lui une influence bénigne et féconde; la main perfide qui le cueillerait avant sa maturité et le servirait sur une table somptueuse, arrêterait son développement et le flétrirait avant même qu'il fût présentable.

Vous m'avez demandé des conseils, je vous en donne, ceux-ci n'auront pas beaucoup d'approbateurs, mais je ne peux sortir de mon sac que ce qui s'y trouve. Le plan que je vous propose ne doit point vous exclure absolument de la société, vous la fréquenterez de temps en temps, comme délassement, comme devoir, si vous voulez, mais vous ne devez aucune démarche à la manie des avancements, c'est dans votre bonne conduite et non dans les antichambres que doivent être vos titres au succès. Estimez-vous vous-même et l'on vous estimera.

VII.

ПЕРЕПИСКА

гр. П. А. Строганова съ своимъ отцомъ гр. А. С. Строгановымъ.

Изъ Марьинскаго архива кн. Голицына.

Гр. П. А. Строгановъ гр. А. С. Строганову.

70.

Милостивый государь
и почтенный родитель мой,

Я очень жалѣю, что на этой недѣлѣ отъ васъ письма не получилъ.

Мы имѣемъ собраніе писемъ Петра Великаго къ гр. Апраксину *), иныя изъ нихъ очень хороши; въ одномъ нашли, что онъ употреблялъ каторжниковъ на сраженіяхъ, вмѣсто солдатъ, и становилъ ихъ обыкновенно на первомъ ряду. Во всѣхъ сихъ письмахъ видно, что онъ весьма учтиво ко всѣмъ писалъ. Мы тоже читаемъ по вечерамъ переводъ анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, которые уже совсѣмъ переведены на русскій языкъ Матвѣемъ Семеновичемъ **) и дѣтьми его. Оное чтеніе мнѣ весьма нравится. Мы на прошедшихъ дняхъ обѣдали въ первый разъ у Ивана Степановича Кохіуса ***), здѣшняго оберъ-коменданта, и тамъ видѣли трехъ братьевъ Ланскихъ. Сегодня тоже видѣли госпожу Rogers.

Мы всѣ, слава Богу, здоровы, вамъ то же самое желаемъ, и у васъ прошу благословенія.

Поклонитесь, пожалуйста, отъ меня сестрицѣ.

Милостивый государь и почтенный родитель,

вашъ покорный сынъ
Павелъ Строгановъ.

Февраля 15 дня
1786 г.
Кіевъ.

---

*) Ѳедоръ Матвѣевичъ, 1661—1728, первый генералъ-адмиралъ русскаго флота.

**) Бѣгичевъ.

***) Генералъ-поручикъ, оберъ-комендантъ въ Кіевѣ съ 1781 по 1788 г.

71.

Мы изъ Карасу-Базара ѣздили въ Судакъ, Ѳеодосію или Кефу, Керчь, Еникале и Арабатъ. Ѳеодосія былъ сперва превеликій городъ, числилось въ немъ до 20-ти тысячъ дворовъ, его называли маленькій Царь-градъ; а теперь видны только развалины. На стѣнахъ города, которыя сдѣланы генуэзцами и армянами, видно много надписей. Въ Керчи, кромѣ церкви, ничего нѣтъ достойнаго примѣчанія; она очень стара, и на починку оной употреблено много остатковъ древности. Въ Еникалѣ есть пучины, которыя безпрестанно выбрасываютъ воздухъ съ грязью. Мы собрали того воздуха и, испытавши, нашли, что онъ горючій; тамъ же есть нефтяной колодезь. Возвратясь въ Карасу-Базаръ, ѣздили смотрѣть яму, лежащую отъ него въ 23-хъ верстахъ, въ которой лѣтомъ и зимою содержится ледъ. Въ той ямѣ есть прекрасные сталактиты, ледяные и каменные, кои подобны чердынскимъ; изъ нихъ мы взяли. Въ той же ямѣ есть двѣ неизмѣрныя пропасти.

Мы здѣсь проводили Свѣтлое Воскресеніе, но не такъ весело, какъ было съ вами, угощать всѣхъ домашнихъ; но я чаю, что скоро увидимся.

Покорно прошу поклониться отъ меня сестрицѣ; тоже прошу засвидѣтельствовать матушкѣ мое почтеніе.

Апрѣля 13 дня
1786 года.
Симферополь или Ахтъ-Мечеть.

72.

Мы наняли здѣсь покои въ одной сторонѣ, которая еще при васъ, я думаю, не была застроена, ибо все дома новые. Покои сіи очень красивы, веселы, и видъ изъ нихъ прекрасенъ; они состоятъ изъ пяти комнатъ, одной кухни съ принадлежностями. Мы будемъ вести маленькое хозяйство, которое очень пріятно будетъ; сіи покои

со всѣмъ уборомъ стоить намъ будутъ ежегодно сорокъ восемь луидоровъ. Мы здѣсь нашли одну кухарку, которую намъ хвалили, за восемь луидоровъ въ годъ. Мы недавно были въ Лозаннѣ съ намѣреніемъ видѣть князей Горчаковыхъ, знакомцевъ Матвѣя Семеновича Бѣгичева. Тамъ же были въ соборной лютеранской церкви, гдѣ между прочимъ мы видѣли надгробный камень княгини Орловой *), который Андрей **) срисовалъ. Возвращаясь въ Женеву, были у баронессы Арюфансъ, урожденной графини Головкиной ***), въ ея загородномъ домѣ. Она спрашивала о вашемъ здоровьѣ, и я ей отвѣчалъ, что уповательно вы здоровы, ибо въ такой отдаленности, по несчастію, не можно совершенно утвердить.

Октября 29 дня
1786 года
Женева.

73.

Мы были на женевскихъ бесѣдахъ, которыя бы очень веселы для меня были, если-бы я обвыкъ больше въ свѣтѣ. Окружности Женевы весьма прекрасны, и онѣ въ нашихъ ежедневныхъ гуляніяхъ подаютъ случай имѣть полезные и пріятные разговоры. Мы здѣсь видѣли господина Вернета, вашего бывшаго историческаго профессора, онъ насъ весьма ласково принялъ и много о васъ спрашивалъ; видно, что онъ васъ очень любитъ. Ему отъ роду восемьдесятъ девять лѣтъ; хотя по его старости онъ уже больше давать ученія не можетъ, но намъ позволилъ къ нему приходить разъ въ недѣлю, чтобы пользоваться его разговорами, и намъ далъ начальный порядокъ въ чтеніи исторіи. Онъ меня просилъ вамъ

---

*) Екатерина Николаевна, 1758—1781, рожд. Зиновьева. Письма ея къ брату помѣщены въ *Русскомъ Архивѣ* 1877 г., III, 113.

**) Воронихинъ, Андрей Никифоровичъ.

***) Амалія Александровна, жена швейцарскаго уроженца Местраль д'Арюфансъ (de Mestral d'Aruffens).

о немъ напомнить. Мы здѣсь будемъ ходить на химическіе и физическіе курсы три раза въ недѣлю. Мы уже много разъ были у господина Саразина, котораго бесѣду я очень люблю. У господина Поншара уже два раза были, и онъ о васъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ. Словомъ сказать, всѣ тѣ, которые были вамъ знакомы, васъ любятъ и почитаютъ.

Покорно прошу почтеніе мое засвидѣтельствовать дядюшкѣ, поцѣловать сестру и поклониться Павлу Павловичу отъ меня.

Честь имѣю васъ поздравить съ новымъ годомъ.

Ноября 29 дня.
1786 г.
Женева.

74.

Мы здѣсь видѣли господина Декаро, къ которому вы имѣли одобрительное письмо и сначала у него жили. Онъ съ нами много о васъ и о Россіи говорилъ. Еще не совсѣмъ позабылъ русскій языкъ, и очень пріятно было намъ найти здѣсь такого человѣка, съ кѣмъ можно было по-русски говорить; его разговоръ намъ очень пріятенъ. Чѣмъ мы больше ходимъ къ господину Вернету, тѣмъ больше нравится, ибо онъ показываетъ много учености въ своемъ разговорѣ, очень веселъ и такъ простъ въ своихъ поступкахъ, что весьма съ нимъ легко обходиться. Мы познакомились здѣсь съ господиномъ Сенбіе, здѣшняго города книгохранителемъ; онъ человѣкъ очень ученый и учтивый. Первый разъ когда мы у него были, хотя безъ всякаго одобрительнаго письма, онъ намъ тотчасъ представилъ книги городской библіотеки. Намъ показывали книги, вами подаренныя. Мы здѣсь начали ходить на одинъ химическій курсъ, и оная наука мнѣ очень нравится; здѣшній учитель весьма хорошъ и ясенъ. Я весьма радъ былъ, узнавши, что моя

сестра *) замужъ выходитъ, и желаю, чтобы оное замужество было благополучно. Я весьма жалѣю, что вы съ государыней не ѣдете.

Покорно прошу свидѣтельствовать дядюшкѣ **) мое почтеніе и поздравить съ зятемъ.

Здѣсь холодъ начался. Обитатели здѣшніе находятъ, что очень рано, а намъ кажется поздно.

Декабря 13 дня
1786 г.
Женева.

75.

Мы здѣсь видѣли господина Трембле, который недавно пріѣхалъ изъ Россіи и васъ тамъ видѣлъ. Онъ намъ много привѣтствій дѣлаетъ, насъ водилъ къ госпожѣ Крамеръ, рожденной Весло, которую знали въ ея младенчествѣ; вы, конечно, знаете, что ея отецъ былъ русскій, именемъ Весловскій ***). Она мнѣ говорила, чтобы весьма желала вас еще видѣть здѣсь, и мнѣ бы тоже хотѣлось, но я думаю, что этому надежды нѣтъ. Мы здѣсь недавно видѣли господина де-Соссюръ ****). Его разговоръ весьма ученъ; онъ имѣетъ великую и хорошую кунстъ-камеру, коей мы еще не видѣли.

Здѣсь третьяго дня былъ балъ публичный въ театрѣ, на подобіе парижскихъ оперныхъ баловъ, коего видъ очень хорошъ.

Января 24 дня
1787 г.
Женева.

---

*) Двоюродная—баронесса Екатерина Александровна Строганова, 1769—1844 гг., вышла въ 1787 г. замужъ за Ивана Александровича Нарышкина, 1761 — 1841 гг.

**) Баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ.

***) Веселовскій, Авраамъ Павловичъ, 1685 — 1768, внукъ барона Шафирова; адъютантъ Петра I во время Полтавской битвы; въ 1715 г.—посланникъ при дворѣ императора Карла VI; вслѣдствіе участія въ заговорѣ царевича Алексѣя бѣжалъ изъ Россіи и умеръ въ Женевѣ. См. Дневникъ Крамера въ *Русск. Стар.*, XLIV, 189.

****) Théodore de Saussure, 1767—1845, сынъ знаменитаго натуралиста.

76.

Я уже очень давно не получалъ никакого извѣстія отъ матушки и весьма о ней безпокоенъ; я бы весьма радъ былъ, ежели бы вы меня изъ онаго вывели; я васъ покорно прошу, чтобы въ будущемъ вашемъ письмѣ мнѣ о ней что-нибудь написали.

Мы здѣсь начали ходить въ одинъ астрономическій курсъ; сія наука очень пріятна, но и очень трудна; однако, мы до сихъ поръ, съ помощью господина Ромма, все превозмогли. Оный курсъ даетъ господинъ профессоръ Мале, тотъ самый, который былъ въ Россіи для наблюденія перехода Венеры надъ солнцемъ. Изо всѣхъ курсовъ, которымъ мы здѣсь слѣдуемъ, — физическій больше всѣхъ нравится, потомъ астрономическій, а наконецъ химическій.

Я сегодня здѣсь былъ на погребеніи госпожи Веселовской *), жены того, который былъ въ Вѣнѣ посланникомъ при Петрѣ Первомъ.

Февраля 7 дня
1787 г.
Женева.

77.

Я очень былъ радъ, узнавъ, что Кинбурнъ не взятъ; мы здѣсь читали въ вѣдомостяхъ, будто-бы взятъ былъ, и будто-бы весь гарнизонъ русскій, въ немъ находящійся, былъ побитъ на̀-голову, а генералъ Суворовъ умерщвленъ отвореніемъ жилъ. Я прошу Бога каждый день, чтобы сія война поскорѣе кончилась и къ нашей славѣ.

Мы здѣсь имѣемъ весьма хорошую погоду и очень теплую, такъ что нельзя подумать, что мы теперь уже въ декабрѣ.

Ноября 30 дня
1787 г.
Женева.

---

*) Маріанна, рожд. Фабри, дочь женевскаго синдика Петра Фабри, Seigneur de l'Aire la Ville.

78.

Я вамъ сдѣлаю просьбу, которая вѣрно вас удивитъ: я съ тѣхъ поръ, какъ услышалъ, что война съ турками началась, чрезвычайно желаю ѣхать въ Россію, дабы мнѣ соединиться съ полкомъ, и васъ покорно прошу мнѣ оное дозволить. Во Франціи одинъ 12-лѣтній юноша былъ удостоенъ ордена святого Людовика, а мнѣ уже скоро будетъ 16 лѣтъ *). Война въ моемъ отечествѣ, а я не ѣду служить въ моемъ мѣстѣ; мнѣ стыдно здѣсь мундиръ носить. Всѣ меня спрашиваютъ, ежели я не долженъ ѣхать на войну, и всѣ удивляются, когда я отвѣчаю — нѣтъ. Нѣсколько изъ нашихъ молодыхъ, какъ-то графъ Шуваловъ и братъ мой Александръ Сергѣевичъ **), поѣхали въ армію, они почти не старше меня, а особливо братъ мой, объ которомъ, ежели помните, говорили, что ему быть камеръ-юнкеромъ, а мнѣ военнымъ; но онъ поѣхалъ въ армію, а я здѣсь остаюсь, что меня оскорбляетъ. Ежели вы будете согласны на мое желаніе, то я васъ прошу купить 3 или 4 лошади; я бы желалъ, чтобы онѣ не были очень стары, къ огню привычны, а особливо, чтобы онѣ были не крѣпки въ головѣ и послушны. Когда мы были въ Украйнѣ, у графа Петра Александровича Румянцева, то онъ обѣщалъ взять меня адъютантомъ; ежели-бы я смѣлъ чаять это, я бы весьма былъ счастливъ. Я васъ покорно прошу разсмотрѣть просьбу, которую я вамъ дѣлаю, не такъ, какъ шутку. Вы не можете вообразить, какую радость вы мнѣ учините, позволивши ѣхать.

Февраля 23 дня
Марта 5 дня
1788 г.
Женева.

---

*) Неложное свидѣтельство, что гр. П. А. Строгановъ родился въ 1772 г., если въ 1788 г. ему было 16 лѣтъ.

**) Сынъ барона Сергѣя Николаевича Строганова, † 1815 г. (см. родословную).

79.

Я весьма сожалѣю о смерти дядюшки; это великая потеря для всей его фамиліи, а наиболѣе для братца *) весьма несчастливо, что ему должно оставить свои ученія въ такое время, въ которое они ему большую-бъ пользу могли принести. Я чувствую, что сія потеря должна и васъ весьма оскорблять, а особливо нечаянностью, ибо дядюшка померъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ обыкновенно человѣкъ бываетъ крѣпче. Но надобно думать, что сіе къ лучшему сдѣлано, ибо Богъ ничего не дѣлаетъ, которое бы не было весьма хорошо, въ Коего вѣра тѣмъ весьма утѣшительна, что, ежели съ одной стороны мы оскорблены чѣмъ-нибудь, можемъ съ другой насъ утѣшать тѣмъ, что противное тому хуже-бъ было. Мы здѣсь видѣли господина de Saussure, который меня просилъ вамъ свое почтеніе объявить.

Марта 31 дня
Апрѣля 11 дня
1789 г.
Парижъ.

80.

Мы теперь у графини d'Harville, съ пять дней тому назадъ; мы позволились быть такъ долго раздѣлены отъ нашихъ мастеровъ, потому что, какъ мы были долго отдалены отъ графини, желали ее видѣть. Я получилъ около восьми дней тому назадъ портретъ очаковскаго паши и письмо, которое вы мнѣ сдѣлали честь написать, къ чему я вамъ весьма благодаренъ. Я буду дѣлать все, что въ моей возможности будетъ, чтобы продолжать быть достойнымъ вашей ко мнѣ любви и вашихъ милостей. Мы иногда

*) Двоюроднаго—баронъ, позже графъ, Григорій Александровичъ Строгановъ (см. выше, стр. 62).

ходимъ въ Парижѣ къ тетушкѣ, княгинѣ Шаховской; послѣдній разъ, что мы у нея были, она была больна *). Братъ поѣхалъ апрѣля 30-го дня; мнѣ было весьма жалко отъ него отставаться.

Мая 14 (25) дня
1789 г.
La Trousse.

81.

Я не упускаю случай, который мнѣ даетъ отъѣздъ въ Россію господина Lebeau, вамъ не писавши, и чрезъ что скажу, что мы получили отъ васъ нѣсколько дней тому назадъ одно письмо, писанное отъ 23-го сентября; оно оставалось по сіе время у нашего посланника.

Мы здѣсь имѣемъ весьма дождливое время, что заставляетъ опасаться великаго голода, который уже причинилъ во многихъ городахъ бунты. Теперь въ Парижѣ есть премножество войскъ собрано, чтобы отъ возмущеній удерживать народъ, который вездѣ ужасно бѣденъ.

Іюня 15 (26) дня
1789 г.
Парижъ.

82.

Мы еще никакихъ извѣстій ни отъ васъ, ни отъ братца не имѣемъ. Ежели вы не здоровы, то я удивляюсь, что братецъ ни о васъ, ни о себѣ не хочетъ увѣдомить насъ; онъ, мнѣ кажется, не можетъ имѣть столько дѣлъ, чтобъ ни слова написать не могъ. Покорно васъ прошу намъ писать, ежели вы можете, а въ противномъ же случаѣ покорно прошу сказать братцу, чтобъ онъ къ намъ писалъ.

---

*) О болѣзни княгини Варвары Александровны Шаховской, рожд. графини Строгановой, см. выше, стр. 232.

Вы, можетъ-быть, уже знаете о бывшемъ въ Парижѣ смятеніи и вы, можетъ-быть, неспокойны о насъ; но ничего не опасайтесь, ибо теперь все весьма мирно.

Іюля 9 дня v. st.
1789 г.
Парижъ.

83.

Мы получили нѣсколько дней тому назадъ письмо отъ васъ, и я весьма радъ видѣть, что вы здоровы.

Мы недавно ходили смотрѣть Бастилію, которая, какъ вы, вѣрно, знаете, была въ послѣднемъ возмущеніи парижцами приступомъ взята, и по взятіи оной было тѣми же парижцами рѣшено, чтобы ее сломать, что теперь и исполняютъ; всѣмъ позволено туда входить, когда работниковъ нѣтъ, то-есть ежедневно, послѣ семи часовъ вечера и по воскресеньямъ; мы видѣли тамъ нѣсколько тюремъ, снабженныхъ однимъ комелькомъ, стуломъ, столикомъ, одной постелью и однимъ судномъ въ той же самой комнатѣ; онѣ освѣщены однимъ окномъ сквозь стѣну, шести футовъ толщины, имѣющую три большія желѣзныя рѣшетки. Между прочимъ видѣли одну тюрьму, которая длины имѣетъ только, чтобъ одному человѣку лечь, и не имѣетъ болѣе трехъ футовъ ширины; въ уголку имѣетъ нужникъ и одинъ столикъ безъ стула и безъ постели, но въ одномъ мѣстѣ съ укрѣпленною въ стѣнѣ желѣзною цѣпью; сія маленькая комната очень темна; на стѣнахъ оной много очень написано, но я не могъ ничего разобрать по причинѣ темноты. Я вамъ не скажу ничего больше о Бастиліи, ибо мы вамъ сдѣлаемъ, можетъ-быть, скоро одну посылку, въ которой я вамъ много книжекъ пошлю о нынѣшнихъ дѣлахъ, гдѣ найдете объ оной подробнѣе описано.

Іюля 24 дня
Августа 4 дня
1789 г.
Парижъ.

84.

Мы недавно получили отъ васъ одно письмо чрезъ господина Хотинскаго *), чрезъ которое видѣвъ, что вы здоровы, я весьма радъ. Недавно мы видѣли здѣсь картины, которыя выставлены въ Луврѣ; онѣ мнѣ весьма хорошими показались, а особливо портретъ Роберта, который очень похожъ. Здѣсь жатва, хотя и была хороша, однакожь весьма трудно достать хлѣба, и не знаютъ, къ чему сіе приписать; говорятъ, что много вывозятъ для императора (хотя вывозъ весьма строго запрещенъ); я не знаю, какъ его дѣла съ турками идутъ; говорятъ, что онъ сдѣлалъ съ ними перемиріе на 8 лѣтъ; я бы весьма желалъ знать что-нибудь вѣрное о войнѣ, и такъ вы бы намъ сдѣлали великое удовольствіе, что-нибудь о ней написавши.

Сентября 9 (20) дня
1789 г.
Парижъ.

85.

Я получилъ нѣсколько дней тому назадъ одно письмо отъ матушки, чрезъ которое, видя, что она здорова, весьма радуюсь. Она также мнѣ пишетъ, что она намъ послала 24.000 ливровъ, чтобы выкупить бриліанты; мы уже, сдѣлавъ для того все, что нужно, ихъ выкупили.

Здѣсь все весьма тихо, хлѣбъ не рѣдокъ, какъ былъ прежде, и такъ народъ не бунтуется. Зима уже начинается, ибо есть нѣсколько времени, какъ по ночамъ мерзнетъ.

---

*) Николай Константиновичъ, 1727 — 1798, съ 1756 г. служилъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ; съ 1768 по 1784 г. — повѣренный въ дѣлахъ.

Покорно васъ прошу отправить въ Москву письмо, которое я при семъ присовокупляю для матушки.

Сентября 23 дня
Октября 4 дня
1789 г.
Парижъ.

86.

Мы получили нѣсколько дней тому назадъ одно письмо отъ васъ, въ которомъ вы намъ показываете о насъ безпокойство; но теперь Парижъ весьма спокоенъ; мѣры, которыя взялъ маркизъ de La Fayette *) для сего, не оставляютъ никакого страха для совершеннаго мира. Нынѣшніе мятежи меня ни подъ какимъ видомъ не удивляютъ, но, напротивъ, кажутся весьма натуральными, ибо французскій народъ перемѣняетъ свою constitution, что и причиняетъ великое множество недовольныхъ, которые думаютъ привести паки древнюю, чрезъ оные; они желаютъ внутренней войны, и есть многіе, кои боятся, чтобъ она не случилась, но я съ господиномъ Роммомъ думаю, что это совсѣмъ безъ основанія, по хорошимъ мѣрамъ, которыя противъ нея взяты.

Недавно, что было еще въ Парижѣ великое смятеніе, причиненное однимъ пиромъ, даннымъ королевскими лейбъ-гвардіями, въ которомъ они произносили въ присутствіи короля и королевы многія ругательства противъ l'Assemblée Nationale и народнаго банта, который есть синяго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, бросивъ его подъ ноги, и тѣмъ вооружили противъ себя около 15.000 человѣкъ изъ парижскаго гражданскаго войска, пришедшихъ въ Версалію подъ предводительствомъ маркиза de La Fayette. Сіи послѣдніе

---

*) Gilbert Motier, marquis de La Fayette, 1757—1834, былъ въ то время командующимъ національною гвардіей и защитилъ королевскую фамилію въ тяжелые для нея дни 5 и 6 октября 1789 г.

ихъ просьбами принудили короля со всею его фамиліею переѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ и пребываетъ въ Tuileries, охраняемъ гражданскимъ войскомъ, а не лейбъ-гвардіями; съ тѣхъ поръ все въ Парижѣ въ совершенномъ мирѣ. L'Assemblée Nationale также отнынѣ пребудетъ въ Парижѣ. Я вамъ совѣтую не тревожиться о насъ, ибо я увѣренъ, что нечего бояться.

Господинъ Роммъ не можетъ вамъ теперь писать, онъ приказалъ вамъ приписать свой поклонъ. Я при семъ прилагаю явочное письмо о посылкѣ, вамъ уже извѣстной.

Октября 4 (15) дня
1789 г.
Парижъ.

87.

Я здѣсь слышалъ, что былъ великій бунтъ въ Москвѣ, но что его скоро утишили; великое несчастіе бы было, чтобъ къ двумъ иностраннымъ войнамъ присовокупились еще внутренніе мятежи, но надобно чаять, что всѣ несчастія не совокупятся вдругъ оскорбить Россію. Я бы весьма желалъ, чтобъ новый годъ, въ который вошли, и съ коимъ я имѣю честь васъ поздравить, былъ не столь мятеженъ, какъ прошедшій, что предвѣщается по крайней мѣрѣ для здѣшней земли, ибо, хоть иногда и приключаются маленькіе мятежи, но тотчасъ и утихаютъ, и теперь не только въ Парижѣ, но и въ провинціяхъ все въ мирѣ.

Января 14 (25) дня
1790 г.
Парижъ.

88.

Здѣсь миръ отъ часу больше утверждается и теперь основанъ непоколебимымъ образомъ чрезъ поступокъ короля его пришествіемъ à l'Assemblée Nationale, отъ коихъ поръ весь Парижъ въ преве-

ликой радости; вездѣ поютъ молебны, даже и посреди площади Карусельской пѣли и присягаютъ всенародію, законамъ и королю, какъ мужчины, такъ и женщины. Въ рѣчи короля à l'Assemblée Nationale примѣтили особливо сіи слова: «Ce bon peuple qui m'est si cher, et dont on me dit que je suis aimé quand on veut me consoler de mes peines». Но вы все это подробнѣе увидите въ вѣдомостяхъ.

Я здѣсь слышалъ, что наша государыня больна, и, не знавши, ежели это правда, васъ покорно прошу не оставить меня въ незнаніи о семъ.

Января 28 дня
Февраля 8 дня
1790 г.
Парижъ.

89.

Мы получили вчера отъ васъ письмо, чрезъ которое вы насъ увѣдомляете, что господинъ Демишель выѣхалъ уже изъ Петербурга; мы, вѣрно, его увидимъ прежде 15-ти дней.

Я весьма радъ былъ увидѣть въ вашемъ письмѣ, что сказано ложно о смятеніи, въ Москвѣ бывшемъ; это-бы было великое несчастіе, ежели-бъ во время, когда мы имѣемъ двѣ войны на рукахъ, еще-бъ внутренній мятежъ случился. Говорятъ здѣсь, что теперь есть возмущеніе въ Польшѣ, и что поляки перемѣняютъ нѣкоторыя части ихъ constitution; а въ нѣмецкой землѣ смерть императора причиняетъ не мало шуму, и такъ почти вся Европа въ безпокойствѣ, а мы здѣсь въ превеликомъ мирѣ.

Марта 12 (23) дня
1790 г.
Парижъ.

90.

Гр. А. С. Строгановъ сыну.

Du 21 Septembre 1790.

Votre retour dans votre patrie étant dans ce moment-ci absolument nécessaire, mon cher fils, j'ai expédié pour cet effet votre cousin, Monsieur de Novosiltsof qui vous remettra la présente. Vous partirez sans tarder avec lui, il vous accompagnera, et, comme c'est un homme honnête, sage et prudent, je lui ai accordé toute ma confiance et je vous conjure, mon cher fils, de lui accorder toute la vôtre, de suivre ses conseils, il est mon ami, il sera assurément le vôtre. J'ai informé M. Romme des raisons qui me portent à faire la démarche que je fais; j'attends le moment de vous embrasser avec la plus vive impatience. Adieu, à Vienne vous aurez de mes nouvelles ultérieures.

Le 7 Juillet
1790.

Гр. П. А. Строгановъ отцу.

91.

Уже около трехъ мѣсяцевъ, какъ мы отъ васъ никакого извѣстія не получаемъ, для чего находимся въ великомъ безпокойствіи и васъ всепокорно просимъ изъ онаго вывести, къ намъ написавши.

Я читалъ здѣсь въ вѣдомостяхъ, что было въ Петербургѣ великое празднество на случай мира, заключеннаго со Швеціею, и всегда съ удовольствіемъ слушаю, что радуются для одного примиренія; я это больше люблю, нежели радованія, которыя иногда дѣлаютъ для одной побѣды, въ которой по большей части побѣждающій теряетъ столько-жь, сколько и побѣжденный. Я слышалъ также, что помирились съ турками, что весьма желательно. Мы получили недавно вторую часть Flora rossica.

92.

Сколь скоро, что господинъ Роммъ и я, бывъ въ Оверніи, узнали, что вы послали Николая Николаевича Новосильцова съ письмами для насъ, то мы и поѣхали на его встрѣчу въ Парижъ, гдѣ я получилъ ваше письмо и не безъ печали въ немъ читалъ, что мнѣ надобно разстаться съ господиномъ Роммомъ, послѣ двѣнадцатигодового сожитія; но сіе повелѣніе, сколь ни тягостно для меня, вы не должны сомнѣваться о моемъ повиновеніи и будьте увѣрены, что все пожертвую, когда надобно будетъ исполнить ваши повелѣнія.

Ежели я вамъ не писалъ изъ Парижа, это для того, что суеты очень скораго отъѣзда мнѣ не дали времени.

Мы пріѣхали сюда сего утра, въ добромъ здоровьи; наша коляска въ такомъ худомъ состояніи, что мы принуждены ее здѣсь оставить и другую купить. Мы думаемъ ѣхать отсюда въ Вѣну столь скоро, сколь намъ можно будетъ, и что можетъ случиться 4-го дня сего мѣсяца по старому штилю; я вамъ буду писать изъ Вѣны.

Покорно прошу извинить меня передъ сестрицею, я не имѣю времени ей писать; прошу васъ тоже благодарить Павла Павловича за письмо, которое онъ мнѣ прислалъ съ Николаемъ Николаевичемъ.

Декабря 1 (12) дня
1790 г.
Страсбургъ.

Гр. А. С. Строгановъ сыну.

93.

Du 31 Octobre 1794.

Vos lettres me parviennent très exactement, mes chers enfants, je suis bien aise de savoir que vous vous portez tous bien; quand m'annoncerez-vous votre retour?

Vous savez déjà sans doute le malheur, qui est arrivé à Valérien Zoubow. Après avoir emporté un avantage considérable sur les ennemis et les avoir chassés au-delà du Boug, il a eu la jambe emportée par un boulet; on a été obligé de lui faire l'amputation sur le champ de bataille, quoique d'après les dernières nouvelles, parties trois jours après cet accident, qui s'accordent toutes à dire, qu'il y a la plus grande espérance, qu'il n'en mourra point; quoiqu'on ne craigne point pour sa vie, cependant cela a inspiré une grande tristesse à la Cour; outre la Cour tout le monde le regrette à cause de son aménité et du désir, qu'il a toujours marqué d'obliger le plus de monde, qu'il a pu. On lui a envoyé le cordon de Saint-André, qui porte avec soi le titre de lieutenant-général. Le prince de Nassau a demandé et obtenu son congé, avec la continuation de tous ses appointements. Mes respects au prince et à la princesse; je ne manquerai pas d'être à l'affût de tous les courriers, qui viendront de l'armée, et s'il y a des lettres pour eux, je ne manquerai pas de les leur faire tenir.

Vous avez perdu, mon cher ami, un des plus beaux chevaux de votre attelage; il a été neuf jours malade, à ce qu'on m'a dit. Je vous avoue, que je ne suis pas trop content de votre Robert; on dit qu'il donne continuellement des médecines à vos chevaux, et cela pour qu'ils n'engraissent point; il vaudrait infiniment mieux leur faire faire plus souvent du mouvement. enfin, mon ami, vous ferez là-dessus ce que vous jugerez à propos. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon cœur et donne ma bénédiction à M. Alexandre.

94.

Du 14 Novembre 1794.

Je me suis acquitté de votre commission vis-à-vis du grand chambellan, mon cher fils. Il vous accorde une prolongation, mais moi, mon cher ami, moi qui vous suis d'une plus grande importance, quoique je ne sois pas un *grand* de la Cour, j'espère être un *grand*

dans votre cœur, je vous prie de ne pas tarder trop longtemps. La nouvelle officielle de la prise de Varsovie, qui doit venir par la voie du maréchal, et dont le général Islenief doit être le porteur, n'est point encore venue; on est fort inquiet sur ce qui peut retarder son arrivée, on s'attend pour ce temps-là à de grandes grâces. Dites-moi, mes bons amis, la dentition ne se fait-elle pas sentir à Alexandre? Ne me cachez pas, mes amis, ce qu'il en arrive, je veux tout savoir. Adieu, mon fils, adieu, Sophie, je vous embrasse bien tendrement tous trois.

95.

Du 25 Novembre 1794.

Enfin j'ai reçu hier avec la plus grande satisfaction votre lettre par laquelle vous m'annoncez les heureuses couches de Mme Apraxine; je leur en fais mes vivés félicitations, ainsi qu'à toute la famille. Quand recevrai-je l'agréable nouvelle de votre retour? J'ai reçu toutes vos lettres très exactement; par conséquent, je n'ai pas eu lieu de me plaindre de votre exactitude, aussi je ne m'en suis point plaint à Mme Olivier, je lui ai dit simplement, qu'il y avait quelques postes, que Sophie n'avait rien écrit dans vos lettres, j'étais inquiet sur sa santé, et ce fut alors, que je lui écrivis. Avant-hier, jour de ma fête, j'ai eu tout plein de monde chez moi, je n'avais invité cependant personne. Mes nièces, les Demidoff et les princesses Menchikoff, de même que les Novosiltzoff m'ont fait une surprise charmante par un petit spectacle sur un théâtre, dressé pendant que j'étais à la Cour, dans ma salle à manger par le bon et excellent André, qui se met en quatre toutes les fois qu'il peut me procurer quelque plaisir. Le spectacle a été terminé, au grand étonnement de tous les spectateurs, par un joli ballet donné par les petits — Sophie et le charmant Petinka. Adieu, mes bons amis, c'est assez bavarder avec vous sur une chose aussi peu intéressante. Il n'y a presque point eu d'avan-

cements hier, il n'y a eu que cinq lieutenant-généraux de faits, savoir: Schevitch, Boborikine, Knorring, Arbeneff et le prince Stcherbatoff, gouverneur de Vibourg; 7 généraux-majors et 14 brigadiers.

96.

Du 1 Décembre 1794.

J'espère, mes chers amis, que vous prendrez part à ce qui m'est arrivé hier, jour de St-André. Sa Majesté l'Impératrice, quoique malade, dans son lit, d'une fluxion, qui la fait beaucoup souffrir, a eu la bonté de me donner l'ordre de St-André et par conséquent aussi celui de St-Alexandre. Dans cette promotion, à laquelle je ne m'attendais pas du tout, j'ai eu pour compagnon M. l'amiral Siniavine. Je vous jure, que je ne m'attendais pas du tout à cela ce jour-là; cependant le soir j'ai déjà paru au bal en habit d'ordre; cela vous paraîtra singulier, le mot de l'énigme c'est que c'était l'habit du prince Repnine; la princesse me l'a envoyé, et il m'allait au mieux. Une chose, qui m'a bien touché, c'est le plaisir que ma promotion a fait à tout le monde, et les marques de satisfaction, qu'on m'en a données; qu'il est doux d'être aimé! Adieu, mes amis, j'ai bien du monde chez moi.

97.

Du 11 Décembre 1794.

Je profite, mon cher ami, du départ de M. Hack pour vous donner de mes nouvelles; elles sont bonnes, grâce au Ciel; à ma toux près, qui j'espère ne me quittera pas de si tôt, je me porte au mieux. Les nouvelles de la dentition d'Alexandre m'inquiètent un peu, je l'avoue; comment ferez-vous pour son voyage de retour? Jusqu'à présent, vous me marquez, ma chère Sophie, qu'il n'y a point de mauvais symptômes, j'espère qu'il n'y en aura point non plus par la suite. Mais cependant,

ce sont des circonstances où les enfants ont une santé plus chancelante; marquez-moi, je vous en conjure, toutes les précautions que vous prendrez pour son retour, et on n'en saurait trop prendre. J'ai prévenu vos désirs, mon cher fils, touchant André *), car c'étaient aussi les miens; il s'est déjà présenté à l'Académie, et j'espère, qu'un de ces jours, il y sera agrégé. M. Paul Potemkine est arrivé ici de Varsovie, il a apporté tous les détails sur la prise de cette capitale du jadis Royaume de Pologne; on dit que tous les volontaires sont recommandés. Le prince Bariatinsky est venu avec lui, on en dit beaucoup de bien, mais il n'a pas encore vu l'Impératrice, parce qu'elle ne sort point, cependant elle se porte de mieux en mieux. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse; quand vous verrai-je donc?

Mes compliments à toute la famille, remerciez-la de la part, qu'elle a bien voulu prendre à ma nouvelle décoration.

J'envoie huit livres de bon tabac à mon excellent ami M. de Pahlen. Borozdine bornant le cours de ses galanteries enfin, dans peu il se marie. Devinez à qui — je vous le donne en cent — à Mme la comtesse du Montay, celle dont le mari a été croqué à belles dents dans le commencement de la Révolution; ils mettront leurs deux riens ensemble, cela fera peut-être quelque chose.

98.

Du 22 Décembre. 1794.

Pardon, mes chers enfants, de ce que cette fois-ci j'ai tardé de vous écrire; je ne vous en dirai pas la raison, il suffit que vous sachiez, que ce n'est pas pour cause de maladie. Le prince Boris est venu me voir hier, il m'a apporté de bonnes nouvelles de vous et l'espérance de vous revoir bientôt; vous sentez bien, combien cela me fait plaisir. Mais en même temps une chose m'inquiète, — c'est l'état

*) Воронихинъ.

d'Alexandre; il m'a dit que le petit dans ce moment faisait des dents; quoique, suivant ce que vous m'avez écrit, il se porte avec cela assez bien, cela n'empêche pas, qu'il ne soit dans un état de souffrance; au nom de Dieu, prenez toutes les précautions imaginables. Sans doute vous l'auriez fait sans cela, mais il m'est pardonnable de vous en parler. Ah, si vous saviez, combien, tous les trois, vous m'êtes chers! Je vous serre tous contre mon cœur et vous donne ma bénédiction paternelle. L'affaire d'André est déjà terminée, et, à notre contentement mutuel, il a été agrégé à l'Académie; à votre arrivée je vous le présenterai en uniforme.

On s'attend au premier de Janvier à de grands avancements dans le militaire, le civil et à la Cour. Adieu, mes amis, mes compliments à la famille.

Конецъ перваго тома.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ.

Архивъ Г. С.—Архивъ Государственнаго Совѣта. 8 т., Спб., 1869.

Арх. кн. Воронц.—Архивъ князя Воронцова. 40 т., Москва, 1870.

Болотовъ—Жизнь и приключенія Андрея Б. 4 т., Спб., 1870.

Вигель—Записки Филиппа Филипповича В. 7 ч., Москва, 1891.

Czartoryski—Mémoires du prince Adam C. 2 v., Paris, 1887.

Державинъ—Полное собраніе сочиненій Г. Р. Д., изд. Грота. 9 т., Спб.

Долгоруковъ—Капище моего сердца, кн. Ив. Мих. Д. Москва, 1891.

Мартенсъ, Ѳ.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. 14 т., Спб., 1874.

Михайловскій-Данилевскій—Военная галлерея Зимняго дворца. Спб., 1849.

П. С. З.—Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Спб., 1839.

Пыпинъ, А.—Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб., 1900.

Robinet, C.—Dictionnaire de la Révolution et de l'Empire. 2 v., Paris, s. a.

Русскій Архивъ, издаваемый при Чертковской Библіотекѣ. Москва, 1863.

Русская Старина, ежемѣсячное историческое изданіе. Спб., 1870.

Сборникъ Русскаго Историческаго общества. Спб., 1867.

Середонинъ, С.—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Спб., 1902.

Taine, H.—Les origines de la France contemporaine. 4 v., Paris, 1876.

Шильдеръ, Н.—Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. 4 т., Спб., 1897.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гр. А. С. Строгановъ и гр. Е. П. Строганова, рожд. кн. Трубецкая.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспитаніе гр. П. А. Строганова. Жильберъ Роммъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эпоха реформъ. 1801—1805 гг.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

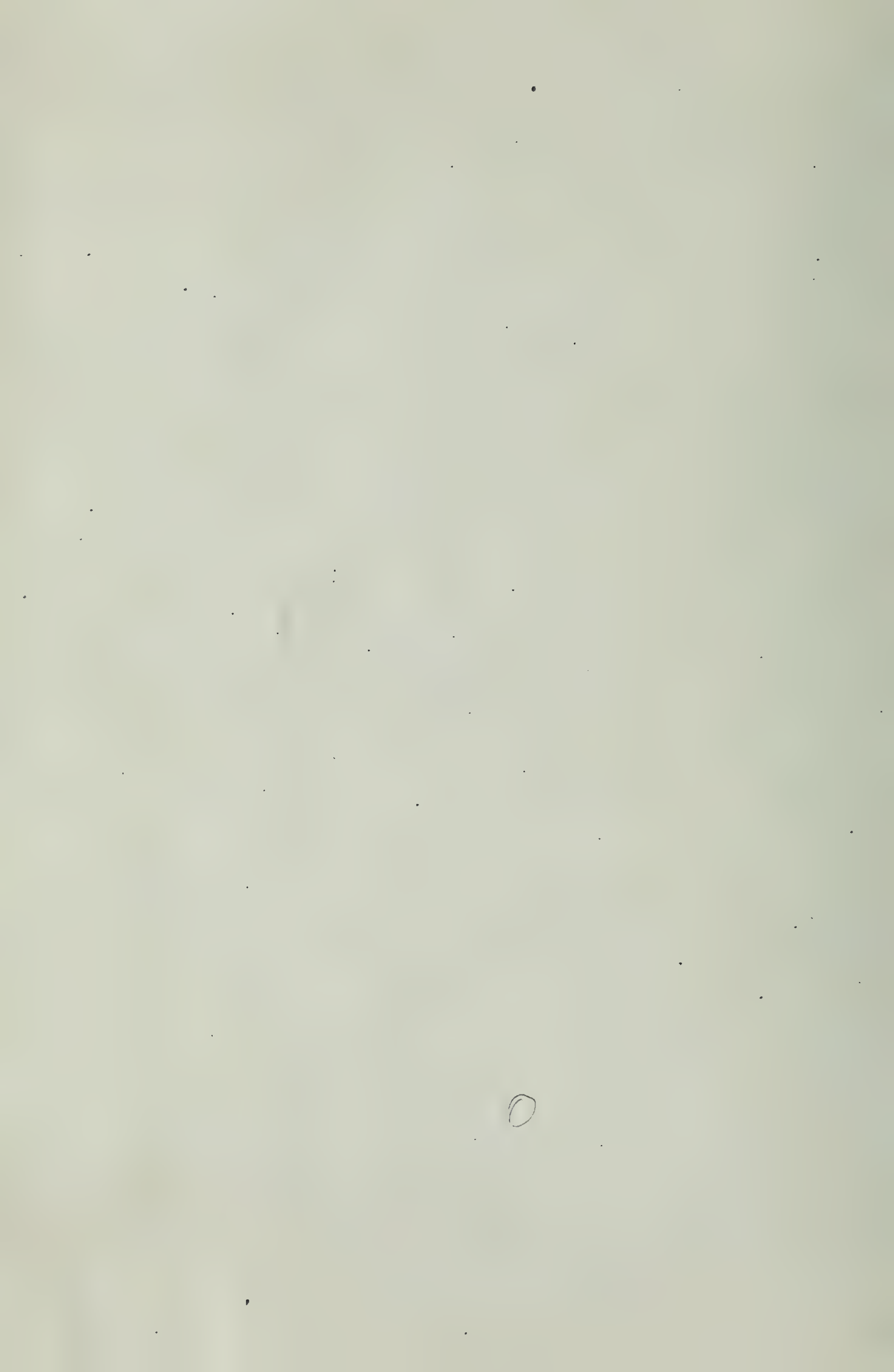
Лондонская миссія. 1806 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Военная дѣятельность. Кончина гр. П. А. Строганова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 18 08 011 8